месоамерика

источники

история

человек

СКАЗАНИЯ О СОЛНЦАХ

Мифы и исторические легенды науа

в переводах

С.А. КУПРИЕНКО

В.Н. ТАЛАХА

УДК 930+94(399.7)(093)+113/119+2-1+2-2+21+39+572+811.822 ISBN 978-617-7085-11-8

СКАЗАННЯ ПРО СОНЦЯ
Міфи та історичні легенди науа
(російською мовою)

За редакцією і в перекладі С. А. Купрієнка та В. М. Талаха

СКАЗАНИЯ О СОЛНЦАХ
Мифы и исторические легенды науа

Под редакцией и в переводе С. А. Куприенко и В. Н. Талаха

КИЇВ
ВИДАВЕЦЬ КУПРІЄНКО С. А.
2014

УДК 930+94(399.7)(093)+113/119+2-1+2-2+21+39+572+811.822
ББК Т3(7)213 + Т51(74)А + Ш3(741) + Ш177.16 + Э29(7) + Ю3
ГРНТИ 02.71 + 03.01.07 + 03.09.25 + 16.41.63 + 17.09.91 + 21.15.21

Самостійне детерміноване мережне електронне
Наукове видання

Редактори
канд. іст. наук С. А. Купрієнко
В. М. Талах

Переклад з іспанської мови
С. А. Купрієнко
В. М. Талах

Переклад з італійської мови
С. А. Купрієнко

Сказання про Сонця. Міфи та історичні легенди науа / ред. і пер. С. А. Купрієнко, В. М. Талах. — Київ : Видавець Купрієнко С. А., 2014. — 382 с. : іл. — (Месоамерика. Джерела. Історія. Людина).

ISBN 978-617-7085-11-8

Книга містить російські переклади ранніх записів міфів і легенд індіанців Центральної Мексики: «Легенди про Сонця» 1556 р., уривків з «Літопису Куаутітлана» 1563 р., «Загальної історії про події в Новій Іспанії» Б. де Саагуна (1547–75), «Повідомлень» Ф. де Альви Іштлільшочітля (бл. 1609 р.), «Індіанської монархії» Х. де Торкемади (1615). У наведених текстах викладені оригінальні уявлення народів науа, творців доколумбової цивілізації Центральної Мексики, про створення світу і людини, зміні світових епох, а також відомості про напівлегендарних тольтеків, що панували в Центральній Мексиці в VIII–XII ст.

Книга розрахована на студентів, аспірантів і викладачів історичних, філологічних та філософських факультетів, а також всіх тих , хто цікавиться доколумбовими цивілізаціями.

УДК 930+94(399.7)(093)+113/119+2-1+2-2+21+39+572+811.822
ББК Т3(7)213 + Т51(74)А + Ш3(741) + Ш177.16 + Э29(7) + Ю3

ISBN 978-617-7085-11-8

УДК 930+94(399.7)(093)+113/119+2-1+2-2+21+39+572+811.822
ББК Т3(7)213 + Т51(74)А + Ш3(741) + Ш177.16 + Э29(7) + Ю3
ГРНТИ 02.71 + 03.01.07 + 03.09.25 + 16.41.63 + 17.09.91 + 21.15.21

Самостоятельное детерминированное сетевое электронное
Научное издание

Редакторы
канд. ист. наук С. А. Куприенко
В. Н. Талах

Перевод с испанского языка
С. А. Куприенко
В. Н. Талах

Перевод с итальянского языка
С. А. Куприенко

Сказания о Солнцах. Мифы и исторические легенды науа / ред. и пер. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. — Киев : Издатель Куприенко С. А., 2014. — 382 с. : ил. — (Месоамерика. Источники. История. Человек).

ISBN 978-617-7085-11-8

Книга содержит русские переводы ранних записей мифов и легенд индейцев Центральной Мексики: «Легенды о Солнцах» 1556 г., отрывков из «Летописи Куаутитлана» 1563 г., «Всеобщей истории о событиях в Новой Испании» Б. де Саагуна (1547–75), «Сообщений» Ф. де Альвы Иштлильшочитля (ок. 1609 г.), «Индейской монархии» Х. де Торкемады (1615 г.). В приводимых текстах изложены оригинальные представления народов науа, создателей доколумбовой цивилизации Центральной Мексики, о сотворении мира и человека, смене мировых эпох, а также сведения о полулегендарных тольтеках, господствовавших в Центральной Мексике в VIII–XII вв.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей исторических, филологических и философских факультетов, а также всех тех, кто интересуется доколумбовыми цивилизациями.

УДК 930+94(399.7)(093)+113/119+2-1+2-2+21+39+572+811.822
ББК Т3(7)213 + Т51(74)А + Ш3(741) + Ш177.16 + Э29(7) + Ю3

ISBN 978-617-7085-11-8

Содержание

Список иллюстраций

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВВЕДЕНИЕ В МИФОЛОГИЮ НАУА

Куприенко С. А. Прошлое, память и миф в контексте цивилизационного анализа исторического процесса

Введение

Предлагаемая читателю статья не является всецело исследовательской, скорее она предназначена внедрить, применить и опробовать новую методологию исторической науки — системно-коммуникативную связность исторического процесса для отдельно взятой цивилизации. Следовательно, нам доведётся детально рассмотреть основные положения теорий, гипотез и методологий ряда ученых, что подразумевает более обширные заимствования из их работ, чем просто набор и беглый анализ цитат из них. Также нам понадобиться широкий диапазон выбранных для данной статьи понятий и терминов, причем абстрактного и теоретического характера. И здесь нам не обойтись без системной теории, которая должна показать всю сложность и комплексность проблем.

Недавно нам уже приходилось обращаться к вопросу цивилизационного анализа исторического процесса, однако это, во-первых, был лишь краткий набросок, а во-вторых, касался он проблем правового характера и их эволюционного развития[1].

В то же время, мифы и мифологическое сознание — это едва ли не лучший материал для проведения вышеуказанного анализа, поскольку мифы — относительно устойчивые образования, а срок их существования измеряется столетиями и даже тысячелетиями. При этом новый и универсальный методологический подход по установлению внутренней связности исторических фактов и системность исследований дают возможность открыть ранее неизвестные грани исторических проблем.

Мы должны понимать, что уровень развития доколумбовых обществ, в том числе на территории Мексики, находился на доиндустриальной ступени. А это, в свою очередь, определяло многие представления аборигенных народов и племен о ходе времени, об истории, а также предопределяло их сознание. Потенциальное однообразие и повторяемость историй, неразрывно связанных с природой, было естественным, а сама история не была высвобождена из природного плена. Собственно, не было в Месоамерике еще исключительно исторической науки, поскольку пиктографические тексты (дошедшие до нас или предполагаемые первоисточники) сочетали в себе много разных предметов (генеалогия, история правлений, астрология и

---

[1] Куприенко С. А. От редактора // Исторические аспекты современных проблем правоведения: сборник научных статей / Е. Л. Венгеровский [и др.]; отв. ред. С. А. Куприенко, ред. А. В. Коваль. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — С. 5.

т.п.)[2]. Тем самым можно говорить о том, что еще не наступило темпорализации истории, которая отличалась бы от хронологии, заложенной в природе[3]. Вопрос состоит в том, была ли доколумбовая история «хроникой сегодняшнего» или она занималась «историографией прошлого»? Как быстро менялся социальный мир Месоамерики, сильно ли менялся накопленный опыт? Какие основные изменения происходили в социальном строе, на что они опирались и к чему приводили? Можем ли мы найти в истории Мексики сведения о том, что ход индейской истории (в понимании этого самими индейцами) ускорялся? Если ускорение темпов течения истории не ощущалось, то было ли течение «постоянным» или «неизменным»? Существовала ли «история сама по себе»? Ведь только технический прогресс и его последствия обусловливают эмпирический субстрат «истории самой по себе»[4].

Продолжительные во времени структуры, в первую очередь, в случае их неосознанности, могут даже быть или могли бы быть действенными настолько, насколько они не растворились в эмпирично доказательном отдельном событии. Однако это можно узнать лишь гипотетически. Фиктивному характеру события, о котором рассказывается, на уровне структур отвечает гипотетический характер его «реальности». Тем не менее, такие познавательно-теоретические установки не могут помешать историку воспользоваться и фикцией, и гипотезами, чтобы вербально представить прошлую действительность, как что-то реальное[5].

Прошлое

Интерес к тому, что же такое «прошлое», не покидал людей с самых ранних стадий развития человечества. Однако нам следует остановиться на размышлениях Яна Ассмана, основательно поработавшего над трудами М. Хальбвакса, заявлявшего, что «реконструировать в любой момент наше прошлое нам позволяет речь и вся солидарная с нею система социальных конвенций»[6].

Итак, по Ассману, прошлое возникает в силу того, что к нему обращаются[7]. Прошлое создается в воспоминании[8]. И поэтому оно должно осознаваться как прошлое, а для этого необходимы два условия: 1) нельзя, чтобы оно исчезло полностью, должны иметься свидетельства; 2) эти свидетельства должны обладать характерным *отличием* от «сегодня»[9].

[2] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу : пер. з нім. / Райнгарт Козеллек. — К. : Дух і літера, 2005. — С. 65.
[3] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 66.
[4] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 139.
[5] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 158.
[6] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. — М.: Новое издательство, 2007. — С. 326.
[7] Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности /Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — С. 31.
[8] Ассман Я. Культурная память. — С. 32.
[9] Ассман Я. Культурная память. — С. 32.

Любой достаточно глубокий разрыв преемственности и традиции может повести к возникновении прошлого — в том случае, когда после такого разрыва предпринимается попытка начать сначала. Обновления, возрождения, реставрации всегда выступают в форме обращения к прошлому[10]. Здесь мы видим, что прошлое не существует само по себе, а оно «вплетено» в систему современной коммуникации, и требует того, чтобы к нему обращались. Но происходит это при определенных условиях. Так, исконнейшая форма, исходное переживание того разрыва между вчера и сегодня, который требует выбора между исчезновением и сохранением, есть смерть. Только с наступлением конца, радикальной невозможности продолжения, жизнь обретает форму прошлого, на котором может основываться помнящая культура[11]. Происходит акт оживления, которым мертвый обязан волевому решению группы не допустить его исчезновения (мертвый «продолжает жить» в памяти потомства), сохранить его силой воспоминания как члена общности, взять его с собой в шагающее дальше настоящее[12].

Для этих целей Ассман предлагает использовать понятие «фигуры воспоминания». «Фигуры воспоминания» — это комбинация понятий и данностей опыта. Они имеют три признака: а) отнесенность к конкретному времени и пространству, б) отнесенность к конкретной группе и в) воссоздание (воссоздающий характер) как специфического для них способа действия. При этом «всякая личность и всякий исторический факт при своем поступлении в память группы немедленно транспонируются в поучение, понятие, символ; они получают смысл, они становятся элементом идейной системы данного общества[13]. Например, годовой круг праздников отражает коллективно *пережитое время*[14]. Группа и пространство (вещный мир вокруг) создают символическое единство, которое группа сохраняет и, в случае разлуки со своим пространством, символически воспроизводя священные места[15]. Социальная группа оберегает свое прошлое с двух основных точек зрения: своеобразия и долговечности. Создавая свой собственный образ, она подчеркивает различия с внешним миром и, напротив, преуменьшает внутренние различия. Кроме того, она развивает «сознание своей идентичности, проносимой сквозь время», поэтому сохраняемые памятью факты обычно отбираются и выстраиваются так, чтобы подчеркнуть соответствия, сходство, преемственность. В тот момент, когда группа осознает, что произошла решительная перемена, она перестаёт существовать как группа и уступает место новой группе[16]. Воссоздающий характер коллективной памяти означает, что нет памяти, способной удержать прошлое как таковое; от прошлого остается только то, «что общество в ту

[10] Ассман Я. Культурная память. — С. 33.
[11] Ассман Я. Культурная память. — С. 34.
[12] Ассман Я. Культурная память. — С. 34.
[13] Ассман Я. Культурная память. — С. 39.
[14] Ассман Я. Культурная память. — С. 39.
[15] Ассман Я. Культурная память. — С. 40.
[16] Ассман Я. Культурная память. — С. 41.

или иную эпоху способно воссоздать в своих нынешних референциальных рамках», «не существует чистых фактов памяти»[17]. Память занимается воссозданием, прошлое не может сохраняться в ней как таковое. Оно постоянно реорганизуется сменяющимися контекстными рамками движущегося вперед настоящего. Коллективная память не только воссоздает прошлое, она также организует переживание настоящего и будущего[18].

Рисунок 1. Ла Вента. Алтарь 5.

Поскольку многие культуры прошлого были бесписьменными, то они сталкивались с такой проблемой устной истории, как утрата сведений о далеком прошлом. Это связано с тем, что историческое сознание работает только на двух уровнях: время истока и недавнее прошлое (80–100 лет). Это четко видно на примере генеалогий, когда самое недавнее прошлое и время истока непосредственно сталкиваются друг с другом в смене единственного поколения. И со сменой поколений эта граница между двумя уровнями (или регистрами прошлого) продвигается вперед, вследствие чего возникает явление, типичное для устной истории, получившее название «дрейфующая лакуна»[19]. Эти регистры соответствуют двум контекстам памяти, которые в

[17] Ассман Я. Культурная память. — С. 42.
[18] Ассман Я. Культурная память. — С. 40.
[19] Ассман Я. Культурная память. — С. 50–51.

существенных моментах различны между собой. По Ассману их можно назвать коммуникативной (недавнее прошлое, которое человек разделяет со своими современниками; память поколения с критическим порогом 40 лет, т.е. половины предельного значения в 80 лет) и культурной памятью (направлена на фиксированные моменты в прошлом, сжата в символические фигуры, к которым прикрепляется воспоминание)[20]. Культурному воспоминанию присуще нечто сакральное. Фигуры воспоминания имеют религиозный смысл, и воскрешение их в памяти часто происходит в форме праздника, обосновывая тем самым прошлое. Коллективным идентичностям свойственна торжественность, ритуальность, не-повседневность. Эта ритуальность сама по себе есть оформление. Она продолжается в оформлении воспоминания, которое откладывается в тексты, танцы, образы и обряды[21].

Здесь показателен альянс власти и памяти. Власть, несомненно, нуждается в происхождении. Это можно назвать ретроспективной стороной феномена, когда вожди «имеют» родословные в десятки поколений. Но существует и проспективная сторона, когда властители хотят, чтобы о них помнили, создавая себе памятники с помощью своих деяний, пытаются увековечить это в монументах или в гимнах, песнях, архивах[22].

Каково же значение прошлого в мифах? По Ассману миф — это сконденсированное до обосновывающей истории прошлое[23]. Но следует назвать и еще одну функцию мифа — «контрпрезентная». Она связана с ощущением недостатков настоящего и заклинает в воспоминании прошлое, которое обычно приобретает черты героической эпохи. Эти рассказы выявляют недостающее, утраченное, вытесненное и показывают пропасть между «некогда» и «сейчас». Настоящее релятивируется в сравнении с прошлым, обладавшим большим величием и красотой. Такой миф возникает в переходные эпохи[24]. Данные функции получили название мифомоторики, поскольку часто могут и пересекаться в одном мифе[25].

Пространство

Где созданы мифы, на каком языке? Где создано осмысление мифов, на каком языке? Ведь тексты мифов народов Мексики были пространственно обусловлены, связаны с определенным местом в пространстве, и в результате этого должны были зарождаться равноправные, хотя и разные тексты об одном и том же содержании[26]. Сам по себе мир социального — это вообще «немаркированное пространство», в котором все является контингентным, то есть, таким, что может быть и по-другому. И только если в нем появляется

[20] Ассман Я. Культурная память. — С. 52–54
[21] Ассман Я. Культурная память. — С. 55.
[22] Ассман Я. Культурная память. — С. 75.
[23] Ассман Я. Культурная память. — С. 82.
[24] Ассман Я. Культурная память. — С. 84.
[25] Ассман Я. Культурная память. — С. 84.
[26] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 195.

маркер — какая-то позиция наблюдения (например, со стороны индивида), тоже контингентная, — то горизонт возможного уже ограничивается в соответствии с интересами, желаниями, памяти данного наблюдателя. При появлении же дополнительно еще одной позиции наблюдения (еще одного комуниканта), а, затем, контингенции двух позиций, «настраивании» их друг на друга, создается простейшая социальная система, отмежевывающая себя от окружающего мира[27] .

Проблема пространства в самих мифах — одна из ключевых и далеко не решенных. Миф не дает простого ответа на то, как понимали пространство люди далекого прошлого. Этому есть ряд причин.

Во многих первобытных племенах пространство не воспринимается как однородная среда, но части его различаются по приписываемым им качествам мистического характера: та или иная область, то или иное направление находятся во власти такого-то духа, отождествляются с таким-то кланом племени[28]. Фактически это и рамки социальной жизни, исчерпывающиеся определенным пространственным континуумом племени. Выход за пределы реально используемого пространства возможен только в область мистического.

В то же время, мифопоэтическое пространство неопределенно и прерывно по самой своей сути, и именно поэтому ни один миф не претендует на универсальную концепцию мира. По этой же причине в мифах нет развернутой космогонии[29]. Не только боги могут возникнуть где и когда угодно, но и вообще любое событие непредсказуемо. Неизвестными в точности остаются и сами небо и земля, царство мертвых, их положение[30]. Частыми в мифах являются вводные временные элементы «сюжетной случайности»: слова «вдруг», «оказывается». А пространство — это простор, отсутствие ограничений, всевозможность и непредсказуемость[31]. Вообще время и пространство не существуют в мифе сами по себе, но связаны всегда с героем. Это пространство действия, поступка, события. Пространство создается действием героя, оно расширяется благодаря ему[32]. Часто пространство движется одновременно с героем, так сказать, само оно создается, преобразуется. Тем не менее, существуют всяческие связующие элементы: мосты, лестницы, деревья, веревки, придорожные камни, соединяющие или разделяющие различные миры[33].

---

[27] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу [монографія] / В.Г. Космина. — Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2011. — С. 101.

[28] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 134.

[29] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры). Научное издание [Текст]: монография / Д. П. Козолупенко. — М.: Канон+, 2005. — С. 74.

[30] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 75.

[31] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 81.

[32] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 84.

[33] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 85.

В свою очередь, четыре стороны света в мифах, вероятно, означают не четыре математические единицы, а бесконечное число возможностей[34]. А любое «соприкасание» чего-либо с чем-либо в мифе (пространственное или временное совпадение, или сходство, или принадлежность к тому же «классу» или «роду») приводит к тому, что перестает существовать нечто разнородное и разнообразное: оно приобретает субстанциональное единство сущности. Соединяемое *совпадает*[35].

В мифологическом сознании сказывается своеобразный «схематизм» пространства, благодаря которому оно способно сблизить самые разнородные вещи, сделав их тем самым сравнимыми и каким-то образом «сходными»[36]. Первое примитивное разделение бытия на классы и группы обнаруживается в круге тотемистических представлений, очень хорошо прослеживаемыми в упорядоченном пространстве[37]. Фактически, пространство мифа — это структурное пространство. А единство *действия* в мифологическом сознании предполагает в своей основе единство *сущности*[38].

Время

Входит ли миф в структуру исторического времени или природного времени? Или он находится вне этих структур? Ведь свои временные структуры существуют в повседневности, в политике и в социальных отношениях, которые и поныне не подвластны времени[39]. Но динамика событий выделялась народами Мексики. Однако, существовало ли понимание одновременности неодновременного?

Но у нас есть и временная относительность. Временная дистанция создает предпосылку выбора той или иной точки зрения. Это как аксиома: чем больше времени прошло от факта, события, явления (т.е. факта коммуникации), тем больше точек зрения на сам факт. Либо же точки зрения меняются чаще и больше благодаря новому опыту (новым коммуникациям). История чего-либо с течением времени всегда будет рассматриваться *иначе*.

В некоторых местах сказаний мешиков о тольтеках у нас есть прямые указания, что произошла ревизия и удаление исследований самих науа о своей истории. Фактически это означает, что победила одна точка зрения, и потому мы имеем дело с двойной неточностью факта коммуникации: нет возможности проверить противоположный (уничтоженный) вариант «на перекрестном допросе», и нет возможности проверить оставшийся вариант на достоверность. А сколько таких неточностей было до этой ревизии?

[34] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 97.

[35] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. Мифологическое мышление / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.-СПб.: Университетская книга, 2002. — С. 79.

[36] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 102.

[37] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 102.

[38] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 194.

[39] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 139.

Рисунок 2. Камень Солнца.

Мифическое же время — это, прежде всего, время становления, в то время как историческое время есть не что иное как дальнейшее существование ставшего[40]. Интериоризированное (вспомненное) прошлое выливается в рассказ и он всегда функционален, например, для обоснования преемственности. И прошлое не вспоминается «ради самого себя»[41]. Только *значимое* прошлое вспоминается, и только *вспомненное* прошлое становится значимым. Воспоминание есть акт семиотизации («осмысления»)[42].

Время в мифах относительное, не линейное и не последовательное: оно может замирать и превращаться безразмерную длительность (когда герой, например, спит), а может «скакать галопом» (когда герой действует, перемещается в пространстве)[43]. Время, связанное теснейшим образом с

[40] Ассман Я. Культурная память. — С. 79.
[41] Ассман Я. Культурная память. — С. 80.
[42] Ассман Я. Культурная память. — С. 81.
[43] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 96.

событием, проживается, а не считается: оно событийно и психологично, а вовсе не абстрактно-счетно[44].

В мифах герои никогда не погибают, они бессмертны по определению. Они могут лишь исчезнуть на время, чтобы потом снова вернуться[45]. Скорей всего можно говорить об обратимости героя в событие и наоборот, чтобы всегда оставалась «возможность продления»[46]. Время в мифе выглядит как внутренняя коммуникация героя с другими героями или же с действиями (напр., «встречи»). Т.е. длительность предстает как ряд «встреч» и связанных с ними событий[47]. Событие произошло — коммуникация состоялась и т.д.

Память

История развития коммуникативно почти единого индейского пространства насчитывает не одно тысячелетие. Соответственно, память индейских народов, ныне разговаривающих на испанском языке (иногда лишь частично) имела больший временной промежуток для своего накопления, чем память европейских народов. Но существует в испаноязычном мире одна из главных проблем памяти: «*встреча*» двух миров — «Старого» (европейского, католического, испанского) и «Нового» (индейского), то есть двух цивилизаций и множества культур. Эта «встреча», начавшаяся в 1492 году после «открытия» Х. Колумба, не была одномоментной, длилась не одно столетие и продолжает оказывать свое влияние на разные индейские народы и по сей день.

Исследователи признают, что большинство латиноамериканских обществ имеют «длинную» индивидуальную и коллективную историю репрессий и войн с большими потерями, а потому восстановление исторической памяти должно стремиться исправить социальное полотно, разорванное официальной ложью, утаивающим дискурсом и политическим цинизмом[48].

Высокой является потребность в определении категорий «*правда*» и «*ложь*», поскольку в политике латиноамериканских стран последняя даже институционализировалась в многочисленных конфликтах, а потому произошла политическая поляризация. В условиях жизни во время лжи люди начинают вести двойное существование, засекречивая одно из них[49]. Это характерно как для испаноязычных жителей, так и индейских, в зависимости от вида конфликта (межэтнического, политического). В свою очередь восстановление памяти требует такой жизни, в которой была бы *правда*. В

[44] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 101.
[45] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 102.
[46] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 104.
[47] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 101.
[48] Gaborit M. Memoria histórica: relato desde las víctimas / Mauricio Gaborit // Pensamiento psicológico. — 2006. — № 6. — P. 10.
[49] [49] Gaborit M. Memoria histórica: relato desde las víctimas / Mauricio Gaborit // Pensamiento psicológico. — 2006. — № 6. — P. 11.

Латинской Америке желание напомнить о жертвах постоянно сталкивается с искажением памяти, основанном на молчании[50,51].

К величайшему сожалению, основательных теоретических работ исключительно по проблемам памяти индейских народов Латинской Америки встречать не приходилось, по крайней мере, относительно самых больших этнических групп (кечуа, аймара, науа, майя, чибча и т.п.). Но следует сказать, что цивилизационное развитие больших индейских народов строилось как на письменной, так и на устной традиции. Майя и науа пользовались письменностью, а инки (кечуа, аймара, пукина) — мнемонической узелково-веревочной «письменностью» *кипу* (до сих пор не дешифрованной) и геометрическими знаками *токапу*. Основной проблемой исследования памяти индейцев является, прежде всего, анализ их устной истории, записанной, как правило, завоевателями-испанцами в XVI–XVII вв., что наложило отпечаток на достоверность сведений во время «встречи» двух миров: Старого и Нового. Также мы имеем известный «пробел» в историях, записанных с уст, когда информаторы смогли припомнить лишь те события, которые произошли за 2–3 поколения до них. Многочисленные источники по истории инков и ацтеков подтверждают это[52,53,54,55,56,57,58]. Но упоминания о далеких временах и давних государствах есть и среди одних и среди других. Показательной в таком случае является книга Пачакути Йамки Салькамайвы «*Доклад о древностях этого королевства Перу*» (нач. XVII в.), в которой автор пытается на основе свидетельств своих родственников реконструировать прошлое и вписать его в действительность, его окружавшую. Давнее прошлое инков и даже языческие божества обретают черты христианской религии, а деятельность инкских правителей приобретает европейский окраску[59]. Этот своеобразный синтез породил

[50] [50] Gaborit M. Memoria histórica: relato desde las víctimas / Mauricio Gaborit // Pensamiento psicológico. — 2006. — № 6. — P. 13.

[51] Pérez Serrano J. Experiencia histórica y construcción social de las memorias: la transición española a la democracia / Julio Pérez Serrano // Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea. — 2004. — № 3. — P. 118.

[52] Куприенко С. А. Источники XVI–XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма / ред. и пер. Сергей Анатольевич Куприенко. — К.: Видавець Купрієнко С.А., 2013. — 418 с.

[53] Пачакути Йамки Салькамайва Х. де С. К., Куприенко С. А. Доклад о древностях этого королевства Перу / Хуан де Санта Крус Пачакути Йамки Салькамайва; Сергей Анатольевич Куприенко; Кристобаль де Альборнос. — Киев: Видавець Купрієнко С. А., 2013.

[54] Куприенко С. А., Талах В. Н. Мексиканская рукопись 385 «Кодекс Теллериано-Ременсис» (с дополнениями из Кодекса Риос) / Ред. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. — К.: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 317 с.

[55] Куприенко С.А., Талах В.Н. Кодекс Мендоса / Ред. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. — К.: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 308 с.

[56] Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X–XI: Познания астеков в медицине и ботанике / Бернардино де Саагун, С. А. Куприенко. — Киев: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 218 с.

[57] Талах В. Н., Куприенко С. А. Америка первоначальная. Источники по истории майя, науа (астеков) и инков / Ред. и пер. В. Н. Талах, С. А. Куприенко. — Киев: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 370 с.

[58] Талах В. Н., Куприенко С. А. Кодекс Мальябекки / Ред. и пер. В. Н. Талах, С. А. Куприенко. — К.: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 202 с.

[59] Куприенко С. А. Перуанская книга особой важности / Сергей Анатольевич Куприенко // Пачакути Йамки Салькамайва Х. де С. К., Куприенко С. А. Доклад о древностях этого королевства Перу / Хуан де

многочисленные сомнения относительно подлинности многих положений доколумбовой истории Америки. То, что считалось длительное время сугубо индейским, можно трактовать как привнесенное христианством. В случае с Мексикой подобными сомнениями покрыта история о культурном герое Кецалькоатле.

Основным вопросом для современных народов науа является включение их исторического опыта, их далекого прошлого в свой собственный опыт. Воздание должного памяти о событиях, произошедших более 500 лет тому назад, теперь для индейцев — первостепенная задача. Оказание почестей героям, богам и государственным деятелям далекого прошлого стало необходимым условием для самоидентификации народов, которые продолжительное время находились в колониальной зависимости Испании и под гнетом господствующей испаноязычной среды. И вопросы памяти здесь могут играть ключевую роль для формирования новых наций.

Память и механизм ее функционирования с древнейших времен постоянно находились в эпицентре внимания ведущих мыслителей прошлого. В античные времена эта проблема активно исследовали Платон, Аристотель, Плотин, Алкмеон Кротонский, в средние века — Аврелий Августин, Фома Аквинский, в новое время — М. Монтень, Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Б. Спиноза, Д. Гартли, Д. Локк, Г. Лейбниц, Э. Кант, Г. В. Гегель, Д. Юм и другие. Впрочем, практически до XIX в. осмысление феномена памяти находилось в рамках наблюдений, догадок, соображений, гипотез, только приближаясь к серьезному научному анализу[60].

За период со второй половины XIX в. и до нашего времени, можно выделить несколько следующих концептуальных подходов социального характера в исследованиях проблем памяти (поскольку индивидуально-психологические не входят в сферу нашего исследования)[61].

Структурно-функциональный подход (Э. Дюркгейм, Г. Тард, М. Хальбвакс, М. Мосс, А. Варбург, Л. Флек, Б. Шацкая). Суть подхода: общество рассматривается как функциональная система, ключевым признаком/функцией которой является устойчивость, обеспечиваемая путем воспроизведения и поддержания равновесия взаимодействующих в системе элементов. В этой схеме коллективной памяти отводится роль стабилизирующего, интегрирующего и консолидирующего общественного инструмента. Пояснение действия механизма памяти: коллективная память/воспоминания формируются в процессе коммуникативных контактов/общения и детерминируются групповым контекстом. «Коллективные представления», присущие общественной памяти,

---

Санта Крус Пачакути Йамки Салькамайва; Сергей Анатольевич Куприенко; Кристобаль де Альборнос. — Киев: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — С. 6–16.

[60] Бойко О. Феномен соціальної пам’яті: основні концептуальні підходи до аналізу та інтерпретації / Олександр Бойко // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ: ІПІЕНД, 2013. — С. 35–36.

[61] Бойко О. Феномен соціальної пам’яті. — С. 37.

рассматриваются как совокупность символов и идей, традиций, привычек и обычаев[62].

Феноменологический подход (Э. Гуссерль, А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель). Суть подхода: в основе пояснительной схемы лежит идея социального конструирования реальности. Память трактуется как «акт интерпретации, многократно повторяющийся», в процессе ее формирования происходит реконструкция — «наша память постоянно заново истолковывает и дает все новые объяснения тому, что уже произошло». Пояснение действия механизма памяти: базовым принципом интерпретационной модели является «установление соответствия между запасом социальных воспоминаний и жизненным миром человека»[63].

Информационный подход (Э. Тоффлер, М. Маклюэн, М. Кастельс, В. Ж. Бодрийяр, Н. Луман, В. Афанасьев, В. Колеватов, Я. Ребане, В. Устьянцев, А. Уйбо). Суть подхода: социальная память рассматривается как накопленный в ходе социально-исторического развития ретроспективный тип социальной информации, который: а) зафиксирован в результатах практической и познавательной деятельности, б) передается из поколения в поколение с помощью социально-культурных средств, в) является основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития. Представители этого подхода выделяют три исторические формы социальной памяти — репродуктивную, реконструктивную и конструктивную[64].

Помощь действия механизма памяти: процесс формирования социальной памяти трактуется как своеобразное информационное «программирование», в котором ключевую роль играют носители информации и их взаимодействие. Главным носителем социальной памяти является реальный человек как социально и культурно «программируемая» существо. Однако существуют и такие носители социальной памяти, которые по отношению к человеку относительно самостоятельно существуют и функционируют: а) орудия производства и материализованные результаты труда б) объективные социальные отношения, которые базируются по существу на производственных отношениях в) язык в широком смысле[65].

Герменевтический подход (Х.-Г. Гадамер, Апель, П. Рикер). Суть подхода: в основе трактовки памяти лежат принципы и методы герменевтики, что представляет собой: а) искусство толкования текстов классической древности б) учение о принципах их интерпретации. Помощь действия механизма памяти: в основе интерпретации мнемических процессов лежит определенная последовательность/сумма «операций понимание», нацеленных на последовательное осуществление интерпретации текстов[66].

---

[62] Бойко О. Феномен соціальної пам’яті. — С. 37–38.
[63] Бойко О. Феномен соціальної пам’яті. — С. 39–40.
[64] Бойко О. Феномен соціальної пам’яті. — С. 52–54.
[65] Бойко О. Феномен соціальної пам’яті. — С. 55.
[66] Бойко О. Феномен соціальної пам’яті. — С. 56.

Гуманитарно-антропологический подход (А. Бергсон). Суть подхода: в основе трактовки лежит тезис о том, что любое восприятие человеком реальности, каким бы оно не было мгновенным, «уже есть памятью». Помощь действия механизма памяти: основная функция этого механизма видится в «спресовании» информации о прошлом[67].

Культурно-семиотический подход (Я. Ассман, Ю. Лотман, А. Эксл, И. Рюзен, М. Бахтин, Э. Кассирер). Суть подхода: культура трактуется как коллективный интеллект и коллективная память, т.е. надиндивидуальный механизм хранения и передачи актуальной для общества информации. Помощь действия механизма памяти: отношения памяти культуры и ее саморефлексии рассматриваются как постоянный диалог. Определенная информация (тексты) с хронологически более ранних пластов вносятся в культуру, взаимодействуя с ее современными механизмами, генерируют образ исторического прошлого, который переносится культурой в прошлое и уже как равноправный участник диалога влияет на действительность/реальное состояние. Память рассматривается не как «состав информации, а механизм ее регенерации»[68].

Определенными фильтрами коллективной памяти является контекст эпохи, заданность пропагандируемой коллективной памяти, а также конкретный социум с его сущностными характеристиками[69]. Фильтром одновременно является и время[70].

Способность культуры иметь будущее, зависит от ее способности забывать. Не мочь забыть — значит чувствовать прошлое на своих плечах как обузу, мешающую идти вперед[71].

В то же время, в коммуникативном плане, память — это канал передачи исторического опыта и фактор формирования национальной идентичности. На самом деле коллективная память — достаточно условный и хрупкий конструкт, который выстраивается, как правило, в столкновении корпоративных интересов, политических симпатий, идеологических установок. Прошлое (память) не дает себя сохранить, «законсервировать», — оно постоянно опосредуется настоящим, приспосабливается к нему, включая в себя не только аккумулирован исторический опыт, но в не меньшей степени символы, мифы и все то, что входит в сферу «коллективного бессознательного». Возможность сакрализации определенных событий и личностей становится при этом вполне реальной, а сам поиск «исторической правды» — бессмысленным[72].

---

[67] Бойко О. Феномен соціальної пам'яті. — С. 57–58.

[68] Бойко О. Феномен соціальної пам'яті. — С. 58–60.

[69] Киридон А. Темпоральні сценарії репрезентації колективної пам'яті / Алла Киридон // Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ: ІПІЕНД, 2013. — С. 83

[70] Киридон А. Темпоральні сценарії репрезентації колективної пам'яті. — С. 86.

[71] Киридон А. Темпоральні сценарії репрезентації колективної пам'яті. — С. 87.

[72] Шаповал Ю. Вступ / Юрий Шаповал // Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ: ІПІЕНД, 2013. — С. 5–6.

Память возникает не только *в* людях, но прежде всего в отношениях *между* людьми. Она — феномен не только нейронный и психический, но также, и прежде всего, социальный. Она развивается в ходе коммуникации и деятельности СМИ, которые, воздействуя на память, обеспечивают ее узнаваемость и преемственность. О том, что и как запоминается, решают наряду с техническими возможностями регистрации и накопления также и рамки релевантности, имеющие силу в определённом обществе[73].

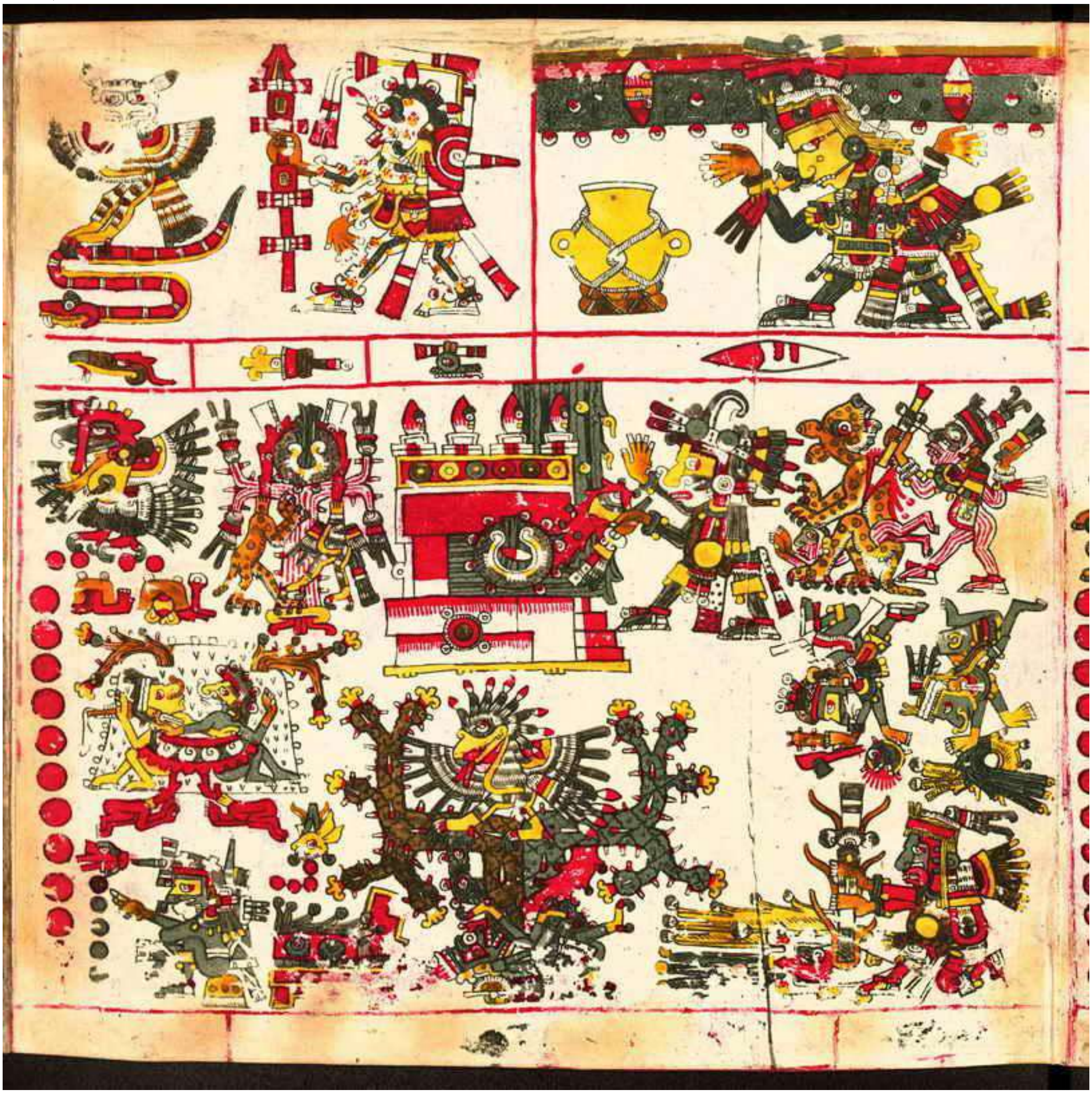


Рисунок 3. Кодекс Борджиа, стр. 50.

В отличие от памяти как таковой историческая память «генетически» запрограммирована на оценку. Ей присущи не просто припоминание и воспроизведение, но и своеобразный рефлекс восприятия или невосприятия,

---

[73] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/memory/research/51658. — Название с экрана.

одобрения или осуждения[74]. Историческая память — очень сложный феномен общественного сознания, входит как в сферу общественной психологии, так и в область идеологии. Она включает в себя и материальные остатки прошлого, и соответствующие символы, мифы, историографические представления[75].

Память — орган диахронии, осуществления расширения во времени. Ей приличествуют в принципе две различные функции — накопление и восстановление, часто связанные в немецком языке со словами Gedächtnis и Erinnerung (память и воспоминание). Обе функции участвуют в восстановлении диахронии, т.е. растяжении во времени, даже если и по-разному. *Память как воспроизведение* покоится на программировании, на генеративном принципе, который делает возможным придание постоянства культурным стереотипам. Накопление форм (на уровне глубинных структур) обеспечивает повторяемость (очевидных) действий и тем самым делает культуру поддающейся воспроизведению. Речь идёт не о последовательном приумножении, а о сплошном придании постоянства символическому миру чувств, способам действия и формированию обликов. Другая функция памяти, *реконструкция*, предполагает нарушение постоянства. В то время как в случае накопления глубинных структур достигается своего рода продолжительность, которая позволяет представить «сегодня» продлением дня вчерашнего и которая делает одно неотделимым от другого, реконструкция предполагает четкое разделение между Вчера и Сегодня. Только в этом случае имеет место то отношение к прошлому, которому свойствен определяющий характер для нашего общепринятого понимания воспоминания. Программирования делают возможным воспроизведение как бессознательную непрерывность, реконструкция устанавливает непрерывность сознательную[76].

Социальная память

Первым, кто обратил пристальное внимание на социальное происхождение памяти, был Морис Хальбвакс. Центральный тезис, развитый им в разных книгах, гласит: «Нет памяти, которая не является социальной». Даже и сколь угодно частные воспоминания формируются во взаимодействии с другими, постоянно возникают на почве социальности[77].

---

[74] Нагорна Л. Культура історичної пам’яті / Лариса Нагорна / Юрий Шаповал // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ: ІПІЕНД, 2013. — С. 18.

[75] Нагорна Л. Культура історичної пам’яті. — С. 13.

[76] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/memory/research/51658. — Название с экрана.

[77] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 1. Основы социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/memory/research/51658. — Название с экрана.

Хальбвакс может считаться открывателем «коммуникативной» социальной памяти. Он первым систематически разработал и проиллюстрировал, основываясь на различных заключениях, её признаки социальности, реконструкционных рамок и зависимости от субъекта[78].

Табл. 1. Сравнение коммуникативной и культурной памяти (А. Ассман и Я. Ассман[79])

	Коммуникативная память	Культурная память
Содержание	Исторический опыт в рамках индивидуальных биографий	Мифическая история первобытного общества, события в абсолютном прошлом
Формы	Неформальные, мало оформленные, природные, возникающие в результате взаимодействия Повседневность Alltag	Установленные, высокая степень сформированности, церемониальное общение Праздник
Коды, хранение	Живое воспоминание в органической памяти, опыте и устном предании	Жесткие объективации, традиционное символическое кодирование/ инсценировка в слове, изображении, танце и т.д.
Временная структура	80–100 лет, в присутствии участвующего в перемещении временного горизонта в 3–4 поколения	Абсолютное прошлое мифической истории первобытного общества
Носитель	Неспецифический, очевидцы из сообщества памяти	Специализированные носители традиций

Для сравнения, можно сказать, что сны не содержат целостные сцены нашего прошлого. Воспоминания не реализовывается как таковое во сне[80]. Во сне невозможно переживать заново прошлое, и хотя в наших сновидениях и работают образы, весьма похожие на воспоминания, но они попадают в эти сновидения лишь как фрагменты, разъятые члены реально пережитых нами сцен[81]. К тому же, поскольку в сновидении активно участвует личность

[78] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 2. Формации социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/51659. — Название с экрана.

[79] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 2. Формации социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/51659. — Название с экрана.

[80] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 34.

Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 69.

человека в нынешнем, а не былом состоянии, то во всех случаях (воспоминаниях раннего детства), да и во всех вообразимых сновидениях, общий облик воспроизводимых событий и людей неизбежно искажается[82].

В нашей памяти хранятся: пространственно-временные ориентиры, исторические, географические, биографические, политические понятия, данные повседневного опыта и обиходные привычки восприятия[83]. Наша мысль более все удаляется от общества не в памяти, а в сновидении. Именно в ночных переживаниях сознание наиболее изолировано от общества. Оторвавшись от системы социальных представлений, образы оказываются не более, чем сырьем, способным включаться во всевозможные сочетания[84]. В отличие от сновидений наши воспоминания опираются на воспоминания других людей[85].

Слова, выражения и фразы языка, лишь только перестают действовать силы, как бы прижимавшие их друг к другу, лишь только они не поддерживают более другу друга, «оказываются беззащитны перед действием всевозможных влияний, стремящихся изменить их смысл»[86]. Глубинное нарушение отношений индивида с группой и есть одно из таких влияний. Иными словами, в сознании каждого нормального человека, живущего в обществе, имеется функция анализа, синтеза и координации образов, позволяющая ему согласовывать свой опыт и свои поступки с опытом и поступками членов своей группы[87].

Память невозможна вне рамок, которыми живущие в обществе люди пользуются для фиксации или нахождения своих воспоминаний[88]. Забвению предается то, для чего в настоящем утрачены референциальные рамки, т.е. индивидуальная память создается в каждой отдельной личности благодаря ее участию в процессах коммуникации. Память является функцией вовлеченности личности в разнообразные социальные группы, начиная с семьи и кончая религиозной и национальной общностью[89]. Память живет и сохраняется в коммуникации. Прекращение последней или изменение референциальных рамок коммуникативной реальности приводит к забвению[90].

Во сне человек «узнает» сменяющие друг друга образы, улавливает их смысл, чувствует себя в состоянии их именовать. Отсюда следует, что, даже когда человек спит, он сохраняет дар речи, поскольку речь — это орудие понимания[91]. Общество же мыслить целыми комплексами: оно связывает понятия одно с другим и группирует их в более сложные представления о лицах и событиях, которые сами включаются в еще более сложные

---

[82] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 69.
[83] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 71–72.
[84] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 72.
[85] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 72.
[86] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 104.
[87] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 105.
[88] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 115.
[89] Ассман Я. Культурная память. — С. 37.
[90] Ассман Я. Культурная память. — С. 37–38.
[91] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 116.

понятия… Во сне человек не может выйти вовне себя, в том смысле, что он неспособен рассматривать с коллективной точки зрения те комплексы — людей и фактов, регионов и периодов, вообще группы вещей и образов, — которые находятся на первом плане в памяти общества[92].

Индивид, воспитанный в полном одиночестве, не имел бы памяти. Память возникает у человека лишь в процессе его социализации. Хотя «обладает» памятью отдельный человек, эта память сформирована коллективом[93].

Коллектив является субъектом памяти и воспоминания, потому можно говорить о существовании «групповой памяти» и «памяти нации»[94].

И важно отличать историю от памяти. Первая наблюдает «извне», воспринимает исключительно различия и разрывы преемственности и считает историческим фактом то, в чем проявляется изменение как процесс или результат, а вторая — смотрит на группу «изнутри», стремясь представить ей такой образ ее собственного прошлого, чтобы она на любой стадии могла себя узнать, и в которой поэтому изменения затушевываются, а видны сходство и преемственность[95].

Там, где прошлое уже более не помниться, то есть не переживается, начинается история. А именно «в той точке, где кончается традиция и распадается социальная память»[96].

Культурная память

Ян Ассман считается основоположником понятия культурная память, которая так важна для нас при анализе мифов. Чтобы лучше это понять, следует сначала обратиться к понятию культуры.

Культура выполняет две задачи. Одна заключается в координации, осуществлении коммуникации посредством создания одновременности. Она требует формирования символических знаковых систем, а также технического и понятийного «налаживания» совместного жизненного горизонта, в котором могут встретиться и понять друг друга участники культурного процесса. Другая задача культуры — осуществление постоянства. Она ведет из синхронного измерения в диахронное. Культура не исчерпывается в результате, согласно которому люди с помощью знаков могут до некоторой степени достоверно понимать друг друга, а также сосуществовать и совместно действовать в форме крупных объединений. Она готовит и условия для того, чтобы не каждому индивиду и не каждому поколению приходилось начинать снова и с самого начала. Наш вопрос о

[92] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 117.
[93] Ассман Я. Культурная память. — С. 36.
[94] Ассман Я. Культурная память. — С. 37.
[95] Ассман Я. Культурная память. — С. 44.
[96] Ассман Я. Культурная память. — С. 46.

культурной и социальной памяти выводит нас из синхронного в диахронное измерение культуры[97].

Для точной оценки религиозного поведения или прогресса люди должны хотя бы в общих чертах помнить, откуда они отправились; к тому же многие новые идеи получают точную форму лишь через противоположения[98].

Большое наличие версий мифов объясняется тем, что коллективная память не была консолидирована на определенном этапе развития общества и была рассеяна между множеством мелких общин, удаленных в пространстве; эти мелкие общины не удивляло, не беспокоило и не скандализировало, что их верования не всегда совпадают между собой и что сегодняшние верования — несколько иные, чем вчерашние[99]. В то же время наличие ограниченного количества сюжетов и мотивов, как раз говорит о существовании некоего этапа в развитии обществ, когда они были тесно взаимосвязаны в далеком прошлом.

Помнящая культура имеет дело с «памятью, создающей общность», она — всеобщий феномен[100].

Многое из того, что описывается с помощью понятий «помнящая культура», а также «культурная память», можно назвать и традицией, или же преданием. Но это обозначение не отражает присущего данному явлению аспекта усвоения, преодолевающего разрыв возвращения, равно как и его отрицательных сторон — забвения и вытеснения. Мертвые и память о них не передаются «традицией»[101].

Структура причастности. Причастность к культурной памяти всегда дифференцирована, в отличие от коммуникативной памяти (для нет специалистов и экспертов). У культурной памяти всегда есть свои особые носители: шаманы, барды, жрецы, поэты, учителя, ученые и прочие[102]. В дописьменных обществах прибегали к мнемонической кодификации ритуального знания, следовали дословному воспроизведению традиции[103].

Проблемы интеграции или приобщения к культуре возникают при переселениях, миграциях, завоеваниях одних этнополитических союзов в другие[104].

В качестве сферы коммуникации для циркуляции культурного смысла принимаются в соображение, прежде всего, праздники, торжества и другие поводы ритуального и церемониального свойства. В этой церемониальной коммуникации культурная память инсценируется во всей мультимедийности её символических форм: в устных родовых обществах это, прежде всего,

---

[97] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/memory/research/51658. — Название с экрана.

[98] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 226.

[99] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 236.

[100] Ассман Я. Культурная память. — С. 30.

[101] Ассман Я. Культурная память. — С. 35.

[102] Ассман Я. Культурная память. — С. 56.

[103] Ассман Я. Культурная память. — С. 57.

[104] Ассман Я. Культурная память. — С. 155–156.

ритуалы, танцы, мифы, стереотипы, одежда, украшения, татуировка, пути, памятники, ландшафты и т.д., в письменных культурах — формы символического представительства (памятники), обращения, памятные ритуалы. При этом преимущественной целью названных навыков является, смотря по обстоятельствам, обеспечение социальной идентичности и придание ей непрерывного характера[105].

Рисунок 4. Обрядовый барабан.

В сфере культурной памяти с переходом к письменности появились, однако, существенные отличия. Применение письменности как коммуникативного средства, которое наряду с определёнными прагматическими функциями предлагает принципиальную возможность внешнего сохранения культурного смысла, означает глубинное изменение в структуре социальной памяти. Добавляющийся потенциал заключается в кодировании и накоплении информации по ту сторону живых носителей и независимо от актуализации в коллективных инсценировках. Добавляющаяся же проблема состоит в накоплении согласно с тенденцией неограниченного объема информации. Наиболее общее описание следствия возникновения письменности заключается в том, что может быть накоплено больше, чем потребляется и актуализируется. Измерения памяти распадаются на передний и задний план, на сферы заселённого и незаселённого, актуализированного и латентного. Вокруг того региона памяти, в котором культивируется, одомашнивается, обретает свое знаковое выражение опыт, простирается широкое неструктурированное поле. Эти различные участки ландшафта памяти мы хотим здесь отделить друг от друга как накапливающую и функциональную память. Накапливающая память описывает регион, который всегда больше сознания; функциональная память, напротив, относится лишь к заселённому в каждом случае участку[106].

---

[105] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 2. Формации социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/51659. — Название с экрана.

[106] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 2. Формации социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/51659. — Название с экрана.

Границу между накапливающей и функциональной памятью не всегда можно ясно провести, так как содержания и средства сохранения могут быть в значительной степени идентичными. Что, однако, явно расходится, так это формы использования и функции. Важнейшие различия мы сопоставим в форме обзора.

Табл. 2. Различия между накапливающей и функциональной памятью (А. Ассман и Я. Ассман)[107]

	Накапливающая память	Функциональная память
Содержание	Другое, выход за пределы настоящего	Собственное, обоснование настоящего на определенном прошлом
Временная структура	Анахроническая: двувременность, вчера наряду с сегодня, контрпрезентационная	Диахроническая: привязка вчера к сегодня
Формы	Неприкосновенность текстов, автономный статус документов	Селективное = стратегическое, перспективное применение воспоминаний
Средства массовой информации и институты	Литература, искусство Музей, наука	Праздники, публичные ритуалы коллективного воспоминания
Носитель	Индивиды внутри культурного сообщества	Коллективизированные субъекты действия

Опыт

Опыт, как видно из вышеизложенного, тесно переплетается с прошлым и коллективной памятью. «Опыт» сам по себе не передает исторической действительности, т.е. не выполняет той функции, которая присуща историческим наименованиям и обозначениям[108]. Но противоположным опыту является «ожидание». Существует «пространство опыта» (пространственное измерение, где сплавлены в единое целое разные временные пласты) и «горизонт ожиданий» (линия, за которой открывается в будущем новое пространство опыта, ныне еще недоступное взгляду). Поэтому невозможно спрогнозировать будущее, ведь оно неподвластно опыту[109]. Но опыт и ожидание это не просто противоположности, они — индикаторы неодинаковых способов бытия, из напряженного соотношения

[107] Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 2. Формации социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Westdeutsche Verlag, Bonn, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/51659. — Название с экрана.

[108] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 351.

[109] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 356–357.

между которыми можно вывести нечто подобное историческому времени[110]. И во времена, когда опыт предков переходит потомкам, а ожидания при этом не подвергаются изменениям каким-либо существенным образом, жизнь течет размеренно и предсказуемо. Не происходит заметных социальных или экономических изменений всеобщего характера. Безусловно, политические и этнические перемены существовали, но их прогноз опирался на уже полученный опыт (миграции, войны, конфликты).

Традиционное пространство человеческого опыта было детерминировано прошлым[111].

Миф

Значение мифа для науки

Рассмотрение процесса становления человеческой культуры от самых ее истоков к более зрелым формам должно содействовать более глубокому пониманию общечеловеческих проблем, оказавшихся в фокусе исследований, как истории, так и философии истории.

Миф, прежде всего, представляет научный интерес как одна из первичных форм осознания проблем времени и пространства. Миф актуален не только своей ролью общего истока религии и культуры с их представлением об устройстве мира, но и привлекает своим «наивным реализмом», конкретной живой образностью, художественной яркостью и, вместе с тем, мудростью и глубиной.

Теория мифа

Миф — (грец. mythos — слово, речь, повесть, рассказ) — древние рассказы о богах, героях, демонах, которые отображают в фантастической форме представления людей о реальных естественных и социальных событиях[112]. Миф — наиболее ранняя, исторически первая форма постижения вселенной, его образно-символического воспроизведения. Это первый образ восприятия человеком фундаментальных оснований и характера организации, системного строения мира и своего места в нем[113].

Теория мифа насчитывает несколько столетий. Еще в давние времена возникли три образа толкования мифов: онтологический, нравственно-аллегорический и исторический. Предметом исследований выдающихся мыслителей был, прежде всего, архаический и классический миф. Изучая мифы народов мира, они самой логикой исследования были направлены на

[110] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 357.
[111] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 69.
[112] Культурология. Энциклопедия в 2х томах / глав. ред. С.Я. Левит. — Т. 2. — М.:РОССПЭН, 2007. — С. 1330–1331.
[113] Культурология. Энциклопедия в 2х томах. — С. 1336–1337.

установления общих закономерностей мифологического мышления. Именно эти закономерности и является базисом, на котором возникло качественно новое образование — социальный миф. Над сущностью мифа размышляли в свое время Б. Фонтенель, Вольтер, Д. Дидро, Ш. Монтескье, Ф. Шеллинг, Ф. Ницше. На данный момент существует огромное количество работ, посвященных исследованию мифа и основных свойств мифологического мировоззрения. Этим вопросом занимались Р. Барт, Е. Голосовкер, А. Гуревич, М. Элиаде, Е. Кассирер, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, А. Лосев, Е. Мелетинский, В. Пропп, М. Стеблин-Каменский, М. Фрай, Дж. Фрезер, К. Юнг и множество других. Интерес к мифу, мифологии не угасал никогда, хотя сила проявления этого любопытства была разной для разных культурных эпох. Мощная волна ремифологизации, начавшаяся в XIX веке, открыла абсолютно новый этап в изучении мифа.

В XX веке миф стал одним из важнейших понятий в философии, религии, психологии, теории культуры. Тогда же миф стали рассматривать не в общем значении — как иллюзию, выдумку, фантазию, а так, как его понимали в первоначальных обществах, где миф означал реальное событие, которое служило примером для наследования. То есть миф становится одной из функций человеческого мышления, неотъемлемой составляющей человеческого мировосприятия.

В украинской философской мысли тема мифа исследовалась В.С. Горским (историческая мифология в современной украинской культуре), О.С. Кирилюком (универсальные измерения культуры), С.Б. Крымским (универсально-культурные структуры украинского народа), М.Т. Юрием (менталитет украинского народа) и многими другими.

По мнению Е. Мелетинского, миф объясняет и санкционирует существующий социальный и космический строй в том его понимании, который присущ данной культуре, миф объясняет человеку его самого. Но почти все эти дефиниции распадаются на две категории: миф определяется как фантастические представления о мире, система фантастических образов богов и духов, руководителей вселенной, или как рассказы о деяниях богов и героев[114].

Сначала, как отмечает М. Стеблин-Каменский, «когда миф возникает как миф в собственном смысле слова, его персонажи — это реальности, а не обозначение каких-то реальностей»[115].

О. Лосев в своей работе «Диалектика мифа» поставил перед собой задачу отделить миф от сказки, вымысла, науки, религии, поэзии, истории и других форм мышления и культуры. Проводя эти размежевания, он приводит много интересных и полезных наблюдений, суть которых такова: миф не является выдумкой или фикцией, миф — это реальность, которая жизненно ощущается и совершается; миф не является научным, в частности, примитивно-научным построением, это живое субъект-объектное взаимное

[114] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. − М.: Восточная литература, 2006. — С. 172.

[115] Стеблин-Каменский М.И. Миф / М.И. Стеблин-Каменский — Л.: Наука, 1976. — С. 14.

общение, которое содержит в себе собственную, вненаучную, чисто мифическую истинность, достоверность, принципиальную закономерность и структуру; миф не является метафорическим построением, это реальная, вещественная и чувственно созданная действительность, которая является в то же время отчужденной от обычного хода явлений и, следовательно, содержит в себе разную степень иерархичности, разную степень отчужденности; миф не является аллегорией, это символ, и, уже, будучи символом, может содержать в себе схематические, аллегорические и жизненно-символические слои; миф не является просто поэтическим произведением, это изолированные и абстрактно выделенные вещи в интуитивно-инстинктивную и примитивно-биологическую сферу, которые взаимно соотносятся с человеческим субъектом, где они объединяются в одно неразрывное, органически сращенное единство[116]. О. Лосев также отмечает, что миф не является произведением или предметом чистой мысли. В основе мифа лежит аффективные корни, поскольку он всегда является выражением тех или других жизненных и насущных нужд и стремлений. Лосев выступает против точки зрения, что миф является научным и, в частности, примитивно-научным построением, поскольку научное отношение к мифу, как одно из видов абстрактного отношения, предусматривает изолированную интеллектуальную функцию. Несмотря на эмоциональность, примитивная наука не является мифологической в собственном смысле, это ее состояние в определенный момент времени. Лосев также выступает против утверждения, что миф предшествует науке и исчезает на поздних стадиях развития европейской культуры. В основе новоевропейской культуры и философии, по его мнению, лежит особая индивидуалистическая и субъективистская мифология[117]. Э. Кассирер так говорит о временном соотношении научного и мифологического мышления: «между сознанием теоретической деятельности и мифологическим сознанием нигде не оказывается разрыва в том смысле, что их разделяет какая-нибудь *четкая* временная цезура»[118].

Кассиреру выпала честь дать первый структурный анализ мифа, что открыло новые пути и перспективы в современной науке о мифе. Живой интерес романтиков к мифу и сравнительной мифологии расцвел до конца XIX столетия пышными плодами богатейших библиотек; разрастался *материал,* который, в конце концов, принял ужасающиеся размеры и совсем хаотичный вид «порядка», не приведенного в *единство.* Искусство и познание, нравственность, право, язык, техника, все сначала еще связано с мифическим. Ярче всего вырисовывается эта картина на фоне вопроса о происхождении: для Кассирера здесь сплетаются в непосредственное единство мифического сознания начала искусства и языки, письменности и науки. Отсюда же высвобождаются основные теоретикопознавательные понятия: понятие пространства, времени и числа, как и много других

---

[116] Лосев А.Ф. Диалектика мифа. − М.: Академический проспект, 1994. — С. 30–36.
[117] Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. − М.: Политиздат, 1991. — С. 10.
[118] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2.

понятий[119]. Миф становится «аллегорией» чего угодно: спекуляции, физики, этики. Этому противостоит философия нового времени, которая силится понять миф как чисто философскую проблему. Кассирер отмечает Вико, как основателя не только новой философии языка, но и новой философии мифологии. Для Вико истинное единство духа выявлено в триаде языка, искусства и мифа. Кассирер не сомневается в том, что мифический мир остается миром «представлений», но таков, по его мнению, и мир познания в самом своем содержании. Представление должно принять *предметный* характер, когда мы разоблачаем его случайность и подводим его под объективно-необходимый закон. Вопрос об объективности мифа ставится Кассирером именно в этом смысле: это — вопрос об имманентном правиле образования мифического содержания[120].

Любой миф основывается на архетипах. Понятие архетипа в мифологию ввел К. Г. Юнг, который определял его как мифосоздающий структурный компонент, никогда не являющийся оформленным мифом, а лишь мифологическим элементом. Архетипы, учитывая их типовую природу, можно назвать «мотивами», «первообразами», «типами». Они присущи сознанию каждого человека, потому что отображают то священное, сакральное, которое приобретено человечеством за всю историю существования. Для Юнга архетипы являются явлениями трансцендентными, находящимися вне сферы рационального познания. «Трансцендентны относительно познания реальности…, вызывающие к жизни комплексы представления, выступающих в виде мифологических мотивов»[121].

Мифологическое мышление, по мнению О. Лосева, представлено и в современной ему эпохе. Подытоживая, О. Лосев отмечает, что миф не является ни схемой, ни аллегорией, но символом; и, уже будучи символом, он может включать в себя схематические, аллегорические и жизненно-символические пласты. В XX столетии были открыты некоторые особенности мифологического мышления, отличающиеся от мышления научного. Этим вопросом занимались Е. Кассирер, В. Голосовкер, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс и прочие. Важными пунктами в их исследованиях являлись сопоставления научного и мифологического мышления, мифологического мышления и детской психики.

Вообще среди концептуальных подходов к исследованию мифа можно условно выделить следующие:

1. *Абстрактно-аллегорический*, связанный с интерпретацией мифа как чисто психологического явления.
2. *Материалистический*, трактующий миф как фантастическое отображение реальности, мотивированное сферой социально-классовых интересов и отношений.

---

[119] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2.
[120] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2.
[121] Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Юнг К.Г. Собр. соч. Психология бессознательного. — М., 1997. — С. 106.

3. *Филологический*, основанный на интерпретации мифа как явления речи.

4. *Социологический,* основанный на интерпретации мифа как художественного отображения бытия.

5. *Социально-психологический,* связанный с интерпретацией мифа как продукта волевого начала в человеке.

6. *Трансцендентальный,* основанный на представлении, что миф не является отображением природы и социума, а рассматривается как априорная форма мышления, созерцания и жизни, как собственная саморазвивающаяся система.

7. *Структуралистский,* основанный на поиске логической конструкции в мифе.

8. *Символически-романтический,* основанный на интерпретации мифа как символа.

9. *Теистический,* основанный на убеждении авторов в реальности иррационального опыта, изображенного в мифе.

10. *Универсалистский,* сочетающий большинство вышеуказанных подходов на основе интерпретации мифа как *средства массовой коммуникации*[122].

Рисунок 5. Кодекс Борджиа, стр. 65.

Фактически миф — это возможное ускользание от общества нынешних современников, бытие и пребывание среди других людей и другого общества, чтобы нынешнее общество противопоставить некоему прошлому[123]. Когда человек ищет утешения в стихиях природы (богах), он часто уединяется, но делает он это в расчете найти следы человечества, и потому населяет природу полувоображаемыми, полуреальными существами.

[122] Полосин В.С. Миф. Религия. Государство. — М.: Ладомир, 1999. — С. 19–24.
[123] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 146–147.

Человеку, оставшемуся наедине с собой, «предстают» другие люди, а вместе с ними и те группы, откуда они вышли, ведь первобытное племя (а точнее доиндустриальное общество) налагает на него принуждения неимоверной силы[124]. Вероятно, поэтому во многих мифах проглядывают образы героев так или иначе связанных родством с нынешним обществом того или иного народа. «Возвращение к истокам» — это метод социальной памяти общества, это разграничитель одних обществ от других. Поскольку в повседневной жизни люди завязывают и поддерживают между собой отношения дружбы, солидарности, либо пребывают в натянутых или враждебных отношениях[125], то обращение «к истокам» это «воспоминание» и ответ на вопрос: «кто же я?» как представитель общественной группы, или «кто же мы?» как общность. Сегодняшние люди интересуют нас применительно к будущему, и при том неопределенно: ждать ли от них добра или зла. А люди прошлого, чья жизнь и поступки четко зафиксированы, действуют как данность, она не меняется, она определена[126]. Но в интересах общества стирать или сглаживать неприятные черты, которые возникают при воспоминании[127], поэтому столь часты «косметические» изменения содержимого мифов, наличие множества версий. Этот процесс изменения памяти возможен и по другой причине: поскольку некоторые члены группы могут ее временно покидать и оказываться в других группах (например, при охоте или торговле на дальние расстояния), то новая группа оказывает влияние и воздействие на новых членов, внося изменения в индивидуальное сознание[128]; при возвращении такого индивидуума в старую группу, он может либо ввести новые рамки для социальной памяти своей группы, либо восстановить свои прежние представления. Чаще происходит второе. Отсюда следует, что социальная мысль — есть по сути своей память и все ее содержание образовано коллективными воспоминаниями, но при этом сохраняются лишь те из них (и лишь те элементы каждого из них), которые общество может в любую эпоху реконструировать, работая над своими нынешними рамками[129].

Миф по определению не принадлежит какому-то одному индивидууму, миф — всецело социальный факт, т.е. миф всегда пребывает в умах множества индивидуумов. Общество задает темы и содержание мифов, оно же и трансформирует мифы во времени и пространстве. Миф — это некая схема, известная определенной общественной группе или всему обществу. Миф — это как паспорт, куда для идентификации время от времени вклеивается новая фотография, по которой мы (общество) сопоставляем те изменения, которые произошли за какое-то время.

Социальная мысль, связанная с одной особо привилегированной эпохой и с группой (шаманы, жрецы), которая лишь сохраняет и воспроизводит ее, может благодаря этой своей неизменности противостоять эфемерным

[124] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 147.
[125] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 148.
[126] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 148.
[127] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 150.
[128] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 169.
[129] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 343.

социальным мыслям всех прочих эпох и групп[130]. А раз так, то и догматы религии (в данном случае миф) и обряды от века к веку обретают все более неподвижные формы, позволяющие лучше противиться воздействиям извне[131]. По нашему предположению, мобильность и изменчивость семей внутри рода (в связи с заключениями браков с другими родами), приводят к «размыванию» представлений о прошлом. Роль старейшин и жрецов как раз и противостоит этому «размыванию»; они укрепляют молодых членов группы в традициях и обрядах рода. Вероятно, поэтому столь много народных обрядов приходится на такие моменты жизни, как инициация, брак, рождение ребенка, смерть. При первом обряде — инициации, ребенку «вводится» (input) в сознание миф, дабы вовлечь его в общественную группу, в само общество. Частая при инициации утеря детского имени и наречение новым именем лишь подчеркивает переход ребенка из мира семьи в мир общества. Имя для мифологического мышления и есть сущностная сторона человека, имя и личность сливаются воедино. При инициациях и посвящениях в мужчины человек получает новое имя, потому что обретает при этом новую личность. Однако, прежде всего имя *бога* составляет реальную часть его сущности и его воздействия[132]. При браке в сознание пары «вводится» соответствующий миф, дабы вовлечь представителя иного рода или семьи, в свой род. При рождении ребенка в сознание пары и всего общества «вводится» информация о приобщении нового создания в круг рода, в родственный круг, задается его положение в роду. В случае смерти родственника живущим задается ориентир принадлежности рода, когда вся история умершего и его предков «вдруг» всплывает в сознании всего общества (если это жрец, правитель или вождь) или группы (если это рядовой представитель рода), дабы укрепить само общество и объединить его с помощью очередных, воспроизводимых по такому случаю, мифов.

Мифы суть фигуры воспоминания. Для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она. Фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф. Миф — это обосновывающая история, история, которую, рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения[133]. Исход (независимо от исторической достоверности) какого-либо народа из других земель — это одновременно и миф, поскольку он также обосновывает свои притязания на новые земли.

Миф формирует и обосновывает толкования жизни, и при этом циркулирует в формах ритуальной коммуникации (обеспечивающего идентичность знания: кто «мы» такие, откуда «мы» пришли, каково «наше» место в мире). Культурный смысл не циркулирует и не воспроизводится сам по себе. Он нуждается в том, чтобы о его циркуляции и представлении

---

[130] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 234.
[131] Хальбвакс М. Социальные рамки. — С. 235.
[132] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 55.
[133] Ассман Я. Культурная память. — С. 55.

заботились[134]. Обряды существуют затем, чтобы работала идентификационная система группы. Они дают своим участникам причастность к знанию, существенному для идентичности. Ведь для архаического человека культурный смысл — это действительность или порядок вообще как таковые. Порядок должен поддерживаться и воспроизводиться в обряде в противовес вездесущему хаосу, тенденции к распаду. Мифы излагают порядок, обряды создают его. Обряды — это каналы, «жилы», в которых течет обеспечивающий идентичность смысл, инфраструктура идентификационной системы[135]. Мифу чужды противопоставление «изображения» и «вещи», различение мира непосредственного бытия и мира опосредованного значения[136]. Ритуал не есть «изображение» мифа, он для участвующих является самой жизнью, действием. Точно также слова и имена не обозначают и не значат — они существуют и действуют, содержат в себе сам предмет и его силы[137]. Мифологическое мышление вообще не знает того отношения, которое мы называем родо-видовым, но повсюду заменяет его вещными отношениями воздействия, когда «равное» может воздействовать на «равное» и преобразует его в вещное отношение тождества. Например, индейцы бороро считают себя красными попугаями, и индейцы трумаи суть водные животные[138].

Главным законом мифологического мира может быть назван **закон небезразличия** или **закон участного внимания**. К тому же в мифологической картине мира неживого в современном понимании попросту нет, есть лишь различное живое[139]. Человек и прочие живые существа всячески активно участвуют в мифе. «Небезразличие» в мифе предполагает эмоцию и действенный отклик. Включенность в жизнь другого влечет за собой участие в его жизни[140].

Согласно Б. Малиновскому «миф — это важная социальная сила. Он обосновывает устройство общества, его законы, его моральные ценности. Он выражает и кодифицирует верования, придает престиж традиции, руководит в практической деятельности, учит правилам поведения». Более того, миф определяет господствующий в обществе тип мировосприятия, он создает этот тип мировосприятия так, чтобы тот соответствовал существующему типу социальности[141].

Для мифологического мышления не характерно вообще разделения живого и мертвого. Смерти как таковой в нашем понимании не существует. Есть другое бытие. И *физическое* присутствие не обрывается с наступлением

[134] Ассман Я. Культурная память. — С. 153.
[135] Ассман Я. Культурная память. — С. 154.
[136] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 53.
[137] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 54.
[138] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 80–81.
[139] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 63.
[140] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 68.
[141] Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры. — С. 148.

смерти, а лишь меняет место своего действия[142]. Поэтому умершим преподносят дары (пищу, одежду, имущество), поскольку верят в существование умершего, но в другом месте. Равно и в мифах герои не умирают.

Рисунок 6. Правитель ольмеков.

А что является ассиметрично противоположным понятием мифа (как «рассказа») в доиндустриальном мире? Это либо «показ», «презентация» чего-либо, т.е. обряд, ритуал, церемония, либо это «молчание», «тишина», небытие. Но обряд связан с мифом, а небытие — это отрицание мифа. Так что в бинарной модели будут присутствовать миф (звуковой, т.е. текстовый или смысловой ряд) и обряд (визуальный для наблюдателя, визуально-кинестетический для участника).

А существуют ли над(стройки)-мифы, или недо(строенные)-мифы? Ведь по логике вещей мифы — это тоже элементы коммуникации, и они входят в

[142] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 52.

состав новых конструкций, новых мифов. Поэтому части одних мифов мигрируют в другие мифы, создавая новые сверх-мифы, либо просто новые образования. Миф следует признать фактом коммуникации наравне с другими языковыми формами. Именно эта сложность конструкции не позволяла многим ученым-этнологам понять методику распространения мифологических сюжетов по всей планете. Запомнить конструкцию значительно проще, и часто на подсознании, чем всю массу содержимого мифа: имена (каждый народ их подменял под свои), окружающую действительность (климат и высотность исключали в сознании человека ненужные вещи), связи участников (предлагались более адекватные реальности: родовые, сакральные и т.д.). Мифы, как и история, предмет создания, творения. Неважно как именно создается миф, с помощью каких кирпичиков, важно то, с какой направленностью или каким намерением это делается. Почему так? Ведь как бы кто не старался свергнуть тирана или диктатора с трона, каждый поступок сотен или тысяч людей идет в одном направлении — «свержении». По отдельности «свергнуть» невозможно. Значение имеет сумма всех фактов и действий. Миф и есть сумма всех вложенных элементов и их взаимодействий. Поэтому мифы так сильны. Они мощные невидимые конструкции, элементы которой, благодаря социализации человека, проникают в сознания множества людей. Выкурить миф практически невозможно. Противоположной с социологической точки зрения может быть конструкция у сновидения. Неустойчивость этой конструкции очевидна, и практически всегда она распадается после пробуждения. Ведь сны базируются на другом: на переживаемых эмоциях и внедряемой в эти эмоции информации, почерпнутой из действительности. Показательными в этом плане могут быть сны узников нацистских концлагерей[143].

Несомненно, мифы народов доиндустриальных обществ относятся к долгосрочным структурам, которые зиждутся как на постоянных, так и непостоянных элементах. В отличие от них, мифы постиндустриального общества часто имеют краткосрочные структуры с множеством непостоянных элементов.

Однако проблемой мифов науа являются понятия, употребляемые в источниках, и научные категории познания, которые следует различать, и которые могут, но не должны быть связаны между собой[144]. Например, понятие «Солнце» у науа следует понимать как «эпоху», «век», «универсум»? Как? Наше понимание терминологии языка науатля доколумбовой эпохи совершенно далеко от реального смыслового ее содержания. Хорошо этот диссонанс европоцетризма и индеанизма показал в своей работе «Философия нагуа» Мигель Леон Портильо.

В мифе все природное бытие выражается языком человеческого, социального бытия, все социальное — языком природного бытия. Здесь

[143] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 286–295.
[144] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 351.

невозможно свести один момент к другому, но оба они только в сквозной корреляции определяют своеобразную структуру и своеобразное сложение мифологического сознания[145].

Мифологическое сознание

Любое историко-философское исследование осуществляется ради выявления уникального социального опыта в уникальном пространственно-временном континууме. Благодаря конкретному опыту каждого народа можно проследить общечеловеческие, вечные, инвариантные параметры и форматы человеческого существования.

Архетипы культуры представляют определенные матричные духовные конструкции и идеи-образы, которые инвариантно пронизывают историю человечества и задают спектры типовых подходов и решений на каждом рубеже исторического пути. В богатстве социокультурных феноменов нужно рассмотреть «прафеномены, архетипы бытия в их проявлении... в культурно-исторической действительности» (С. Крымский). Философия не способна возникнуть из ничего, тем более из самой себя, поэтому приходится искать ее источники в предыдущих формах мышления и сознания. Исторически первым типом общественного сознания является мифосознание[146].

Мифосознание является основой иерархической пирамиды человеческого мышления (синхронический аспект), из материнского лона мифа происходят религия, искусство, наука, философия (диахронический аспект), миф является особой ипостасью мировоззрения, инструментом мышления (онтологический аспект). Философский тип мышления рождается с мифопоэтического не только как его продолжение или новая ступень, а и как отрицание, противопоставление ему. Первые попытки философствования родились из отторжения мифа.

Мифосознанию присущи первичная целостность мира, отсутствие субъект-объектной оппозиции (первоначальный человек не выделял себя с окружающего среды). Первоначальное мышление было нерасчлененным, неотделенным от эмоциональной, моторно-аффективной сферы. Вследствие этого окружающая среда воспринималась как очеловеченная, происходило широкое «метафорическое» сопоставление естественных и социальных (культурных) объектов. Человек переносил на природу собственные качества, приписывал ей человеческие чувства, состояния, структуру и образ действия.

Единство *действия* в мифологическом сознании предполагает в своей основе единство *сущности*[147].

---

[145] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 200.

[146] Міфологізація свідомості в сучасному суспільстві. Автореф. дис. канд. філос. наук: 09.00.03 / Д.В. Усов; НАН України. Ін-т філос. ім. Г.С. Сковороди. − К., 2002. − 19 с. − укр. — Режим доступу: http://www.lib.ua-ru.net/inode/7550.html − Заголовок за екрану.

[147] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. — С. 194.

Характерный признак мифосознания — символизм. Первоначальное мышление еще не разделяло субъект и объект, предмет и знак, существо и его имя, единичное и множественное и др. Стараясь адаптировать мир для себя, сделать его потенциально понятным, мифосознание «работает» с внешними, вторичными качествами предметов.

Рисунок 7. Тескатлипока. Толлан.

Миф заменяет причинные связи прецедентом (случай, ставший образцом для воспроизведения), выдавая происхождение предмета за его сущность, объясняет строение с помощью способа создания, описывает мир с

помощью его происхождения. Миф разграничивает «сакральное» (лат. sacer — священный) и «профанное» (бытовое, обычное) время. Мифологическое прошлое — особая эпоха первоначального творения, первоначальных предметов и первоначальных деяний: первый огонь, первое копье, первый брак. Согласно этому все становится прецедентом.

Содержание мифа воспринимается как высшая реальность, осмысление действительности. Закрепленный в мифе коллективный опыт является сердцевиной мудрости, традиции. Осмысление мира в пределах мифа не подвергается и не нуждается в проверке, поэтому мифосознание является «тотальным» типом сознания. В эпоху архаики миф абсолютно влияет на ум и жизнь человека, вопреки его недостоверности и логической слабости. Его содержанием является не природа, а человеческое взаимодействие с ней. По словам французского философа Роллана Барта (1915–1980), миф является первым и мощнейшим дискурсом, текстом, отображающим личность автора и деятельность, в которую этот текст включен. Барт объединил миф и идеологию, называя их «метаязыком». Барт не считал уместным проводить семиотическое размежевание идеологии и мифа, определяя идеологию как кое-что введенное в рамки общей истории, которое отвечает тем или другим социальным интересам мифического построения. В отличие от семиологических взглядов Р. Барта, социально-психологическая семиология, разрабатывавшаяся на основе идей социального психоанализа, предоставляет возможность рассматривать идеологии как продукты коллективной психики социума, возникшие в процессе адаптации к новым переменчивым условиям жизни[148]. Для понимания мифа является важным не просто предмет сообщения, а как именно о нем сообщается. Миф не может быть вещью, концептом или идеей. Миф — это слово, высказывание и выступает как коммуникативная система.

Мифологическое сознание проникает всюду. В высших пластах сознания мифотворчество становится орудием идеологии. Дискуссионно-политические образования, довольно распространенные, провозглашаются мифами с единственной целью — избежать явного указания на социальный субъект как на их источник, растворяя его в «несознательном коллективном творчестве», и при этом избежать моральной ответственности за манипуляцию общественным сознанием. «Каждый, кто знает тайну мифа, становится равноценным партнером всемирного действа вместе с другими силами, которые берут в нем участие»[149].

Мифологические представления согласно формам общественного сознания можно поделить на политические, правовые, научные, философские, религиозные. В структуре общественного сознания предполагаются три элемента: общественная психология, идеология, наука; соответственно, различаются два уровня: будничный и теоретический. Мифологические представления имеют место в каждом из элементов данной

---

[148] Барт Р. Миф сегодня / Р. Барт // Семиотика. Поэтика: избр. раб. − М.: «Прогресс»; «Универс», 1994. − С. 72–130.

[149] Фрейденберг О. Миф и литература древности. − М., 1978. — С. 41.

структуры, ведь в ней переплетаются и взаимодействуют материальное и идеальное, объективное и субъективное, стихийное и сознательное, воля масс и воля партий, интересы групп и интересы личностей.

Мифология — мировоззрение общества эпохи охоты и собирания, ранних форм земледелия. Мифы — это рассказы о деятельности предков, богов, героев, о происхождении мира, разных естественных явлений и общественных установлений — норм, обычаев, правил поведения. С точки зрения современного человека мифы — это сказки, фантастические представления, россказни, с помощью которых человек старался объяснить окружающий мир. Действительно, мифы со временем становятся сказками. Это происходит, когда в мифы перестают верить. Но сначала мифы — часть реальной жизни и события, в них описанные, воспринимаются как то, что было на самом деле.

Разные типы воспроизведения опыта предполагают разные формы социальности и разные формы сознания. Исследователи культуры традиционного общества отмечают самую важную особенность деятельности индивида этой культуры. Всякое значимое действие человека традиционного общества есть воспроизведения «прадействия», повторение мифического «образца». То, что он делает, уже делалось. Его жизнь — беспрерывное повторение действий, открытых другими — богами, предками или героями[150].

Любые значимые действия повторяют, воссоздают «образец» — действия предков или богов. Предки установили все ритуалы и повелели их выполнять. Ритуал в первоначальном обществе, по мнению некоторых специалистов, — это и есть непосредственное бытие мифа[151]. Жест, ритуал, действо является генетически исходной формой бытия мифа, совсем не похожей на поздние формы его бытия в виде мифологического рассказа. Архаический человек не проговаривает миф, а ритуально его актуализирует, зажигает его существование с помощью воспроизведения структур ритуала. Кассирер отмечал, что влияние мифа усиливается благодаря введению и использованию новых ритуалов. По его мнению, миф закрепляется благодаря ритуалам, именно они определенным образом обеспечивают мифу долгосрочность[152]. Установление ритуалов и запретов рассматривалось как переход от дикости и хаоса к порядку. Человек лишь повторяет акт создания. Изготовление орудий труда, домашней утвари, трудовые операции, бракосочетание, танцы, поединки — все это воспроизведение «образца», заданного предками или богами. Для всех земных предметов, строений, частей ландшафта, действий существует «небесный» прообраз, архетип. Такие представления можно найти в мифах разных народов[153].

Ритуал является одним из главных символических средств политики. Понимание реального политического процесса предполагает выяснение

---

[150] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — С. 165–166.
[151] Лобок А. Антропология мифа. − Екатеринбург, 1997. — С. 175.
[152] Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. — 1990. — №2. — С. 62.
[153] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — С. 173.

таких вопросов: каким образом символическая сфера входит в политику, как символы руководят ею и как политические деятели манипулируют ее средствами. Ритуал является составной частью политики современных индустриальных обществ, а не только представляет собой выражение традиционности культуры отсталых стран. Ритуал, выполняя функцию политической социализации, обрисовывает место индивида внутри определенной политической картины мира, детерминирует его поведение, роль, а также конкретную форму его деятельности[154].

Чем ближе человек к миру предков, тем более он ответственный за порядок и тем больше запретов должен соблюдать. Всякое нарушение порядка — болезни, засухи, наводнения и т.д. — наказание богов, поэтому для восстановления порядка надо выяснить причину гнева богов, узнать, чего хотят боги. Это возможно сделать через определенные процедуры: гадание, прорицание и т.д.[155].

Многие исследователи рассматривают мифы как попытку объяснения причинных связей и в этом смысле сравнивают миф с наукой. Известно, что большинство мифов носили этиологический характер, то есть рассказывали о происхождении разных предметов, ремесел и обычаев, в том числе, о происхождении мира и человека.

Но главная функция мифа не в том, чтобы объяснять происхождение мира. Миф говорит о том, кто и что должен делать, и почему: кто в мире главный, кто властвует, кто подчиняется, какие боги за что отвечают и к какому богу надо обращаться в том или другом случае. Это и есть самое важное знание о мире — знание воли богов. Старейшины стоят ближе всех к миру предков и истолковывают их волю. Позднее эта функция переходит к жрецу, вождю, царю или священнику. Общение с предками и богами постепенно превращается в особое искусство, доступное только избранным.

Мифы для древнего человека такая же реальность как научные теории для человека современного. С помощью того и другого человек ориентируется в мире, интерпретирует процессы, которые происходят в нем. Поскольку жизнь родовой общины основана на повторении действий предков, практик-ритуалов, подчиняющих себе индивида, к тому же имеющих форму приказа, безусловного повеления, что необходимо исполнять, мировой порядок также рассматривается как существующий по воле богов, основанный на воспроизведении некоторой первоначальных деяний, «образца», заданного когда-то богом.

Мифическое прошлое остается «прошлым», но его магическая эманация как бы доходит через такие каналы, как ритуалы и сны. Первоначальный миф неизменно остается рассказом о прошлом, а прошлое источником всего субстанционального в настоящем[156].

О. Хюльткранц, современный шведский историк религии, считает, что отнесение к далекому прошлому — специфический признак, за которым

[154] Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. — М., 1983. — С. 22.
[155] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — С. 174.
[156] Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура/ — С. 176.

мифология отделяется от религии, ориентированной на настоящее, беспрерывно переживаемое[157].

Чтобы наглядно увидеть принципы работы мифологического сознания, обеспечивающего успех многим политическим идеям, брендам, лозунгам, и лежащего в основе определенной идеологии, необходимо обратиться к характерным признакам мифа, которые были определены еще такими исследователями, как М. Элиаде и О. Лосев, К. Юнг и другими. Так, согласно Элиаде, миф составляет историю подвигов сверхъестественных существ, являющуюся и истинной (поскольку она относится к реальному миру), и сакральной (потому что является результатом творческой деятельности сверхъестественных существ)[158].

Мифы возникли из-за потребности людей познать окружающую действительность, хотя бы как-то объяснить непонятные для них явления. Человек старался осознать природу своего происхождения, понять устройство мира и даже предусмотреть свое будущее. Понятно, что мифы — это не научное объяснение. Они изложены языком художественной прозы и не претендуют на научность. Перечислим основные особенности мифологического сознания:

– человек в мифах чувствует себя не властителем мира, а лишь его малой частью. Она не старается подняться над естественной стихией, отказаться от общественного отношения. Человек, природа и общество в мифах являются неразрывным целим.

– как правило, мифы не абстрагированы. В них каждый образ — конкретный, одухотворенный, персонифицированный;

– в мифах каждый действующий герой со своеобразным символом, который «расшифровывает» понятие или явление, которое стоит за ним;

– мифам присуще свое, особое время, которое иначе называется временем «первоосновы» или «первоначального творения». К нему невозможно применить наши представления о ходе времени[159];

– в мифах реальность объясняется не с точки зрения научных знаний, а с позиции веры. Мифологическое сознание не признает доводов ума, потому что в этих сказаниях преобладают эмоции. Для мифов важны образы, а не понятия и явления, их объясняющие.

Поэтому основные особенности мифов и мифотворчества, а также их роль в истории человеческого общества, таковы:

– особое восприятие мира, природы, общества и человека и, соответственно, особое объяснение;

– мифы устанавливали связи между прошлым, настоящим и будущим[160];

– мифы стали соединительным звеном между поколениями, передающим накопленные знания, опыт, культурные ценности.

---

[157] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — С. 176.

[158] Хюбнер К. Истина мифа. — М.: Республика, 1996. — 448 с.

[159] Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; [пер с фр.] − М.: Наука, 1985. − С. 219–220.

[160] Леви-Стросс К. Структурная антропология/ − С. 217.

Миф и современность

Современная наука видит в мифах не плод фантазии или интеллектуальную схему, а делает акцент на их действенной природе и ценностном характере. Затрагивая проблемы так называемого мифологического мышления, можно с полной уверенностью утверждать: для того, чтобы впасть в мифологию, совсем не обязательно владеть каким-то особым типом мышления. Мифология коренится не в сознании человека, а в его отношении к миру, в системе ценностей, в механизмах социальной регуляции поведения, формах и способах мировоззрения. Носителями политических мифов вполне могут быть и современные просвещенные люди.

Для носителя традиции миф является также объектом веры, и как такой не нуждается в верификации; скорее, наоборот, миф всячески оберегается от тех явлений действительности, которые могли бы посеять в нем сомнение. Мифологический объект выше критики, выше всего, что окружает человека в повседневной жизни, и в то же время он придает ей смысл и приобщает к сакральным ценностям.

Отношения мифа к традиции сложны и разнообразны. Перечислим четыре основные позиции.

1. Мифы лежат в основе культурной традиции; они дают санкцию существующим обрядам и социально-общественным отношениям, объясняют происхождение мира и миропорядок.

2. Мифология проникает в самые разные сферы жизни и может быть выделена не только из текстов повествовательного характера, но и из наблюдений над праздниками и обрядами, из способов обращения с материальными предметами и т.д.

3. Традиционность является глубоко внутренним свойством мифологии, потому что мифы не создаются людьми, а передаются им по традиции. Мифология унаследована человеком от предков и перейдет от него к потомкам. Это то, что дает индивиду ощущения его единства со своим народом, его прошлым и будущим. В традиционности этого знания уже заложенная его высокая оценка: оно прошло проверку временем, оно уже было испробовано нашими предками. Не случайно, что самая важная часть этого мифологического комплекса связана с миром мертвых (почитание умерших, сохранение памяти о них, забота о местах погребений, сохранение семейных преданий, реликвий и т.п.).

4. Мифология является не только частью культурной традиции определенного народа или племени, но и частью мифологической (или мифопоэтической) традиции всего человечества. Сравнивая мифологии разных народов, мы постоянно встречаем подобные образы, повторяющиеся сюжеты и ситуации. Собственно, наука о мифологии и занята главным образом тем, чтобы объяснить природу этой повторяемости: то ли она результат независимого появления одних и тех же мифов у разных народов, то ли результат распространения мифов из единого центра (или нескольких

центров), то ли результат культурных контактов. Во всяком случае, все мифы, о которых мы говорим: и архаические, и религиозные, и политические — имеют свойство повторяться[161].

Главное отличие в отношении современного и древнего человека к окружающему миру заключается в том, что для современного человека мир является безличным мировым порядком, где властвуют независимые от человека объективные законы. Для древнего человека мир не безличный. Это совокупность живых, активных существ, наделенных волей и умом. Для первобытного человека безжизненного мира не существует. Зверь, растение, удар грома, тень, камень, о который споткнулся, во всем человек видит активную жизнь, волю, которая может или помочь ему в каком-нибудь деле, или навредить. Мир наполнен таинственными силами, которые надо привлекать на свою сторону просьбами, заклинаниями, жертвоприношениями, магическими действиями и т.д.[162].

Рисунок 8. Жертвоприношение.

Вторая отличительная черта представления о мире древнего человека — превращение, когда все может превращаться во все, отсутствует представление о твердых границах, которые разделяют разные явления и процессы в мире. Это мир, в котором нет ничего невозможного, нет

[161] Березкин Ю.Е. Мифология аборигенов Америки: Результаты статистической обработки ареального распределения мотивов // История и семиотика индейских культур Америки. — М. — 2002. — С. 259–346.

[162] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. — С. 164.

устойчивых законов и форм. Согласно мифам, человек может превратиться в зверя или камень и наоборот, он может мгновенно перемещаться, летать, быть сразу в нескольких местах.

Еще одну особенность мифопоэтического сознания, можно определить как «текучесть сущности». Вообще сущность — устойчивая определенность предмета — проявляется через какие-то второстепенные свойства.

Архаический миф характеризуется нерасчлененностью субъекта и объекта, образа и идеи, конкретного и абстрактного, использованием особых логических средств, а современный миф тесно связан с рациональным знанием. Реальность мифа для архаического сознания абсолютная и не подлежит сомнению со стороны носителя мифа. Современный миф также воспринимается как реальность, но уже не с той уверенностью и глубиной, как в случае архаического мифа. Российский исследователь А. Кольев утверждает, что если архаическая мифология представляет собой преимущественно космологическую модель, то современная мифология — социальную модель[163].

Классические мифы являются целостно оформленными сказами, которые имеют логическое начало, кульминацию и конец; современные — сравнительно с предыдущими, как правило, отрывочные, логически незавершенные, объясняющие лишь определенный момент, эпизод. По мнению А. Кольева, в политической реальности тяжело отыскать целиком оформленный политический миф — он все время находится в состоянии достройки[164].

Однако в современном мире, в нашей культуре присутствуют частицы культуры мифологической. Архаическое общество сохраняется благодаря тому, что младшие повторяют опыт старших, старшие сохраняют опыт умерших. Это напоминает армейскую структуру: старшие учат и приказывают, младшие — выполняют приказы и, постепенно становясь взрослыми, самые проходят ступени старшинства от рядового до полковника и генерала. Жизнь общины определяет воля верховного бога, жизнь армии — главнокомандующего.

Таким образом, можно подытожить, что для мифологического сознания нет ничего стойкого, все способно превращаться во все и все связано со всем. Представление о связи всего со всем служило основой магии, колдовства, гадания, разных обрядов. Для мифологического сознания в мире нет ничего безличного, безжизненного, в основе любого явления или события лежит скрытая сила, воля. В конечном итоге, воля богов руководит миром.

Независимо от того, на каких ценностях и которых предубеждениях базируются искусственно сконструированные политические мифологемы, они почти всегда имеют в своей основе оппозиции «мы-они», противопоставление «героев» и «воров». Применение эвфемизмов, подмена

---

[163] Кольев А. Политическая мифология: реализация социального опыта. — М.: Логос, 2003. — С. 70.
[164] Кольев А. Политическая мифология: реализация социального опыта. — С. 131.

дефиниций выступают как средства политической мистификации, которая затемняет истинную суть событий и явлений[165].

К. Флад отмечает, что если мы говорим о существовании какого-то политического мифа, мы имеем в виду, что существует целый ряд рассказов, которые в большей или меньшей мере совпадают в большинстве аспектов. То есть мы можем говорить о существовании политического мифа в том случае, если есть разные рассказы о приблизительно одинаковых событиях, с приблизительно одинаковыми действующими лицами, которые дают этим событиям приблизительно одинаковую общую интерпретацию. Эти рассказы также должны циркулировать в определенной социальной группе[166].

Современная социальная и политическая психология уделяют значительное внимание изучению несознательного компонента массовой психики. Принципиальная возможность сознательного мифотворчества отмечалась в многочисленных исследованиях специалистов по данной проблематики: «Тактическое значение подобных идей-мифологем очевидно. Их действия и энергетические заряды активно используют в политической борьбе»[167].

Существует определенная мифологическая структура, которая способна поглотить любое содержание, с дальнейшим преобразованием его с определенной целью. Миф становится «операцией структуры». Эта структура самодостаточна в том понимании, что она реализует основные функции культуры: создает стандарты поведения, обеспечивает эмоциональное переживание, дает описание мира и выступает установкой для действий. Поэтому ни в каком привлечении со стороны религии, философии, науки или идеологии она не нуждается. Мифологическая структура использует их через механизм заимствования сюжетов как восходящего материала для дальнейшего строительства собственных конструкций. Мифологическое сознание не имеет собственного мифологического источника информации, она берет информацию из других форм общественного сознания. Сам по себе миф возникнуть не может, нужен тот, кто создаст этот миф, кто сделает высказывание, кто захочет с его помощью известить о собственных стремлениях.

В XX веке индивид становится объектом манипуляций со стороны социальных структур. Массовость становится общей нормой жизни, главным признаком которой становится тотальность. Массовое общество превращается в общество массовой культуры, где ценности также становятся массовыми. Индивид практически не имеет выбора, потому что за него этот выбор сделало общество. Поэтому преобладающей чертой человека массового общества становится конформизм, когда каждый должен отказаться от собственного в пользу общественного и стать «как другие».

[165] Нагорна Л. Культура історичної пам’яті / Лариса Нагорна / Юрий Шаповал // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ: ІПІЕНД, 2013. — С. 9–34. — ISBN 978-966-02-6839-5.

[166] Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — С. 40.

[167] Московичи С. Век толп. — М., 1998. — С. 145.

Отсюда происходит стремление к порядку, который сначала выступает фактором объединения и укрепления общества. Таким образом, массовое сознание из поверхностного, недоразвитого превращается в мифологическое сознание, которое не знает о реальном состоянии вещей, а главное — не желает знать. Отчуждение становится объективной реальностью, его никто не ощущает, властвует общая анонимность, где каждый является частью тотального механизма.

Современный миф создается определенным набором идей-мифологем, а также символов — политическая символика становится важным элементом реализации политической власти: «Манифестации, военные парады, демонстрации, политические съезды, которые предшествуют любой мобилизации толпы, показывают нам, что без почитаемых или разрушительных символов, не может быть активных масс, как и масс вообще»[168].

Характеристиками политического мифа, по мнению А. Кольева, являются опора на архетип и некоторая технологическая искусственность. То есть, политический миф невольно происходит из природы человека и, одновременно, создается им искусственно. Можно сказать, что политический миф является приспособлением некоего культурного мифа к политическим целям. В его основе всегда лежит определенная искусственная концепция[169].

Политическое мифотворчество, имея в своем арсенале идею, подкрепленную символом и ритуалом, является неотъемлемой частью реализации политической жизни, в частности таких аспектов влияния: на электоральное решение, манипуляцию сознания, удержание власти и т.п. Такие факторы, как влияние на несознательное начало, разные методы манипуляций, зомбирование, черный PR и другие способа использования человеческого сознания с определенной целью, имеют малоутешительное будущее. Бороться с этим нет смысла. Жак Сегела (французский специалист в области избирательных технологий и политических коммуникаций) изложил свои программные методы в восьми заповедях. Вот они: голосуют за человека, а не за партию; за идею, а не за идеологию; за будущее, а не за прошлое; за образ социальный, а не политический; за человека-легенду, а не за посредственность; за судьбу, а не за будничность; за победителя, а не за неудачника; за ценности истинные, а не надуманные[170].

Мифы строятся с расчетами не на индивидуальность, а на массовое сознание, на толпу, которая, как писал Г. Лебон, «никогда не стремилась к истине, оно отворачивается от очевидности, которая не нравится ей, и предпочитает поклоняться заблуждению, если только заблуждение привлекает его. Кто умеет вводить толпу в заблуждение, тот легко становится ее властителем; кто же хочет образумить ее, тот всегда становится ее жертвой»[171].

---

[168] Московичи С. Век толп. — С. 202–2041.

[169] Кольев А. Политическая мифология: реализация социального опыта. — С. 127.

[170] Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. — М., 1999. — С. 263.

[171] Лебон Г. Психология толпы. — М., 1988. — С. 188.

Основные свойства современного мифа проявляются в слиянии реального и идеального, опоре на несознательное (например, на особое доверие к детям и животным), синкретизме восприятия, когда явление не подчиняется законам формальной логики. Важным качеством современной мифологии есть императивность мысли, то есть миф побуждает к определенному действию самым фактом существования в сознании, он руководит нашим поведением, формирует наше поведение.

Как делает замечание В. Андрущенко, «национал-шовинизм, истерический «патриотизм», социальная демагогия, квазирелигиозные и паранаучные учения, кумиромания и т.д. — далеко не полный перечень направлений и тем мифотворчества, объятия которой является, наверное, наиболее крепкими и долгосрочными. «Враг народа», «наши — не наши», «мировой сговор», «поиск инопланетян» и потому подобные фантастические объяснения, которые их «подсовывает» мифология, не подлежат рационализации, проверки на истину». Результатом покорения «социальной демагогии» становится потеря индивидами интеллектуальной рефлексии[172].

Техника в XX в. не только радикально изменила соотношение возможного и невозможного, но и сделала вполне реальным то, для чего раньше требовалось вмешательство сверхъестественных сил (например, полеты в воздухе или изрыгание огня).

Такие категории мифологического мышления, как сверхъестественное и чудо, своеобразно актуализировались в XX ст. Благодаря техническим достижениям многое из того, что еще 150 лет тому назад казалось чистой фантастикой, стало повседневной реальностью. Например, телевизор или видеомагнитофон — это своеобразные модификации сказочного волшебного зеркальца, самолет — воплотил в жизнь мечту о ковре-самолете и т.д.

Человечество как бы вернулось к ситуации первых столетий христианства, когда вот-вот, буквально со дня на день ожидалось Пришествие Господнее и Страшный Суд. Земля давно оплетена паутиной железных дорог, небо бороздят железные птицы, в городах всю ночь горят электрические солнца — и тяжело назвать, какой еще из прогнозов Апокалипсиса мы не увидели собственными глазами.

Род человеческий еще никогда не смотрел так ощутимо в лицо смерти. Именно неуверенность в будущем и породила многочисленные вопросы «что будет завтра», а поскольку будущее неизвестное никому, поэтому и разрастается на этой ниве буйное воображение.

Определение общих черт мифологизации сознания в современном обществе показывает, что мифологическое сознание занимает очень важное место в формировании мировоззрения современного человека, а также в формировании общих социальных представлений о мире и месте человека в нем. Анализ условий включения мифологического мышления в процесс развития современной культуры показывает, что мифологическое мышление

---

[172] Андрущенко В. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть. Досвід соціально-філософського аналізу. — К.: ТОВ «Атлант ЮемСі», 2005 — 498 с.

выступает одним из действенных средств освоения массовым человеком явлений окружающего мира.

Очерчивание и анализ основных причин мифологизации сознания в современном обществе позволяет утверждать, что мифологизация как общественное явление является неотъемлемой частью жизнедеятельности современного общества. Анализ влияния мифологизации на развитие массового сознания и определения структуры современного мифа свидетельствует о поглощении этой структурой любого содержания и преобразования его в одно из средств мифологизации.

Исследование механизма формирования мифологических структур в современном массовом сознании позволяет сделать вывод о возможности и реальности искусственного создания и распространения мифологических структур в современном обществе, а также о возможности перенесения и насаждения таких структур в массовое сознание.

Системно-коммуникативная теория Н. Лумана

На сегодня наиболее убедительной системной теорией, которая более всего отвечает критериям постнекласической науки и нуждам изучения всемирной истории как когерентного процесса является теория социальных систем Никласа Лумана (1927–1998). Немецкий социолог изложил новое, тождественное синергетическому, видение системной организации и эволюции общества в своих многочисленных работах, в частности, в таких фундаментальных, как «Социальные системы» и «Общество общества»[173].

Применение в науке системной теории немецкого социолога Никласа Лумана, согласно которой общество как таковое состоит не из людей, а из коммуникаций, позволяет преодолеть проблему субъект-объектной дихотомии исторического факта. Феномен коммуникации (а это — и каждый факт истории, и исторический источник) снимает с повестки дня вопрос об объективном и субъективном, так как коммуникация является одновременно и тем, и другим. На место объекта приходит *различение*. Важно иметь в виду, что каждая коммуникация является одновременно смысловой операцией наблюдения. Она наблюдает за своей смысловой связью с предыдущими и последующими коммуникациями системы, к которой она принадлежит, и за релевантными для данной системы событиями в окружающем ее мире. Коммуникации возможны не сами по себе, а только в той или иной смысловой системе. Система же является автопоэтичной (состоит из коммуникаций, которые сама и порождает) и самореферентной (обращенной только к самой себе)[174]. Все это позволяет рассматривать прошлое и факты во взаимосвязи.

Важно заметить, что Луман включил в свою теорию разработки Парсонса. Согласно теории социальных систем Парсонса «действие — это

[173] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 94.
[174] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 263.

система»[175]. Им была создана перекрестная схема AGIL — из четырех функций: адаптации (A), целедостижения (G), интеграции (I), поддержании латентного образца (L)[176]. Это и есть все действия, которые могут быть у системы действия. Также система может повториться в самой себе, т.е. в подсистеме может возникнуть четыре — и только четыре — подподсистемы[177]. Соответственно такая система является открытой, и может быть сколь угодно комплексной. Но дальнейшая отдифференциация систем определяется наличием возможностей для этого. Например, Дюркгейм описывал случай с проблемой солидарности в обществе с развитым разделением труда. Это состояние дисбаланса все же временное и возникает необходимость в коррекционном развитии в других функциональных системах[178].

В виду чего Н. Луман ставит традиционный для социологии, философии, а также истории вопрос: как возможно общество с его внутренней организованностью и порядком, если в нем взаимодействуют множество людей с разными структурами психики, сознания, нужд, интересов, жизненного опыта и т.п.? И дает ответ: только на основе коммуникации[179]. Конечно, в каждой элементарной операции — коммуникации — принимают участие, по меньшей мере, двое людей, то есть две системы сознания — адресанта сообщения и его адресата[180].

Коммуникация невозможна как самостоятельный, целиком изолированный акт, не связанный с другими коммуникациями. Она может быть лишь элементом (моментом) системы коммуникаций, которые происходят в обществе и из которых последнее состоит. Социальная система может рассматриваться исключительно как система связанных между собой теми или другими смыслами коммуникаций. Так люди выводятся из самой социальной системы в ее окружающий мир[181].

В свою очередь, память человека — это своеобразный «резервуар» смыслов, которые, если они не актуализированы, отодвигаются в несознательное, чтобы не «мешать» текущим переживаниям с другим смысловым наполнением. Однако они выводятся из несознательного в актуальное состояние (если, конечно, окончательно не пришли в забвение из-за неиспользования), как только новые переживания будут требовать предоставления им хоть чем-то знакомых смыслов. Такие «сверки» смыслов, их расширение, уточнение и видоизменения называются пониманием. Итак, человек, который имеет сознание, не может не понимать, или не стремиться понять что-то или кого-то (пусть даже сначала и не верно). Эта самореферентность системы сознания, обращенность к самой себе, и

[175] Никлас Луман. Введение в системную теорию (под редакцией Дирка Веккера). / [Никлас Луман]; пер. с нем. К. Тимофеева. — М.: Издательство «Логос», 2007. — С. 25.
[176] Никлас Луман. Введение в системную теорию. — С. 25.
[177] Никлас Луман. Введение в системную теорию. — С. 27.
[178] Никлас Луман. Введение в системную теорию. — С. 28.
[179] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 97.
[180] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 97.
[181] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 98.

порождает ее целостность и оперативную замкнутость. Любая информация, которая приобретается системой сознания в окружающем мире, получает в ней собственную смысловую констелляцию. Определенная же повторяемость и распознаваемость смыслов формирует смысловые блоки — семантические сети, схемы и сценарии, из которых строится смысловая картина окружающего мира индивида и которые создают структуры ожиданий, позволяющие индивиду предсказывать заранее те или другие события и явления[182].

Система сознания функционирует так, что сама создает новые смысловые переживания, из которых она в дальнейшем и составляется. Это и есть ее автопоэзис. Как отмечает Н. Луман, «индивидуальность не может быть ничем другим, кроме циркулярной закрытости этой самореферентной репродукции». Но если каждая система сознания является операционно закрытой, то она, совершенно очевидно, не имеет доступа к другим подобным системам, а те — к ней[183].

То, что обыкновенно видится как непосредственное общение людей, в системном отношении является только структурным подсоединением психических систем к системам коммуникаций, происходящего по «правилам» последних. Из коммуникаций они черпают (сначала как «информацию») те или иные значения предметов, которые в процессе их внутреннего переживания (своеобразного «обучения») пополняют смысловую структуру сознания. Психические системы и сами могут продуцировать смыслы и в коммуникациях сообщать их другим. В результате пополняется все новыми смыслами система коммуникаций, то есть общество[184].

Важно подчеркнуть, что структурные сцепления с системами сознания делают возможным и само функционирование социальных систем. Их самореферентность обеспечивается тем, что смыслы предыдущих коммуникаций, на которые ориентируются последующие, «хранятся» главным образом в памяти систем сознания, хотя и приобретают там индивидуальные оттенки. И лишь для смыслов более давних коммуникаций социальные системы имеют собственные «хранилища памяти» — письменные тексты, культурные достояния, места памяти и т.п. А общая память общества, содействующая его устойчивости, — это культура как совокупность сохраненных им сконденсированных коммуникативных смыслов прошлого[185].

Н. Луман включает понимание в структуру коммуникации как самый важный ее элемент. Поэтому вместо характерной для традиционной теории информации схемы: сообщение (передача) информации адресантом — прием информации адресатом мы получаем значительно более сложную схему коммуникации: сообщение адресанта — информация, заложенная в

[182] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 99.
[183] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 99.
[184] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 99–100.
[185] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 100.

сообщение — понимание сообщения (выделение в нем информации) адресатом. Информация, которую хотел сообщить один, по обыкновению не целиком совпадает с информацией, которую выявил для себя в сообщении другой. Ведь каждый из коммуникантов большей частью придает ей смыслы, закрепленные в его собственной системе сознания благодаря каким-то предыдущим коммуникациям. Поскольку же эти системы различаются и непосредственно не доступны друг другу, то возникает явление, которое Н. Луман именует «двойной контингенцией» («контингенция» означает «возможность быть по-другому»). Конечно, в дальнейших коммуникационных операциях смыслы могут быть сближены[186]. А это означает, что сама коммуникация как таковая, а вслед за ней и система коммуникаций, «наблюдает», причем наблюдает как за собой, за собственным развитием, так и за событиями в окружающем мире, реагируя только на актуальные для нее. Как отмечает Н. Луман, «коммуникация представляет собой определенный тип наблюдения за миром, который руководствуется специфическим различением информации и сообщения»[187]. Суть наблюдения, которое осуществляет коммуникация, состоит в единстве различения и определения. Именно благодаря собственным наблюдениям коммуникационная система различает себя и окружающий мир[188].

Структурное соединение социальных коммуникативных систем и систем сознания обусловлено тем, что обе не только функционируют в общих медиумах смысла и языка, а и строят свои операции как операции наблюдения. В интенциональности сознания само-референцией выступает уже известный нам гуссерлианский ноэзис, а ино-референцией — ноэма. В остальном эти два вида систем существенно различаются: они имеют разную элементную базу, разную историю формирования, разную внешнюю среду и не могут подменять друг друга или руководить друг другом[189].

Системы коммуникаций, как, собственно, и системы сознания, оперируют, «лелея иллюзию контакта с окружающим миром — во всяком случае, до тех пор, пока они наблюдают лишь то, что они наблюдают, и не наблюдают то, как они наблюдают...». Этот распространенный способ наблюдения Н. Луман называет наблюдением первого порядка. Он присущ и будничным коммуникациям, и наукам. Однако для социально-гуманитарных наук, для истории угол зрения и сама процедура наблюдения должны радикально измениться, когда его предметом становится другое наблюдение — то, которое имеет место, в частности, и в такой коммуникации, каким выступает исторический источник. Тогда на место простого наблюдения приходит наблюдение за наблюдением, или наблюдение второго порядка[190]. Критика же источников всегда открывает коммуникативный процесс относительно проверки данных на основе рациональных критериев[191].

---

[186] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 100–101.
[187] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 101.
[188] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 101.
[189] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 103.
[190] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 104.
[191] Козеллек, Р. Минуле майбутнє. — С. 182.

Методология цивилизационного анализа исторического процесса В. Г. Космины

Новым словом в методологии цивилизационного анализа исторического процесса является монография украинского историки В. Г. Космины. На основе критического анализа существующих цивилизационных теорий и благодаря системно-коммуникативной теории Лумана, он разработал методологию, позволяющую собственно исторической науке выполнять присущие ей задачи.

Как отмечает В. Г. Космина, в результате свободного поиска способов цивилизационного исследования всемирной истории была созданная большая по объему научная литература. И это проявлялось главным образом на уровне философского (историософского) осмысления или описания истории, даже если авторами работ были профессиональные историки. А непосредственно в исторических исследованиях, которые проводятся в соответствии с методологическими канонами исторической науки, цивилизационный подход практически не нашел применения. Причина, совершенно очевидно, — в недостаточной разработанности методологии цивилизационного анализа истории[192]. Космина в своей монографии предложил действенную для настоящего времени методологию цивилизационного анализа исторического процесса[193], которая позволяет обосновано и на новых началах рассмотреть этот сложный вопрос, когда новый методологический подход к установлению внутренней связности (когерентности) исторических фактов и источников на основе постнекласической системно-коммуникативной теории немецкого социолога Н. Лумана применяется в системном исследовании развития цивилизаций и межцивилизационных связей[194].

Традиционно историческая наука имела дело со схемой установления факта: субъект (историк) — субъект/объект (автор источника/источник) — субъект/объект (сознание человека/действие человека в истории). А это уже предопределяло неоднозначность в определении самого объекта исследования[195]. Проблема субъект-объектной дихотомии («антиномии», «корреляции») факта исторической действительности или факта исторического источника является одной из сложнейших с точки зрения выявления взаимосвязанности процессов в истории[196].

В. Космина задает справедливый вопрос: «А возможно ли проведение макроисторических исследований, в частности, цивилизационных, средствами самой исторической науки, то есть при опоре «непосредственно» на исторические источники? Конечно, если по традиции пробовать искать в источниках свидетельства об «объективных» процессах прошлого, то сделать

---

[192] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 9.
[193] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 11.
[194] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 11.
[195] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 73–74.
[196] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 93.

такое «объективное» макроописание едва ли удастся, принимая во внимание информационную неисчерпаемость самих источников.

Поэтому необходимо расширение методологического инструментария в исследовании истории. Оно диктуется и современными процессами в науке, которая вступает в новый этап развития — постнекласический, когда частично нивелируется значения предыдущих подходов и к природе, и к обществу, а вместо этого утверждается новое мировоззрение, основанное на идее холизма (целостности). Становятся актуальными преодоления картезианского деления мира, общества и человека на две отдельных субстанции с уже традиционным противопоставлением субъекта и объекта и переход к интегральному анализу исторического процесса. Одним же из перспективных направлений развития собственных цивилизационных исследований могло бы стать применение историками именно достижений постнекласической социологии в анализе социальных систем[197].

Социальные системы являются системами смысловыми. Смысл же коммуникации, то есть ее значение (=назначение), заключается в том, что она присоединяется к коммуникациям лишь определенной направленности, а не к любым. И наоборот — система коммуникаций позволяет присоединяться к себе лишь определенным коммуникациям, а не любым. В большинстве случаев коммуникации группируются по общей ориентации на какие-то общие смыслы, своеобразные коммуникативные коды, которые можно условно обозначить определенными смысловыми терминами и вокруг которых выстраиваются последовательности коммуникаций, их сети, а потом и целые подсистемы общества. В современном обществе такими словами-кодами коммуникаций является: для политической подсистемы — власть/право, для экономической — собственность/деньги, для интимной сферы — любовь, для науки — истина, для искусства — прекрасное и т.п. «Понимание» в коммуникации предусматривает, прежде всего, выяснение ее соответствия тому или этому коду[198].

Произведенные варьированиями эволюционные изменения могут порождать разные формы системной дифференциации общества: сегментарную, деления на центр и периферию, стратификационную, функциональную. В современном мире они могут даже сосуществовать друг с другом, но исторически они появлялись в разные времена и формировали разные типы обществ, в которые в разных конфигурациях нередко включались и элементы предыдущих форм. Первой и наиболее продолжительной исторической формой были архаические сегментарные общества, которые представляли собой множество самостоятельных родовых и территориальных общин, иногда объединенных в племена и союзы племен. В этих обществах, построенных на непосредственном общении их членов (интеракции), варьирование в коммуникациях было неотделимым от селекции. Ради общего выживания общины и предотвращения конфликтов

[197] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 93.
[198] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 105.

варьирование или однозначно принималось всем коллективом, или им же однозначно отвергалось. Следующим этапом стало возникновение уже обществ «высоких культур», или цивилизаций. Они опирались, прежде всего, на системную дифференциацию центра и периферии (аристократии и простого народа), часто при политическом объединении в большие империи. Со временем происходила общественная стратификация — появлялись сословия, касты, превращавшиеся в частичные социальные системы. Обе формы включали в себя многочисленные сегментарные общества (общины), над которыми выстраивались централизованные властная и религиозная структуры. Помимо интеракций в этих обществах средством коммуникации выступает уже письменность, в частности, сакральные тексты, что делает возможным дальновидные коммуникации, а соответственно интеграцию больших обществ во времени и пространстве. Здесь уже селекция коммуникационных вариаций соединена с их ре-стабилизацией, поскольку обе эволюционные функции регулируются доминирующей религиозной структурой[199].

В своем единстве три указанные теории Н. Лумана — теория коммуникации как двойной контингенции, теория эволюции, теория дифференциации — позволяют изучать социальную систему сразу в трех смысловых измерениях, в которых она себя наблюдает: социальном, временном и предметном. При этом следует иметь в виду, что самонаблюдение социальных систем сопровождаются созданием самоописаний — текстов, координирующих множество зависимых от них событий и привязанных к конкретным ситуациям самонаблюдений. Как пишет Н. Луман, «под самонаблюдением всегда должна пониматься лишь операция, осуществляемая в рамках системы и направленная на систему, а под самоописанием — производство соответствующего этому текста». А как мы уже знаем, цивилизации создаются как раз на основе письменных самоописаний, причем часть из них, в виде «исторических источников», является для нас доступной. Поэтому если цивилизация (общество «высокой культуры») является действительно целостной системой, то какие именно самоописания (или: самоописания каких коммуникаций?) обеспечивают ее смысловую интеграцию и унификацию? Такими самоописаниями следует признать сакральные тексты, лежащие в основе религиозных коммуникаций между людьми. В традиционных цивилизациях именно они в течение столетий и тысячелетий выступают главными носителями традиции, что упорядочивает остальные самоописания и придает им высокий смысл[200].

Каждое проявление человеческой активности способно служить другим людям прямым или косвенным сообщением, то есть, каждый факт исторической действительности подпадает под понятия коммуникации и является составляющей общества и его истории. Кроме того, в факте сливаются, или даже «растворяются» одно в одном, объективное и

---

[199] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 105–106.
[200] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 106.

субъективное, материя и сознание, вследствие чего преодолевается, в конце концов, картезианский дуализм в исследовании истории, противопоставление в ней объективного и субъективного. Факт и источник оказываются тождественными, с тем лишь уточнением, что лишь мизерная часть источников-коммуникаций прошлого является для нас доступной. Поэтому исследование источника становится исследованием факта. При этом исследуемый факт-коммуникация указывает и на себя, и на некоторые другие факты-коммуникации, с которыми он имеет системные смысловые связи. Выявление последних является выявлением системных смыслов исторических событий, явлений и процессов[201].

Н. Луман специально подчеркивает, что «наиболее радикальная перестройка... состоит в переходе от соображений об объектах к соображениям о различении». Дальновидная логика здесь такая. Если нет традиционного объекта, то нет и традиционного субъекта, то есть, вопрос субъект-объектной дихотомии снимается с повестки дня. Все в обществе является его внутренними коммуникациями. В разрезе исследуемой нами проблемы и факт действительности является коммуникацией, и факт-источник является коммуникацией, и научное их изучение (так называемый научно-исторический факт) тоже является коммуникацией, которую историк в виде научной публикации вносит в подсистему науки и в само общество. Как же коммуникация может «изучать» коммуникацию? Вот здесь и обнаруживается смысл акцентированного Н. Луманом «различения». Оно является содержанием наблюдения, присущего практически каждой коммуникации, и сводится к различению в ней само-отнесения (сообщение) и ино-отнесения (информации относительно внешнего мира)[202].

Социальная система прошлого становится для нас «доступной» в своих собственных самоописаниях (исторических документах). Исследование «событийной связи системы» требует перенесения центра тяжести в ее анализе с данного самоописания (источника) на каждый последующий в их смысловой последовательности, чтобы выявить или продолжение, или эволюционное видоизменение в структуре коммуникативных смыслов системы. Кроме того, приобретают особое значение те самоописания общества, прежде всего религиозные и властные, которые охватывают своим влиянием всю цивилизацию и в той или иной мере регулируют ход других коммуникаций. Поэтому если исследователь хочет понять исторические источники как структурные элементы социальных систем прошлого, он должен перейти на позиции наблюдателя второго порядка[203].

Выводы

Начатый издалека разбор памяти, пространства, времени, опыта и мифа привел к тому, что для их исследования необходимо применять системно-

[201] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 109.
[202] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 111.
[203] Космина В.Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу. — С. 116–117.

коммуникативную теорию Н. Лумана и методологию цивилизационного анализа исторического процесса. Безусловно, это не единственные теории и методологии, которые уместны при анализе указанных вопросов. Но поскольку целью статьи было внедрить, применить и опробовать новую методологию исторической науки — системно-коммуникативную связность исторического процесса для отдельно взятой цивилизации (Месоамерики), то и был выбран именно такой подход. Собственно, и композиционная структура данной книги была разработана именно так, чтобы читатель или исследователь смог проследить, как развивался исторический процесс на протяжении длительных интервалов, какие смыслы и коммуникации наполняли его, невзирая на временные промежутки, по которым нет ни известий, ни документов, ни упоминаний. Есть основания верить, что начатое нами как нечто предварительное, будет продолжено другими учеными для других областей и периодов исторической науки.

Список использованной литературы

1. Gaborit M. Memoria histórica: relato desde las víctimas / Mauricio Gaborit // Pensamiento psicológico. — 2006. — № 6. — P. 7–20. — ISSN 1657-8961.
2. Pérez Serrano J. Experiencia histórica y construcción social de las memorias: la transición española a la democracia / Julio Pérez Serrano // Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea. — 2004. — № 3. — P. 93–124. — ISSN 1579-3311.
3. Андрущенко В. Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть. Досвід соціально-філософського аналізу. — К. : ТОВ «Атлант ЮемСі», 2005 — 498 с.
4. Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Bonn : Westdeutsche Verlag, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/memory/research/51658. — Название с экрана.
5. Ассман А., Ассман Я. День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 2. Формации социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Bonn : Westdeutsche Verlag, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/51659. — Название с экрана.
6. Ассман Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004. —368 с. — (Studia historica). — ISBN 978-5-94457-176-4.
7. Барт Р. Миф сегодня / Р. Барт // Семиотика. Поэтика: избр. раб. − М. : «Прогресс»; «Универс», 1994. − С. 72–130.
8. Березкин Ю. Е. Мифология аборигенов Америки: Результаты статистической обработки ареального распределения мотивов // История и семиотика индейских культур Америки. — М. — 2002. — С. 259–346.
9. Бойко О. Феномен соціальної пам’яті: основні концептуальні підходи до аналізу та інтерпретації / Олександр Бойко // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ : ІПІЕНД, 2013. — С. 35–78. — ISBN 978-966-02-6839-5.

10. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. — 1990. — №2. — С. 58–69.
11. Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. Мифологическое мышление / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.-СПб. : Университетская книга, 2002. — 280 с. — (Книга света). — ISBN 5-94483-003-4.
12. Киридон А. Темпоральні сценарії репрезентації колективної пам’яті / Алла Киридон // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ : ІПІЕНД, 2013. — С. 79–92. — ISBN 978-966-02-6839-5.
13. Козеллек Р. Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу : пер. з нім. / Райнгарт Козеллек. — К. : Дух і літера, 2005. — 380 с. — ISBN 966-7888-94-0.
14. Козолупенко Д. П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры). Научное издание [Текст]: монография / Д. П. Козолупенко. — М. : Канон+, 2005. — 212 с. — ISBN 5-88373-184-8.
15. Кольев А. Политическая мифология: реализация социального опыта. — М. : Логос, 2003. — 384 с.
16. Космина В. Г. Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу [монографія] / В. Г. Космина. — Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2011. — 310 с. — ISBN 978-966-599-332-2.
17. Культурология. Энциклопедия в 2х томах / глав. ред. С.Я. Левит. — Т. 2. − М. : РОССПЭН, 2007. − 1392 с.
18. Куприенко С. А. Источники XVI–XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма / ред. и пер. Сергей Анатольевич Куприенко. — К. : Видавець Купрієнко С.А., 2013. — 418 с. — ISBN 978-617-7085-03-3.
19. Куприенко С. А. От редактора // Исторические аспекты современных проблем правоведения: сборник научных статей / Е. Л. Венгеровский [и др.]; отв. ред. С. А. Куприенко, ред. А. В. Коваль. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 121 с. — (Право. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-10-1.
20. Куприенко С. А. Перуанская книга особой важности / Сергей Анатольевич Куприенко // Пачакути Йамки Салькамайва Х. де С. К., Куприенко С. А. Доклад о древностях этого королевства Перу / Хуан де Санта Крус Пачакути Йамки Салькамайва; Сергей Анатольевич Куприенко; Кристобаль де Альборнос. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — С. 6–16. — (Южная Америка. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-09-5.
21. Куприенко С. А., Талах В. Н. Кодекс Мендоса / Ред. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 308 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-05-7.
22. Куприенко С. А., Талах В. Н. Мексиканская рукопись 385 «Кодекс Теллериано-Ременсис» (с дополнениями из Кодекса Риос) / Ред. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 317 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-06-4.
23. Лебон Г. Психология толпы. — М., 1988. — 412 с.
24. Леви-Стросс К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс; [пер с фр.] − М. : Наука, 1985. − 536 с.
25. Лобок А. Антропология мифа. − Екатеринбург, 1997.
26. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. − М. : Академический проспект, 1994. − 303 с.
27. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А.Ф. Лосев. − М. : Политиздат, 1991. − 524 с.

28. Луман Н. Введение в системную теорию (под редакцией Дирка Веккера). / [Никлас Луман]; пер. с нем. К. Тимофеева. — М. : Издательство «Логос», 2007. — 360 с. — ISBN 978-5-8163-0076-6.
29. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. − М. : Восточная литература, 2006. − 406 с.
30. Міфологізація свідомості в сучасному суспільстві. Автореф. дис. канд. філос. наук: 09.00.03 / Д.В. Усов; НАН України. Ін-т філос. ім. Г.С. Сковороди. − К., 2002. − 19 с. − укр. — Режим доступу: http://www.lib.ua-ru.net/inode/7550.html − Заголовок з екрану.
31. Московичи С. Век толп. — М., 1998. — 477 с.
32. Нагорна Л. Культура історичної пам'яті / Лариса Нагорна / Юрий Шаповал // Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ : ІПІЕНД, 2013. — С. 9–34. — ISBN 978-966-02-6839-5.
33. Пачакути Йамки Салькамайва Х. де С. К., Куприенко С. А. Доклад о древностях этого королевства Перу / Хуан де Санта Крус Пачакути Йамки Салькамайва; Сергей Анатольевич Куприенко; Кристобаль де Альборнос. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 151 с. : ил. — (Южная Америка. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-09-5.
34. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. — М. : Ладомир, 1999. — 440 с.
35. Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X–XI: Познания астеков в медицине и ботанике / Бернардино де Саагун, С. А. Куприенко. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 218 с. : ил. — (Месоамерика. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-07-1.
36. Сегела Ж. Национальные особенности охоты за голосами. — М., 1999.
37. Стеблин-Каменский М. И. Миф / М.И. Стеблин-Каменский — Л. : Наука, 1976. — 104 с.
38. Талах В. Н., Куприенко С. А. Америка первоначальная. Источники по истории майя, науа (астеков) и инков / Ред. и пер. В. Н. Талах, С. А. Куприенко. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 370 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-00-2.
39. Талах В. Н., Куприенко С. А. Кодекс Мальябекки / Ред. и пер. В. Н. Талах, С. А. Куприенко. — К. : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 202 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-04-0.
40. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. — М. : Прогресс-Традиция, 2004. — 264 с.
41. Фрейденберг О. Миф и литература древности. − М., 1978.
42. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с. — ISBN 978-5-98379-088-9.
43. Хюбнер К. Истина мифа. — М. : Республика, 1996. — 448 с.
44. Шаповал Ю. Вступ / Юрий Шаповал // Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ : ІПІЕНД, 2013. — С. 5–8. — ISBN 978-966-02-6839-5.
45. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. — М., 1983.
46. Юнг К. Г. О психологии бессознательного // Юнг К.Г. Собр. соч. Психология бессознательного. — М., 1997. — С. 103–229.

Прежде, чем приступить к рассмотрению мифологии народов науа, мы постараемся найти ответ на один из фундаментальных вопросов — чем обусловлена специфика этих мифов, а главное — что роднит их с сотнями других, некогда существовавших по всему миру у народностей, даже не подозревавших о существовании друг друга? Не одним поколением ученых в сфере этнографии, лингвистики и психологии было доказано, что истоки всякого мифотворчества — в специфике сознания, свойственной целому народу на определённом этапе развития. Особенность эту принято обозначать как «пралогическое», «мифологическое» или «архаичное» сознание. Не будем изобретать велосипед, но ознакомимся с уже имеющимися точками зрения по данному вопросу.

Первобытный (или «тотальный») миф — это единственно доступный для архаичного человека способ мировосприятия и мироописания, это попытка структурировать изначальный хаос, назвать отдельные его категории и научиться взаимодействовать с ним. Иными словами, мифотворчество — это способ осознания человеком своего места в первобытной системе координат.

Существует распространенная точка зрения о мифе как о жанре художественной литературы, и она также имеет право на существование. Мы же обратимся к пра-творчеству индейцев Центральной Мексики не только в контексте художественной ценности, но и как к исторической документации специфики мышления людей той эпохи.

Говоря о мифе и художественном творчестве, стоит заметить, что это своего рода — антитезы, ведь «первобытный тотальный миф и дифференцированное художественное творчество лишены возможности встретиться: пока жив первый, его цельность как раз и гарантирована тем, что искусство из него ещё не вычленилось, а появление искусства само сигнализирует о распаде мифологического мира»[204].

Воспринимать тотальный миф как своего рода перво-науку можно с большей долей уверенности: ещё Карл Густав Юнг характеризовал магию (магическое мышление) как «науку джунглей»[205], видя в ней способ рационализации, познания реальности.

Об основах архаического мышления написано немало, и мы остановимся лишь на краеугольных понятиях, важных для адекватной трактовки первобытного мифотворчества. Итак:

[204] Аверинцев С.С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. — С.176

[205] «Magic is the science of the jungle», Юнг К. Г. Архаичный человек // Проблемы души нашего времени: сб.ст. — М.: Флинта, 2006. — С. 168

1) В своей работе «Первобытное мышление»[206] Люсьен Леви-Брюль подробно рассматривает теорию «мистической сопричастности» (или «мистического симбиоза»). Её основным положением является неспособность первобытного человека к осознанию себя в качестве индивида, на место личному восприятию приходят так называемые коллективные представления.

2) О другой не менее важной категории архаичного сознания вслед за Леви-Брюлем будут говорить такие выдающиеся ученые как К. Юнг, Е. Мелетинский, В. Пропп, С. Аверинцев, О. Фрейденберг. Речь идет о предельной конкретности первобытного мышления — ему не знакомы абстракции. Конкретность первобытного мышления автор видит в том, что мистические свойства предметов и существ составляют основную часть представлений о мире архаичного человека, но в корне противоположного современному нам мышлению.

3) Архаичное сознание — это исторически определимая категория[207], и не стоит пытаться трактовать его особенности с точки зрения (и логики) современного человека.

5) Следующей значимой особенность первобытного мышления является его синкретизм, то есть «неотчетливое разделение субъекта и объекта, материального и идеального, вещи и её атрибутов, единичного и множественного, статичного и динамичного, пространственных и временных отношений»[208]. Непосредственно синкретизм мышления проявляется в неспособности первобытного человека провести границу между собой и окружающим миром.

6) Мир архаичного человека основан на бесконечном повторении одного и того же сюжета либо явления, а также на двоичных (бинарных) оппозициях. Воспринимая такие фундаментальные антиномии как «жизнь–смерть», «верх–низ», «мужчина–женщина» в качестве единого по своей сути явления, архаичный человек тем самым видит мир в его непрерывности и целостности.

Надеемся, что краткий экскурс в историю вопроса позволит нам с большей степенью осведомленности воспринять специфику первых мифов Центральной Мексики.

Изучая космогонические мифы народов мира, можно охарактеризовать их как «первую науку», или попытку объяснить происхождение вселенной, людей, пищи и прочих благ. Рассмотрим варианты науа по этому вопросу.

---

[206] Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Сверхъестественное в первобытном мышлении — М.: Педагогика-Пресс, 1994.

[207] Пропп В. Я. Морфология сказки. — М.: Лабиринт, 2003. — С. 36.

[208] Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М.: Восточная литература, 2006. — С. 73.

Первое, на что мы должны обратить внимание — это перечисление эпох существования мира, существования солнца, и описание их специфики и причин гибели. В «Легенде о Солнцах» дается следующая формулировка о появлении мира: «Давным-давно случилось, что таким образом появилась земля, и таким образом нашли на ней место разные вещи, и таким образом они начались». Здесь мы встречаемся с индифферентностью к вопросу происхождения Вселенной. Топоров назвал этот аспект «нулевым значением параметра «как произошло творение?». Зачастую носители мифологического сознания не утруждали себя ответом на данный вопрос, ограничиваясь установкой «так и было»[209] без каких-либо дополнительных мотивировок и объяснений.

Рисунок 9. Тлальтекутли.

Мотив происхождения людей разработан куда подробнее. Человечество существовало и в эпохи первых Солнц, но, в результате гибели мира, теряли свой изначальный облик и превращались в обезьян, индюков, рыб. Одному мужчине и одной женщине (их имена показательны — Тата — от слова

[209] Топоров В. Статья «Космогонические мифы» в энциклопедии «Мифы народов мира», Т.2. — М.: Советская энциклопедия, 1992. — С. 6–9.

Татли, отец; Нене — от слова Ненете, «естество женщины») суждено было пережить потоп[210]. По совету Титлакауана Тескатлипоки они сделали отверстие внутри большого дерева ауэуэтль[211], и там спрятались в то время, когда небо ушло под воду. Пережив потоп, они покинули своё укрытие и, увидев рыб, наловили их, пожарили, разведя огонь с помощью палочек. За это их ждало суровое наказание. Пара богов-творцов, Ситлаллиникуэ и Ситлаллатонак, спросили: «Боги! Кто добыл огонь? Кто закоптил небо?». Добыча огня людьми как величайшего блага является своего рода табу, его варианты мы встречаем в ряде мифов у разных народов. Наказанием за нарушение сакральной границы для них стала потеря человеческого облика: Титлакауан Тескатлипока, тот, кто помог пережить им потоп, «перерезал им загривки и приделал головы к ягодицам, из-за чего они стали собаками». После этого огонь был снова зажжен, но уже рукой бога, Тескатлипоки. Таким образом, была восстановлена сакральная природа происхождения огня на земле — полученного в дар от божества, но не добытого руками людей.

В «Легенде о Солнцах», в эпизоде о добыче огня после потопа, встречается комментарий: «Это были уже мы, это были ныне живущие». Но мотив происхождения первый людей, их создания, также приведен в подробностях в соответствующем мифе.

Когда было создано основание небес и основание земли, боги задумались, кто же будет её населять. Кецалькоатль, «Пернатый змей», отправился в Миктлан, страну мертвых, и обратился к её владыке со следующей просьбой: «Я пришел в поисках драгоценных костей, которые ты охраняешь, я пришел забрать их». Это были кости мужчины и женщины. Боги подземного мира были против, в качестве препятствия они выкопали яму, в которую упал Кецалькоатль. В результате падения кости мужчины и женщины перемешались, а позже, на небе, богиня Киластли перемолола их и поместила в драгоценный сосуд. Оживление костей, то есть появление человека, произошло в результате того, что боги пролили на них свою кровь. Данный сюжет также знаком многочисленным мифам и архаическим сказкам мира: Микронезии, Сахалину, Амазонии[212]. Не будем забывать и более поздние сказки, где герой возвращается в свой мир из мира мертвых под действием «живой воды».

Говоря о процессе формирования космоса в представлениях древних, нельзя не упомянуть о такой важной категории как сакральные числа. Зачастую в основе мироздания лежит одно и то же действие, повторенное определённое количество раз, либо на протяжении определённого времени. Примечательно, что даже в кратких по форме первых мифах (что

[210] Потоп, в котором погибло 4 Солнце, Науи-Атль.

[211] Ауэуэте — дерево с толстым стволом и густой листвой. Мифологема сакрального дерева будет также рассмотрена нами.

[212] Мотив Е27. Люди из капель крови. .20.37.47.57.62.65 // Ю.Е. Березкин. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам.

обусловлено отсутствием чисто художественных, «нефункциональных» подробностей) мы зачастую сталкиваемся с категориями тех или иных сакральных чисел. Количество первых людей, срок творения мира — всё это вполне конкретные «данные». Почему же архаичному человеку были важны числа? Обратимся к статье В. Топорова «Космогонические мифы»: «Порядок творения подчеркивается часто введением числовых показателей, которые относятся или к порядковому номеру этапа творения, или к количеству элементов мироздания, возникающих на данном этапе его развития»[213]. Таким образом, категория числа в первобытном мифе — это та же попытка структурировать мироздание, указать на последовательность и упорядоченность акта творения в противовес хаотичному началу.

Рисунок 10. Миктлантекутли.

[213] Топоров В. Статья «Космогонические мифы» в энциклопедии «Мифы народов мира», Т.2 — С. 7.

В космогонических мифах науа нам встречается, во-первых, точное количество Солнц и лет, на протяжении которых существовали первые 4 цивилизации. Кроме того, в «Кодексе Риос» дается описание чёткого деления вселенной на уровни: 9 небес («и эти девять причин или небес отличали благодаря кометам, которые они |индейцы| видели; и сообразно цвету, который они видели в комете, они давали имя той причине или небу»), трёхчастная структура мира. Как мы знаем, архаичной мифологии свойственно вертикальное или горизонтальное деление вселенной на множество миров. У науа мы видим трёхчастную вертикальную структуру, условно охарактеризовать которую можно как нижний, средний и верхний миры, которые имеют также своё членение.

Верхний мир, или Девять небес — это место обитания богов. Сюда попадают воины, и те, кто умер во время сражения. Он описывается следующим образом: «И на небесах была роща или лес с разными видами деревьев. И жертвы, которые приносили им в этом мире живущие, попадали в место их присутствия, и там они их получали. И после того, как проходили четыре года, души покойников превращались в разные виды птиц с разноцветным и богатым оперением, и летали, высасывая нектар всяких цветов, как в небесах, так и в этом мире, как это делают сенсонтле»[214].

Земля — мир людей, где протекает их жизнь. Кроме того, науа выделяли так называемый земной рай, где «много увеселений и утех, и никаких страданий. И там никогда нет недостатка в зеленых маисовых початках, и тыквах, и веточках лебеды, и зеленом перце, и томатах, и зеленой фасоли в стручках, и в цветах. И там живут боги, называемые тлалоке, которые являются перед служителями идолов, имеющими длинные волосы. И те, кто идут туда — это убитые молнией, или утонувшие в воде, и прокаженные, и сифилитики, и подагрики, и больные водянкой <…>.

И также говорили, что в земном раю, называемом Тлалокан, всегда были зелень и лето»[215].

Нижний мир — это мир мёртвых, он также имел 9 ярусов. Вот описание некоторых из них: «Второе место, имевшееся у этих несчастных, было преисподней, куда, сказывали, уносили души тех, кто умирал по приговору или от болезни, или любого другого рода естественной или насильственной смертью». Кроме того, отдельно выделялось место, куда после смерти попадали младенцы: «Это было 3-е место душ, переходивших из этой жизни, куда шли только младенцы, умиравшие несмышлёными. Они выдумали дерево, сочившееся молоком, где размещались все младенцы, умиравшие в том возрасте».

[214] Бернардино де Саагун, «Всеобщая история событий в Новой Испании. Книга третья. О начале богов».

[215] См. там же, С. 210.

Необходимо также заметить, что условное деление вселенной на миры вовсе не означало их взаимной непроницаемости. Ещё одной специфической чертой космогонических мифов, согласно исследованию О. Б. Долгих, является «совершенно неожиданные и незаметные переходы от реального мира в мир потусторонний. Эта, несомненно, очень архаичная черта фольклора восходит к эпохе, предшествовавшей появлению представлений о естественном и сверхъестественном»[216]. «Боги и люди при определенных условиях вполне способны взаимодействовать. Так, например, в «Кодексе Риос» приводится миф о рождении Кецалькоатля «девой Чимальман из Тулана».

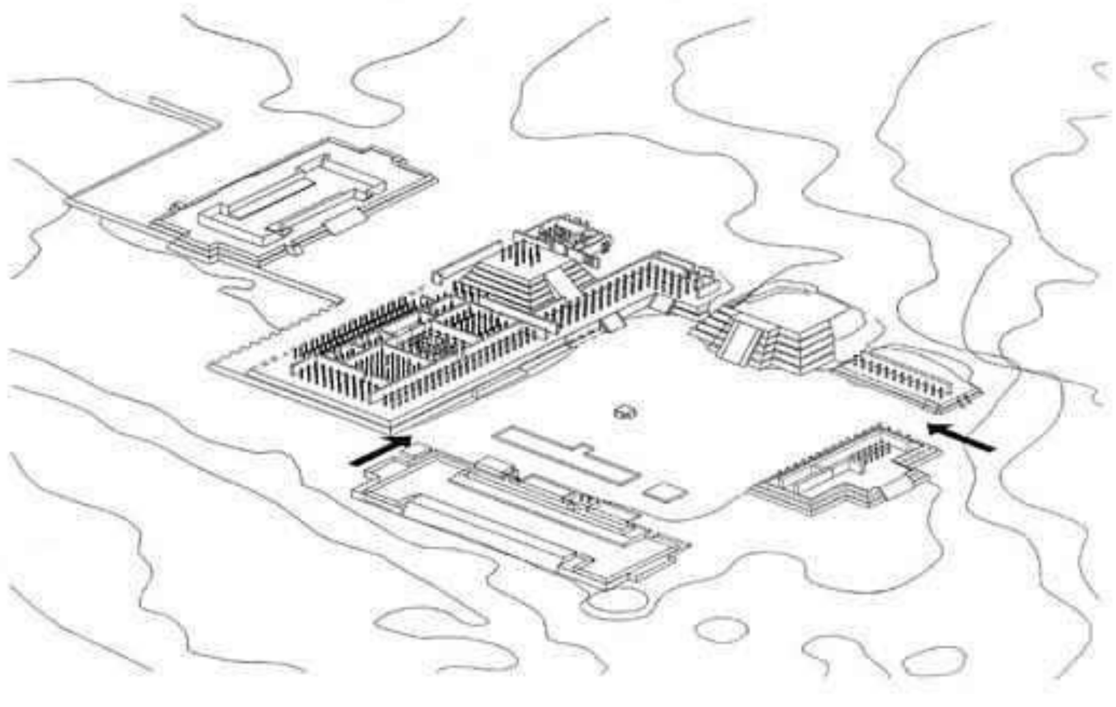


Рисунок 11. Центр Тулы (по Р. Мастаче).

На образе Кецалькоатля, Пернатого Змея, нам бы хотелось остановиться подробнее. Главное действующее лицо космогонических мифов — демиург[217]. Это мифологический персонаж, созидающий элементы мироздания, космические и культурные объекты, людей. На ранней стадии становления первобытного сознания его деятельность во многом подобна деятельности ремесленника. Он действует посредством магии, для создания того или иного объекта вселенной достаточно его слова.

Мы уже рассматривали сюжет, где Кецалькоатль выступает как добытчик «драгоценных костей» и таким образом дает жизнь первым людям. В «Кодексе Риос» также подчеркивается, что Кецалькоатль был первым, кто

[216] «Мифологические сказки и исторические предания нганасан» под. ред. Долгих. — С. 4–32.

[217] Др.-греч. δημιουργός — дословный перевод «творящий для народа», традиционное значение «мастер, ремесленник, творец» от др.-греч. δῆ μος — «народ» и ἔ ργον — «дело, ремесло, промысел»; изначально название класса ремесленников в античном греческом обществе, но впоследствии это слово стало обозначать Бога-Творца, создателя мира; впервые в таком значении использовано Платоном.

«совершил покаяние с целью умилостивить богов, дабы они простили его народ. Говорят, что он жертвовал самим собой, пуская собственную кровь шипами и |совершая| другие виды покаяния. Он имел обыкновение бросать в огонь золото, драгоценные камни и ладан, когда ему казалось, что уже пришли бедствия к его народу по причине малого почтения, оказываемого людьми Богам». Он научил людей покаянию и почитанию богов — результатом чего явилось прекращение многолетнего бесплодия земли и фантастические, обильнейшие урожаи. Кецалькоатль был первым, кто построил на Земле храмы. В «Летописи Куаутитлана» мы встречаем следующую информацию об интересующем нас персонаже: «Он взывал к Месту Двойственности, к Девяти Слоям, из которых состоят небеса. И так тамошние обитатели знали, что тот, кто обращался к ним и молился им, в действительности был смиренным и искренне каялся». Кроме того, «он был великим искусником во всех своих делах: в своих блюдах для еды, в своих кубках для питья, в своих расписанных лазурью, зеленью, белым, жёлтым и красным сосудах. И там было многое другое».

Рисунок 12. Пернатый змей. Британский музей.

Обобщая имеющиеся сведения, мы можем сказать, что Кецалькоатль действительно сочетает в себе черты демиурга и культурного героя. Имея ярко выраженные магические способности, он действует на благо народа, передавая ему и сакральные знания (о почитании богов и строительстве храмов), и вполне бытовые (изготовление украшений, красивой посуды и т.д.).

Небезынтересным для нас будет обратиться к обрядам, описание которых мы встретим в тексте. В первую очередь, речь пойдет о человеческих жертвоприношениях. В «Анналах Куаутитлана» говорится о том, что Кецалькоатль, молясь богам, никогда не приносил человеческих жертв — этой практики ещё не существовало. Описание первого человеческого жертвоприношения мы встречаем в «Легенде о Четырех солнцах», где «девица мешиков» была ритуально лишена жизни для того, чтобы вызвать дождь и прервать продолжительную засуху. Как только в сосуд из тыквы было помещено сердце девушки и различные виды пищи, «сразу набежали тучи, и тут же пошел дождь, и лил очень сильно: за четыре дня, как он лил, каждый день и каждую ночь, впитывалась вода. Тут же проросли разные съедобные растения, и все травы, и сакате[218], и кроме того, завязались и созрели местные плоды». Подобного рода обряды были рассмотрены и классифицированы ещё Дж. Фрезером. Исходя из его теории, человеческое жертвоприношение с целью вызывания дождя является имитативной, или симильной, магией[219].

Не менее архаичным по содержанию нам представляется обряд, описанный Бернардино де Саагуном во «Всеобщей истории событий в Новой Испании. Книга третья. О начале богов». Речь идет о празднике, называемом Панкецалистли, в ходе которого из теста изготавливалось тело бога солнца Уицилопочтли. Инсценировалось его убийство, а затем, когда упомянутый бог солнца умирал, «тут же ломали и разрывали на части тело Уицилопочтли, которое было куском теста, сделанного из семян лебеды. И сердце Уицилопочтли брали для владыки или царя, а все [остальное] тело и куски, которые были как кости упомянутого Уицилопочтли, делили надвое между жителями Мешико и Тлатилолько. Для тех, кто удостоился быть причастным плоти Уицилопочтли, полагался строгий годовой пост»[220].

Теофагия, или дословно «поедание Бога» — древний обряд, несущий в себе идею приобщения к божественной силе. Умирающий или убиваемый бог — архаичная мифологема, воспроизводить которую призваны многочисленные обряды. Без сомнения, первые из них строились на человеческом жертвоприношении, замена плоти бога хлебом — более

[218] Слово из языка науатль — «степная трава».

[219] Фрэзер Дж. Дж. Симпатическая магия // Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. — М.: Политиздат, 1980. — С. 20–60. Симпатическая магия − форма колдовства, основывающаяся на идее о том, что предметы, сходные по внешнему виду (магия подобия) либо побывавшие в непосредственном контакте (магия контакта) якобы образуют друг с другом сверхъестественную, магическую связь. Имитативная (симильная) магия основана на принципе «подобное производит подобное». Так, для того, чтобы причинить вред своему врагу, колдун колет острыми предметами рисунок человеческой фигуры или куклу. По принципу подобия вред, приносимый изображению или кукле, должен перенестись на обидчика. Другой любопытный пример этого рода магии — помощь при родах. В этом случае шаман изображает роженицу, привязывая к себе камень. Удачно прошедшее «представление» родов шаманом должно по принципу подобия сделать настоящие роды так же удачными (Токарев С. А. Сущность и происхождение магии. Типы магии. // Ранние формы религии. — М., Политиздат, 1990. — С. 426—432.).

[220] Бернардино де Саагун, «Всеобщая история событий в Новой Испании. Книга третья. О начале богов».

поздний вариант. Его аналоги мы можем проследить в мировой культуре и сегодня — так, например, известное причастие «плотью и кровью Христа» генетически связано с древним обрядом.

В приложении к своему труду Бернардино де Саагун приводит описание посмертных проводов человека — своеобразная «картография того света» — ещё одна важная категория первобытных мифов: маршрут был заранее известен, а к преодолению препятствий на пути науа относились очень ответственно.

Покойного заворачивали в специальные бумажные повязки и его плащи, сбрызгивая водой и раскладывая перед ним нарезанные листы бумаги с наставлениями: «Смотри сюда, с этим ты должен пройти между двумя горами, которые сталкиваются друг с другом» или «Смотри сюда, с этим ты должен пройти по дороге, где находится змея, стерегущая путь». Помимо названных преград, на пути умершего ждали зеленая ящерица, называемая Шочитональ, восемь пустынных высокогорий, восемь перевалов, ветер из ножей. В дорогу умершему собирали его вещи, оружие и добычу, взятую у пленных — считалось, что это всё пригодится душе в её непростом странствии.

Подробно описывая ландшафт и маршрут в «ином мире», человек также наделял его структурой, то есть делал более понятным для себя. Узнать о смерти как можно больше, персонифицировать её, заранее быть готовым к нелегкому путешествию — значит приуменьшить страх перед неизвестным.

Благодаря уникальному материалу данной книги мы можем больше узнать об истории, культуре и мифологии народов Центральной Мексики. Но не только. Считать наследие архаичных культур неактуальным сегодня — большое заблуждение, ведь мы имеем дело не только с устными преданиями и историческими фактами — в основе этого лежит определенный способ мышления. Попробовать понять его, наблюдать парадоксальную логику первобытного — значит узнать больше о человеке и его мировоззрении.

Список использованной литературы:

1. Аверинцев С.С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // «Вопросы литературы», 1970. — № 3. — С. 113–143.

2. Березкин Ю. Б. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам // (http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/).

3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. — М.: Восточная литература, 2006.

4. Долгих О. Б., Померанцева Э. В. «Мифологические сказки и исторические предания нганасан». — М.: Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1976.

5. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Сверхъестественное в первобытном мышлении — М.: Педагогика-Пресс, 1994.

6. Пропп В. Я. Морфология сказки. — М.: Лабиринт, 2003.

7. Топоров В. «Космогонические мифы» // «Мифы народов мира», Т.2. — М.: Сов. энцикл., 1988. — С. 10–12.

8. Фрэзер Дж. Дж. Симпатическая магия // Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. — М.: Политиздат, 1980.

9. Юнг К. Г. Архаичный человек // Проблемы души нашего времени: сб.ст. — М.: Флинта, 2006.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. БОГИ УМЕРЛИ В ТЕОТИУАКАНЕ. Космогонические и космологические мифы науа

Сказания о начале времен в «Легенде о Солнцах»

(В. Н. Талах**)**

Падение астекской государственности в 1521 году нанесло огромный удар по литературной традиции центральномексиканских индейцев, однако, полностью не уничтожило её. В течение XVI века появился ряд литературных памятников, записанных на науатль латиницей и, несомненно, восходящих к доиспанским прототипам.

По меньшей мере, два из них содержатся в манускрипте, известном в настоящее время как «Кодекс Чимальпопоки» [Códice Chimalpoposa]. Рукопись в тетради из 43 листов размером 15 на 22 см была создана, по всей видимости, в первые десятилетия XVII века. Некоторые указания на происхождение рукописи содержат записи на обложке, приводящие генеалогию знаменитого мексиканского историка Фернандо де Альва Иштлильшочитля[221] (1578?–1650). Вероятно, именно им либо по его заказу была сделана копия с утраченной первоначальной рукописи или рукописей. Наличие в сборнике сочинения индейского священника, теолога, метиса-тласкальтека Педро Понсе де Леона[222] [Pedro Ponce de León] (1546?–1626?/1628?) «Краткое сообщение о богах и обрядах язычества» [“Breve relación de los dioses y ritos de la gentilidad”], написанного, скорее всего, после 1610 г., позволяет предположить, что он был составлен после этой даты[223]. После смерти Иштлильшочитля манускрипт, вместе с остальными его бумагами, оказался в руках знаменитого мексиканского эрудита Карлоса де Сигуэнсы-и-Гонгоры (1645–1700), от которого попал в библиотеку иезуитского Великого Коллегиума Святых Петра и Павла в Мехико. Там в середине XVIII века тетрадь видел Лоренцо Ботурини Бенадуччи (1698–1755), указавший в своей книге «Идея новой всеобщей истории» (1746 г.), что это копия, выполненная Иштлильшочитлем. Дальнейшая судьба рукописи известна отрывочно. В конце XVIII века ею владел мексиканский

[221] Иштлильшочитль, или Фернандо де Альва Иштлильшочитль, или Фернандо де Альва Перес де Пераледа-и-Кортес-Иштлильшочитль (исп. Fernando de Alva Ixtlilxóchitl, Fernando de Alva Péres de Peraleda y Cortés Ixtlilxóchitl, 1568 или между 1578 и 1580, Тескоко или Сан-Хуан-Теотиуакан — 24 или 25 октября 1650, Мехико) — мексиканский писатель и историк колониальной эпохи. Исследователь истории тольтеков, чичимеков и ацтеков.

[222] Метиса Педро Понсе де Леона не следует путать с его полным тезкой, жившим в Испании в 1508–1584 гг., известного тем, что он создал оригинальный метод обучения глухих.

[223] По сведениям Анхеля Мария Гарибая датой составления был не 1610, а 1569 г. (Autoridad y gobierno indígena en Michoacán: ensayos a través de su historia. Tomo 1. / Coordinadores Carlos S. Paredes Martínez, Marta Mier y Terán. — México: El Colegio de Michoacán A.C., 2003. — P. 84. (774 p.) — ISBN 9706791183.)

астроном, антрополог и писатель Антонио де Леон-и-Гама [Antonio de León y Gama] (1735–1802), снявший копию, ныне хранящуюся в Национальной Библиотеке Франции в Париже (ms. FM312). В первой половине XIX века владельцем рукописи был другой мексиканский эрудит, Фаустино Галисиа Чимальпопока [Faustino Galicia Chimalpopoca] (1805–1877), у которого в 1849 году тетрадь, по всей видимости, приобрел еще один известный любитель и знаток доколумбовых древностей, Шарль-Этьен Брассёр де Бурбур (1814–1874) (на обложке сборника он записал название «Кодекс Чимальпопоки» с объяснением, в честь кого оно дано). Наконец, в конце XIX века кодекс оказался в библиотеке Национального музея Мексики, откуда после 1926 г. был передан в коллекцию древностей Исторического Архива Национального Института антропологии и истории в Мехико, где хранился под номером 159. Увы, проверка фондов архива установила, что в 1949 году рукописи там уже не было. Её нынешнее местонахождение неизвестно. Остались парижская копия Леона-и-Гамы и частичное факсимильное издание, осуществленное в 1945 г. Примо Фелисиано Веласкесом [Primo Feliciano Velázquez].

По содержанию «Кодекс Чимальпопоки» делится на три части. Первые 68 страниц занимает упомянутая уже «Летопись Куаутитлана», излагающая события от «сотворения мира» до 1563 года, с добавлениями, сделанными в 1570 г. На следующих трех листах приводится составленное по-испански сочинение индейского священника Педро Понсе де Леона. Наконец, страницы с 75 по 84 занимает текст, которому мексиканский исследователь начала XX века Ф. де Пасо-и-Тронкосо дал название «Легенда о Солнцах».

«Легенда о Солнцах» начинается с сообщения о предыдущих мировых эпохах и, через серию мифологических и исторических эпизодов, ведет к завоеваниям последнего астекского правителя Мотекусомы II. Это своего рода «краткий курс» всемирной истории в её индейской версии. Число и порядок мировых эпох совпадают с представленными на официальных теночтитланских памятниках, таких, как гигантский «Камень Солнц» из Мехико, «Камень Солнц» из Чикагского музея изящных искусств, «Йельский Камень Солнц». Таким образом, мы, по всей видимости, имеем дело с памятником, принадлежащим к астекской теночтитланской традиции. Частые обороты «вот это», «вот показано, как» однозначно указывают, что «Легенда о Солнцах» является записью, своеобразной стенограммой рецитации, чтения-толкования некоего пиктографического памятника. При этом начальный раздел «Легенды» (описания предыдущих мировых эпох) имеет прямые соответствия на первых страницах «Кодекса Риос» (также известный как «Ватиканский кодекс 3738» или «Ватиканский кодекс А»), а заключительный (хронология правлений и перечень завоеваний правителей Теночтитлана) — с исторической частью «Кодекса Мендоса». И хотя оба названных кодекса созданы уже в колониальную эпоху, их пиктографическая часть в указанных разделах, несомненно, воспроизводит доиспанские образцы. Эпизод с рождением Солнца и Луны в Теотиуакане представлен на страницах 42-44, несомненно, доиспанского «Кодекса Борджиа». Следует

отметить, что текст «Легенды о Солнцах», за исключением вводной даты и двух финальных приписок, сделанных через три года после создания основного повествования, начисто лишён следов европейского влияния. Из этого можно сделать вывод, что основой для записи послужил не дошедший до нас доколониальный пиктографический документ, составленный в конце правления Мотекусомы II. В «Легенде» мы встречаем целиком самобытное изложение астекского взгляда на прошлое мира и человечества.

Впервые «Легенду о Солнцах» в 1903 г. опубликовал Ф. дель Пасо-и-Тронкосо (Paso y Troncoso 1903). В 1938 г. увидел свет немецкий перевод В. Леманна (Lehmann 1938), в 1947 — испанский перевод П. Ф. Веласкеса (Velázquez 1947). В 1992 г. одновременно вышли фундаментальное исследование «Кодекса Чимальпопоки» Дж. Бьерхорста с английскими переводами текстов (Bierhorst 1992) и литературный английский перевод «Легенды», принадлежащий супругам Р. и П. Меркменам (Markman& Markman 1992). Наконец, в 1998 г. свой вариант английского перевода текста предложил В. Джинджерик (Gingerich 1998)[224]. На русский язык до настоящего времени «Легенда о Солнцах» не переводилась.

Настоящий перевод выполнен С. А. Куприенко, вступление и комментарии составлены В. Н. Талахом.

[224] Paso y Troncoso F. del. Leyenda de los soles, continuada con otras leyendas y noticias // Biblioteca Náuatl, №5:1. — (México:) 1903; Lehmann, Walter / Ed. & trans. Die Geschichte der Kiinigreiche von Colhuacan und Mexico. Quellenwerke zur alten Geschichte Amerikas, vol. l. — Stuttgart und Berlin, 1938; Códice Chimalpopoca: Anales de Cuauhtitlan y Leyenda de los Soles / Transl. y ed. Primo Feliciano Velázquez. — México: 1947; History and Mythology of the Aztecs: The Codex Chimalpopoca/ Bierhorst J. Trans. and ed. — Tucson: 1992; Markman R., Markman P. The Flayed God: The Mesoamerican Mythological Tradition. — San Francisco: 1992; Gingerich W. Tlamachilliztlatolçaçanilli. A Performance Translation of the Nahuatl «Wisdom-discourse Fables» from the Manuscript of 1558 // Estudios de Cultura Nahuatl, 28, 1998. — P. 159–196.

«Легенда о Солнцах» из «Кодекса Чимальпопоки»

Вот побасенки, рассказанные мудрецом[225]. Давным-давно случилось, что таким образом появилась земля, и таким образом нашли на ней место разные вещи, и таким образом они начались. Только это известно о том, как Солнце дало начало столь многим вещам в течение 2513 лет до сего дня 22 мая 1558 года.

(***Прежние Солнца***)

Это Солнце Науи-Оселотль [nahui ocelotl] (4-Ягуар) длилось 676 лет. Те, кто тогда умерли в первый раз, были съедены ягуарами в |день| Науи-Оселотль этого Солнца; они ели Чикоме-Малиналли [chicome malinalli][226], являвшийся их пищей, с чем прожили 676 лет, пока не были съедены за 13 лет; до тех пор, пока не погибли и не пропали. Тогда исчезло Солнце. Это было в год Се-Акатль [ce acatl] (1-Тростник). Потому их принялись пожирать в день под знаком Науи-Оселотль, под этим знаком они погибли и пропали.

Название этого Солнца — Науи-Экатль [nauhuecatl] (4-Ветер). Те, кто во второй раз умерли, были унесены ветром: |это| произошло в день Науи-Ээкатль этого Солнца. Как только они исчезли, унесенные ветром, они превратились в обезьян; их дома, а также их деревья, — все было унесено ветром; само это Солнце было унесено ветром. Они ели Матлактломоме-Коуатль [matlactlomome cohuatl] (12-Змей)[227]; это была их пища, благодаря которой они прожили 364 года, пока не исчезли в один день, унесенные ветром; пока они не погибли в день под знаком Науи-Ээкатль. Годом их |гибели| был Се-Текпатль [ce tecpatl] (1-Кремень).

Это — Солнце Науи-Кийауитль [nahui quiyahuitl] (4-Дождь); и вот те, кто жили в Солнце Науи-Кийауитль, которое было третьим, пока не были уничтожены, потому что на них пролился огненный дождь, и они превратились в индюков. Солнце также сгорело; и все их дома сгорели. Итак, они прожили 312 лет, пока не были уничтожены в один день, когда пролился огненный дождь. Они ели Чикоме-Текпатль [chicome tecpatl] (7-Кремень), являвшийся их пищей[228]. Годом их |гибели| был Се-Текпатль [ce tecpatl] (1-Кремень); и пока они не были уничтожены в один день под знаком Науи-Киауитль, оставались детьми — *пипильтин* [pipiltin], и поэтому их до сих пор называют ребятней, *пипильпипиль* [pililpipil].

---

[225] В тексте употреблен сложный термин tlama-chiliztlah tól zazanilli, букв. «рассказываемые здесь мудрецом безделицы».

[226] Календарное имя желудей (у науа все вещи могли иметь ритуальные календарные имена, указывавшие день 260-дневного цикла, в который они появились).

[227] Календарное имя плода дерева мискитль.

[228] Календарное имя асисинтли [acicintli] — «водного маиса».

Название этого Солнца Науи-Атль [nahui atl] (4-Вода), потому что вода покрывала |земную| поверхность 52 года. Вот те, кто жил в четвертое |Солнце|, являвшееся Солнцем Науи-Атль; они прожили 676 лет, и затем были уничтожены, и утонули, и превратились в рыб. К тому времени было разрушено небо, и в один день они были уничтожены. Они ели Науи-Шочитль [nahui xochitl] (4-Цветок); это была их пища[229]. Годом их |гибели| был Се-Калли [ce calli] (1-Дом). В день под знаком Науи-Атль, когда они были уничтожены, исчезли все горы, потому что 52 года вода покрывала |земную| поверхность.

Рисунок 13. Гибель людей Солнца Огня. «Кодекс Риос», 6v (Il Manoscritto Messicano … 1900).

Когда завершилось их время, Титлакауан [Titlacahuan][230] позвал того, чье имя было Тата [Tata], и его жену по имени Нене [Nene][231], и сказал им:

---

[229] Календарное имя пищи, по другому называемой синкокопи [cincocopi] — «нечто, похожее на маис».

[230] «Тот, чьи рабы все мы» — второе имя бога Тескатлипоки, «Дымящегося Зеркала». Б. де Саагун свидетельствует: «… Поклонялись одному богу, называемому Тескатлипока [Tezcatlipuca] и Титлакауан [Titlacaoan], а под другим именем называемый Йаотль [Yautl] или Некок Йаотль [Necuc Yautl], а под другим именем — Мойокойа [Moyocoya] или Несауальпилли [Neçaoalpilli]. Говорили, что этот бог был духом, воздухом и тенью, ему приписывали управление землей и небом, и его почитали, поклонялись и считали творцом и подателем всех вещей и всех благ, и просили его обо всех надобностях» (Sahagún: I, add., 16)

«Думайте только об одном; сделайте отверстие внутри большого дерева *ауэуэтль* [ahuehuetl][232], и там спрячьтесь во время ночного бодрствования, когда уйдет под воду небо». Они вошли туда; затем он закупорил их и сказал им: «Только один початок маиса съешь ты, и столько же твоя жена». Когда закончились зерна, они заметили, что вода пошла на убыль, так как дерево уже не двигалось.

Рисунок 14. Красный и черный Тескатлипока играют в мяч. «Кодекс Борджиа», стр. 21.

Потом они выбрались и увидели рыбу; добыли огонь с помощью палочек, обронив одну, и поджарили для себя рыбу. Увидели это боги Ситлаллиникуэ [Citlallinicue] и Ситлаллатонак [Citlallatonac][233] и сказали: «Боги! Кто добыл огонь? Кто закоптил небо?» Тут же спустился Титлакауан Тескатлипока [Tezcatlipoca], выбранил их и сказал: «Что ты делаешь, Тата? Что это за огонь?» Затем он перерезал им загривки и приделал головы к ягодицам, из-за

[231] Тата — от слова Татли, отец; Нене — от слова Ненете, «естество женщины».

[232] Ауэуэте — дерево с толстым стволом и густой листвой.

[233] «Одетая в звездную юбку» и «Сверкающая Звезда». Одно из имен пары богов-творцов. Подробную характеристику этой пары содержит «История мексиканцев по их рисункам»: «… Изначально был один бог по имени Тонакатекли [Tonacatecli], который взял себе в жёны Тонакасиуатль [Tonacaçiguatl] или как её ещё иногда называют Качекуакатль [Cachequacalt], которые сами создали себя и были постоянными обитателями тринадцатого неба; о чьём происхождении и истоках тоже ничего не известно, за исключением того, что они также появились на тринадцатом небе. У этого бога и богини родились четыре сына, старшего звали Тлаклауке Тесцатлипока [Tlaclauque teztzatlipuca], которого люди Куашосинго [Quaxoçingo] и Таскалы [Tascala] почитали в качестве своего главного божества под именем Камаштле [Camaxtle] и который, как говорят, родился весь покрытый красной краской. Был у них и второй сын по имени Йайанке Тескатлипока [Yayanque tezcatlipuca]; и он был величайшим и наихудшим, кто подчинил и обладал властью над тремя другими, потому что он был рождён посередине всего (naçio en medio de todos); при рождении он был полностью чёрным. Третьего звали Кесалькоатль [Queçalcoatl], а другим его именем было Йауэликатль [Yaguelicatl]. Четвёртому и самому младшему присвоили имя Омитекитль [Omitecilt] и Макескоатль [Maquezcoatl], которому мексиканцы дали имя Училоби [Vchilobi], потому что он был левшой, и которого считали их главным божеством, так как его таковым считали в тех землях откуда они прибыли, и был он более богом войны, нежели другие божества» (История мексиканцев …: 617). Согласно «Кодексу Теллериано-Ременсис» (18v) их детьми считались, в частности, Кецалькоатль, Уицилопочтли, Тескатлипока, Йоаллатекутли и Тлауискальпантекутли.

чего они стали собаками[234]. Вот так закоптилось небо в год 2-Акатль [ce Acatl]. Это были уже мы, это были ныне живущие. Тогда упала палочка для добывания огня, когда устоялось небо в год 1-Точтли [ce Tochtli]. Вот здесь |показано, как| упала палочка для добывания огня, когда разожгли огонь, и как тьма покрывала всё двадцать пять лет, и как небеса устоялись в год 1-Точтли, и после того, как они устоялись, их закоптили собаки, как было сказано. И после того, как упала палочка для добывания огня, зажег огонь Тескатлипока, из-за чего снова закоптилось небо в год 2-Акатль.

Рисунок 15. Кецалькоатль и Миктлантекутли. «Кодекс Борджиа», стр. 19.

(Создание людей)

Тогда были созваны боги. Они сказали: «Кто же будет жить на земле? Ведь уже создано основание небес, уже создано основание земли. Кто, о боги, будет жить на земле?» Огорчились Ситлалиникуэ и Ситлальтонак, Апантекутли [Apantecuhtli][235] и Тепанкиски [Tepanquizqui][236], Кецалькоатль [Quetzalcoatl][237] и Тескатлипока. И тотчас Кецалькоатль отправился в

---

[234] Согласно «Кодексу Теллериано-Ременсис» (21v) рыбу изжарила богиня Чантико (правда, автор комментария на испанском языке упоминает её в мужском роде): «Этот был первый, кто принёс жертву после того, как съел жареную рыбу, и |создал| тот дым, что поднялся к небу, и от этого разгневался Тонакатеотле, и проклял его, так что тот превратился в собаку, и так случилось».

[235] «Владыка побережья»

[236] «Завоеватель народов»

[237] «Пернатый Змей», доброжелательное к людям божество с чертами культурного героя. Согласно Б. де Саагуну: «… говорили, что он подметал дорогу богам вод, и это прорицали потому, что прежде, чем начинаются дожди, бывают сильные ветры и пыль, и об этом говорили, что Кецалькоатль, бог ветров, подметает дорогу для богов дождя, чтобы они прошли пролить дождь» (Sahagún, I, 5). «Кодекс Теллериано-

Миктлан [Mictlan] к Миктлантекутли [Mictlantecuhtli] и Миктлансиуатль [Mictlancihuatl][238]. Он приблизился к ним и сказал им: «Я пришел в поисках драгоценных костей, которые ты охраняешь, я пришел забрать их». Миктлантекутли ему ответил: «Что ты будешь с ними делать, Кецалькоатль?» И еще раз сказал |Кецалькоатль|: «Озабочены боги тем, кто будет жить на земле». И Миктлантекутли ответил: «Хорошо, ты должен прогудеть в мою раковину и четырежды обежать вокруг моего драгоценного круга». Но у данной им раковины не было отверстий. Тогда |Кецалькоатль| позвал гусениц; и они проделали ему дыры, и туда проникли пчелы с трутнями, и она загудела. Миктлантекутли, услышав ее, вновь сказал: «Народ Миктлана! Боги, скажите Кецалькоатлю, что он не должен их трогать». Кецалькоатль возразил: «Как же, ведь я завладел ими с первого раза». И сказал своему духу-спутнику[239]: «Скажи им, что ты их оставишь». И вслух тот сказал: «Я их оставлю». Но тотчас он поднялся и собрал драгоценные кости. Вместе по одну сторону лежали кости мужчины, и вместе по сторону другую — женские кости. Он взял их, и Кецалькоатль увязал их в узел. И снова Миктлантекутли сказал своим служителям: «Боги, взаправду ли Кецалькоатль уносит драгоценные кости? Ступайте, боги, и выкопайте яму». Немедля отправились они, чтобы сделать это, и в ту яму упал Кецалькоатль. Он оступился и всполошил тем самым перепелок. Пал замертво, и там рассыпались все драгоценные кости, которые расклевали-растащили перепелки. Затем воскрес Кецалькоатль. От огорчения он сказал своему духу-спутнику: «Что, дух-спутник мой, ты будешь делать?» И тот ответил: «Хоть дело вышло никудышным, пусть будет то, что будет». Он собрал-соединил их, сделал из них узел, который затем отнес в Тамоанчан[240]. Туда он пришел поспешно. Та, чье имя Киластли, она же Сиуакоатль, перемолола их и затем поместила в драгоценный сосуд. Из своего детородного органа Кецалькоатль пролил над ним свою священную кровь. И остальные боги совершили там самоистязание, их звали Апантекутли, Уиктолинки [Huictolinqui][241], Тепанкиски, Тлалламанак [Tlallamanac][242] и Цонтемок [Tzontemoc][243]. Шестым из них был Кецалькоатль. И они сказали: «О боги,

Ременсис» (8v) сообщает: «Этот Кесалькоатле был тем, кто, сказывают, сотворил мир, и ещё его называют владыкой ветра, потому что говорят, что этот Тонакатекотль, когда задумал, подул и зачал этого Кесалькоатле. Ему строили круглые без единого угла храмы. Он, сказывают, был тем, кто создал первого человека».

238 Миктлантекутли, «Владыка страны мертвых», Миктлансиуатль — «Госпожа страны мертвых», владыки загробного мира.

239 Духу-двойнику.

240 Тамоанчан (вероятно, топоним майяского происхождения: «Место Облачного Неба»; науатланское толкование: «Там его дом, где они спустились»), легендарная прародина, местожительство богов: «Это место, называющееся Тамоанча и Шочитликакан, — место, где были созданы боги, считавшееся у них как бы Земным Раем, потому они говорят, что когда боги находились в том месте, то они вели себя грубо, обрывая цветы и ветви деревьев, и что поэтому сильно разгневался Тонакатеуктли и |его| жена Тонакасиуатль, и что он сбросил их с того места, и так одни пришли на землю, а другие — в преисподнюю, и это те, что наводят на них страх» («Кодекс Теллериано-Ременсис», 19r)

241 «Копающий лопатой», «Закапывающий».

242 «Устроитель земного мира».

243 «Роняющий черепа», один из богов смерти, почитавшийся вместе с Миктлантекутли.

родились масеуали [macehualtin][244]. Ведь из-за нас совершили самоистязание |боги|».

Рисунок 16. Кецалькоатль с костями возвращается из преисподней. «Кодекс Борджиа», стр. 22.

(О том, как обнаружили маис)

И тут |боги| снова сказали: «Что |люди| будут есть, о боги? Да спустится маис, наша пища!». Но тогда муравей подался собирать вылущенный маис внутри Тонакатепетля [Tonacatepetl], «Горы нашего пропитания». Кецалькоатль встретил муравья и говорит ему: «Куда ты ходил, чтоб достать маис? Скажи мне». Но тот муравей не желал говорить ему об этом. Кецалькоатль стал настойчивее задавать вопросы. В конце концов, не отвертелся муравей: «Действительно, вон там». Тогда он повел Кецалькоатля, который немедля превратился в черного муравья. А вел его красный муравей, и ввел внутрь «Горы нашего пропитания». Там оба добывали и добывали маис. По слухам красный муравей отвел Кецалькоатля

[244] «Самоистязание заслужившие».

к подножию горы, где находился вылущенный маис. Затем Кецалькоатль отнес его на собственных плечах в Тамоанчан [Tamoanchan]. Там вдоволь поживились боги. После этого Кецалькоатль вложил маис в наши уста, чтобы мы набрались сил.

Рисунок 17. Кецалькоатль и Матлакшочитль добывают маис. «Кодекс Борджиа», стр. 53.

Затем боги сказали: «Как быть нам с «Горой нашего пропитания»?» Но гора пожелала оставаться на своем месте, Кецалькоатль ее обвязал, но притянуть не смог. Между тем бросал гадательные камни Ошомоко [Oxomoco], а также бросала гадательные камни Сипактональ [Cipactonal],

супруга Ошомоко, потому что Сипактональ была женщиной[245]. Затем сказали Ошомоко и Сипактональ: «Если метнет молнию Нанауатль [Nanahuatl], расколется «Гора нашего пропитания»«.

Рисунок 18. Создание Солнца. «Кодекс Борджиа», стр. 44.

Тогда спустились тлалоки [tlaloque][246], синие тлалоки, белые тлалоки, желтые тлалоки, красные тлалоки. Тотчас метнул молнию Нанауатль, и произошла кража маиса, нашего пищи, при участии тлалоков. |Там был| маис

[245] В «Истории мексиканцев по их рисункам» Ошомоко [Vxumuco] и Сипастональ [Çipastonal] — первые мужчина и женщина, созданные богами (История мексиканцев … : 617–618). Б. де Саагун упоминает Ошомоко и Сипактоналя в числе четырех мудрецов, оставшихся с людьми в Тамоанчане (Sahagún, X,29). Ошомоко упоминается также в «Кодексе Теллериано-Ременсис» (18v), где отождествляется с Ицпапалотль (впрочем, там этот персонаж выступает как женщина): «Называлась Шомуко, а после того, как согрешила, зовётся Испапалоте или "Нож бабочек"«. Вероятно, именно из-за с путаницы с полом персонажей автор «Легенды» специально указывает, кто из них, по его мнению, был женщиной.

[246] Боги горных вершин, дождя, вод и урожая.

белый, черный, желтый, красный маис, фасоль, зерна шалфея, лебеда, смолистая лебеда[247]. Это было наше пропитание, которое украли для нас.

Рисунок 19. Тамоанчан. «Кодекс Борджиа», стр. 20.

(Появление пятого Солнца в Теотиуакане)

Имя этого Солнца — Наоллин [Naollin] (4-Движение). Это уже наше |Солнце|, тех, кто сейчас живет. Вот его знак, тот, что тут помещен, потому что упало Солнце в огонь, в божественный очаг Теотиуакана [Teotihuacan]. То же Солнце было у Топильцина [Topiltzin] из Толлана [Tollan][248], Кецалькоатля.

До того, как оно стало Солнцем, его звали Нанауатль [Nanahuatl], он был из Тамоанчана. |С ним были| орел, ягуар, ястреб-перепелятник, койот. Чикуасен Экатль [chicuacen ecatl] (6-Ветер), Чикуасен Шочитль [chicuacen xochitl] (6-Цветок) — оба являются именами Солнца. То, что здесь находится, называется теотешкалли [teotexcalli], божественный очаг, горевший четыре года.

---

[247] «Bledos de pez» — мичиаутли, использовались в знахарстве для борьбы с сифилисом (гнойниками), который называли текпильнанауатль.

[248] Столица тольтеков в IX–XII вв., современная Тула-де-Альенде [Tula de Allende] в штате Идальго. Сохранившееся городище с рядом архитектурных памятников занимает площадь более 14 кв.км.

Тонакатеуктли [Tonacateuctli][249], Владыка нашей плоти, и Шиутеуктли [Xiuhteuhctli], Владыка года[250], позвали Нанауатля[251] и сказали ему:

– Отныне ты будешь охранять небо и землю.

Тот очень опечалился и сказал:

– Что говорят боги? Я только несчастный больной.

Рисунок 20. Тонакатекутли преследует первопредков людей. «Кодекс Борджиа», стр. 61.

Туда позвали также Науи-Текпатля [Nahui tecpatl][252]: этот стал Месяцем. На него указали Тлалонтеуктли [Tlalonteuctli], Владыка Рая, и Напатеуктли [Napateuhctli], Четырежды Владыка[253]. После этого стал поститься Нанауатль. Он взял свои шипы и свои ветви дерева ашкойатль [axcoyatl]; он добился, чтобы Месяц дал ему шипы. Первым совершил жертвенное кровопускание Нанауатль. Затем совершил жертвоприношение Месяц: его ветвями были богатые перья кецаля; а его шипы были из жадеита, и он

[249] «Кодекс Теллериано-Ременсис» (8r) сообщает об этом божестве: «Бог, Господь, Творец, Управитель всего […]: все эти имена они присваивают этому богу Тонакатеоктле, являвшемуся богом, который, говорят, сотворил мир, и этого единственного рисуют с ореолом, как владыку над всеми. Этому богу никогда не совершали жертвоприношения, потому что говорят, что он не желает этого, все остальные, которым они приносили жертвы, были людьми, или стихиями, или демонами». См. также примеч. 9.

[250] Бог огня и вулканов. Назывался также Уэуэтеотль, «Старый Бог», Ишкосауки, «Желтолицый» и Куэсальцин, «Язык пламени».

[251] Нанауатль (букв. «Бубон, гнойник») — бог-сифилитик у науа. Согласно «Истории мексиканцев по их рисункам» являлся сыном Кецалькоатля (История мексиканцев … : 622).

[252] В версии «Мадридского кодекса из Королевского дворца» этого персонажа зовут Текусистекатль [Tecuciztecatl], «Владыка Раковин». «4-Текпатль» — его календарное имя. В «Истории мексиканцев по их рисункам» он является сыном Тлалока (История мексиканцев … : 622).

[253] Один из Тлалоков, покровитель ремесленников, изготовлявших циновки (знак достоинства владык).

совершил благовонное воскурение. Через четыре дня раскрасили белой краской и украсили перьями Нанауатля; затем он отправился броситься в огонь. Науи-Текпатль тем временем дрожал от холода, |отчего зубы его стучали, словно| он играл на барабане.

Рисунок 21. Создание Луны. «Кодекс Борджиа», стр. 43.

Нанауатль бросился в огонь, а Месяц, хоть и бросился сразу после него, — |попал| только в пепел. Когда тот |Нанауатль| отправился |в огонь|, только орел смог его подхватить и унести. Ягуар не смог его унести, он только подскочил к нему и остановился перед огнем, из-за чего покрылся пятнами; потом там задымился ястреб-перепелятник, а затем обжегся койот: эти трое не смогли его вынести.

Как только он достиг неба, ему немедленно принялись оказывать милости Тонакатеуктли [Tonacateuctli] и Тонакасиуатль [Tonacacihuatl][254]: они усадили его на трон из перьев *кечолли* [quecholli] и повязали голову красной лентой. Затем он задержался на небе четыре дня; наконец, он остановился там в день Наоллин.

Рисунок 22. Тонатиу — бог Солнца. «Кодекс Борджиа», стр. 23.

Четыре дня он провел без движения, пребывая в покое. Боги сказали:

– Почему он не движется?

После этого они послали Ицлотли [Itzlotli], Обсидианового Ястреба, чтобы он отправился поговорить и спросить Солнце. Он сказал ему:

[254] «Владычица Нашей Плоти» — женская ипостась дуального божества-первотворца.

– Боги говорят: спроси у него, почему он не движется.

Солнце ответило:

– Потому что я требую своей крови и своего господства.

Посоветовались боги, и рассердился Тлауискальпантеуктли [Tlahuizcalpanteuctli][255], сказавший:

– Почему бы не сразить его стрелой? Пожалуй, он больше не станет задерживаться.

Рисунок 23. Мишкоатль. «Кодекс Борджиа», стр. 25.

Он выпустил в него стрелу и не попал. Увы! Солнце пустило стрелы с красным оперением и сразило Тлауискальпантеуктли, и тут же оно покрыло его лицо девятью небесами вместе. Потому что Тлауискальпантеуктли — это

[255] «Владыка дома зари», божество планеты Венера.

лед. Созвали богов Титлакауан и Уицилопочтли [Huitzilopochtli][256], и богинь Шочикецаль [Xochiquetzal][257], Йапалиикуэ [Yapaliicue][258] и Ночпалиикуэ [Nochpaliicue][259], и, увы, тут же погибли боги в Теотиуакане.

Когда Солнце взошло на небо, вслед за ним пошел Месяц, упавший уже в пепел и едва добравшийся до края неба, и подошел Папастак [Papaztac], разбивший ему лицо сосудом в виде кролика[260]. Затем навстречу ему на перекрёстке дорог вышли демоницы-колелетин [coleletin][261] и некие колдуны, и сказали:

– Могу я поприветствовать тебя?

То время, когда они задержали его там, и прикрыли его тело чистыми лоскутами, и, наконец, совершили ему жертвоприношение, Солнце стояло в течение дня Науоллин, пока, наконец, не наступил вечер.

(Сказание о мишкоуа)

Стало быть, жил Мишкоуатль [Mixcouatl][262] тридцать девять лет. Его жену звали Чимальман [Chimalman]. Топильцин [Topiltzin] прожил 56 лет. В таком же году Се-Акатль (1-Тростник), как он родился, он ушел и оставил свой город Толлан; и умер в год Науи-Точтли [nahui tochtli][263] в Тлапалане [Tlapalan].

В год 1-Текпатль [ce tecpatl] родились мишкоуа [mixcohua][264], когда их породили. Истакчальчиутлиикуэ [Iztac Chalchiuhtliicue][265] породила четыреста мишкоуа. Затем они вошли в пещеру; и когда они вошли в пещеру, их мать снова родила. Родились пятеро, тоже мишкоуа: первый — по имени Куаутлиикоуау [Quauhtliicohuauh][266]; второй — по имени Мишкоуатль;

[256] «Колибри слева» — племенной бог астеков, божество воинственного Солнца (отличающегося от Солнца-Тонатиу).

[257] «Цветок-Перо», божество любви, беременности, покровительница женских занятий: «эта была первой, которая ткала и пряла» («Кодекс Теллериано-Ременсис», 22v)

[258] «Носящая черную юбку»

[259] «Носящая юбку вечности».

[260] Народы Мезоамерики видели в пятнах на Луне фигуру кролика. О Папастаке сообщает «Кодекс Мальябекки» (49v): «Папастак [Papaztac], который был одним из четырехсот богов-пьяниц, каковых индейцы имели под разными именами, но вместе всех их называли Тоточти [totochti], что означает “Кролики”«

[261] Ср. «Кодекс Теллериано-Ременсис» (18v): «… Говорили, что в такой день приходили из воздуха сверху демоны в женских обличьях, нами называемые колдуньи, и об этих обычно говорили, что они появлялись на перекрёстках дорог, и в уединённых и потайных местах».

[262] Мишкоатль («Облачный Змей») в мифологии науа выступает как бог-охотник и, одновременно, родоначальник некоторых знатных родов.

[263] Указанные годы 1-Акатль вероятно соответствуют 895/896 и 947/948 годам, год 4-Точтли — 950/951 году.

[264] Букв. «облачные змеи», ассоциируются также со звездами северной части неба [centzon mimixcohua].

[265] «Белая Носящая жадеитовую юбку», одна из ипостасей богини вод и потоков Чальчиутликуэ

[266] «Орел-Змей»

третья — женщина, по имени Куитлачсиуатль [Cuitlachcihuatl][267]; четвертый — по имени Тлотепе [Tlotepe][268]; и пятый — по имени Апантеуктли. Когда они родились, они окунулись в воду, они бросились в воду; затем вышли оттуда, и их покормил грудью Меситли [Mecitli]. Этот Меситли — Владыка земли.

Поэтому мы сейчас мешики[269]; и не мешика [mexica], а меситин [mecitin].

Затем Солнце позвало четыреста мишкоа, вручило им стрелы и сказало:

«Этим вы накормите меня и напоите меня!».

Оно также |вручило им| круглые щиты и драгоценные стрелы, оперенные перьями *кецалли*, оперенные перьями цапли, оперенные перьями *сакуана*, оперенные перьями *теокечолли*, оперенные перьями *тлаукечолли* и оперенные перьями *шиутототля*. Также (оно сказало им):

«Ваша мать — это Тлальтеуктли»[270].

Но они не заботились об |исполнении| своего долга; а потому только пускали стрелы в птиц и развлекались, отчего назвали ту местность Тотомитль [Totomitl][271]. Часто они поймают ягуара, и не отдают его Солнцу. А как поймают ягуара, разукрасятся перьями, разлягутся, украшенные перьями, и спят с женщинами, и напьются вина из *циуактли* [tzihuactli][272], и ходят вдрызг пьяные. Тогда Солнце позвало пятерых, родившихся последними; оно дало им стрелы из *циуактли*, дало им крепкие щиты и сказало им:

«Смотрите, дети мои, теперь вы должны истребить четыреста мишкоуа, ничего не пожертвовавших нашей матери и нашему отцу».

Они тут же собрались над одним деревом акации, где их увидели и сказали им:

«Кто это, так похожие на нас?»

И был подходящий случай, чтобы развязать войну. Куаутлиикоуау скрылся внутри дерева, Мишкоуатль скрылся под землей, Тлотепетль [Tlotepetl] поместился внутри горы, в воде остановился Апантеуктли; а его старшая сестра Куэтлачсиуатль стала на площадке для игры в мяч. Когда их обступили, уже никого не было в сетке для переноски корзин, в которой они собрались над акацией. Затрещало дерево, обломилось над ними, и вышел Куаутлиикоуау из середины дерева; затряслась земля, и вышел Мишкоуатль,

---

[267] «Волчица»
[268] «Гора-Ястреб»
[269] Мешика — самоназвание астеков. Автор текста достаточно искусственно пытается связать его с названием божеств мишкоуа.
[270] «Владычица земли», божество земли, поедательница трупов.
[271] Птичья стрела.
[272] Юка.

скрывавшийся под землей; раскололась и обвалилась гора, и вышел Тлотепетль; забурлила вода, и вышел Апантеуктли. Вскоре они победили и уничтожили |неприятелей|, и тогда накормили и напоили Солнце[273].

Другие, которые остались, пришли просить, чтобы они успокоились, и сказали:

«Мы вас огорчили. Идите в Чикомосток [Chicomoztoc][274], отныне вашу желанную пещеру, и войдите в отныне ваше желанное жилище. Кажется, вы недавно опустошили нашу пещеру, ту, которая раньше была нашей пещерой и нашим жилищем? Мы только сядем у входа в пещеру».

(Мишкоуа и демоницы)

Тогда спустились два оленя, каждый о двух головах[275]; и также двое мишкоуа, первый по имени Шиунель [Xiuhnel], а второй по имени Мимич [Mimich], охотившиеся в священной долине. Шиунель и Мимич преследовали оленей, хотели поразить их стрелами. Ночь преследовали они их, и день — тоже, и уже к заходу солнца устали. Затем стали советоваться между собой:

«Послушай! Сделай себе шалаш там; а я здесь сделаю свой».

А вскоре подошли зловещие создания. Прогуливались те, кто были оленями, уже превратившиеся в женщин. Идут, выкрикивая и говоря:

«Шиутельцин, Мимичцин, где вы? Идите поесть и попить».

[273] Другая версия того же мифа содержится в «Истории мексиканцев по их рисункам»: «Спустя год после сотворения солнца, в первый год третьего тринадцатилетия после потопа, Камасале [Camasale], один из четверых богов, отправился на восьмое небо и создал четырёх мужчин и одну женщину в качестве дочери, чтобы они отправились на войну, чтобы были сердца для солнца, и чтобы кровью его напоить; и когда их сотворили, они упали в воду, а затем вернулись на небо, и поскольку они упали и не случилось войн, в следующем году, во втором году третьего тринадцатилетия, тот же Камасале, или как его ещё иногда называют Мишкоатль [Mixcoatl], взял палку и ударил её по камню, из которого внезапно возникли сорок чичимеков, и отсюда, говорят, берут своё начало чичимеки, которых мы зовём отоми ... Он совершил самоистязание, чтобы его четыре сына и дочь, которых он создал на восьмом небе, могли спуститься и убить чичимеков, чтобы у солнца были сердца для пропитания; и в одиннадцатый год третьего тринадцатилетия вниз спустились четыре его сына и дочь и расположились на деревьях, откуда они кормили орлов; и тогда Камасале изобрёл вино из магея и другие виды вин, чем чичимеки и заняли себя, и неосмотрительно предались пьянству; и находившихся на деревьях сыновей Камасале заметили чичимеки, которые подошли к ним, а те спустились с деревьев и убили всех чичимеков, только трое спаслись; одного звали Шимбел [Ximbel], другого — Мимичил [Mimichil], а третьим был Камасале, бог, который создал их и который превратил себя в чичимека» (История мексиканцев … : 623–624).

[274] «Семь Пещер», легендарная прародина народов науа.

[275] О явлении двуглавого оленя сообщает также «История мексиканцев по их рисункам», хотя в ней он никак не связан с демоницами *цицимитль*: «В восьмом году четвёртого тринадцатилетия после потопа в небе был слышен сильный шум, и оттуда упал олень с двумя головами, и Камасале повелел поймать его, и приказал людям, которые тогда населяли Куитлалаваку [Cuitlalavaca], в трёх лигах от Мешико, взять оленя и заботиться о нём как о боге, и так они и поступили, и они кормили его на протяжении четырёх лет кроликами, змеями и бабочками; и в восьмом году четвёртого тринадцатилетия Камсале вёл войну с некоторыми из граничивших с ним соседей, и для того, чтобы их покорить, он взял вышеупомянутого оленя и, перенеся его к ним, победил их» (История мексиканцев … : 623).

Когда они то услышали, принялись советоваться между собой:

«Слушай! Не поговорить ли с ними?»

Рисунок 24. Ицпапалотль. «Кодекс Борджиа», стр. 11.

Затем заговорил с ними Шиунель, и сказал им: «Иди сюда, сестра моя!». А она сказала: «Шиунельцин, попей». Попил Шиунель крови, и тут же прилег с ней. А когда он заснул возле неё, она залезла на него ничком, и принялась пожирать его, и разорвала ему грудь. Тогда Мимич закричал: «Ай! Она сейчас сожрёт моего старшего брата». А другая женщина еще стояла, звала его и говорила: «Милый мой, приди, покушай». Но Мимич не заговорил с ней. Он тут же вынул палочки для добывания огня и разжег костер, а как сделал это, прыгнул в него. Женщина, преследуя его, тоже вошла в огонь. Она гналась за ним всю ночь и ещё до следующего полудня. Наконец, он спрятался среди больших колючих кактусов, затаился под ними, и женщина упала на них. Когда он увидел, что демоница-*цицимитль*[276] упала на колючки, то выпустил в нее несколько стрел, но она только повернулась

[276] Ночной демон воздуха. «Кодекс Риос» упоминает его среди главных демонов преисподней: «Боги, или главные демоны, и один из них даже был верховным, которым считался Сицимитль [Zitzimitl], который был Микитламтекотль [Miquitlamtecotl], великий владыка преисподней. Испустеке [Yzpuzteque], хромой дьявол, который появляется на дорогах с петушиными ногами. Нестепеуа [Nestepehua], разбрасыватель пепла. Сонтеноке [Çontenoque], и этот тот самый, который падает вниз головой … « (Кодекс Риос, с.3). Согласно Саагуну в конце нынешней мировой эпохи *цицимиты* спустятся с небес, чтобы уничтожит человечество: « … да падут на нас небеса и спустятся демоны воздуха, называемые цицимитами [los demonios del aire llamados tzitzimites], которые должны прийти, чтобы уничтожить землю со всеми, кто на ней живет, и чтобы навсегда настали сумерки и тьма во всём мире, и нигде не было бы места обитания людей» (Sahagún, VI, 8), «настал бы конец роду людскому, и та ночь и та тьма стали бы вечными, и солнце вновь не родилось бы и не взошло, и сверху обрушились бы и спустились цицимитли [tzitzimitles], которые являлись отвратительнейшими и ужаснейшими существами, и пожрали бы мужчин и женщин» (Ibidem, VII, 10).

другим боком. Затем подошла вторая, расчесывая и подвязывая волосы, раскрашивая лицо и оплакивая его старшего брата, которого съела. Это услышали боги огня, и они отправились привести женщину Ицпапалотль [Itzpapalotl], Обсидиановую Бабочку[277]; Мимич указывал путь. И когда они схватили |демоницу|, ее сожгли, и на её месте расцвели цветы. Первым расцвёл небесно-голубой кремень, на второй раз расцвел белый кремень. Взяли белый кремень и обернули его плащом. На третий раз пророс жёлтый кремень, его тоже не взяли, только посмотрели на него. На четвертый раз пророс красный кремень; его тоже не взяли. На пятый раз пророс черный кремень; его также не взяли.

(Женитьба Мишкоуатля)

Мишкоуатль поклонился как богу белому кремню, который они обернули |плащом|; он погрузил его на плечи и ушел сражаться в местность, называемую Комаллан [Comallan], и он нёс своё божество кремня Ицпапалотль. Когда об этом узнал народ комальтека [comalteca], они пришли навстречу Мишкоуатлю и поставили ему еду; только этим его умиротворили. Затем он пришел в Теконму [Teconma], и его там таким же образом удовлетворили. Они сказали: «Что делает владыка? Пусть проходит и будет гостем. Поди, принеси ему его *циуактли*, чтобы я его здесь измельчил[278]«. Затем он ушел в Кокйаму [Cocyama], где сразился; а после сражения в Кокйаме ушел в Уэуэтокан [Huehuetocan], и также сразился; после того, как сразился в Уэуэтокане, он ушел в Почтлан [Pochtlan] и также сразился.

Затем ушел Мишкоуатль завоевывать Уиснауак [Huiznahuac], ему навстречу вышла женщина Чимальман, которая поставила на землю свой щит, опустила свои стрелы и свои дротики, и осталась стоять нагая, без юбки и рубашки. Увидев её, Мишкоуатль пустил в нее свои стрелы: первая, которую он в неё выпустил, прошла только над ней, а сама она уклонилась; вторая, которую он в неё выпустил, прошла сбоку, только сбив ветку; третья, которую он в неё выпустил, только коснулась ее руки; четвертая, которую он в неё выпустил, пролетела у нее между ног. После четырех выстрелов Мишкоуатль повернулся и ушел. Женщина тут же убежала, чтобы спрятаться в пещере в глубоком ущелье. Снова пришел Мишкоуатль, чтобы вооружиться и снабдить себя стрелами: и еще раз он пошел ее искать, но никого не увидел. Он принялся насиловать женщин Уиснауака. И сказали женщины Уицнауака: «Поищем ее». Они пошли искать ее и сказали ей: «Тебя ищет Мишкоуатль; из-за тебя он насилует твоих младших сестер». После того, как они пошли искать ее, он пришел в Уиснауак. Вновь пошел Мишкоуатль, и снова она вышла ему навстречу: она также стояла, открыв

[277] Одна из ипостасей богини Шочикецаль: «Сочикесаль [Suchiqueçal] была первой, которая согрешила, и здесь её называют Испапалотле [yzpapalotle], богиня нечистот и порока» («Кодекс Теллериано-Ременсис», 3r).

[278] Речь идет о кореньях юки, которые использовались для приготовления пьянящего напитка.

свою срамоту; также поставила на землю свой щит и свои стрелы. Снова он выстрелил в нее; также прошла стрела сверху, сбоку, коснулась руки и вышла между ее ног. После того, как это произошло, он схватил ее, переспал с женщиной Уицнауака, той, что была Чимальман, и она тут же забеременела.

(Се-Акатль Топильцин)

Рисунок 25. Се-Акатль Топильцин. Рельеф из Сьерра-де-Ла-Малинче. Прорисовка М. Коваррубиаса (Кнорозов 1963).

Когда родился Се-Акатль [Ce Acatl][279], он четыре дня очень мучил свою мать, и так он родился, и немедля умерла его мать. Се-Акатля вырастила Киллаштли [Quillaxtli], женщина-змея [cihuacohuatl]; и когда он подрос, то сопровождал отца во время завоеваний, и когда отважился воевать в местности, называемой Шиуакан [Xihuacan], то захватил там пленных. Четыреста мишкоуа [mixcohua] были дядьями Се-Акатля, чьего отца они ненавидели и убили; после того, как они его убили, они похоронили его в

[279] Речь идет о правителе тольтеков Се-Акатле Топильцине, отождествляемом также с Кецалькоатлем (так называемый «исторический Кецалькоатль»).

Шальтитлане [Xaltitlan], месте песков. Се-Акатль стал искать своего отца и сказал: «Что с моим отцом?» Коскакуаутли [cozcacuauhtli], гриф, ответил: «Убили твоего отца; он лежит там, куда они отнесли похоронить его». Он пришел, чтобы выкопать его, и похоронил его внутри его храма Мишкоатепетль [Mixcoatepetl]. Те, кто убили его отца, его дядья, которых звали Апанекатль [Apanecatl], Сольтон [Zolton] и Куильтон [Cuilton], тотчас сказали: «Кого ты принесешь в жертву на посвящении его храма? Если только кролика, если только змею, мы разгневаемся; было бы хорошо, если бы ягуара, орла и койота». Как только они это сказали, Се-Акатль сказал им: «Хорошо, да будет так». Он позвал ягуара, койота и орла, и сказал им: «Идите сюда, дядюшки. Они говорят, что вас я должен принести в жертву на посвящении моего храма. Разумеется, я не убью никого из вас. Наоборот, вы пожрете этих людей, и они будут посвятительной жертвой в моем храме». И он только для видимости связал их за шеи. Затем Се-Акатль позвал кротов, и сказал им: «Придите, дядюшки; сделаем ход в нашем храме».

Рисунок 26. Ягуар, койот и орлы. Рельеф северного фасада «Пирамиды В» в Тула-де-Альенде.

После этого кроты раскопали землю и сделали изнутри отверстие, через которое туда вошел Се-Акатль и стал спускаться с вершины своего храма. Затем его дядья сказали: «Мы зажжём огонь на вершине». Очень обрадовались, увидев их, ягуар, орел и койот, которые вместе взревели. Когда же те пришли в себя, Се-Акатль уже добыл огонь. Его дядья очень разгневались, и тотчас вышли, и первым шёл Апанекатль, который стремительно поднимался. Се-Акатль встал и разбил ему голову глубокой отполированной чашей, от чего тот упал вниз. Затем он схватил Сольтона и

Куильтона, и звери изрыгнули огонь; и он заставил их умереть медленной смертью: их свалили друг на друга и отрезали понемногу у них плоть, и после того, как их помучили, вырвали им сердца.

В другой раз Се-Акатль завоевал местность под названием Айотлан [Ayotlan]. Как только он ее завоевал, он пошёл в Чалько [Chalco] и Шикко [Xicco], и их также завоевал. После того, как он их завоевал, он пошел в Куишкок [Cuixcoc], и его также завоевал. Затем он пошел в Саканко [Zacanco], и также завоевал. Затем он пошел в Цонмолько [Tzonmolco], и также завоевал. Затем пошел в Масацонко [Mazatzonco], и также завоевал. Затем он ушел в Цапотлан [Tzapotlan], и также успешно его завоевал. Затем он пошел в Акаллан [Acallan], где переправился через реку, и также успешно его завоевал, пока не прибыл в Тлапаллан [Tlapallan]. Здесь он заболел, пять дней был болен, и умер. После того, как он умер, его сожгли: он сгорел.

В Толлане уже никого не было. Царем сделался Уэмак [Huemac]; второго звали Некаметль [Necametl], третьего — Тлатлакацин [Tlatlacatzin]; а четвертого звали Уицильпопока. Таковы имена четырех, которые наследовали Топильцину [Topiltzin].

(Людоед из Ноноуалько)

Царя Ноноуалько [Nonohualco] звали Уэцин [Huetzin] <*лакуна*>. Ужаснулись, когда увидели великана-тлаканешкимилли [tlacanexquimilli][280]: он пожирал людей; и сказали тольтеки: «Тольтеки, кто этот людоед?» Они проследили за ним, и схватили его, а как только схватили этого огромного беззубого юношу с полным нечистот ртом, то убили его. После того, как убили его, осмотрели его внутренности: не было ни сердца, ни кишок, ни крови. Он смердел: тот, кто его понюхает, умирает от этого; а также и тот, кто не понюхает его, но только пройдет рядом. Был поэтому великий мор. Затем его потащили, но он не сдвинулся с места, порвались веревки, и многие упали, и тут же умерли; когда же он сдвинулся с места, умирало столько, сколько встречалось на его пути, очень многих он погубил. С тем, чтобы его можно было сдвинуть с места, все занялись им: юноша, старичок, ребенок и женщины; они обвязали его восемью веревками, а затем поволокли его и доставили в Ицокан [Itzocan]. |Вдруг| он встал с земли; те, кто его тащил, не выпустили веревок, но повисли на них; и тех, кто еще держал веревку и оказался висящим на ней, он утащил вверх в воздух[281].

---

[280] Букв. «покрытый серым пеплом человек». Привидение, которое появляется ночью.
[281] Схожий, хотя отличающийся деталями рассказ, содержится в «Кодексе Риос» (8v).

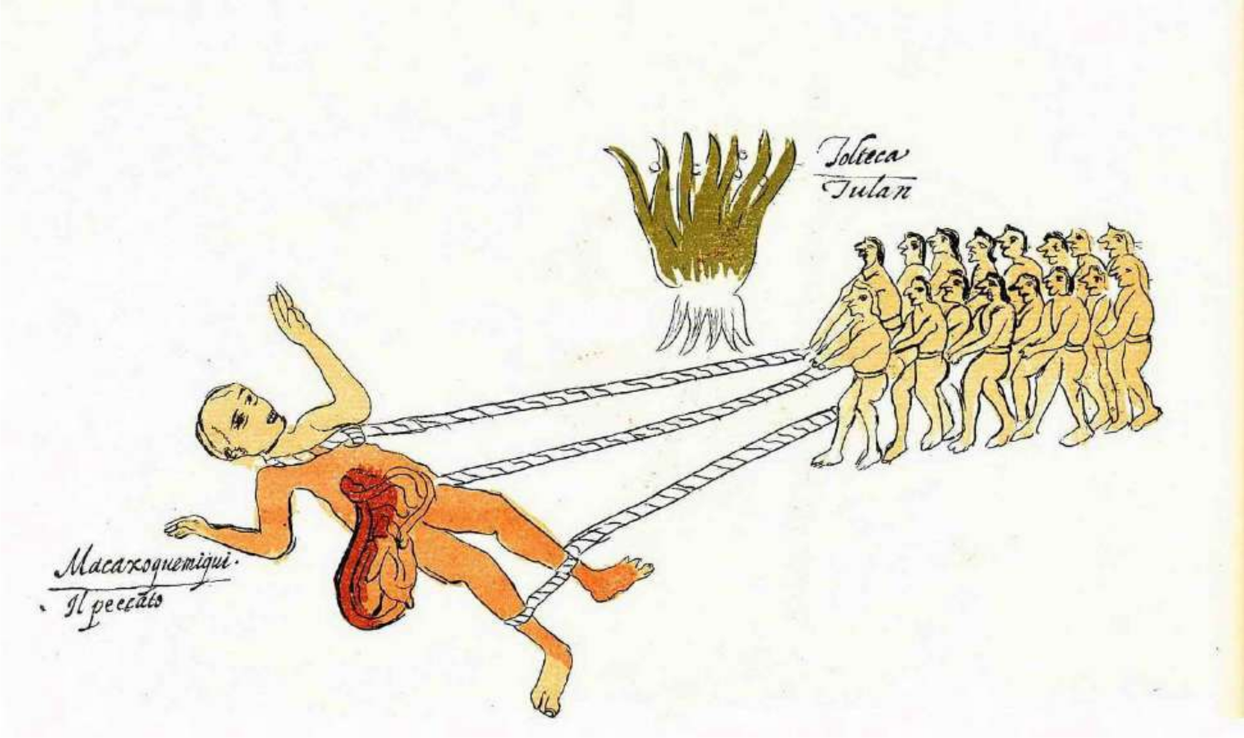


Рисунок 27. Великан из Ноновалько. «Кодекс Риос», стр. 8v (Il Manoscritto Messicano … 1900).

(Гибель Толлана)

Играл Уэмак в мяч, и сыграл с тлалоке. И затем сказали тлалоке: «Что мы выиграем в игре?» И ответил Уэмак: «Мой жадеит, мои перья кецаля». Второй раз они сказали Уэмаку: «То же самое выиграешь ты: наш жадеит и наши перья кецаля[282]«. Сыграл Уэмак и выиграл у них. Вскоре пришли тлалоке доставить то, что должны были дать Уэмаку, а это были молодые маисовые початки и зеленые листья, в которых они растут. Но он не принял их и сказал: «Разве это то, что я выиграл? Неужели это жадеит? Неужели это перья кецаля? Принесите их!» И сказали тлалоке: «Хорошо. Дадим ему жадеит и перья кецаля, и заберем наш жадеит и перья кецаля». Тут же они забрали их и ушли. И сказали при этом: «Хорошо, сейчас мы спрячем наш жадеит, сейчас испытают страдания тольтеки, но |продлиться это| не больше, чем четыре года».

[282] Кецаль — птица с ценными перьями.

Рисунок 28. Тлалок. «Кодекс Борджиа», стр. 25.

И тут же ударил мороз, и когда выпал снег до колен, погибли все земные плоды. Мороз ударил в месяце Теукильуитль [Teucilhuitl], только в Толлане палило солнце, все деревья, кактусы нопаль[283] и агавы магей высохли, и разрушились все камни, все развалилось на куски из-за жары. Когда страдали от невзгод тольтеки и умирали от голода, один пленник, предназначенный для жертвоприношения, находившийся там и имевший случайно некую безделицу, выменял на неё индюшку, приготовил из нее тамали[284] и съел. В

[283] Опунция.

[284] Пирожок из маиса, обернутый в листья и сваренный котелке.

Чапольтепекуитлапилько [Chapoltepecuitlapilco][285] сидела старушка, продававшая знамена, он купил у нее одно знамя, а затем отправился умирать на жертвенном камне. По прошествии четырех лет голода появились тлалоки в Чапольтепеке [Chapoltepec], где есть вода. Из-под воды вышел нежный молодой початок кукурузы[286]. Тут его увидел один знатный тольтек, он тут же схватил нежный молодой початок и сжевал его. Из-под воды вышел жрец Тлалока, сказавший ему: «Мужлан, ты знаешь |то, что| здесь?» Сказал тольтек: «Да, мой господин, но уже много лет, как мы его утратили». И сказал |тот|: «Хорошо, садись, пока я скажу владыке». И снова опустился под воду, но не задержался; снова вышел и принес охапку молодых кукурузных початков. Затем сказал ему: «Мужлан, возьми это и отдай Уэмаку. Просят боги мешиков дочь Тоскуэкуэша [Tozcuecuex]; пока её будут есть, и тольтек отведает немного от нее, ведь скоро уже кончится тольтек и поместится мешик. Собираются вручить ее в Чальчиуколиуйане [Chalchiucoliuhyan], в Пантитлане [Pantitlan]».

Тот немедленно отправился сообщить Уэмаку, и сказал ему, что так приказал ему Тлалок. Уэмак огорчился, заплакал и сказал: «Стало быть, так! Стало быть, уйдут тольтеки! Стало быть, приходит конец Толлану!» Он немедленно отправил в Шикокок [Xicococ] двух своих вестников по имени Чиконкоуатль [Chiconcohuatl] и Куэтлачкоуатль [Cuetlachcohuatl], которые пошли требовать девицу мешиков по имени Кецальшо|чи|цин [Quetzalxotzin], еще не взрослую, еще ребенка. Они пришли в Шикокок и сказали: «Сюда нас посылал Уэмак, сказавший, что явились тлалоки и требуют девицу мешиков». Затем мешики постились четыре дня и носили траур по умершему. А как прошли четыре дня, ее отвели в Пантитлан, отец сопровождал ее, и ее немедленно принесли в жертву. Снова явились тлалоки к Тоскуэкуэшу и сказали ему: «Тоскуэкуеш, не печалься, только ты будешь сопровождать свою дочь. Сними крышку со своего сосуда из тыквы». Туда они поместили сердце его дочери и все разнообразные виды пищи; и сказали ему: «Тут то, что должны будут есть мешики, потому скоро уже придет конец тольтекам». Сразу набежали тучи, и тут же пошел дождь, и лил очень сильно: за четыре дня, как он лил, каждый день и каждую ночь, впитывалась вода. Тут же проросли разные съедобные растения, и все травы, и сакате[287], и кроме того, завязались и созрели местные плоды. Посеяли тольтеки, и когда прошло двадцать и сорок |дней|, округлился росток маиса и рано получили пропитание люди. Когда люди получили пропитание, был год 2-Акатль[288]. В год Се-Текпатль исчезли тольтеки, затем Уэмак вошел в Синкалько

[285] «Деревушка горы кузнечика».
[286] Молодой маис.
[287] Слово из языка науатль — «степная трава».
[288] Указанный год 2-Акатль — вероятно 1091/1092 г.

[Cincalco][289]; некоторые вернулись, другие ушли, пока не рассеялись по всем направлениям.

Рисунок 29. Мешики в Чапольтепеке. Кодекс Риос, стр. 71v (Il Manoscritto Messicano … 1900).

(История мешиков)

Затем пришли мешики, которые отправились в путь сюда.

1. Тескакоатль Уэмак [Tezcacoatl Huemac]. — 2. Чиконкоуатль [Chiconcohuatl]. — 3. Коуатлайауки [Cohuatlayauhqui]. — 4. Куитлачкоуатль [C|u|itlachcohuatl]. — 13 лет. 1 Акатль.

Вот имена четырех покровителей, которые вели их, когда они отправились: имя первого владыки — Коуатлайауки; имя второго — Куитлачкоуатль; имя третьего — Чиконкоуатль; имя четвертого — Тескакоуатль. Это — Уэмак. Так как сторожа прожили тринадцать лет.

[289] В пещере Синкалько Уэмак был убит ноновальками. Год 1-Текпатль вероятно соответствует 1116/1117 г.

С тех пор, как отправились сюда мешики, с тех пор, как они пришли из Колуакана, из Астлана, |прошло| 58 лет. Вот прожили в Чапольтепеке еще во времена Уицилиуитля; прожили здесь 40 лет. 13 Точтли. Вот они прожили в Колуакане, в Тисаапане, 25 лет.

Рисунок 30. Основание Теночтитлана. Кодекс Риос. Кодекс Риос, стр. 73v (Il Manoscritto Messicano … 1900).

Когда ушли тольтеки в 1-Текпатль, тогда же отправились сюда мешики, оттуда, из Шикокока, и |прошли| 37 лет, пока не прибыли в Чапольтепек. В Чапольтепеке они провели 40 лет. Потом их отдали в услужение кольуа [colhua], пришли взять их в услужение шальтокамеки [xaltocameca], и мешики пошли обосноваться там на некоторое время, согласно тому, как говорят: „Не буду больше спать с вами здесь, потому что пойду туда“. Они переспали у тех, да так, что их стали побаиваться. А затем вышли туда кольуа, и встретили их, и сказали: «Вы пришли в дом кольуа». А

шальтокамеки, и куаутитланцы [Quauhtitla], и акольуа [Acolhua], и тенайо [Tenayo], и аскапоцальки [Azcapotzalca], и куауаки [Quahuaca], и масауаки [Maçahuaca], и шикипильки [Xiquipilca], и матлацинки [Matlatzinca], и окуильтеки [Ocuilteca], и куитлауаки [Cuítlahuaca], и шочимильки [Xochimílca], и другие их там поджидали. Эти кольуа захватили Уицилиуитля [Huitzilihuitl], и тогда же были похищены дитя и женщина мешиков. Другие мешики, которые спаслись в болотах, пошли обосноваться в Акоколько [Acocolco], где оставались шесть лет[290].

Вот они прибыли в эту землю, сюда, в Теночтитлан, который был только болотом и зарослями тростника, где испытывали лишения пятьдесят лет. Не было у них царя, разве что сами по себе мешики справлялись с тем, что их касалось. Год 2-Калли[291]. Кольуакан [Colhuacan], Тенайокан [Tenayocan]. Вот то, что стало завоеваниями мешиков, только две местности: Кольуакан и Тенайокан.

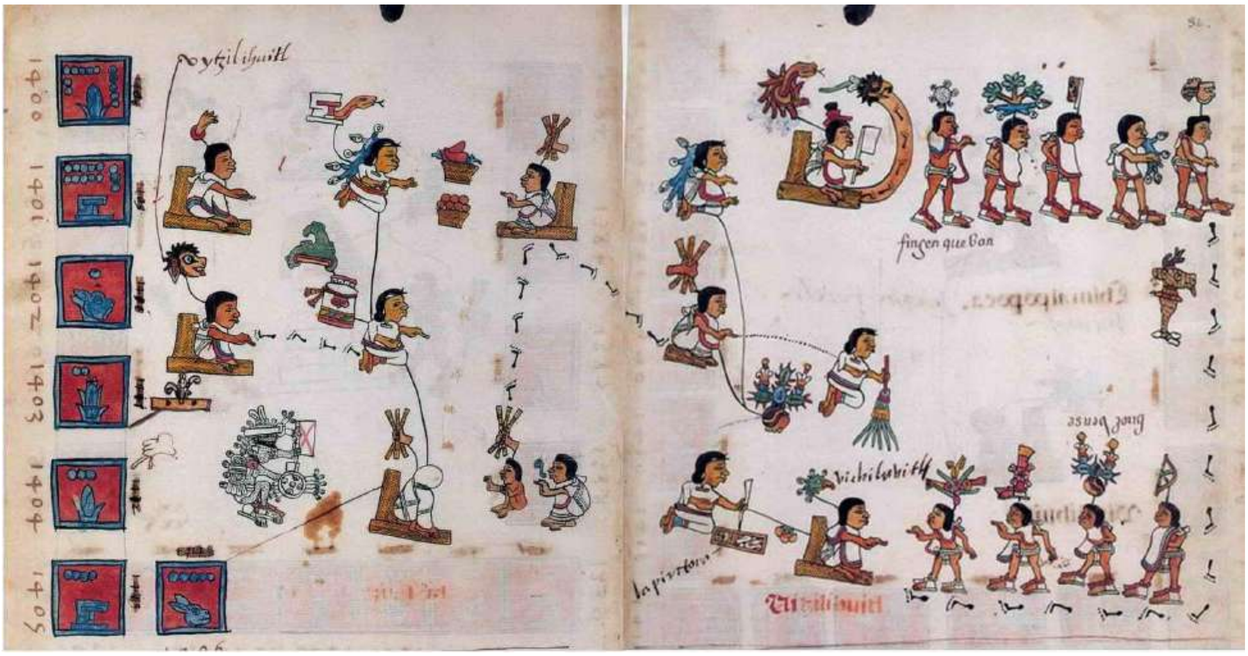


Рисунок 31. Сказание об Акамапичтли. «Кодекс Теллериано-Ременсис», стр. 29v–30r (Hamy 1899).

Затем там воцарился владыка Акамапичтли [Acamapichtli]; он правил двадцать лет |с года| 1-Текпатль[292]. Шочимилько [Xochimilco], Куитлауак [Cuitlahuac], Куаунауак [Quauhnahuac], Мискик [Mizquic]. Вот его завоевание: он завоевал Шочимилько, Куитлауак, Мискик и Куаунауак. Четыре местности завоевал Акамапич [Acamapich].

Вот, как царствовал сын Акамапичтли, его имя Уицилиуитль [Huitzillihuitl]; он царствовал двадцать один год |с года| 9-Калли[293].

[290] В оригинале «шесть дней».

[291] Год 2-Калли — 1325/1326 г.

[292] Акамапичтли был первым верховным владыкой у астеков. Указанный здесь год 1-Текпатль — 1376/1377 г.

[293] Год 9-Калли — 1397/1398 г.

Шальтокан [Xaltocan], Акольман [Acolman], Отомпан [Otompan], Чалько [Chalco], Тецкоко [Tezcoco], Толланцинко [Tollantzinco], Куаутитлан [Quauhtitlan] и Тольтитлан [Toltitlan]: вот то, что было его завоеванием. Восемь селений завоевал Уицилиуитль.

Рисунок 32. Ицкоатль. «Кодекс Теллериано-Ременсис», стр. 31r (Hamy 1899).

Вот царствование сына Уицилиуитля, его имя Чимальпопокацин [Chimalpopocatzin]; он царствовал десять лет. Чалько [Chalco], Текишкиак

[Tequixquiac]. 20 лет |с года| 4-Точтли[294]. Вот его завоевания. Два селения завоевал Чимальпопокацин.

Рисунок 33. Мотекусома Ильуикамина совершает жертвенное кровопускание. Рельеф на каменном ларце из коллекции Hackmack, 1471 г. Гамбург, Музей этнографии.

Вот, как царствовал сын Акамапичтли, его имя Ицкоуацин [Itzcohuatzin], он царствовал 13 лет |до| 13-Текпатль[295]. Завоеваниями Ицкоуацина были все эти местности: Аскапоцалько [Azcapotzalco], Тлакопан [Tlacopan], Атлакуиуайан [Atlacuihuayan], Койоуакан [Coyohuacan], Мишкоуак [Mixcohuac], Куаушимальпан [Cuauhximalpan], Куауакан [Cuahuacan], Теокальуийакан [Teocalhuiyacan], Текпан [Tecpan], Уицицилапан [Huitzitzilapan], Куаунауак [Cuauhnauac], Тецкоко [Tetzcoco], Куаутитлан [Cuauhtitlan], Шочимилько [Xochmilco], Куитлауак [Cuitlahuac], Мискик [Mizquic], Тлатилолько [Tlatililoc], Ицтепек [Itztepec], Шиутепек [Xiuhtepec], Цакуальпан [Tzacualpan], Чалько [Chalco], Йоуаллан [Yohuallan], Тепекакуилько [Tepequacuilco] и Куэсаллан [Cuezallan].

Вот показано, как сын Уицилиуитля, его имя Ильуикаминацин Мотеуксомацин [Ilhuicaminatzin Moteucçomatzin] старший стал правителем;

[294] Год 4-Точтли — 1418/1419 г.
[295] Год 13-Текпатль — 1440/1441 г.

он процарствовал 29 лет |с года| 1-Калли[296]. Вот то, что было завоеваниями Мотеуксомацина, старшего: Коаиштлауакан [Coaixtlahuacan], Чалько [Chalco], Чиконкиауко [Chiconquiauhco], Тепостлан [Tepoztlan], Йаутепек [Yauhtepec], Атлатлаукан [Atlatlauhcan], Тотоллапан [Totollapan], Уаштепек [Huaxtepec], Текпатепек [Tecpatepec], Йоуальтепек [Yohualtepec], Шиутепек [Xiuhtepec], Кийаутеопан [Quiyauhteopan], Тлалькосаутитлан [Tlalcozauhtitlan], Тлачко [Tlachco], Куанауак [Cuauhnahuac], Тепекакуилько [Tepecacuilco], Коуатлан [Cohuatlan], Шиллотепек [Xillotepec], Ицкуинкуитлапилько [Itzcuincuitlapilco], Тлапакойан [Tlapacoyan], Чаполикшитла [Chapolicxitla], Тлалелаукитепек [Tlatlauhquitepec], Йакапичтлан [Yacapichtlan], Куауточко [Cuauhtochco] и Куэтлаштлан [Cutlaxtlan].

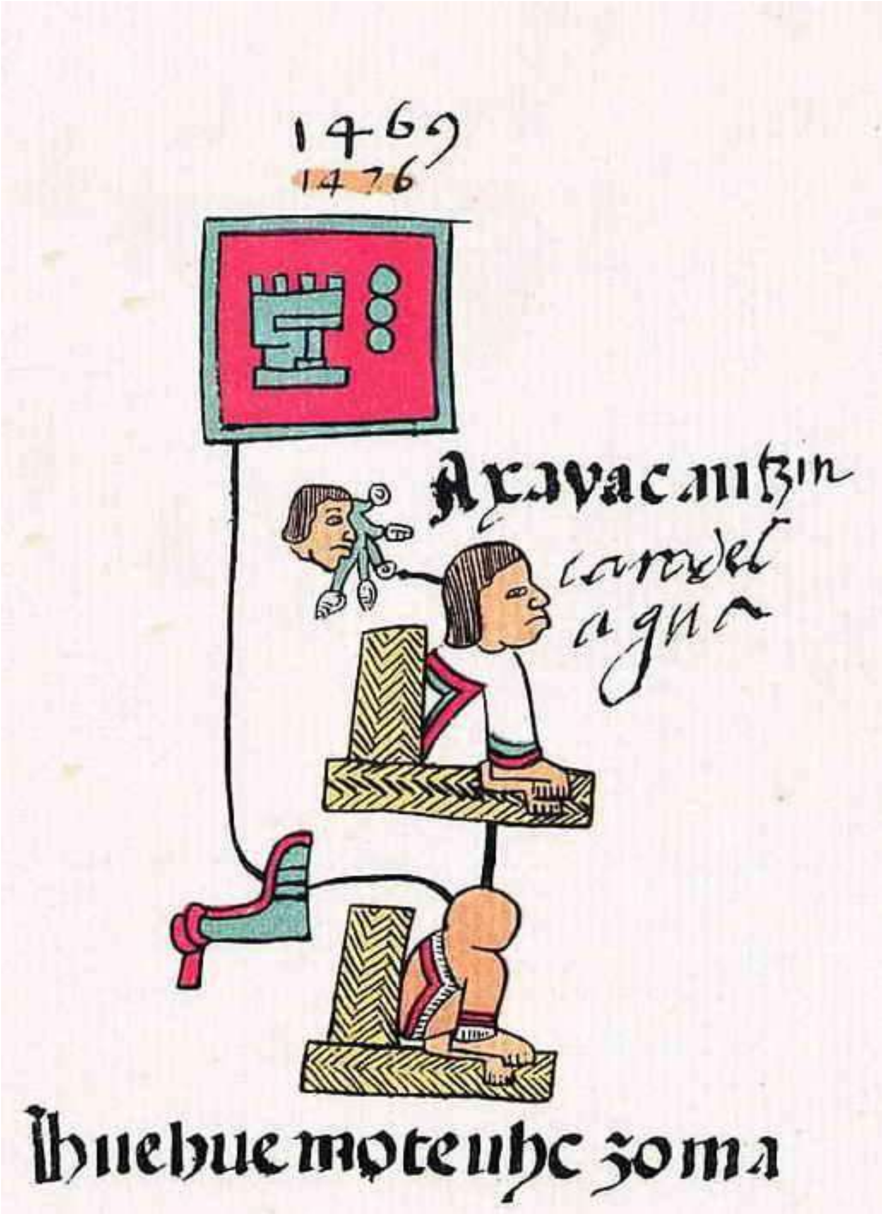


Рисунок 34. Смерть Мотекусомы Старшего и воцарение Ашайакатля. «Кодекс Теллериано-Ременсис», стр. 34v (Hamy 1899).

[296] Год 1-Калли — 1441/1442 г.

Рисунок 35. Тисок (слева) и Ауицотль (справа) совершают кровопускания при освящении главного храма Теночтитлана. В центре — дата 8-Акатль (1487/1488 г.). «Камень Освящения», Национальный Музей антропологии, Мехико.

Вот, как царствовал внук двух царей, Мотеуксомацина старшего и Ицкоуацина, его имя Ашайакацин [Axayacatzin][297]; он царствовал двенадцать лет |с года| 4-Точтли[298]. Это все местности — завоевания Ашайакацина: Тлатилолько [Tlatilolco], Матлацинко [Matlatzinco], Шикипилько [Xiquipilco], Цинакантепек [Tzinacantepec], Тлакотепек [Tlacotepec], Тенанцинко [Tenantzinco], Шочийакан [Xochiyacan], Теотенанко [Teotenanco], Каллимайан [Callímayan], Метепек [Metepec], Окойакак [Ocoyacac], Каполлоак [Capolloac], Атлаполько [Atlapolco], Куапаноуайан [Quapanohuayan][299], Шалатлауко [Xalatlauhco], Текалько [Tecalco], Тепейакак [Tepeyacac], Остоман [Oztoman], Тлашималойан [Tlaximaloyan], Окуиллан [Ocuillan], Куэскоматлийакак [Cuezcomatliyacac], Матлатлан [Matlatlan], Остотикпак [Oztoticpac], Тлаоллан [Tlaollan], Ауилисапан [Ahuilizapan], Тецапотитлан [Tetzapotitlan], Миштлан [Mixtlan], Кецальосток [Quetzaloztoc], Куэтлаштлан [Cuetlaxtlan], Пошкаутлан [Poxcauhtlan], Микетлан [Miquetlan], Тенештикпак [Tenexticpac], Точпан [Tochpan], Тампатель [Tampatel], Каутлан [Quauhtlan], Тамоок [Tamooc].

А вот показано, как внук двух правителей, Мотеуксомацина Старшего и Ицкоуацина стал правителем. Пять лет он правил |с года| 3-Точтли[300].

---

[297] Ашайакатль, Тисосикатль (Тисок) и Ауицотль были детьми Тесосомока, сына Ицкоатля, и Атотостли (Уицильшочитль), дочери Мотекусомы Илуикамины.

[298] Год 4-Точтли здесь 1470/1471 г.

[299] С этого места текст «Легенды о Солнцах» известен в копии А. Леона-и-Гамы.

[300] Год 3-Точтли — 1482/1483 г.

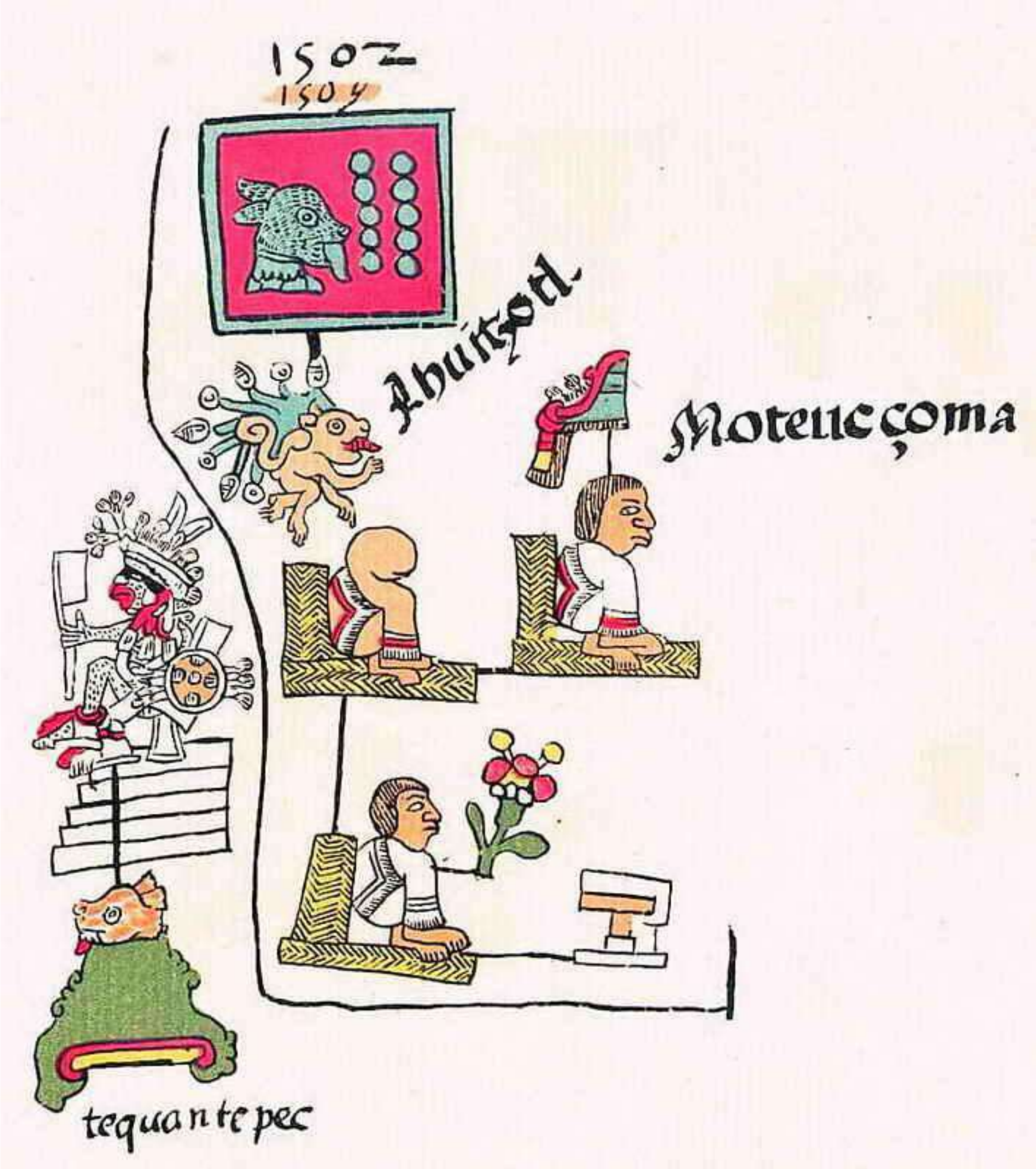


Рисунок 36. Смерть Ауицотля и воцарение Мотекусомы Младшего. «Кодекс Теллериано-Ременсис», стр. 41r (Hamy 1899).

Вот все местности, завоеванные Тисосикацином [Tiçocicatzin]: Тоналлиимокецайан [Tonalliimoquetzayan], Йекатепек [Yecatepec], Тошико [Toxico], Матлацинко [Matlatzinco], Масауакан [Mazahuacan], Атескауакан [Atezcahuacan], Силлан [Cillan], Тлапан [Tlapan], Йанкуитлан [Yancuitlan], Тамапачко [Tamapachco], Коатль [Coatl], Икаупечко [Iquauhpechco], Шочийетла [Xochiyetla], Микетлан [Miquetlan].

И вот показано, как внук двух правителей, Мотеуксомацина Старшего и Ицкоуацина был сделан правителем[301]. Шестнадцать лет он правил |с года| 8-Акатль[302].

И вот завоевания, которые он совершил: Тлапан [Tlapan], Циукоуак [Tziuhcohuac], Моланко [Molanco], Цапотлан [Tzapotlan], Шальтепек [Xaltepec], Тототепек [Tototepec], Шаллапан [Xallapan],Апанкаллекан [Apancallecan], Шиуакан [Xihuacan], Акаполько [Acapolco], Шоллочиукан [Xollochiuhcan], Косоуипиллекан [Cozohuipillecan], Акатепек [Acatepec], Коскакуаутенанко [Cozcaquauhtenanco], Амаштлан [Amaxtlan], Шочтлан [Xochtlan], Койоакак [Coyocac], Чийапан [Chiyapan], Текпатепек [Tecpatepec], Уэшоллотлан [Huexollotlan], Теокуитлатлан [Teocuitlatlan], Шиутексатлан [Xiuhteucçatlan], Шикочималько [Xicochimalco], Текуантепек [Tequantepec], Койоллапан [Coyollapan], Уэуэтлан [Huehuetlan], Уипиллан [Huipillan], Кауаллан [Cahuallan], Истатлан [Iztatlan], Нанцинтлан [Nantzintlan], Комитлан [Comitlan], Исуатлан [Izhuatlan], Каушайакатитлан [Quauhxayacatitlan], Истактлаллокан [Iztactlallocan], Уицтлан [Huitztlan], Шоллотлан [Xollotlan], Каунакастлан [Quauhnacaztlan], Масатлан [Maçatlan], Мапачтепек [Mapachtepec], Куэсалькуитлапиллан [Cueçalcuitlapillan], Каутлан [Quauhtlan], Тлакотепек [Tlacotepec], Мискитлан [Mizquitlan], Каупилоллан [Quauhpilollan], Айоточкуитлатлан [Ayotochcuitlatlan].

И вот показано, как сын Ашайакацина по имени Мотеуксомацин был сделан правителем, он правил шестнадцать лет |с года| 11-Акатль[303]. И вот местности, где этот Мотеуксомацин совершил свои завоевания: Ачиотлан [Achiotlan], Сосоллан [Çoçollan], Ночестлан [Nocheztlan], Теуктепек [Teuctepec], Уиллотепек [Huillotepec], Тланистлан [Tlaniztlan], Соллин [Çollin], Цинанкантлан [Tzinacantlan], Уицтлан [Huitztlan], Ошитлан [Oxitlan], Пиастлан [Piaztlan], Тешотлан [Texotlan], Чичиуальтатакаллан [Chichihualtatacallan], Истактлаллокан [Iztactlallocan], Икпатепек [Icpatepec], Тлатлатепек [Tlatlatepec], Аматлан [Amatlan], Пипиольтепек [Pipioltepec], Сакуантепек [Çaquantepec], Нопаллан [Nopallan], Текосауатлан [Tecoçauhtlan], Уэйапан [Hueiapan], Кимичтепек [Quimichtepec], Малинальтепек [Malinaltepec], Тлачкиауко [Tlachquiauhco], Теочиапан [Teochiapan], Текацинко [Tecatzinco], Пантепек [Pantepec], Сальтепек [Çaltepec], Текпатлан [Tecpatlan], Сенцонтепек [Centzontepec], Кесальтепек [Queçaltepec], Куэскомаиштлауакан [Cuezcomaixtlahuacan], Сакатепек [Çacatepec], Шаллапан [Xallapan], Шальтианкиско [Xaltianquizco], Толлошонекуилько [Tolloxonecuilco], Комальтепек [Comaltepec], Атепек [Atepec], Уэшоллотлан [Huexollotlan], Тлильтепек [Tliltepec], Иститлан [Iztitlan], Микистлан [Miquiztlan], Ицкуинтепек [Itzcuintepec].

[301] Речь идет об Ауицотле, младшем брате Ашайакатля и Тисока.
[302] Год 8-Акатль — 1487/1488 г.
[303] Год 11-Акатль — 1503/1504 г.

Год, в который прибыл Маркиз[304], был 1-Акатль, сорок два года назад[305].

Тот, кто кладет кинжал, был вторым, вошедшим в Мешико[306].

[304] То есть Эрнандо Кортес, получивший в дальнейшем титул маркиза дель Валье-де-Оахака.

[305] Год 1-Акатль соответствует 1519/1520 г. (это действительно год прибытия Кортеса в Мексику). Следовательно, приписка была сделана через три года после составления основного текста, в 1561 г.

[306] Речь идет, по всей видимости, о некоем утраченном рисунке.

Сотворение и устройство мира науа во «Всеобщей Истории» Саагуна

(В. Н. Талах)

Приводимые ниже записи мифов центральномексиканских индейцев являются отрывками грандиозного энциклопедического труда, осуществленного замечательным исследователем, по праву считающимся родоначальником мексиканской этнографии. Бернардо де Саагун родился около 1498 или 1500 года в испанской провинции Леон[307], в городке Саагун де Кампос [Sahagún de Campos]. Мексиканский исследователь А. Чаверо в 1877 г. высказал мнение, что его первоначальная фамилия была Рибейра [Ribeira], однако, документы, на которых основан этот вывод, неизвестны. Бернардо принадлежал к привилегированным слоям общества, по крайней мере, он имел возможность получить образование в самом известном в то время кастильском университете в Саламанке. Материальное положение семьи, однако, по всей видимости, было не очень прочным, и как многие отпрыски малообеспеченных идальго Бернардо избрал для себя духовную карьеру. В 1524 г. он вступил в отличавшийся строгостью устава францисканский орден, а через три года рукоположен в священники. Способности Саагуна проявились, очевидно, еще в студенческие годы, по крайней мере, после окончания университета он был оставлен в нем в качестве преподавателя.

Новые горизонты открыло для Саагуна, как и для многих его соотечественников, открытие и завоевание Мексики. Саагун принадлежал к той части испанского общества (к ней относилось большинство францисканцев), которая считала возможным и необходимым приобщение туземцев новоприобретенных областей к ценностям христианства и европейской культуры, превращение их посредством этого в добрых католиков и верных подданных Их Католических Величеств.

В 1529 г. в составе второй францисканской миссии Б. де Саагун прибыл в Мексику, миссионерскому служению в которой он и посвятил свою остальную долгую жизнь.

Первые годы пребывания в Новой Испании Саагун служил в монастыре в Тлальманалько, затем в Шочимилько (оба в окрестностях Мехико)[308]. Уже тогда брат Бернардино пришел к твердому убеждению, что успех евангелизации индейцев невозможен без знания языка и культуры индейцев. Саагун с первых лет проявил выдающиеся способности к изучению языка науатль и, по свидетельству историка мексиканских францисканцев Х. де Мендиеты «за короткий срок изучил язык мешиков и знал его так хорошо,

---

[307] Kavanagh, William. Fray Bernardino de Sahagún [Recurso electrónico] : el precursor, tan escasamente conocido, de la Antropología Sociocultural. — Madrid : CEU Ediciones, D.L., 2012. — P. 4.

[308] Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X-XI: Познания астеков в медицине и ботанике / Бернардино де Саагун, С. А. Куприенко. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 218 с. : ил. — (Месоамерика. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-07-1. (С. 6)

что никто другой до сегодняшнего дня не сравнился с ним в постижении его тайн». Способности Саагуна были замечены епископом Мехико Хуаном де Сумаррагой и с 1536 г. он был назначен преподавателем латыни в новооткрытом Коллегиуме Святого Креста в Тлателолько, первом высшем учебном заведении в Америке, предназначенном для воспитания в духе испанской культуры детей индейской аристократии. Преподавательская деятельность брата Бернардино продолжалась пять лет. С 1539/1540 года он занимался проповеднической деятельностью, а в 1545 опять вернулся в Коллегиум Святого Креста. Здесь он стал свидетелем страшной трагедии, когда во время эпидемии болезни, называемой *коколистли* (вероятно, сыпной тиф) умерла большая часть индейских студентов. Следующие полтора десятилетия жизни Саагуна освещены в документах отрывочно, известно, что он занимался миссионерской деятельностью вне Мехико, а в 1558 г. достиг поста викария (заместителя епископа) Мичоакана. В 1558–1560 гг. мы встречаем его в селении Тепеполько, в 1560–1565 — в Тлателолько, в 1565–1572 — в Мехико, а с 1572 г. он возвращается к преподаванию в Коллегиуме Святого Креста в Тлателолько, которым занимается до глубокой старости. В 1585 г. Саагун удалился на покой в монастырь Святого Франциска в Мехико, где и скончался в 1590 г.

Записи наблюдений над обычаями и культурой мексиканских индейцев Саагун начал ещё в 1540-х годах, их первым сводом стала рукопись, посвященная риторике, морали, философии и индейской теологии индейцев. Однако, в полном объеме к написанию своего энциклопедического труда, который первоначально составлялся на языке науатль, Саагун приступил в 1558 г. по почину новоназначенного главы мексиканских францисканцев Франсиско де Тораля[309] (испанского церковного деятеля, отличавшегося гуманистическим отношением к индейцам, в частности, именно он приказал прекратить начатое Д. Де Ланда инквизиционное следствие против индейцев Юкатана и освободить арестованных). Благодаря поддержке Тораля у Саагуна появились четыре индейских секретаря, из числа студентов коллегиума Святого Креста в Тлателолько, свободно владеющих науатль, испанским и латынью. В 1558–1561 гг. Саагун и его помощники в Тепеполько, а затем в Тлателолько осуществили огромную работу по сбору и фиксации первоначальных материалов, записи которых известны в настоящее время как «Первичные памятные записки» («Primeros memoriales») и «Вторичные памятные записки» («Segundos memoriales»), содержащиеся в настоящее время в рукописях, известных как «Мадридский кодекс из Дворцовой библиотеки» («Códice Matritense de la Biblioteca de Palacio», «Дворцовая рукопись») и «Мадридский кодекс из Королевской Исторической Академии» («Códice Matritense de la Real Academia de la Historia», «Академическая рукопись»). Следующие восемь лет (1562–1569

[309] Франсиско де Тораль (исп.Francisco de Toral). 1502 г., Убеда, Испания — 20 апреля 1571 г., Мехико. Испанский церковный деятель, первый епископ Юкатана, миссионер, брат ордена францисканцев, лингвист.

гг.) Саагун посвятил своду и обработке полученных материалов, результатом которых стал чистовой список «Всеобщей истории событий в Новой Испании» на науатль, к которой прилагались грамматика и трёхъязычный словарь.

Выполненная Саагуном и его помощниками грандиозная работа мало-помалу приобрела известность среди мексиканских церковников и колониальных властей. Наконец, в 1575 г. Саагун получил от церковных властей средства и возможности для создания окончательного, двуязычного (на испанском и науатль) варианта своего труда, который и был составлен в 1575–1577 гг. В настоящее время он известен как «Флорентийский кодекс» (впрочем, существует мнение, что рукопись была выполнена в двух экземплярах, один из которых утрачен). Рукопись первоначально состояла из 4 (в настоящее время — 3) томов, 12 книг и 1854 страниц, в её написании приняло участие 5 или 6 писцов[310].

Однако для публичного пользования труд Саагуна оказался недоступным. Ещё до окончания работы над ним вышел декрет Филиппа II от 22 апреля 1577 г., который предписывал передавать все сочинения, «касающиеся предрассудков и образа жизни этих индейцев», для обязательного предварительного изучения в Совете по делам Индий. Исходя из письма, написанного Саагуном на имя короля Испании 26 марта 1578 г., двенадцать книг были переданы вице-королю Новой Испании Мартину Энрикесу де Альманса[311], затем оказались в распоряжении генерального комиссара францисканцев в Новой Испании Родриго де Секеры, их судьба на момент написания письма автору была неизвестна. Мы не знаем, было ли сочинение Саагуна рассмотрено в Совете по делам Индий и каково было его решение. Впрочем, очень скоро рукопись оказалась в Италии, во Флоренции. По мнению итальянского исследователя Саагуна Дж. Дж. Маркетти она была вручена, в числе других свадебных подарков, великому герцогу Тосканскому Франческо I, её упоминает в письме к герцогу от 12 октября 1579 г. как «роскошнейшую испанскую книгу» болонский естествоиспытатель Улиссе Альдрованди[312].

В библиотеке тосканских герцогов труд Саагуна оставался неизвестным публике вплоть до 1793 г., когда его обнаружил и опубликовал библиограф А. М. Бандини. С тех пор испанский текст «Флорентийского кодекса» (MS 218–220, Collection Palatina, Biblioteca Medicea-Laurenciana, Firenza) неоднократно издавался как в оригинале, так и в английском, французском, немецком, польском (избранные главы) языках. На русский язык

---

[310] Máynez, Pilar. Fray Bernardino de Sahagun, Codice Florentino, Historia general de las cosas de la Nueva Espana (Reseña de libro) // Estudios de cultura Nahuatl. — 2003. — № 34. — P. 497.

[311] Мартин Энрикес де Альманса (исп. Martín Enríquez de Almanza; 1510?, Торо (?), Самора, Испания — 13 марта 1583, Лима, Перу) — испанский колониальный чиновник из рода Энрикесов. Вице-король Новой Испании 1568 по 1580, вице-король Перу с 1581 по 1583 год.

[312] Marchetti Magda. Hacia la edición crítica de la Historia de Sahagún. Cuadernos Hispanoamericanos, 396. Madrid, 1983. — P. 535–536.

переводились отдельные отрывки. В частности, переводы параграфа первого главы первой и глав пятой и шестой книги третьей, а также главы второй книги седьмой приведены в издании: Легенды и сказки индейцев Латинской Америки. Ленинград, 1972 (С.262–273). Однако, во-первых, они переведены не с оригинала, а немецкого перевода, во-вторых, перевод в некоторых местах адаптирован, сокращен и упрощен. В 2013 году кандидатом исторических наук Сергеем Куприенко впервые был осуществлен перевод (с учетом, как испанского текста, так и текстов на науатль с разных рукописей) на русский язык X и XI книг Флорентийского кодекса. Данные книги, в основном, посвящены вопросам медицины и окружающему миру, в том числе обществу, природе, флоре и фауне[313].

Настоящий перевод книги III и отрывка из книги VII «Всеобщей истории» Б. де Саагуна выполнен по изданию:

Bernardino de Sahagún. Historia General de las cosas de Nueva España. Vol. I. — México: Imprenta del Ciudadano Alejandro Valdés, calle de Santo Domingo y esquina de Tacaba, 1829. P. 232–265; Vol. II. P. 245–250.

с учетом электронного издания:

Bernardino de Sahagún. Historia General de las cosas de Nueva España. Tomo I. // www.artehistoria.jcyl.es/cronocas/autores/contextos/11500.htm.

Bernardino de Sahagún. Historia General de las cosas de Nueva España. Tomo II. // www.artehistoria.jcyl.es/cronocas/autores/contextos/11501.htm.

[313] Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X-XI: Познания астеков в медицине и ботанике / Бернардино де Саагун, С. А. Куприенко. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 218 с. : ил. — (Месоамерика. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-07-1.

Бернардино де Саагун. Всеобщая история событий в Новой Испании. Отрывки.

Книга третья.

Глава первая.

О начале богов.

О начале богов нет ни ясного, ни достоверного известия, и даже вовсе ничего неизвестно; но то, что говорят, это то, что имеется некое место, называемое Теотиоакан [Teotioacan], и там в незапамятные времена собрались все боги и совещались, говоря: «Кто должен управлять и царствовать в мире? Кто должен быть Солнцем?» — и об этом уже рассказано в другой части. И в то время, когда родилось и взошло Солнце, все боги умерли, и никого из них не осталось, как далее будет сказано в книге седьмой, в главе второй.

Параграф первый. О рождении Уицилопочтли [Uitzilopuchtli].

Согласно тому, что рассказывали и знали старые туземцы о рождении и начале дьявола, которого звали Уицилопочтли, и к которому мексиканцы испытывали великое почтение и благоговение, есть некая гора, называемая Коатепек [Coatepec[314]], возле селения Толла [Tulla], и там жила одна женщина, которую звали Коатликуэ [Coatlicue[315]], бывшая матерью неких индейцев, называвшихся сенцонуицнаоа [centzonuitznaoa[316]] и имевших сестру по имени Койольшауки [Coyolxauhqui[317]]. И упомянутая Коатликуэ исполняла покаяние, подметая ежедневно на горе Коатепек, и однажды случилось, что на неё упал мячик из перьев, как моточек шерсти, и она взяла его и положила себе на лоно, внизу живота под юбкой, и после того, как подмела, захотела взять и не нашла его, отчего, как говорят, забеременела. И когда увидели упомянутые индейцы сенцонуицнаоа мать, которая уже была беременна, они пришли в ярость, говоря: «Кто это её обрюхатил? Кто нас обесчестил и опозорил?». А сестра, которую звали Койольшау [Coyolxauh],

---

314 «Змеиная гора».
315 «Та, чья юбка — змеи».
316 Букв. «четыреста южных»; собирательное название звезд южной части неба.
317 «С причёской, украшенной колокольчиками».

сказала им: «Братья, убьем нашу мать, потому что она нас обесчестила, украдкой забеременев!».

Рисунок 37. Коатликуэ. Национальный музей антропологии, Мехико.

И после того, как об этом узнала упомянутая Коатликуэ, она очень опечалилась и огорчилась, а её дитя разговаривало с ней и утешало, говоря: «Не бойся, ведь я знаю, что делать». И после того, как упомянутая Коатликуэ услышала эти слова, её сердце успокоилось, и она избавилась от своей печали. И так как упомянутые индейцы сенцонуицнаоа сговорились и решили убить мать за то бесчестье и позор, которые она им причинила, они были в ярости вместе со своей сестрой по имени Койольшауки, подстрекавшей их убить свою мать Коатликуэ, и упомянутые индейцы

сенцонуицнаоа взяли оружие и вооружились для битвы, и заплели и уложили себе волосы как храбрецы[318]. Но один из них, по имени Куауитликак [Cuautlicac[319]], который был как изменник, всё, что говорили упомянутые индейцы сенцоуицнаоа, тут же передавал Уицилопочтли, еще находившемуся в чреве своей матери, сообщая ему об этом. И ему отвечал Уицилопочтли, говоря: «Эй, дядя! Смотри, что они делают и хорошенько слушай, что они говорят, потому что я знаю, что делать!» И после того, как закончили совещаться об убийстве упомянутой Коатликуэ, упомянутые индейцы сенцонуицнаоа отправились туда, где находилась их мать Коатликуэ, и впереди шла их сестра Койольшау, и они шли вооруженные всяким оружием, и с бумажными [повязками], и колокольчиками, и дротиками, в [боевом] порядке.

Рисунок 38. Гибель Койольшуаки. Национальный музей антропологии, Мехико.

И упомянутый Куаитликак поднялся на гору сказать Уицилопочтли, что уже пришли к нему упомянутые индейцы сенцонуицнаоа, чтобы убить его.

И сказал Уицилопочтли, отвечая ему:

---

[318] Доблестные воины, текиуа, имели право носить особую прическу.
[319] «Поднятая палица».

«Посмотри хорошенько, докуда они дошли?»

И сказал ему упомянутый Куаитликак, что они уже достигли места, называемого Цомпантитлан [Tzompantitlan[320]].

И снова спросил упомянутый Уицилопочтли упомянутого Куауитликака, говоря ему:

«Докуда дошли индейцы сенцонуицнаоа?»

И Куауитликак сказал ему, что они уже достигли другой местности, называемой Коашальпа [Coaxalpa[321]].

И еще раз упомянутый Уицилопочтли спросил упомянутого Куауитликака, говоря ему:

«Докуда они дошли?»

И тот ответил, сказав ему, что они уже достигли другой местности, называемой Апетлак [Apetlac[322]].

И еще раз спросил упомянутый Уицилопочтли упомянутого Куауитликака, говоря ему:

«Докуда они дошли?»

И тот ответил ему, что они уже достигли середины горы.

И еще раз сказал Уицилопочтли, спрашивая упомянутого Куауитликака:

«Докуда они дошли?»

И тот сказал ему, что они уже пришли и находятся очень близко, и впереди их идет упомянутая Койольшауки.

И когда пришли упомянутые индейцы сенцонуицнаоа, тут же родился упомянутый Уицилопочтли, который держал круглый щит, называемый тевевелли [teueuelli], с дротиком и палицей лазоревого цвета, и с лицом, будто раскрашенным, и на голове он имел украшение из прикрепленных перьев, а левая нога у него была тонкая и покрытая перьями, и оба бедра раскрашены в лазоревый цвет, так же как и руки.

И упомянутый Уицилопочтли сказал некоему Точанкальки [Tochancalqui[323]], чтобы он поджег змею, составленную из факелов, и когда её подожгли, она ранила упомянутую Койольшау, отчего та погибла, разорванная на куски, и её голова осталась на этой горе, называемой Коатепек, а тело упало вниз и разбилось на куски. И упомянутый

[320] «Место черепов».
[321] «Песчаная местность со змеями».
[322] «Водная циновка».
[323] «Тот, кто из кроличьей норы».

Уицилопочтли поднялся, и вооружился, и выступил против упомянутых сенцонуицнаоа, преследуя их и сбросив с той горы, называемой Коатепек, до самого подножья, сражаясь с ними и четырежды обогнув по кругу упомянутую гору. И упомянутые индейцы сенцонуицнаоа упрашивали и умоляли упомянутого Уицилопочтли, говоря ему, чтобы он не преследовал их и удержался от сражения. Но не захотел этого упомянутый Уицилопочтли и не имел к ним сострадания, пока почти всех их не убил, и очень немногие спаслись и ушли, ускользнув из его рук, и пришли в одну местность, называемую Уицтланпа [Uitztlanpa[324]]. И он отобрал у них и взял много добычи, и оружие, которое они имели и которое называлось анекуйотль [anecuhyotl].

Рисунок 39. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

[324] Букв. «на юге», возможно, предложение оригинала не полностью переведено Саагуном.

И упомянутого Уицилопочтли называли также Тецауитль [Tetzauitl[325]] по той причине, что говорили, будто Койатликуэ [Coyatlicue; sic!] забеременела от мячика из перьев, и неизвестно, кто его отец[326].

Рисунок 40. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

[325]«Ужасающий, поразительный», а также «зловещее знамение».

[326] Схожий мотив зачатия от упавшего на женщину предмета известен в мифологии индейцев Анд: «И так |они говорят|, в то время существовала вака по имени Кавильака [Cavillaca]. Она была девушкой, давно |это было|. А поскольку она была красивой, ваки |мужчины|, то один, то другой, все они говорили: "Посплю с ней", они добивались её, желали её. Но никто не достиг того, к чему каждый стремился. Потом, не позволив до того, чтобы какой-либо мужчина коснулся своими ногами её ног, однажды она принялась ткать у подножия дерева *лукума* [lúcuma]. В тот самый момент Кунирайя, ведь он был мудрецом, превратился в птицу и поднялся на дерево. Уже |находясь| на ветви он взял плод, бросил в него свой мужской зародыш и скинул плод к женщине. Очень довольная, она проглотила зародыш. И таким образом она забеременела, не соединившись ни с одним мужчиной. Через девять месяцев, как и любая другая женщина, она родила |сына|, сама оставшись девушкой» (Куприенко С. А. Источники XVI-XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма / ред. и пер. Сергей Анатольевич Куприенко. — К. : Видавець Купрієнко С.А., 2013. — С. 328).

И упомянутые мексиканцы проявляли к нему великое почтение и служили ему многими способами, и считали его богом войны, ибо говорили, что упомянутый Уицилопочтли оказывал им великую милость в сражении. И в качестве порядка и обычая, каковые имели мексиканцы, чтобы служить и почитать упомянутого Уицилопочтли, они заимствовали тот, какой использовали и исполняли на той уже упомянутой горе под названием Коатепек[327].

Рисунок 41. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

[327] Первоначально миф о рождении Уицилопочтли имел очевидно космологический характер. Его содержание кратко, но ёмко определяет Р.В. Кинжалов: «Койольшауки — олицетворение земли, из которой каждый день появляется солнце (Уицилопочтли), прогоняя луну и звезды» (Мифологический словарь. М., 1991. С.292). Однако, в дальнейшем ацтеки восприняли распространенный среди науа центральной Мексики иной миф о происхождении Солнца текущей мировой эпохи (он приведен в настоящем издании в изложении «Легенды о Солнцах» Саагуна)

Параграф второй. О том, как почитали Уицилопочтли в качестве бога.

Говорят также, что в день, когда замешивали тесто и изготовляли тело Уицилопочтли, чтобы справить праздник, называемый Панкецалистли [Panquetzaliztli[328]], брали семена лободы [bledos[329]] и тщательно очищали их, убирая соломинки, и добавляли другие семена, называемые пецикатль [petzicatl[330]] и тескаоаутли [tezcaoautli[331]], и их тщательно размалывали, и после того, как их размалывали в муку очень тонкого помола, замешивали из неё тесто, из которого изготавливали тело упомянутого Уицилопочтли. И на следующий день один человек, называемый Кецалькоатль [Quetzalcoatl], метал в тело упомянутого Уицилопочтли дротик с каменным наконечником, целясь ему в сердце, в присутствии царя или владыки и любимца упомянутого Уицилопочтли, которого называли теуоа [teuoa[332]], и кроме того присутствовали четверо верховных жрецов, и кроме того четверо начальников [principales] над неженатыми юношами [mancebos], имевших обязанность растить юношей, называвшиеся тельпочтлатоке [telpuchtlatoque[333]]. Все они присутствовали, когда убивали тело Уицилопочтли, и после того, как умирал упомянутый Уицилопочтли, тут же ломали и разрывали на части тело Уицилопочтли, которое было куском теста, сделанного из семян лебеды. И сердце Уицилопочтли брали для владыки или царя, а все [остальное] тело и куски, которые были как кости упомянутого Уицилопочтли, делили надвое между жителями Мешико [Mexico] и Тлатилолько [Tlatilulco]: мешики, которые были служителями упомянутого Уицилопочтли, называвшимися кальпули [calpules[334]], получали четыре куска тела упомянутого Уицилопочтли, и столько же получали тлатилольки, называвшиеся кальпулями, и таким образом распределяли по четыре куска тела Уицилопочтли между индейцами из кварталов и служителями идолов, которые назывались кальпули, съедавшими тело Уицилопочтли каждый год согласно их порядку и обычаю, имевшемуся у них[335]. Каждый съедал по кусочку тела Уицилопочтли, и те, кто ели, были неженатыми юношами, и говорили, что это было тело бога, которое называлось теокоало [teocoalo], и те, кто получал и съедал тело Уицилопочтли, назывались служителями богов.

---

[328] «Праздник знамен из перьев», справлялся в шестнадцатом двадцатидневном месяце по календарю Тенчтитлана, в начале XVI в. приходился на конец ноября.

[329] Амарант, злак с мелкими съедобными зернами.

[330] Вид амаранта, «простой амарант», вероятно, Amaranthus hipohondriacus.

[331] Вид амаранта, «черная лебеда», по всей вероятности, Amaranthus cruentus.

[332] Букв. «подобие».

[333] «Наставляющие молодежь».

[334] Правильнее calpulle, букв. «относящийся к большому (т.е. общинному) дому».

[335] Вероятно, речь идет о представителях 8 родов, составивших основу поселений Мешико и Тлатилолько. Исходя из опыта других индейских народов, можно предположить, что существовали и какие-то «подчиненные» роды.

Параграф третий. Покаяние [penitencia], налагавшееся на тех, кто получал тело Уицилопочтли.

Неженатые юноши, получавшие и съедавшие тело упомянутого Уицилопочтли, обязаны были служить один год, и каждую ночь сжигали и расходовали огромное количество дров, которое составляло более двух тысяч поленьев и факелов, стоивших им десяти больших плащей, называемых куачтли [cuachtli][336], отчего они испытывали большую нужду и беспокойство. Каждый должен был заплатить по одному большому плащу, называемому куачтли, и по пять маленьких плащиков, называемых текуачтли [tecuachtli], и по корзине маиса и еще по сто маисовых початков. И те, кто не мог заплатить, потому что ощущал очень тягостной для себя эту дань, убегали, а некоторые решались умереть на войне во власти врагов.

Рисунок 42. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

[336] Соответственно стоимость обмена 1 плащ каучтли = 200 поленьев и факелов.

И когда указанные юноши узнавали, что уже заканчиваются и завершаются служба и покаяние, наложенные на них, второй раз собирали другую дань: каждый платил по шесть маленьких плащей, называемых текуачтли, за которые они получали факелы, и поленья, и всё необходимое для омовения упомянутого Уицилопочтли в конце года.

Рисунок 43. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И в день, в который омывали упомянутого Уицилопочтли, это происходило в полночь, и перед тем, как его омывали, сначала устраивали шествие, которое называлось некоколо [necocolo[337]]. И один [человек] облачался в одеяние упомянутого Уицилопочтли, называемое ийопоч [iyopuch[338]], и шёл, танцуя, в качестве воплощения Уицилопочтли, а перед ним шёл другой, которого называли Уицнаоак тлачкау [Uitznaoac tlachcauh[339]], а вслед за ним шли все начальники юношей, называемые

[337] Букв. «кружение повсюду».
[338] «Сияет слева».
[339] «Южанин — игрок в мяч».

тлачкаутлатоке [tlachcauhtlatoque[340]], и доблестные мужи, и прочий народ, все вместе позади, с зажжёнными факелами до места, где омывали упомянутого Уицилопочтли, которое называлось Айаукалько [Ayauhcalco[341]], и там играли на флейтах и затем помещали там упомянутого Уицилопочтли. И любимец упомянутого Уицилопочтли, называемый теуоа [teuoa], набирал воду в сосуд из тыквы, покрашенный лазурью, четыре раза, и ставил его впереди с четырьмя зелеными стеблями тростника, и мыл из него лицо упомянутого Уицилопочтли и всё тело. И после того, как он был омыт, тот, кто был облачен в одеяние упомянутого Уицилопочтли, снова брал изваяние упомянутого Уицилопочтли, и под звуки флейт его несли, пока не помещали и не устанавливали в святилище-*ку*. И после того, как было поставлено изваяние упомянутого Уицилопочтли, тут же все уходили и расходились по своим домам, и таким образом заканчивалось служение и покаяние тех, кто съедал тело упомянутого Уицилопочтли, которое называлось теокуаке [teocuaque] в тот год.

Параграф четвертый. Еще об одной весьма тяжкой дани, которую платили те, кто съедал тело Уицилопочтли.

Когда заканчивался названный год, тут же другие неженатые юноши становились обязанными служить и совершать покаяние согласно порядку и обычаю, имевшимся в том, как съедать и получать тело упомянутого Уицилопочтли. И вместе служители идолов, называвшиеся кальпули [calpules], исполняли великое служение и покаяние, отчего испытывали величайшие тяготы и лишения, которые невозможно было снести, ибо каждую ночь в течение всего года тратили и расходовали огромное и чрезмерное количество поленьев и факелов, самых отменных, и перца, и томатов, и соли, и тыквенных семечек, и бобов какао, и еды. А когда им не за что было купить необходимые вещи, покупали их за плащи, в которые были одеты, или просили кое-что взаймы, либо продавали поливные земли или участки леса, присуждавшиеся [adjudicados] идолам, которым они служили, и тот, кто не мог заплатить дань, лишался земли. И в то время, когда, как они знали, уже завершались и заканчивались служение и покаяние, которыми они были обязаны служить упомянутому Уицилопочтли, они омывались и очищались, и готовили праздничную еду: тамали и хорошо приготовленное жаркое [ollas], или забивали собачку, которую съедали, и напивались по поводу того, что закончили служение и покаяние, которое обязаны были совершать, ведь дань казалась им такой тяжкой, что её едва ли можно было вынести. И так после этого они очень веселились, потому что уже были свободны от таких великих трудов и лишений, и спали спокойно и мирно, и

[340] «Наставляющие игроков в мяч».
[341] «Место Облачного дома».

свободно зарабатывали на жизнь, и занимались рыбной ловлей или возделыванием магея или были заняты торговыми делами.

Рисунок 44. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

Глава вторая.

О почтении, которое испытывали к богу, называемому Титлакаоа [Titlacaoa] или Тескатлипока [Tezcatlipuca].

О боге, называемом Титлакаоан [Titlacaoan[342]], говорили, что он был творцом небес и земли и был всемогущим, и тем, кто давал живущим всё, что было необходимым из еды и питья, и богатство. И был упомянутый Титлакаоан невидимым, и как сумерки или воздух, и когда являлся или

[342] Букв. «Мы — твои служители».

говорил с каким-нибудь человеком, был как тень. И он знал людские тайны, хранимые в сердцах, и его приветствовали, моля и говоря:

«О, бог всемогущий, ты, который даешь жизнь людям, который зовешься Титлакаоан, окажи милость, дай мне все необходимое, чтобы поесть и попить, и вкусить от вашей нежности и услады [gozar de vuestra suavidad y delectación], ведь я испытываю великие труды и нужду в этом мире! Имей милосердие ко мне, ведь я так беден и гол, и тружусь, чтобы послужить вам, и на службе вам подметаю, и чищу, и разжигаю огонь в этом бедном доме, где я нахожусь, ожидая то, что вы захотели бы мне повелеть, или сделай, чтобы я вскорости умер, и закончилась бы эта такая тягостная и несчастная жизнь, и отдохнуло и освободилось мое тело!»

И еще говорили, что упомянутый бог, называемый Титлакаоан, насылал на живущих бедность и нищету, и неизлечимые и заразные заболевания проказой, и сифилисом, и подагрой, и чесоткой, и водянкой, и эти болезни он насылал, когда был разгневан на тех, кто не исполнял и нарушал обеты и покаяние, которых должен был придерживаться во время поста, или если спал со своими женами, или жены с мужьями или любовниками во время поста. И названные больные, будучи очень измученными и униженными, призывали его, умоляя и говоря: «О бог, называемый Титлакаоан, окажите мне милость, исцелите меня и избавьте от этой болезни, которая меня убивает, ведь я буду только исправляться. И если я выздоровею от этой болезни, обещаю служить вам и зарабатывать на жизнь, и если я заработаю что-нибудь своим трудом, я не съем и не истрачу его никаким другим образом, кроме как на пиршестве и празднике в вашу честь, чтобы станцевать в этом бедном доме!»

А безнадежный больной, который не мог выздороветь, бранился в гневе и говорил: «Эй, Титлакаоан, негодяй [puto], ты издеваешься надо мной! Почему ты не убьешь меня?» И одни больные выздоравливали, а другие умирали.

И указанного Титлакаоана называли также Тескатлипока [Tezcatlipuca[343]], и Мойокойацин [Moyocoyatzin[344]], и Йаоцин [Yaotzin], и Некок Йаотль [Necoc Yautl[345]], и Несаоальпилли [Neçaoalpilli[346]]. Его называли Мойокойацином, потому что он делал всё, что пожелал и задумал, и никто не мог ему воспрепятствовать или перечить тому, что он делал, ни в небесах, ни в этом мире, и он обогащал, кого хотел, и также повергал в бедность и нищету, кого хотел. И, кроме того, говорили, что в день, предназначенный для разрушения и падения небес, он это сделал бы, и живущие погибли бы.

---

[343] «Дымящееся зеркало».
[344] «Тот, кто творит новое», а также «Тот, кто задумывает, измышляет».
[345] Йаоцин — «Неприятель, враг»; Некок Йаотль — «Повсюду враждебный».
[346] «Голодное дитя», это божество считалось капризным и непредсказуемым как голодный ребенок.

И названного Титлакаоана все почитали и молились ему, и на всех дорогах и участках улиц ему выделяли место для пожертвований, сделанное из камней, которое называлось момостли [momoztli[347]], и на упомянутое место ставили некоторые ветви в его честь и в качестве службы каждые пять дней, помимо двадцатидневных праздников[348], которые ему устраивали, и имели порядок и обычай делать так всегда.

Рисунок 45. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

[347] «Повседневный, ежедневный».

[348] То есть, помимо праздников, устраивавшихся в честь разных божеств в начале каждого двадцатидневного месяца календаря науа. В частности, Тескатлипоке были посвящены празднества Тошкатль (6-й месяц), Пачтонтли (13-й месяц) и Панкецалистли (16-й месяц).

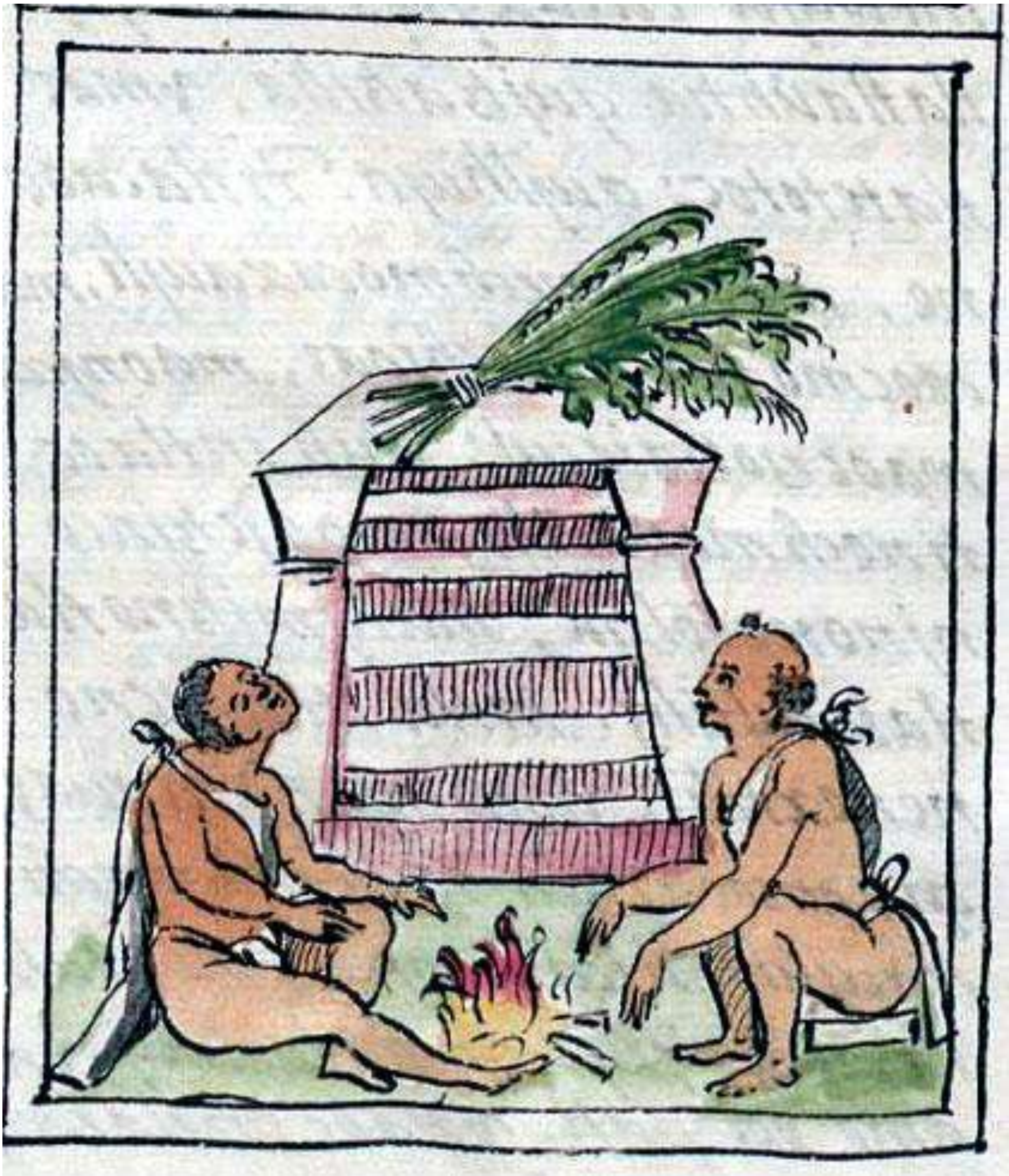


Рисунок 46. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

Глава третья.

С сообщением о том, кем был Кецалькоатль, второй Геркулес, великий чернокнижник, где он царствовали и о том, что он совершил, когда ушёл.

Кецалькоатля [Quetzalcoatl] почитали, и считали богом, и чтили в древние времена в Толле [Tulla], и имели некое святилище-*ку*, очень высокое со многими ступенями, и такими узкими, что в них не помещалась нога. И его изваяние всегда было в лежачем положении, и покрыто плащами, а лицо, которое оно имело, было очень уродливым, а голова большая и бородатая.

А его подданные все были мастерами-ремесленниками [oficiales de artes mecánicas], искусными в обработке зеленых каменьев, называемых чальчиуитами [chalchihuites[349]], а также в литье из серебра и в изготовлении других вещей.

И у него были дома, построенные из драгоценных зеленых каменьев, называемых чальчиуитами, и другие дома, построенные из серебра, и многие другие дома, построенные из алых и белых раковин, и еще другие дома, построенные целиком из досок, и еще другие дома, построенные из бирюзы, и еще другие дома, построенные из ценных перьев.

И подданные, которых он имел, очень скоро шли и приходили туда, куда им хотелось идти, и они назывались тланкуасемильуиме [tlancuacemilhuime[350]]. И была одна гора, называемая Цацитепетль [Tzatzitepetl[351]], которая до сих пор так зовется, откуда оповещал глашатай, чтобы созвать отдалённые селения, находившиеся на расстоянии более сотни лиг, [в стране], называемой Анаоак [Anaoac[352]], и оттуда слышали и понимали призыв, и тут же без промедления приходили узнать и выслушать то, что приказывал упомянутый Кецалькоатль.

И, кроме того, говорили, что был он очень богатым, и что имел всё нужное и необходимое из еды и питья, что маис был изобильнейшим, а тыквы очень толстыми, в сажень в обхвате, а маисовые початки такими большими, что их носили, обхватив [каждый] руками, а стебли лебеды такими длинными и толстыми, что на них можно было взбираться как на деревья, и что сеяли и собирали хлопок всех цветов: что был алый, и розовый, и жёлтый, и лиловый, и белесый, и зеленый, и лазоревый, и черный, и бурый, и оранжевый, и цвета львиной шерсти; и эти цвета хлопка были природными, и таким он рос.

И кроме того говорили, что в названном городе Толла водились многие и разнообразные виды птиц с ценным оперением разных цветов, которые

[349] Зелёный жадеит.
[350] «В течение дня преклоняющие колени».
[351] «Гора криков».
[352] То есть, Мексиканская долина вокруг озера Тескоко и сообщающихся с ним водоёмов.

назывались шиутототль [xiuhtototl[353]], и кецальтототль [quetzaltototl[354]], и тлаукечоль [tlauhquechol[355]], и другие птицы, которые пели сладко и нежно.

Рисунок 47. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

[353] Котинга (букв. «лазурная птица»), Cotinga amabilis.

[354] Кецаль (Pharomachrus mocinno).

[355] Карибский или красный фламинго (Phoenicopterus ruber). «Водная птица, весьма похожая на утку и примечательная блеском своих красных перьев» (Саагун).

И кроме того имел названный Кецалькоатль все богатства мира, из золота и серебра, и зеленых каменьев, называемых чальчиуитами, и другие драгоценные вещи, и большое изобилие деревьев какао разных цветов, которые назывались шочикокоатль [xochicocoatl]. И названные подданные названного Кецалькоатля были очень богатыми и ни в чем не имели недостатка, и не испытывали ни голода, ни нехватки маиса, и не ели маленькие маисовые початки, но топили ими бани, словно дровами.

Рисунок 48. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И так говорят, что упомянутый Кецалькоатль совершал покаяние, протыкая себе ноги и извлекая кровь, которой обмазывал и обагрял колючки магея, и купался в полночь в одном источнике, называемом Шипакойя [Xipacoya[356]], и такого же обычая и порядка придерживались жрецы и служители мешикских идолов, так как названный Кецалькоатль использовал его и совершал это в селении Толла.

Глава четвертая.

О том, как закончилось счастье Кецалькоатля, и против него пришли трое чернокнижников, и о поступках, ими совершенных.

Настало уже время закончиться счастью Кецалькоатля и тольтеков. Пришли против них трое чернокнижников, называемых Уицилопочтли, Титлакаоан и Тлакауэпан [Tlacauepan[357]], которые устроили многие обманы.

И Титлакаоан был первым, кто принялся совершать обман, обернувшись очень древним и дряхлым стариком, который пришёл в дом упомянутого Кецалькоатля и сказал служителям упомянутого Кецалькоатля:

«Я хочу повидаться и переговорить с царем Кецалькоатлем».

И ему сказали: «Иди посмотри, старик, что ты не можешь его повидать, потому что он болен, и ты причинишь ему досаду и огорчение».

И тогда сказал старик:

«Я должен его повидать».

И сказали ему служители упомянутого Кецалькоатля:

«Подождите, нам следует сказать об этом».

И так они пошли сказать упомянутому Кецалькоатлю, что пришёл некий старик переговорить с ним, и сказали:

«Владыка, какой-то старик пришёл сюда и хочет с вами переговорить и повидаться, и мы прогоняли его, чтобы он уходил, но он не захотел, и сказал, что ему непременно следует с вами повидаться».

И сказал упомянутый Кецалькоатль:

«Пусть он войдет сюда и придёт, ведь я уже многие дни жду его».

---

[356] «Место, где моют бирюзу». Река вблизи Толлана, в которой согласно Саагуну, добывали бирюзу.

[357] «Богатырь, силач» (букв. «муж — ствол»). Божество Тлакауэпан почиталось на празднике Тошкатль наряду с Тескатлипокой, Уицилопочтли и Куэшкоцином. Так же называли имеперсонатора Тескатлипоки, которого приносили в жертву на этом празднестве.

И тут же позвали старика, и вошёл упомянутый старик туда, где находился упомянутый Кецалькоатль, и когда упомянутый старик вошёл, то сказал: «Сынок-владыка. Как ты себя чувствуешь? Я принёс сюда одно лекарство, чтобы ты выпил».

И сказал упомянутый Кецалькоатль, отвечая старику:

«Вы пришли в добрый час, старец, уже многие дни я вас ожидаю».

И сказал старец упомянутому Кецалькоатлю:

«Владыка, что с вашим телом и здоровьем?»

И ответил упомянутый Кецалькоатль, сказав старику:

«Я очень нездоров, и у меня болит всё тело, и я не могу пошевелить руками и ногами».

И сказал старик, отвечая упомянутому Кецалькоатлю:

«Владыка, посмотри: вот снадобье, которое я принёс; оно очень хорошее и целительное, и пьянеет тот, кто его пьёт. Если бы вы захотели выпить, вам довелось бы опьянеть, и вылечиться, и довелось бы смягчиться вашему сердцу, и вам довелось бы решиться на тяготы и страдания смерти или на ваше путешествие [ida]».

И упомянутый Кецалькоатль ответил ему, сказав:

«Эй, старец, и куда я должен отправиться?»

И сказал ему упомянутый старик:

«Вы непременно должны отправиться в Толлан Тлапаллан [Tullan[358] Tlapallan], где находится другой старик, ожидая вас, и вы переговорите между собой, и после вашего возвращения вы будете словно юноша, а в следующий раз вы вернётесь как мальчик».

И когда упомянутый Кецалькоатль услышал эти слова, у него забилось сердце. А старик опять стал говорить упомянутому Кецалькоатлю:

«Владыка, я приказываю выпить это снадобье».

И ему ответил упомянутый Кецалькоатль, сказав:

«Эй, старик, я не хочу пить».

И ему ответил старик, сказав:

[358] По всей видимости описка вместо Tlillan Tlapallan.

«Владыка, пейте это, потому что если вы его не выпьете, потом обязательно захочется. По крайней мере, смажьте им лицо или выпейте самую малость».

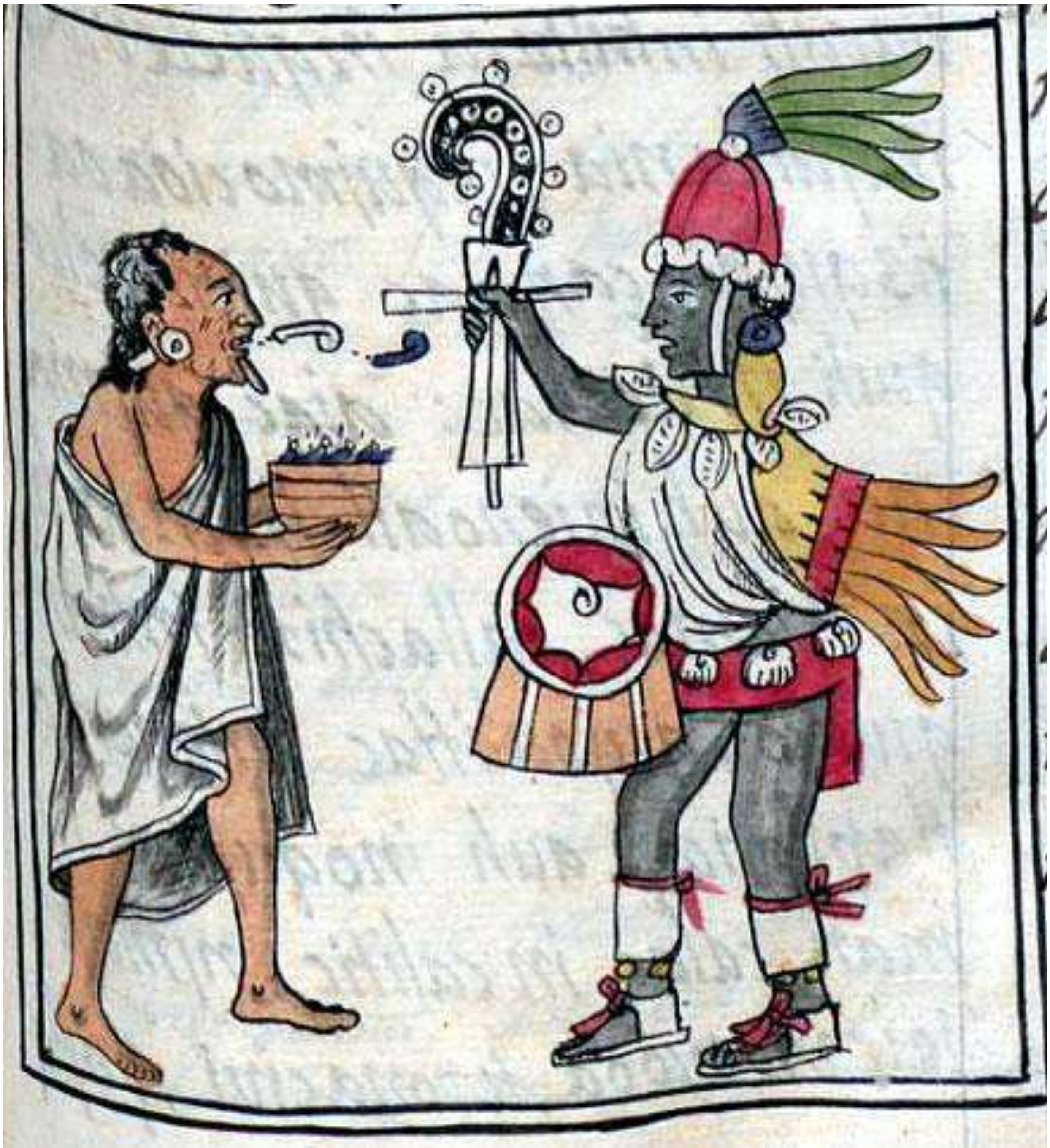


Рисунок 49. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И упомянутый Кецалькоатль попробовал, и ему понравилось, и затем он выпил его, сказав:

«Что это? Кажется вещью очень хорошей и вкусной. Я уже исцелился и избавился от болезни, я здоров».

И еще раз сказал ему старик:

«Владыка, попейте этого ещё, потому что это очень хорошее снадобье, и вы будете еще здоровее».

И упомянутый Кецалькоатль выпил ещё, отчего опьянел и горько заплакал, и забилось и ослабело его сердце от того, что он не сдержался, и его не оставляла мысль, что это был обман и издевательство, устроенные упомянутым старым чернокнижником.

А снадобье, которое выпил упомянутый Кецалькоатль, было белым вином этой страны, изготовленным из магея, который называется теометль [teumetl[359]].

Глава пятая.

О другом обмане, устроенном чернокнижником Титлакаоа.

Другой обман устроил названный Титлакаоа, превратившись и появившись как индеец-чужеземец, называемый тоуэйо [toueyo[360]], совершенно нагой, как имели обычай ходить люди его племени, который продавал зеленый перец-ахи, и разместившись на рынке перед дворцом.

А у Уэмака [Uemac], который был владыкой тольтеков в светских делах, потому что упомянутый Кецалькоатль был как жрец и не имел детей[361], была очень красивая дочь, и из-за красоты названные тольтеки домогались её и хотели жениться на ней. И упомянутый Уэмак не хотел отдавать её упомянутым тольтекам. И упомянутая дочь владыки Уэмака взглянула на рыночную площадь [tianquez] и увидела упомянутого тоуэйо обнажённым, и его детородный член; и после того, как она увидела это, упомянутая дочь вошла во дворец и ей захотелось члена этого тоуэйо, из-за чего она вскоре

[359] "Священный магей». Сам Саагун в другой книге пишет о нем: «Макостик метль. Есть некие магуэи, называющиеся теометль, у которых есть желтая полоса по краю мясистого сочного листа, а остальное — зеленого цвета. Это лекарственное |растение|; пекут мясистый лист на тлеющих углях, а после приготовления выдавливают сок чилькостли, перемешивают с ним до десяти перемолотых семян тыквы и сок мильтоматля, все перемешанное. Давая пить тому, кто вновь заболел от какой-либо болезни; пить вдобавок к еде, и нельзя пить ничего другого; тем самым выздоравливают. Растут эти магуэи повсюду, в горах, а также над тлапанкос, в домах людей. Тот, кто выпивает это, должен вдобавок принять баню». (Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X-XI: Познания астеков в медицине и ботанике. — С. 113–114)

[360] Букв. «чужак, дикарь». Обычно так называли хуастеков, жителей побережья Мексиканского залива, находившихся на значительно более низкой ступени общественного развития, чем науа.

[361] Приводимые здесь Саагуном сведения из других источников неизвестны. Согласно «Летописи Куаутитлана» и «Легенде о Солнцах» (см. настоящее издание) Уэмак правил после Топильцина, обычно отождествляемого с Кецалькоатлем (хотя он тоже носил звание Кецалькоатля, отчего Ф. де Альва Иштлильшочитль и «Мадридский кодекс из Королевского дворца» называют Кецалькоатлем именно Уэмака) и был последним правителем Тольтекской державы. Следует отметить, что эпизоды о проделках тоуэйо, приводимые в главах пятой-шестой книги Третьей Саагуна, совершенно не связаны по содержанию с темой противостояния Тескатлипоки и Кецалькоатля и включены в общее изложение совершенно искусственно.

сильно заболела от любви к тому, что увидела. У неё опухло все тело, и упомянутый владыка Уэмак, когда узнал, что дочь очень больна, спросил женщин, заботившихся о дочери:

«Что за немочь у моей дочери? От какого недуга у неё опухло всё тело?»

И женщины ответили ему, сказав:

«Владыка, причиной и источником этой болезни стал индеец тоуэйо, который разгуливал обнажённым, и ваша дочь посмотрела и увидела детородный член этого тоуэйо, и заболела от любви».

И упомянутый владыка Уэмак, услышав эти слова, приказал, сказав:

«Эй, тольтеки, разыщите мне этого тоуэйо, который торгует здесь зеленым перцем-ахи, приведите его к владыке Уэмаку».

И так его повсюду разыскивали, и так как он не нашёлся, на гору, называемую Цацитепек, поднялся глашатай и объявил, сказав:

«Эй, тольтеки! Если обнаружите тоуэйо, который торгует здесь зелёным перцем, приведите его к владыке Уэмаку!»

И опять его повсюду искали и не нашли, и пришли сказать владыке Уэмаку, что не обнаружили упомянутого тоуэйо. А затем упомянутый тоуэйо появился сидящим на рыночной площади, где он и прежде торговал упомянутым зеленым перцем. И когда его обнаружили, тут же пошли сказать владыке Уэмаку, что появился упомянутый тоуэйо, и владыка сказал:

«Быстрее приведите его сюда ко мне!»

И упомянутые тольтеки отправились за ним, чтобы позвать и привести упомянутого тоуэйо.

И когда его привели к владыке Уэмаку, владыка Уэмак сказал, спросив упомянутого тоуэйо:

«Откуда ты?»

И упомянутый тоуэйо ответил, сказав:

«Владыка, я чужеземец; я пришел сюда продавать зеленый перец».

И еще сказал ему владыка:

«Эй, тоуэйо! Где ты замешкался? Почему вы не носите набедренную повязку-маштлатль и не покрываетесь плащом?»

И упомянутый тоуэйо ответил ему, сказав:

«Владыка, такой обычай в нашей земле».

И владыка сказал упомянутому тоуэйо:

«Вы заморочили голову моей дочери, вы должны её вылечить».

И упомянутый тоуэйо ответил ему, сказав:

«Владыка мой, никоим образом не может быть так, скорее убейте меня; я хочу умереть, потому что я не заслужил того, чтобы выслушивать такие слова, ведь я пришёл сюда зарабатывать на жизнь, продавая зелёный перец».

Владыка сказал ему:

«Ты непременно должен вылечить мою дочь, не бойся».

И его тут же взяли, чтобы вымыть, и все его тело раскрасили краской и надели на него набедренную повязку-маштлатль, и одели упомянутого тоуэйо в плащ. И владыка Уэмак сказал ему:

«Иди и посмотри на мою дочь там, где её охраняют».

И упомянутый тоуэйо сделал так и переспал с упомянутой дочерью владыки Уэмака, отчего она тут же исцелилась и выздоровела. И таким образом упомянутый тоуэйо стал зятем упомянутого владыки Уэмака.

Глава шестая.

О том, как жители Толлы разгневались из-за брака, и о другом обмане, устроенном Титлакаоа.

После того как был заключен и осуществлен брак упомянутого тоуэйо с дочерью владыки Уэмака, упомянутые тольтеки стали гневаться и высказывать обидные и оскорбительные слова о владыке Уэмаке, говоря друг другу:

«Почему владыка Уэмак выдал дочь за какого-то тоуэйо?»

И когда упомянутый владыка Уэмак узнал и услышал слова, которые говорили о нём упомянутые тольтеки, он созвал их и сказал:

«Я пришёл сюда. Я знаю все оскорбительные слова, которые вы сказали обо мне из-за любви моего зятя, которым является тоуэйо. Я приказываю вам, чтобы вы, скрывая намерения, повели его на войну в Сакатепек [Çacatepec[362]] и Коатепек [Coatepec] с тем, чтобы его убили наши враги».

[362] «Травянистая гора». Возможно, местность, тождественная современному Сакатепеку в штате Морелос, южнее Мехико.

И, услышав эти слова упомянутого владыки Уэмака, тольтеки вооружились, и собрались, и отправились на войну со многими слугами и с зятем-тоуэйо упомянутого владыки Уэмака. И когда они прибыли на место битвы, спрятали упомянутого тоуэйо в яме, чтобы он поджидал неприятелей, с оруженосцами карликами и хромоногими. И после того как были спрятаны под землёй все эти карлики и хромоногие — что является уловкой, которую они имели обычай использовать на войне[363] — упомянутые тольтеки отправились сражаться с врагами из Коатепека.

А упомянутый тоуэйо сказал упомянутым оруженосцам карликам и хромоногим:

«Не бойтесь, ободритесь, потому что мы должны убить всех наших врагов!»

А упомянутые враги из Коатепека проявили превосходство, и преследовали и победили тольтеков, которые бежали перед неприятелями, спасаясь от неприятельских рук, и хитростью и обманом упомянутые тольтеки оставили упомянутого тоуэйо одного спрятанным в яме, против упомянутых неприятелей, убежав от врагов. И они подумали, что упомянутые враги убьют упомянутого тоуэйо вместе с оруженосцами, потому что он остался один с упомянутыми оруженосцами, и они принялись говорить и слать сообщения владыке Уэмаку, сказав:

«Владыка, мы наконец-то оставили вашего зятя-тоуэйо одного на войне с оруженосцами во власти врагов».

И когда владыка Уэмак услышал о предательстве, совершённом упомянутыми тольтеками по отношению к упомянутому зятю-тоуэйо, он очень обрадовался, подумав, что, наконец, погиб упомянутый зять-тоуэйо, потому что очень стыдился иметь такого зятя, чужеземца тоуэйо.

А упомянутый тоуэйо, спрятанный в яме, посмотрел на врагов и сказал упомянутым оруженосцам:

«Не бойтесь. Враги уже подошли к нам, я знаю, что должен убить их всех».

И так он поднялся и вышел против врагов из Коатепека и Сакатепека, преследуя их и убивая без счета; и когда весть об этом достигла владыки Уэмака, он испугался, и очень опечалился, и созвал упомянутых тольтеков, сказав им:

«Пойдемте, встретим нашего зятя».

---

[363] О такой военной хитрости упоминает, в частности, Х.Б. Помар (Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. Книга первая. Фернандо де Альва Иштлильшочитль. Хуан Баутиста Помар. К., 2013. С.448–449).

И так все отправились вместе с владыкой Уэмаком встретить его, и они несли с собой символы или знаки отличия, называемые кецальпанекайотль [quetzalpanecayutl[364]], и щиты, называемые шиучималли [xiuhchimalli[365]], и вручили их упомянутому тоуэйо, и так приняли его с танцами, и песнями, и с игрой на флейтах, вместе с упомянутыми оруженосцами, с большим торжеством и радостью. И когда все упомянутые тольтеки прибыли во дворец упомянутого владыки Уэмака, то украсили тому голову перьями, и раскрасили всё его тело в жёлтый цвет, а лицо в алый, и также оруженосцам.

Это было отличие, которое имели обычай оказывать тем, кто приходил с победой с войны. И затем сказал владыка Уэмак упомянутому зятю:

«Ныне я доволен тем, что вы совершили, и тольтеки также довольны; вы очень хорошо поступили с врагами, отдыхайте и набирайтесь сил».

Глава седьмая.

О другом обмане того же чернокнижника, которым он убил многих из толланцев, когда они танцевали и плясали.

Другой обман устроил упомянутый чернокнижник, называемый Титлакаоан. После того, как он сражался с упомянутыми врагами и победил их, будучи весь покрыт ценными перьями, которые назывались тосиуитль [tocihuitl[366]], он приказал, чтобы все тольтеки танцевали и плясали. И он сделал так, чтобы глашатай огласил с горы Цацитепек, что и всем индейцам-чужеземцам следует прийти на праздник плясать и танцевать. И тут же пришли очень многие индейцы, без числа, в Толлу. И когда все собрались, упомянутый Титлакаоан отправился в одну местность, называемую Тешкалапа [Texcalapa[367]], со всеми людьми, которых невозможно было сосчитать, с юношами и девушками, и начал танцевать, и плясать, и петь упомянутый чернокнижник Титлакаоан, играя на барабане, и весь народ тоже пустился в пляс, подпевая стихам, которые пел упомянутый чернокнижник. Он пел каждый куплет тем, кто танцевал, и тут же все повторяли тот же стих, хоть и не могли запомнить песню. Они принялись петь и плясать с захода солнца и до полуночи то, что называется илатлапицалиспа [ilatlapitzalizpa[368]], и так как были очень многочисленны люди, которые танцевали, они толкали друг друга, и многие из них падали, сорвавшись с обрыва, в ущелье реки, называемой Тешкалатлауко [Texcalatlauhco[369]], и превращались в валуны. На

[364] «Накидка, отделанная перьями кецаля».
[365] «Бирюзовый щит». Сохранились ацтекские деревянные щиты, отделанные мозаикой из бирюзы.
[366] «Очень ценимые блестящие перья» (Саагун).
[367] «Река с обрывистыми берегами».
[368] «Музыка, под которую тонут» или «музыка, под которую гибнут».
[369] «Обрывистое речное ущелье».

этой реке был каменный мост, и упомянутый чернокнижник разрушил его, и все, кто шёл по нему, сорвались и упали в реку, и превратились в камни. Но ничего из того, что делал упомянутый чернокнижник, не чувствовали и не видели эти тольтеки, потому что были как пьяные без мозгов, и все время, пока танцевали и плясали, так как толкали друг друга, срывались в воду.

Глава восьмая.

О другом обмане того же чернокнижника, посредством которого он погубил ещё многих жителей Толлы.

И другой обман совершил упомянутый чернокнижник, который появился как доблестный муж [tequioa]. И он приказал глашатаю объявить и созвать всех жителей Толлы, чтобы они пришли выполнить некую работу в цветочном саду [huerta de flores], называемом Шочитла [Xuchitla[370]] с целью возделывания и обработки упомянутого сада. А почему его так называли, Шочитла — будто бы это был сад упомянутого Кецалькоатля.

И так все и сделали, и пришли выполнить упомянутую работу в упомянутом саду Кецалькоатля, и когда собрались все упомянутые тольтеки, тут же упомянутый чернокнижник принялся убивать упомянутых тольтеков, избивая их палкой-копалкой [coa], и убил бессчетное число их, а другие обратились в бегство, чтобы спастись от его рук, и, спотыкаясь и падая, тут же гибли, а другие наталкивались друг на друга, и так все поубивали один другого.

Глава девятая.

О ещё одном обмане, устроенном тем же чернокнижником, которым он погубил ещё многих тольтеков.

И ещё один обман устроил уже упомянутый чернокнижник. Он стал посреди рыночной площади, и сказал, что его зовут Тлакауэпан [Tlacauepan], а другое имя — Куэшкоч [Cuexcoch[371]], и стал показывать мальчонку, пляшущего на ладони его руки — будто бы это был Уицилопочтли. И он поместил упомянутого мальчонку пляшущим у него на руках, и когда это

[370] «Цветник».

[371] Букв. «Затылочный», этимология неясна. Божество ясного неба; его изображение, сделанное из теста, замешанного на семенах амаранта, вносили на вершину храма одновременно с аналогичным изображением Уицилопочтли (Саагун).

увидели упомянутые тольтеки, все встали и отправились поглядеть на него, и подавили друг друга, и так многие погибли, задушенные и затоптанные.

И упомянутый чернокнижник сказал упомянутым тольтекам:

«Эй, тольтеки! Что это? Что это за обман? Как вы этого не понимаете? Обманщик заставляет плясать мальчонку. Убейте их, побейте их камнями!»

И так они забросали камнями упомянутого чернокнижника и мальчонку, и после того, как он умер, засмердело тело упомянутого чернокнижника, и смрад отравил воздух, так что если с той стороны дул ветер, он нёс ужасный смрад к упомянутым тольтекам, отчего многие умирали.

И упомянутый чернокнижник сказал упомянутым тольтекам:

«Выбросьте отсюда этого мертвеца, потому что уже умерли слишком многие тольтеки от смрада упомянутого чернокнижника».

И так и поступили упомянутые тольтеки, и обвязали мертвеца веревками, чтобы оттащить и выбросить труп, который смердел и был таким тяжелым, что упомянутые тольтеки не могли тащить его; а сначала они думали, что быстро выбросят его из Толлы.

И глашатай объявил, сказав:

«Эй, тольтеки! Приходите все и несите ваши веревки, чтобы обвязать этого мертвеца и выбросить его!»

И когда собрались все упомянутые тольтеки, тут же обвязали мертвеца веревками и принялись тащить его, волоча упомянутого мертвеца и говоря между собой:

«О, тольтеки! Вот и волочите этого мертвеца вашими веревками».

А этот мертвец был таким тяжелым, что его нельзя было сдвинуть с места, и обрывались веревки, и когда обрывалась какая-нибудь веревка, те, кто держался за неё, падали и тут же гибли, падая друг на друга. И так, поскольку не могли волочить упомянутого мертвеца, упомянутый чернокнижник сказал упомянутым тольтекам:

«Эй, тольтеки! Этот мертвец хочет куплет песни!»

И он же произнес песню, сказав им:

«Тащите мертвого Тлакауэпана-чернокнижника!»

И так под пение этого стиха они тут же принялись тащить, волоча, мертвеца, с криками и возгласами, и когда рвалась какая-нибудь веревка, все, кто держался за веревку, умирали. И те, кто наталкивался друг на друга, и те,

кто падал друг на друга, все умирали. И они отнесли мертвеца в лес, и те, кто вернулся, не помнили того, что произошло, так они были пьяны.

Рисунок 50. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

Глава 10.

О других обманах того же чернокнижника.

И ещё один обман устроил упомянутый чернокнижник в упомянутой Толле. Дело в том, что, как говорят, будто бы пролетела белая птица,

называемая истакуиштли [iztacuixtli[372]], пронзённая стрелой, невысоко над землей, и её ясно видели упомянутые тольтеки, когда глядели вверх.

И другой обман устроил упомянутый чернокнижник у упомянутых тольтеков, которые видели ночью одну гору, называемую Сакатепек, в огне, и языки пламени появлялись издалека, и во время, когда они это увидели, взволновались, и кричали, и восклицали, и были встревожены, и говорили друг другу:

«О, тольтеки! Уже заканчивается наше счастье, мы уже гибнем, уже заканчивается царство тольтеков [toltecayutl], к нам уже пришла злая доля! Увы нам! Куда мы пойдем? О мы, несчастные! Мужайтесь!»

И был еще один обман у упомянутых тольтеков, устроенный упомянутым чернокнижником, и он состоял в том, что на них пролился дождь из камней. И после того, как это произошло, с небес к ним упал большой камень, называемый течкатль [techcatl[373]], и с тех пор одна старая индеанка в местности, называемой Чапольтепек Куитлапилько [Chapoltepec Cuitlapilco[374]] или, по-другому, Уэцинко [Uetzinco], стала продавать флажки из бумаги, говоря:

«Вот знамена».

И тот, кто решался умереть, затем говорил:

«Продай мне флажок».

И после того, как флажок был продан, тут же отправлялся туда, где находился названный камень течкатль, и там его убивали, и не было никого, кто сказал бы:

«Что же это с нами происходит?»

И они были как помешанные.

Глава 11. О другом обмане того же чернокнижника, посредством которого он убил многих толланцев.

Итак, упомянутый чернокнижник устроил ещё один обман для упомянутых тольтеков. Говорят, что всё съестное сделалось кислым, и ничего нельзя было поесть. И появилась одна старуха-индеанка — говорят,

[372] «Белый сокол».
[373] Камень для человеческих жертвоприношений.
[374] «На склонах Холма Кузнечика».

будто бы это был сам чернокнижник, явившийся как старуха-индеанка — и расположилась в местности, называемой Шочитла, и стала жарить маис, и запах упомянутого жареного маиса достиг селений по всей округе. И когда упомянутые тольтеки учуяли маис, тут же побежали и вмиг достигли упомянутой местности Шочитла, где находилась упомянутая старуха. Ведь говорят, что тольтеки были быстры, и хотя бы находились очень далеко, быстро приходили и прибывали туда, куда хотели. И всех упомянутых тольтеков, сколько бы их ни пришло и ни собралось, убила упомянутая старуха, и никто из них не вернулся. Великий обман и издевательство над ними устроил и убил очень многих тольтеков упомянутый чернокнижник посредством упомянутой уловки, которую он устроил.

Рисунок 51. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

Глава 12. О бегстве Кецалькоатля в Тлапаллу [Tlapalla], и о поступках, совершённых им по дороге.

И многие другие обманы случились у упомянутых тольтеков, потому что закончилось их счастье. И упомянутый Кецалькоатль, огорчённый упомянутыми обманами и решивший уйти из Толлы в Тлапаллу, сжег все дома, какие имел построенными из серебра и раковин, и закопал другие драгоценные вещи среди гор и речных ущелий, и превратил деревья какао в другие деревья, называемый мискитль [mizquitl[375]]. И, кроме того, он приказал всем видам птиц с ценным оперением, тем, которые называются кецальтототль, и шиутототль, и тлаукечоль, чтобы они отправились вперед и ушли в Анаоак, находящийся на расстоянии более ста лиг.

Рисунок 52. Кецалькоатль. Британский музей.

[375] Prosopis juliflora из Мимозовых (лат. Mimoseae) — трибы цветковых растений подсемейства Мимозовые семейства Бобовые (Fabaceae). Произрастают в полупустынных местностях.

И упомянутый Кецалькоатль отправился в путь и ушёл из Толлы, и после того, как отправился, пришёл в местность, называемую Куаутитла [Cuauhtitla], где было одно большое дерево, толстое и высокое, и упомянутый Кецалькоатль прислонился к нему и попросил у служителей зеркало, и ему дали его, и он увидел свое лицо в упомянутом зеркале и сказал:

«Я уже старый».

И тогда назвали эту местность Уэуэкуаутитлан [Ueuecuauhtitlan[376]], и затем он взял камни, которыми забросал упомянутое дерево, и все камни, которые бросал упомянутый Кецалькоатль, вошли внутрь упомянутого дерева, и долгое время они там находились и были видны, и все видели их от земли и доверху.

И так он путешествовал, а впереди шли, играя, флейтисты, и он прибыл в другое место на дороге, где отдохнул и присел на камень, и положил руки на этот камень, и остались следы его рук на упомянутом камне. И, посмотрев по направлению к Толле, он горько заплакал, и слёзы, которые у него потекли, сделали углубление и сквозное отверстие в упомянутом камне, на котором плакал и отдыхал упомянутый Кецалькоатль.

Глава 13. О следах, которые он оставил на камнях, сделанных ладонями и ягодицами там, где он сидел.

Упомянутый Кецалькоатль положил руки, коснувшись большого камня, на который он сел, и оставил следы от ладоней своих рук на упомянутом камне, как если бы он положил упомянутые ладони на ил, чтобы легко отставить отпечатки ладоней, и также оставил следы ягодиц на упомянутом камне, где некогда сидел. И упомянутые следы появились и ясно видны, и с тех пор назвали упомянутое место Темакпалько [Temacpalco[377]].

И он поднялся, следуя по дороге, и прибыл в другое место, называемое Тепаноайя [Tepanoaya[378]], и там пересек большую и широкую реку. И упомянутый Кецалькоатль приказал построить и поставить каменный мост на этой упомянутой реке, и так по этому упомянутому мосту прошел упомянутый Кецалькоатль и назвал упомянутое место Тепаноайя.

И, следуя по дороге, упомянутый Кецалькоатль пришёл в другое место, называемое Коаапа [Coahapa[379]], куда упомянутые чернокнижники пришли

---

[376] «Старый Куаутитлан».
[377] «Место, где руки и сиденье на камне».
[378] «Место каменного перехода через реку».
[379] «Змеиная река».

повстречаться с ним, чтобы воспрепятствовать ему и чтобы он не отправился дальше, и они сказали упомянутому Кецалькоатлю:

«Куда вы идёте? Зачем вы оставили ваш город? Кому вы поручили его? Кто будет совершать покаяние?»

И сказал упомянутый Кецалькоатль упомянутым чернокнижникам:

«Вы никоим образом не сможете помешать моему путешествию. Я непременно должен идти».

И упомянутые чернокнижники сказали, спрашивая упомянутого Кецалькоатля:

«Куда вы идете?»

И он ответил им, сказав:

«Я иду в Тлапаллан».

И спросили его упомянутые чернокнижники, сказав:

«Зачем вы идете туда?»

И упомянутый Кецалькоатль ответил им, сказав:

«Пришли позвать меня, и меня позвало Солнце».

И сказали упомянутые чернокнижники упомянутому Кецалькоатлю:

«Иди в добрый час, но оставь [творения] ремесел, плавки серебра, и обработки камней и дерева, и рисования, и изготовленные изделия из перьев и прочих ремесел».

Всего этого упомянутые чернокнижники лишили упомянутого Кецалькоатля, и упомянутый Кецалькоатль принялся бросать в один источник все драгоценные украшения, которые носил на себе. И так упомянутый источник был назван Коскаапа [Cozcaapa[380]], а сегодня этот источник называется Коаапа [Coahapa]. И упомянутый Кецалькоатль, следуя по дороге, пришёл в другую местность, которая называется Кочтока [Cochtoca[381]], и пришел другой чернокнижник, и повстречал его, и сказал:

«Куда вы идете?»

И сказал ему Кецалькоатль:

«Я иду в Тлапаллу».

И упомянутый чернокнижник сказал упомянутому Кецалькоатлю:

[380] «Изумрудная река».
[381] «Растянулся во сне».

«В добрый час вы идете, выпейте это вино, которое я несу».

И сказал упомянутый Кецалькоатль:

«Я не могу ни пить, ни даже отведать малость».

И сказал ему упомянутый чернокнижник:

«Вы непременно должны выпить или хотя бы отведать малость, потому что никого из живущих я не пропускаю, чтобы не дать ему и не напоить его этим вином, всех я опьяняю. Пей же!»

И упомянутый Кецалькоатль взял вино и выпил его через тростинку, и когда он выпил его, опьянел и заснул на дороге, и начал храпеть, а когда проснулся и посмотрел в одну сторону и в другую, отряхнул на себе волосы руками, и с тех пор указанная местность называется Кочтока.

Рисунок 53. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

Глава 14. О том, как от холода погибли все служители Кецалькоатля на перевале между двумя горами: Вулканом и Снежной Горой, и о других его деяниях.

Когда упомянутый Кецалькоатль следовал далее своей дорогой, на перевале между двумя горами, Вулканом и Снежной Горой[382] все служители упомянутого Кецалькоатля, которые были карликами и горбунами, сопровождавшие его, погибли от холода на упомянутом перевале между упомянутыми горами. И упомянутый Кецалькоатль очень горевал о том, что случилось, и о гибели упомянутых служителей, и очень горько плакал, и пел со слезами, и со вздохом посмотрел на другую заснеженную гору, которая называлась Пойаутекатль [Poyauhtecatl[383]], находящуюся подле Текамачкалько [Tecamachcalco[384]], и так он прошел по всем местностям и селениям, и оставил очень много знаков на горах и дорогах, как говорят.

И еще говорят, что упомянутый Кецалькоатль шёл, радуясь и веселясь, по одной горе, и на вершине горы остановился, и бросился вниз к подножию и основанию горы, и так он делал много раз.

А в другом месте он соорудил площадку для игры в мяч, построенную из каменных блоков, где имели обычай играть в мяч, называемую тлачтли [tlachtli], а посреди площадки поместил знак или черту, которая называется тлекотль [tlecotl[385]]; и там, где он провел черту, земля очень глубоко разверзлась. А в другом месте он пустил стрелу в одно очень большое дерево, называемое почотль [pochutl][386], и пронзил его этой стрелой, и так был сделан крест.

И еще говорят, что упомянутый Кецалькоатль создал и построил дома под землей, который называются Миктланкалько [Mictlancalco[387]]. И, кроме того, он поставил один большой камень, который поворачивался мизинцем, и говорят, что когда многие мужчины хотели повернуть и сдвинуть тот камень, он не сдвигался, хоть они и были очень многочисленны.

И, кроме того, имели место другие примечательные поступки, совершенные упомянутым Кецалькоатлем во многих селениях, и он дал названия всем горам, и холмам, и местностям.

---

[382] Имеются в виду Попокатепетль («Дымящаяся гора») и Истаксиуатль («Белая Женщина»), по-другому называемая также Истактепетль («Белая Гора»).

[383] «Владыка сумерек», современный вулкан Орисаба.

[384] «Место Каменной челюсти».

[385] «Предел, граница, конец».

[386] Хлопковое дерево (Ceiba pentandra); крупнейшее из деревьев Центральной Америки, достигает в высоту 70 м.

[387] «Дома страны мёртвых». Вероятно, имеется в виду миф о посещении Кецалькоатлем царства мертвых (см. «Легенду о Солнцах» в настоящем издании).

И так, когда он прибыл на берег моря, то приказал сделать плот, сплетенный из змей, который назывался коатлапечтли [coatlapechtli[388]], и на него он взошёл и поместился, как в лодку, и отправился в плавание по морю, и неизвестно, как и каким образом он прибыл в названную Тлапаллу.

Конец книги третьей.

[Из «Дополнения к Книге Третьей»].

Из «Главы первой. О тех, кто отправляется в преисподнюю и об их похоронах».

Рисунок 54. Миктлантекутли. Золотая подвеска из «Гробницы 7» в Монте-Альбане.

То, что говорят и знают старые туземцы и владыки этой страны о покойниках, которые умерли, это то, что души умерших шли в одно из трех мест [partes]. Первым была преисподняя, где находился и жил некий дьявол, называемый Миктлантекутли [Mictlantecutli], а по-другому — Цонтемок [Tzontemoc], и богиня, которую звали Миктекасиоатль [Mictecacioatl],

[388] «Змеиное подножие» или «змеиная подстилка».

бывшая женой Миктлантекутли. И душами умерших, которые шли в преисподнюю, были те, кто умирал от болезней, были ли они владыками, или знатными, или простолюдинами <…>.

И затем старые деды и люди, чьим ремеслом была нарезка бумаги [oficiales de tajar papeles], резали, и готовили, и повязывали предназначенную для этого бумагу на покойного. И после того, как была сделана и приготовлена бумага, они брали покойника, и поджимали ему ноги, и одевали его в бумажные повязки, и связывали его, и брали немного воды и разбрызгивали над его головой, говоря покойнику:

«Вот то, что ты вкушал, когда жил в этом мире».

И брали кувшинчик, полный воды, и давали ему, говоря:

«Смотри сюда, с чем ты должен будешь путешествовать», —

и помещали это среди повязок, и пеленали покойника его плащами и бумагой, и туго связывали его. И, кроме того, давали покойнику всю приготовленную бумагу, по порядку раскладывая её перед ним и говоря:

«Смотри сюда, с этим ты должен пройти между двумя горами, которые сталкиваются друг с другом».

И еще давали покойнику другую бумагу, говоря:

«Смотри сюда, с этим ты должен пройти по дороге, где находится змея, стерегущая путь».

И еще давали покойнику другие бумаги, говоря:

«Смотри сюда, с этим ты должен пройти там, где находится зеленая ящерица, называемая Шочитональ [Xochitonal[389]]».

И, кроме того, говорили покойнику:

«Смотри сюда, с этим ты должен пройти восемь пустынных высокогорий [páramos]».

И, кроме того, давали покойнику другую бумагу, говоря:

«Смотри сюда, ты должен пройти восемь перевалов».

И еще говорили покойнику:

«Смотри сюда, с чем ты должен пройти ветер из ножей, называемый ицеекайя [itzehecaya[390]]», — потому что ветер был таким сильным, что нёс камни и куски ножей.

[389] «Цветок–тень» или «цветок — дух-спутник».
[390] «Обсидиан–ветер».

По причине этих ветров сжигали все мешки с пожитками [petacas] и оружие, и всю добычу, взятую у пленных, которых он захватил на войне, и всю одежду, какую они носили. Они говорили, что эти вещи шли с тем покойником и в том пути защищали его, чтобы он не испытывал больших страданий <…>.

Рисунок 55. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И, кроме того, делали так, чтобы покойник нес с собой собачку с рыжей шерстью, и в пасть ей клали пучок нитей; говорили, что покойники переплывали на собачках, когда пересекали в преисподней реку, называемую Чиконаоапа [Chicunaoapa[391]] <…>.

И после того, как проходили четыре года, покойник выходил [от Миктлантекутли] и шёл в девять преисподних, где находилась и протекала одна очень широкая река. И жили и бродили собаки на берегу реки, которую покойники пересекали, переплывая на собачонках. Говорят, что покойник, который приходил на берег вышеупомянутой реки, тут же высматривал собаку, и если та узнавала своего хозяина, тут же бросалась вплавь через реку туда, где был её хозяин, и переносила его на спине, почему туземцы имели обычай содержать и выращивать собак для этой цели.

[391] «Девять Рек».

И, кроме того, говорили, что собаки с белой и черной шерстью не могли переплыть и пересечь реку, потому что будто бы собака с белой шерстью говорила:

«Я уже искупалась».

Рисунок 56. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

А собака с черной шерстью говорила:

«Я запачкалась в темный цвет и поэтому не могу переправить вас».

Только собака с рыжей шерстью могла как следует перевезти на спине покойников. И так в этом месте преисподней, которое называлось Чиконамиктла [Chiconamictla[392]], находили свой конец и итог [se acabavan e fenescían] покойники[393] <…>

---

[392] «Девять преисподних».

[393] Ср. «Кодекс Теллериано-Ременсис»: «В этот праздник [Миккаильуитль] совершали жертвоприношения умершим, раскладывая на их могилах еду и напитки, что они совершали с промежутком в четыре года, поскольку считали, что за всё это время души не уходили в место их отдохновения, согласно их обычаю, и потому они хоронили их со всею их одеждой, в нарядах и обуви, потому что они верили, что для того, чтобы добраться до места, куда должны были дойти души, к концу тех четырёх лет они должны были испытать большие страдания, холод и усталость, что должны были пройти через края, заполненные снегом и колючками, и по этой причине, когда умирал какой-либо знатный человек [principal], они убивали

Глава вторая. О тех, кто шёл в земной рай.

Другое место, куда, как говорили, отправлялись души умерших, это земной рай, который называется Тлалокан [Tlalocan], в котором много увеселений и утех, и никаких страданий. И там никогда нет недостатка в зеленых маисовых початках, и тыквах, и веточках лебеды, и зеленом перце, и томатах [xitomates], и зеленой фасоли в стручках, и в цветах. И там живут боги, называемые тлалоке [tlaloque], которые являются перед служителями идолов, имеющими длинные волосы.

И те, кто идут туда — это убитые молнией, или утонувшие в воде, и прокаженные, и сифилитики, и подагрики, и больные водянкой <…>[394].

И также говорили, что в земном раю, называемом Тлалокан, всегда были зелень и лето.

Глава третья. О тех, кто шёл в небеса.

Другое место, в которое шли души умерших — это небеса, где живет Солнце. И теми, кто шёл в небеса, были убитые на войне и пленники, погибшие во власти своих врагов. Одни умирали зарезанными, другие — сожженными заживо, другие — израненные остросрезанными тростниками, другие — забитые сосновыми ветвями, другие — сражаясь с ними[395], а другим обвязывали всё тело и подносили огонь, и так они сгорали. И все они будто бы находились на одной равнине, и в час восхода Солнца поднимали крик и шум, стуча щитами. И тот, чей щит был пробит стрелами, через отверстие в щите видели Солнце. А тот, чей щит не был пробит стрелами, не мог видеть Солнце.

И на небесах была роща или лес с разными видами деревьев. И жертвы, которые приносили им в этом мире живущие, попадали в место их присутствия, и там они их получали. И после того, как проходили четыре года, души этих покойников превращались в разные виды птиц с

вместе с ним одного раба и хоронили его с ним, чтобы тот ему служил» (02r). (Куприенко С. А., Талах В. Н. (редакторы). Мексиканская рукопись 385 «Кодекс Теллериано-Ременсис».)

[394] Утверждение о том, что больные также попадали туда, противоречит описанию предыдущего «места» — преисподни.

[395] Речь идет о своего рода «гладиаторских боях», устраивавшихся на празднестве Тлакашипеуалистли между привязанным к камню пленником и четырьмя хорошо вооруженными воинами (см.: Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. С. 416–419).

разноцветным и богатым оперением, и летали, высасывая нектар всяких цветов, как в небесах, так и в этом мире, как это делают сенсонтле[396].

Книга седьмая, рассказывающая о солнце и о луне, и о звездах, и о юбилейном годе.

Из «Главы второй».

О Луне.

Рисунок 57. «Пирамида Солнца» в Теотиуакане.

Говорят, что до того, как в мире появился день, собрались боги в некоем месте, называемом Теотиоакан [Teutioacan], которое [сегодня] является селением Сан-Хуан между Чиконаутланом [Chicunauhtlan] и Отомбой [Otumba].

И сказали боги один другому:

«На кого возложить обязанность освещать мир?»

И тут же на эти слова отозвался один бог, которого звали Текусистекатль [Tecuciztécatl[397]], и сказал:

[396] Многоголосый пересмешник, или североамериканский певчий пересмешник (лат. Mimus polyglottos) — певчая птица семейства пересмешниковых (лат. Mimidae).

[397] «Житель места Матери-Владычицы».

«Я приму обязанность освещать мир».

А затем снова заговорили боги и сказали:

«А кто будет другим?»

И тут же они посмотрели друг на друга, и совещались, кто был бы другим, и никто из них не рискнул предложить себя для этой службы; все боялись и извинялись. Один из богов, которого не принимали в расчет, а он был сифилитик [buboso], не говорил, но только слушал то, что говорили другие боги; и другие заговорили с ним и сказали ему:

«Знаешь, это ты тот, кто будет светить, сифилитичек [bubosito]», — и он по доброй воле подчинился тому, что ему приказали, и ответил:

«Как милость я принимаю то, что вы мне приказали. Да будет так».

И тут же оба стали совершать четырехдневное покаяние. И тут же зажгли огонь в очаге, который был устроен на одной скале, называемой ныне Теотешкалли [Teutexcalli[398]]. И всё, что пожертвовал бог, называемый Текусистекатль, было драгоценным: вместо ветвей он пожертвовал ценные перья, называемые кецалли [quetzalli], а вместо мячей из сухой травы он пожертвовал мячи из золота; и вместо колючек агавы он пожертвовал острия, сделанные из красного коралла, и копал, который он пожертвовал, был наилучшим.

А сифилитик, которого звали Нанаоацин [Nanaoatzin], вместо ветвей пожертвовал стебли зеленого тростника, связанные по трое, и всего он их принес девять, пожертвовал шарики сухой травы и колючки магея, и окровавил их собственной кровью; и вместо копала пожертвовал гной из своих нарывов.

И для каждого из них построили по башне, подобной холму, и на этих холмах они совершали покаяние четыре ночи; и сейчас эти холмы называются цакуалли [tzacualli[399]], и оба находятся в селении Сан-Хуан, называемом Теотиоакан. И как только закончились четыре ночи их покаяния, они тут же сбросили оттуда ветви и все остальное, с чем совершали покаяние. Это произошло в конце или в остатке их покаяния, перед тем как следующей ночью в полночь они должны были начать свою службу.

И незадолго до полуночи им вручили их убранство. Тому, кого звали Текусистекатль дали украшение из перьев, называемое астакомитль [aztacómitl[400]] и полотняную куртку [xaqueta de lienço], а сифилитику, которого звали Нанаоацин, покрыли голову бумагой, называемой амацонтли

---

[398] «Священная Скала».
[399] «Небольшой холм».
[400] «Горшок из перьев цапли».

[amatzontli[401]], и надели на него бумажную тунику и набедренную повязку из бумаги. И когда наступила полночь, все боги разместились вокруг костра, называемого теотешкалли, и на этом месте огонь пылал четыре дня. И разместились упомянутые боги двумя рядами, одни по одну сторону огня, а другие по другую сторону, и тут же два вышеупомянутых бога стали у огня, лицом к огню, посреди рядов богов, которые все поднялись.

И тут же заговорили боги и сказали Текусистекатлю:

«Итак, войди же в огонь, Текусистекатль!»

И он тут же приготовился броситься в огонь. Но так как огонь был большим и очень сильным, и так как он почувствовал сильный жар от огня, его охватил страх, он не решился броситься в огонь, вернулся назад. И ещё раз он возвратился, чтобы броситься в огонь, сделав усилие, и когда приблизился, остановился, не решился броситься; четырежды он попытался, но ни единого раза не решился броситься.

И было установлено порядок, чтобы не предпринимали более четырех попыток; и после того, как он четырежды попытался, боги заговорили с Нанаоацином и сказали ему:

«Эй, Нанаоацин, попробуй ты!»

И после того, как с ним заговорили боги, он набрался мужества и, закрыв глаза, разбежался и бросился в огонь; и тут же стал потрескивать и шипеть в огне, как если бы поджаривался. И когда Текусистекатль увидел, что он уже бросился в огонь, разбежался и бросился в огонь; и будто бы потом орел попал в огонь, и тоже обгорел, и от этого имеет перья темно-коричневые или черноватые. А потом туда попал ягуар, но не обгорел, а только запачкался, и от этого на нём остались черные и белые пятна. И от этого происходит обычай называть мужей, доблестных на войне, куаутлоселотль [cuauhtlocelotl[402]]; и говорят сначала «куаутли», потому что орёл первым попал в огонь, и говорят после «оселотль», потому что ягуар вошел в огонь после орла.

И после того, как оба бросились в огонь, и после того, как они сгорели, тут же боги сели ожидать, с какой стороны должен будет взойти Нанаоа. И после того, как они немалое время прождали, стало краснеть небо, и со всех сторон забрезжил рассвет. И говорят, что после этого боги опустились на колени, чтобы ждать, где взойдет Нанаоа, сделавшийся Солнцем; они глядели во все стороны, поворачиваясь вокруг, и никак не могли с точностью ни подумать, ни сказать, с какой стороны он взойдёт, и ни на чём не определились. Некоторые подумали, что он взойдет с северной стороны, и стали смотреть туда; другие — на юг; со всех сторон подозревали, что оно

[401] «Бумажный наголовник».

[402] «Орлы-ягуары», воинские сообщества у народов науа, объединявшие отличившихся в боях воинов.

должно взойти, потому что со всех сторон разливался рассвет. А некоторые стали смотреть на восток, они говорили: «Здесь, с этой стороны должно взойти Солнце». И сказанное этими было истинным. Говорят, что теми, кто смотрел на восток, были Кецалькоатль, который также зовется Экатль [Ecatl[403]], и другой, который зовется Тотек [Tótec[404]], а по другому имени Анаоатль Итеку [Anáoatl Itécu], а по другому имени Тлатлауик Тескатлипока [Tlatláuic Tezcatlipuca[405]], и другие, которых называли мимишкоа [mimixcoa], и которые были неисчислимыми, и четыре женщины: одну звали Тиакапан [Tiacapan[406]], другую — Теику [Teicu[407]], третью — Тлакоэоа [Tlacoeoa[408]], и четвертую — Шокойотль [Xocóyotl[409]].

И когда стало восходить Солнце, оно выглядело очень красным, казалось, что оно переваливалось из стороны в сторону; никто не мог смотреть на него, потому что оно ослепляло. Оно сияло и излучало свет сильнейшим образом, и его лучи распространялись повсюду. А затем взошла Луна с той же самой восточной стороны, на пару с Солнцем; первым взошло Солнце, а за ним взошла Луна; в том же порядке, в каком они вошли в огонь, взошли Солнце и Луна. И говорят те, кто рассказывает басни и пересуды, что они светили одинаковым светом.

Рисунок 58. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

[403] «Ветер», Кецалькоатль считался богом ветра.
[404] Т.е. Шипе Тотек.
[405] Искаженное Tlatlauhqui Tezcatlipoca, «Красный Тескатлипока».
[406] «Перворожденная», здесь — эпитет богини нечистоты Тласольтеотль.
[407] «Младшая сестра».
[408] «Порченая», сестра Тласольтеотль, божество плотских утех.
[409] «Младшая дочь».

И когда увидели боги, что они одинаково сияют, заговорили снова и сказали:

«О, боги! Почему так получилось? Будет ли хорошо, чтобы они шли парой? Будет ли хорошо, чтобы они одинаково светили?»

И боги приняли решение и сказали:

«Пусть будет таким образом, пусть происходит так».

Рисунок 59. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И тут же один из них подбежал и ударил кроликом в лицо Текусистекатля; и потемнело его лицо и потускнело его сияние, и осталось его лицо таким, как сейчас.

И после того как оба взошли над землей, они оставались неподвижными на одном месте, Солнце и Луна, и боги снова заговорили и сказали:

«Как мы сможем жить? Не движется Солнце. Должны ли мы жить среди мужланов. Умрем все и своей смертью воскресим Солнце». И тут же ветер принялся убивать всех богов и убил их. И говорят, что один, называемый Шолотль [Xólotl[410]], отказался умирать и сказал богам:

«О боги, я не буду умирать».

Рисунок 60. Шолотль. «Кодекс Борджиа».

И он сильно заплакал, так заплакал, что его глаза опухли от слёз, и когда к нему пришёл тот, кто убивал, он бросился бежать, и спрятался среди

[410] «Служитель, спутник», брат-близнец Кецалькоатля. Божество вечерних сумерек, вечерней Венеры и близнецов. Помогает душам усопших в их путешествии в Миктлан, защищает Солнце во время его ночного путешествия в преисподней.

посевов маиса, и превратился и обратился в растение маиса с двумя стеблями, и земледельцы его называют «шолотль».

И его увидели и нашли среди маисовых стеблей. И снова он бросился бежать, и спрятался среди посадок магея, и обратился в магей с двойным стеблем, который называется мешолотль [mexólotl[411]].

И снова его увидели и нашли

И снова он бросился бежать, и бросился в воду, и сделался рыбой, называемой ашолотль [axólotl[412]], и там его схватили и убили.

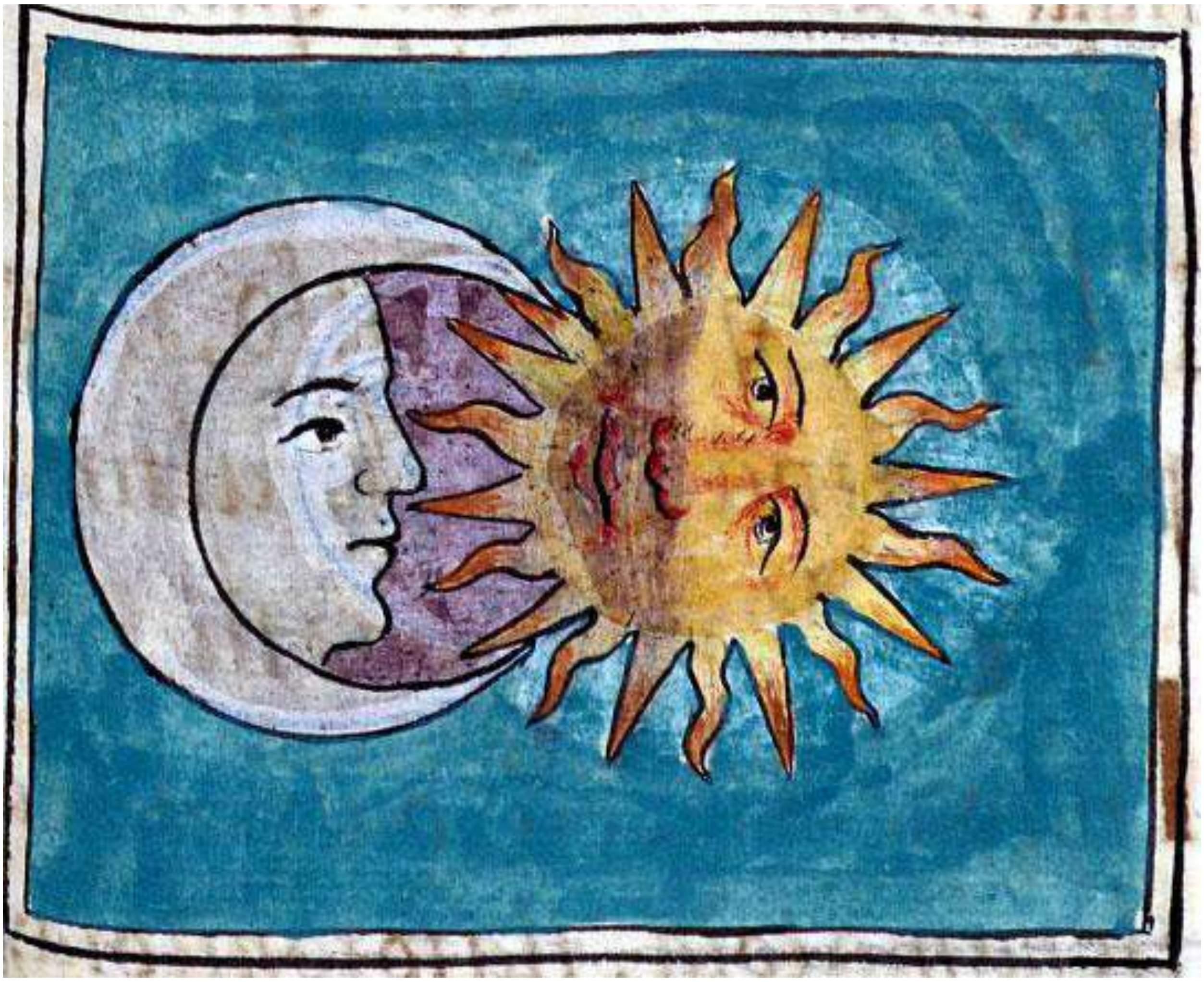


Рисунок 61. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И говорят, что хоть и умерли боги, но от этого не сдвинулось Солнце, и тогда поднялся сильный и резкий ветер. И это он сдвинул его, чтобы оно следовало своим путем. И после того, как Солнце отправилось в путь, Луна оставалась неподвижной на том месте, где находилась. И только после Солнца и Луна стала идти; и таким образом они отклонились друг от друга, и

[411] «Магей-спутник».

[412] «Водный спутник», аксолотль, личинка некоторых видов амбистом, земноводных из семейства амбистомовых (Ambystomidae) отряда хвостатых (Caudata).

потому они восходят в разное время. Солнце держится день; а Луна трудится по ночам и светит ночью.

И отсюда происходит то, что говорят, что Текусистекатль должен был бы стать Солнцем, если бы первым бросился в огонь, потому что он первым был назван и пожертвовал драгоценные вещи для своего покаяния.

И когда Луна затмевается, она становится почти темной, чернеет, становится тёмно-коричневой, и тут же темнеет на земле. Когда это происходило, беременные боялись выкидыша, и очень боялись, что то, что они носят в себе, превратится в крысу. И в качестве средства от этого держали кусочек обсидиана ицтли [itztli] во рту, или помещали его на поясе над чревом. А также для того, чтобы дети, находившиеся в чреве, не родились без губ, или без носов, или косоротыми, или косоглазыми, или чтобы не родился урод.

А жители Шальтоки [Xaltoca] имели в качестве бога Луну и совершали ей особые дары и жертвоприношения.

Изначальные времена по «Кодексу Риос»

(В. Н. Талах, С. А. Куприенко).

«Кодекс Риос» состоит из 101 страницы на европейской бумаге, сложенной в виде гармошки. Он хранится в Апостолической Библиотеке Ватикана, и известен также как Ватиканский Кодекс А или Ватиканский Кодекс 3738 (el Códice Vaticano A, el Codex Vaticanus A, el Codex Vaticanus 3738).

По содержанию, «Кодекс Риос» — это перевод на итальянский язык комментированного кодекса, составленного в третьей четверти XVI в. испанским священнослужителем доминиканцем Педро де лос Риосом [Pedro de los Rios]. Из документов Доминиканского ордена известно, что в 1541 г. Педро де лос Риос находился в Мехико, в 1547–1548 — в Оахаке , в 1550–1552 гг. — в Пуэбле, в 1553 г. — в Мехико, с 1555 — опять в Пуэбле, и умер до 1565 г.[413]

Комментированные кодексы представляют собой своеобразный феномен раннеколониальных времен, когда на основе доиспанских памятников, записанных пиктографическим письмом науатль, создавались двуязычные документы, содержавшие рисуночную часть (как правило, выполненную индейским автором) и ее объяснение по-испански.

Прототип, на основании которого был создан «Кодекс Риос», известен — это составленный между 1549 и 1555 годами другой комментированный кодекс, хранящийся сейчас в Париже и обозначаемый как «Кодекс Теллериано-Ременсис». Незаконченная по каким-то причинам рукопись около 1562 г. оказалась в руках Педро де лос Риоса, оставившего в ней обильные и весьма небрежные записи. Очевидно, он рассматривал манускрипт как подготовительный материал, на основании которого должен был быть подготовлен новый, расширенный по содержанию, документ. Собственно оригинал труда П. де лос Риоса, комментарии в котором были написаны скорее всего по-испански, не сохранился. При неизвестных обстоятельствах он оказался в Италии, где с него был сделан итальянский перевод. Выполненная на листах большого формата (46,5 на 29,5 см), каллиграфическим почерком, без помарок и исправлений, новая рукопись, по всей видимости, предназначалась для высокого церковного начальства в Риме. Водяные знаки на бумаге указывают, что работа над ней была начата после 1570 г. С другой стороны, по некоторым сведениям документ уже находился в Ватиканской библиотеке, когда её префектом был кардинал Маркантонио Амулио, умерший в марте 1572 г.[414] В таком случае, выполнен он был в 1570–1571 гг. Автором перевода несомненно не был брат Риос: во-первых, он упоминается в итальянском тексте в третьем лице и в прошедшем

[413] Quiñones Keber E. Codex Telleriano-Remensis: ritual, divinations, and history in a pictorial Aztec manuscript. —Austin: University of Oklahoma Press, 1995. — P. 131.

[414] Ibidem. P.129; Il Manoscritto Messicano Vaticano 3738 detto Il Codice Rios / Riprodotto in fotocromografia a spese di sua Eccelenza il Duca di Loubat per cura della Biblioteca Vaticana. Roma: Stabilimento Danesi, 1900. (39 + 96 p.). — P.11.

времени; во-вторых, автор перевода очевидно совсем не понимал языка науатль, что невозможно для Педро де лос Риоса. Правда, итальянский тоже, кажется, не был родным для автора весьма своеобразного по стилистическим особенностям, пестрящего испанизмами текста (написание слова «rodella» позволяет заподозрить в переводчике человека, родным для которого был окситанский). В любом случае, к началу 1590-х гг. «Кодекс Риос» находился в Апостолической библиотеке: фламандский археолог, рисовальщик и медальер Филипп ван Винге [Philips de Winghe], умерший в 1592 г., сообщает, что видел «большую книгу, составленную о. Пьетро де лос Риосом»[415], а в составленном в 1596–1600 годах каталоге Апостолической библиотеки Райнальди (Antichi cataloghi della Biblioteca Vaticana, Codice Vaticano 6946, fol. 168) он значится под своим нынешним номером 3738 под титулом «Культы, идолопоклонничество и нравы индейцев. “Омейока, что означает …”« (Indorum cultus, idolatria et mores. “Homeyoca, questo volendo dire”).

Текст кодекса можно разделить на семь разделов:

1. Космологические и мифологические тексты и рисунки о четырех эпохах.
2. Календарь или тоналаматль для Тональпоуалли, священного года из 260 дней, существовавшего в месоамериканских календарях.
3. Календарная Таблица для 1558–1619 гг., без рисунков.
4. Праздничный календарь из 18 месяцев, с рисунками богов каждого периода.
5. Традиционные ритуалы, с рисунками индейцев.
6. Иллюстрированные хроники с 1195 по 1549 год, начиная с миграции из Чикомостока и оканчивая последними событиями в долине Мехико.
7. Глифы 1556–1562 годов, без рисунков и текста.

Материалы разделов 2, 5 и 6 заимствованы из «Кодекса Теллериано-Ременсис». Разделы 2 и 5 были, по всей видимости, добавлены самим П. де лос Риосом. Что касается приводимого в настоящем издании раздела 1, то, поскольку начало «Кодекса Теллериано-Ременсис» утрачено, сделать вывод о происхождении этих материалов не представляется возможным.

Первое частичное воспроизведение «Кодекса Риос» было осуществлено в 1810 г. А. фон Гумбольдтом в его знаменитой в свое время книге «Вид Кордильер и памятников народов Америки»[416]. Полные издания «Кодекса Риос» были предприняты в 1831 г. в VI томе «Мексиканских древностей» лорда Кингсборо и в 1900 г. Ж. Флоримоном, гецогом де Лубат[417].

---

[415] Il Manoscritto Messicano Vaticano 3738. — P.10.

[416] Vue de Cordillères et monuments des peuples de l’Amérique. — Paris: 1810. — Tabl.XIV, XVI.

[417] Antiquities of Mexico: Comprising fac-similes of Ancient Mexican paintings and hieroglyphics, preserved in the Royal Libraries of Paris, Berlin and Dresden; in the Imperial library of Vienna; in the Vatican library; in the

Для данного издания выбран только текст космологическо-мифологического содержания кодекса. Впервые переведено с итальянского языка к.и.н. С. А. Куприенко. Перевод осуществлен по изданию:

Il Manoscritto Messicano Vaticano 3738 detto Il Codice Rios / Riprodotto in fotocromografia a spese di sua Eccelenza il Duca di Loubat per cura della Biblioteca Vaticana. — Roma: Stabilimento Danesi, 1900. — (39 + 96 p.) — P. 23–27.

Borgian museum at Rome; in the library of the Institute at Bologna; and in the Bodleian library at Oxford. Together with the Monuments of New Spain, by M. Guillermo Dupaix: with their respective scales of measurement and accompanying descriptions. The whole illustrated by many valuable inedited manuscripts, by Lord Kingsborough: In 9 vol. Vol. VI. —London: Robert Havell, 1831. — P.155–232; Il Manoscritto Messicano Vaticano 3738.

«Кодекс Риос». Отрывки.

[CR-01v]

[надпись слева вверху от фигуры, над текстом]
Омейока [Homeyoca].

[текст слева от фигуры]
Это значит «место, где пребывает Создатель всего» или «первопричина». По другому его называют *Ометеуле* [Hometeule], что значит «Владыка трех достоинств[418]« или «Владыка Три»; а Отоми называли то место, где он пребывает, *иуэ нарикнепаниука* [hiue narichnepaniucha], что значит сказать о нём «VIIII[419] соединений или сочетаний»; а по-другому именовался он *Омейокан* [Homeiocan] «в месте Триединого Владыки», каковой, согласно мнению многих стариков, породил своим словом *Сипатеналя* [Cipatenal] и женщину, называвшуюся *Шумеко* [xumeco], которые являлись теми двоими, кто были до потопа, породившими |тех, о ком| мы расскажем дальше.

[текст справа от фигуры]
Воистину сказано святым Павлом[420], |Послание к| Ри|млянам| I[421], что некоторые из невидимых дел Божиих постижимы людьми в естественном свете, ибо ради просветления им людей, рожденных в этой Новой Испании, которые были народами настолько варварскими и настолько низкого ума, были у них рисунки, |согласно которым| существует девять [nuove] высших причин, каковые мы называем небесами, и с ними они связывали все явления вселенной [li effetti dell' universo], и между ними помещали первой эту, каковая была причиной всех других, и эти девять причин или небес отличали благодаря кометам, которые они |индейцы| видели; и сообразно цвету, который они видели в комете, они давали имя той причине или небу.

[под текстом печать Апостолической Библиотеки Ватикана]
Bibliotheca Apostolica Vaticana

[надписи под фигурой, справа от рисунков]
Теотль. Тлатлауэа [Teotl tlatlauhiea], <u>Как если бы сказать:</u>[422] красное небо

---

[418] На самом деле *ome* означает «два», соответственно: *Ometeotl* — «двойственное божество», *Omeyocan* — «место двойственности». Однако, автор комментария, исходя из положений христианской доктрины, превратил двойственное верховное божество в тройственное.

[419] По всей вероятности, вариант записи латинской цифры «viiij».

[420] Апостол Павел (Савл, Саул, ивр. (Шауль), ивр. שאול Šaul HaTarsi (Шауль из Тарса); др.-греч. Σαούλ (Saul), Σαῦ λος (Saulos) и Παῦ λος (Paulos); лат. Paulus и Paullus; предп. 5/10, Тарс — 64/67, Рим) — «апостол язычников» (Рим.11:13), не входивший в число Двенадцати апостолов и участвовавший в юности в преследовании христиан. Пережитый Павлом опыт встречи с воскресшим Иисусом Христом привёл к обращению и стал основанием для апостольской миссии. Павлом были созданы многочисленные христианские общины на территории Малой Азии и Балканского полуострова. Послания Павла общинам и отдельным людям составляют значительную часть Нового Завета и являются одними из главных текстов христианского богословия.

[421] Имеется в виду цитата из «Послания к Римлянам» — книги Нового Завета, принадлежащей к числу посланий апостола Павла:

у́ть, и присносу́щна

тнымъ» (Гл. 1, стих 20).

[422] Здесь и далее слова, приведенные в оригинале на латыни, подчеркнуты.

Теотль. Кокауэа [Teotl cocauhea]. Как если бы сказать: желтое небо

Теотль. Истака [Teotl yztaca]. Как если бы сказать: белое небо

Истапаль нанаскайа [Yztapal nanazcaya]. Как если бы сказать: небо роз

Ильуикатль. Шошоука [Ylhuicatl xoxouhca]. Как если бы сказать: зеленое небо[423]

Ильуикатль йайауэа [Ylhuicatl yayauhea]. Как если бы сказать: зеленое и черное небо[424]

Ильуикатль. мамалоакока [Ylhuicatl mamaluacoca][425]

Ильуикатле. уиштотла [Ylhuicatl^{e} huix tutla].

Ильуикатль, тонатиу [Ylhuicatl tunatiuh][426].

[справа от двух последних предложений печать издательства герцога Лубата и дата]

Edizione del duca Loubat 1899

---

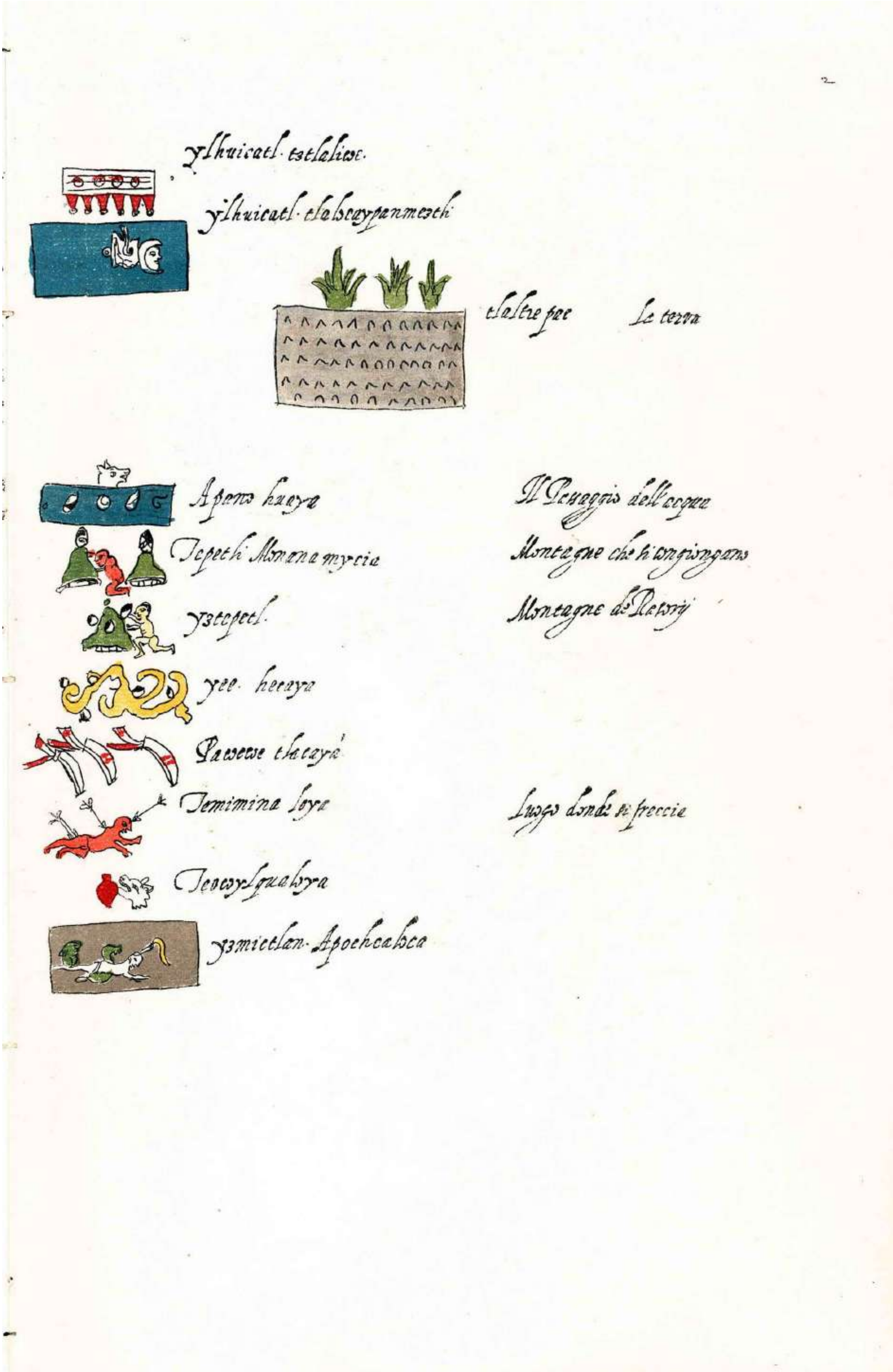
423 Визуально нанесен синий цвет. Проблема цветовосприятия у древнего и средневекового человека состоит в том, что некоторые цвета не имели названий, хотя и воспринимались правильно.

424 Нанесен зеленый цвет.

425 «Небо, доставляющее пропитание».

426 Т.е. «небо Солнца».

[CR-02r]


ylhuicatl. tetlalico.
ylhuicatl. tlalocaypanmeztli
tlaltecpac
la terra
Apanohuaya
Il Passaggio dell'acque
Tepetl Monanamyctia
Montagne che si congiungano
yztepetl.
Montagne de' Coltelli
yee. hecaya
Pacoecoe tlacaya
Temimina loya
luogo donde si freccie
Teocoylqualoya
yzmictlan. Apochcaloca

[в крайнем правом углу цифра нумерации листов] 2

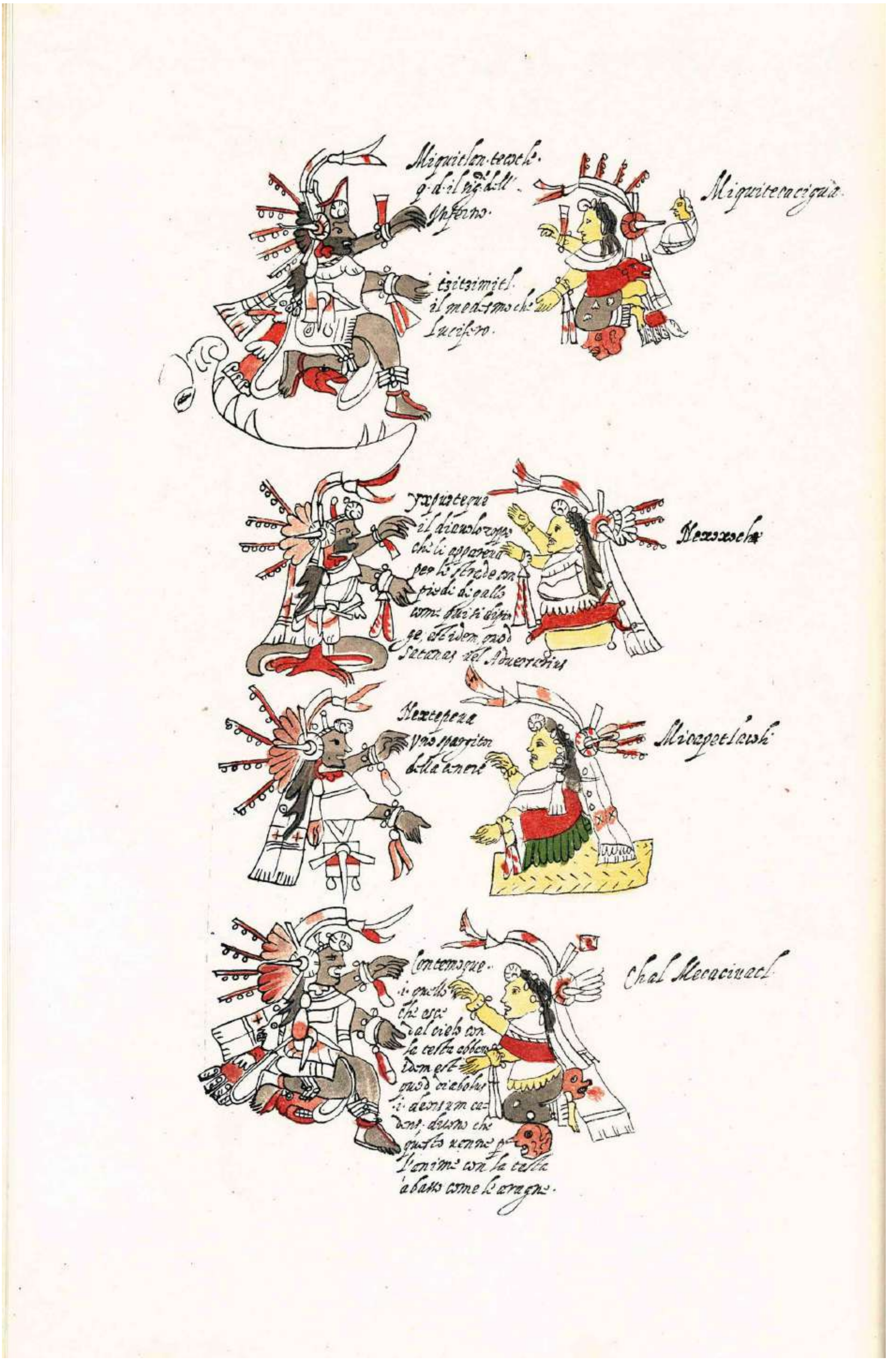
[рисуночные записи науатль слева, записи слов науатль латинскими буквами, а также переводы на итальянский язык некоторых слов]
Ильуикатль. истлаликое [Ylhuicatl iztlalicoe][427]
Ильуикатль. Тлалокаипанместли [Ylhuicatl tlalocaypanmeztli]

Тлальтик пак [tlaltic pac] Земля

Апано уайа [Apano huaya]	Водная переправа
Тепетли Монана мичиа [Tepetli Monana mycia]	Сталкивающиеся Горы [congiongano]
Истепетль [Yztepetl].	Горы Лезвий [de Rasorij]
Йээ. Экайа [Yee hecaya]	
Пакоэкоэ тлакайа [Pacoecoe tlacaya]	
Темимина лойа [Temimina loya]	Место, откуда мечут стрелы
Теокоилькуалойа [Teocoylqualoya]	
Исмиктлан. Апоккалока [Yzmictlan. Apochcaloca].	

[427] В оригинале ошибка переписчика: tztlalicoe.

[CR-02v]


Miquitlan tecutli
Inferno
il medesmo che
Lucifero
Miquitecacigua
il dianolo
che li appareva
per le strade con
piedi di gallo
Satanas
Aduersarius
Nexoxoche
Nextepeua
vno sparsitor
della cenere
Micapetlacoli
Contemoque
quello
che esce
dal cielo con
la testa
quod diabolus
con la testa
abasso come le aragne

[текст между фигурами первого ряда]
Микуитлан. Текотле [Miquitlan tecotle].
Как если бы сказать: Владыка ада.

Цицимитль [tzitzimitl]. Тот же, что и Люцифер.

[надпись справа от правой и первой сверху фигуры]
Микуитекасигуа [Miquitecacigua].

[текст между фигурами второго ряда]
Ишпустекуэ [Yxpuzteque]
хромой дьявол, появляющийся на дороге с ногами петуха, как он здесь нарисован, это то же самое, что и Сатана или супротивник.

[надпись справа от правой и второй сверху фигуры]
Нешошоче [Nexoxoche]

[текст между фигурами третьего ряда]
Нештепеуа [Nextepeua]
Разбрасыватель пепла

[надпись справа от правой и третьей сверху фигуры]
Микапетлаколи [Micapetlacoli]

[текст между фигурами четвертого]
Сонтемоке [Contemoque][428].
То есть то, что выходит с неба головой вниз, это то же самое, что и дьявол, то есть падающий вниз; говорят, что это спускалось за душами, как *пауки*[429].

[надпись справа от правой и четвертой сверху фигуры]
Чаль Мекасиуатль [Chal mecaciuatl].

[428] Итальянский переписчик опустил седилью в первой букве «Ç», которая была употреблена в испанском тексте.
[429] Испанское слово araña, но в итальянском написании и во мн. ч. Здесь и далее слова, приведенные в оригинале по-испански, выделены подчеркнутым курсивом.

[CR-03r]

3

Il secondo luogo c'haueuano questi miserabili era l'inferno, al quale diceuano che portauano le anime di quelli che moriuano per giustitia, o di malattia o d'altro qualsiuoglia genere di morte naturale, o uiolenta, eccetto di quelli, che moriuano in guerra; perche quelle credeuano ch'erano portate in Cielo. In quel luogo del inferno credeuano che erano questi quattro Dij, o Demonij principali, ancorche l'uno di essi era superiore che diceuano Zitzimitl, che era il Miquitlamtecotl, il gran sig.re del inferno, Yzpusteque, il diauolo zoppo che appariua per le strade co piedi di gallo. Nextepehua, il spargitore della cenere. Contenoque, e il med.o che quello che discende con la testa a basso, alludendo alla etimologia che mettono li dottori al diauolo. i. deorsu cadens. al quale attribuiscono l'abbassar da qual modo per le anime, da q.to nome et del 2.o Yzpuzteque, cioè quello che escie alla strada, che il med.o che sattanasso; i. quello che escie di trauerso. appare che hanno hauuto notitia della sacra scrittura, ancorche tra altri sono argumenti piu chiari, dicono che quelli quattro Dij, o demonij haueuano donne, e il med.o dicono che hanno tutti quelli del Cielo ogn'uno la sua, ancorche ne per usar il matrimonio, ma solo per compagnia. forse alludendo alli quattro Parche o dee del Inferno, che fingono li poeti: s. Alethio. Megera. Thesiphonte, et Proserpina

[в крайнем правом углу цифра нумерации листов] 3

[текст]

Второе место, имевшееся у этих несчастных, было преисподней, куда, сказывали, уносили души тех, кто умирал по приговору или от болезни, или любого другого рода естественной или насильственной смертью, кроме тех, кто погибал на войне, потому что верили, что тех уносили на Небо. Полагали, что в том месте преисподней было четверо этих Богов или главных демонов, хотя один из них был верховным, называвшимся *Цицимитль* [Tzitzimitl], каковым был *Микуитламтекотль* [Micuitlamtecotl], великий Владыка преисподней. *Испустеке* [Yzpuzteque] — хромой дьявол, появлявшийся на дорогах с ногами петуха. *Нестепеуа* [Nestepehua] — разбрасыватель пепла. *Сонтеноке* [Contenoque] — это тот самый, который спускается головой вниз, намекая на этимологию, которую дают |имени| дьявола учителя |Церкви|, то есть «падающий вниз», которому они приписывают падение таким способом за душами. Этого же имени и 2-й — *Испустеке* [Yzpuzteque], то есть тот, кто выходит на дорогу, являющийся также Сатаной, то есть тем, кто выходит супротив, появляется |так|, как было о нем сказано в Священном Писании, хотя ранее приведены довольно ясные доводы.

Сказывают, что эти четыре Бога или демона имели жен, и точно также говорят, что у каждого из всех небесных |богов| была своя |жена|, хотя они и не прибегали к заключению брака, а только сожительствовали: возможно, намекая на четыре Парки[430] или богинь преисподней, вымышленных поэтами, а именно Алекто, Мегеру, Тисифону и Прозерпину[431].

[430] Парки (лат. Parcae) — три богини судьбы в древнеримской мифологии. Соответствовали мойрам в древнегреческой мифологии: Нона (лат. Nona) — тянет пряжу, прядя нить человеческой жизни (то же что мойра Клото), Децима (лат. Decima) — наматывает кудель на веретено, распределяя судьбу (то же что мойра Лахесис), Морта (лат. Morta) — перерезает нить, заканчивая жизнь человека (то же что мойра Атропос).

[431] Эринии (от др.-греч. Ἐρινύες «гневные») — в древнегреческой мифологии богини мести. В римской мифологии им соответствуют фурии. По одному сказанию, дочери Нюкты и Эреба; либо порождены Землей от крови Урана; либо дочери Тьмы (Скотоса). По Эпимениду, дочери Кроноса. Их рождение приписывают первому совершившемуся преступлению: когда Кронос ранил своего отца Урана, капли его крови, падая, породили фурий. Согласно орфикам, это девять дочерей Зевса Хтония и Персефоны. По версии Псевдо-Гераклита их тридцать тысяч. У позднейших поэтов эриний три: Тисифона (Тизифона), мстящая за убийство, Алекто, непрощающая, и Мегера, завистница. Афиняне называют их «Почтенными», впервые Эсхил изобразил их с волосами на голове в виде змей. Их пещера на склоне афинского акрополя. В Сикионе их называли Евмениды (Милостивые), их дубовая роща на берегу Асопа. Эриний и фурий изображали с волосами из змей, чёрной собачей мордой вместо лица и крыльями летучей мыши. Но существовали и другие изображения, на которых богини представлялись охотницами, с факелами и кнутами. Согласно Данте Алигьери, они обитали в преисподней, где царит властительница вечных слез Прозерпина (греч. — Персефона) — супруга Плутона (греч. — Аида). По всей видимости, автор Кодекса Риос был знаком именно с версией Данте Алигьери.

[CR-03v]

Questo era il 3.° luogo dell'anime che passauano di questa uita, al quale andauano solo quelle de puttini, che moriuano senza hauer uso
della ragione. fingeuano uno arboro che distillaua latte, doue pascauano tutti i puttini che moriuano in quella età, perche il
diauolo tanto ~~ambitioso~~ inuido del honor di dio, ancora in questo ha uoluto hauer la sua emulatione, che come dicono i nostri sacri dottori, il
limbo delli puttini che morono senza battesmo, o senza circuncitione, dela uecchia legge, o senza la uirtude del sacrificio de la
naturale, così ha fatto intendere a questa pouera gente che era questo luogo gli suoi. et accresce un'altro errore, che è persuaderli,
che questi puttini hanno da uscir da quel luogo per ripopular il mondo, da poi che sarà distrutto la 3.a uolta, che essi pen-
sauano che haueua da esser distrutto, perche le due già sono passate.

Questo Tezcatlipoca era uno de suoi più potenti Dij, quale dicono che apparue in questo paese, sopra d'un monte da loro ditto,
Tezcatepec, che uuol dire monte de specchij. Faceuangli grande riuerenza e adoratione, in la oratione lo chiamauano
Titlacahuan. che uuol dire o signore del quale noi siamo serui. dipingonli in mano una certa armatura con una rotel-
la et carcax di freccie, et che gli escie del piedi un serpente e un monton di fuoco, e un fiume d'acqua, dinotando questo
esser il Creatore delli elementi. (alludendo forse all'errore de Manicchei, che poneuano quel cattiuo principio
delle cose uisibili) e l'autore delle guerre, affirmando questo esser uno di quelli che cascorno del Cielo, dicono li an-
tiqui del paese, che quando entrauano doue era il suo Idolo, cecidebant in facies suas, et così l'adorauano,
et che pigliauano un poco di terra da quel luogo e la mangiauano per grandissima riuerenza, e li diceuano, signore
già qui siamo tuoi serui donaci tutto quello che hauemo di bisogno.

[текст справа от центральной фигуры сцены]

Чичиуалькуауитль [Chichiualquauitl]. Т.е. молочное дерево, питающее младенцев, умирающих несмышленышами[432].

[надпись под левой фигурой]

Тецкатипока [Tetzcatipoca]

[надписи внизу и справа под левой фигурой]

Змея
Вода
Огонь

[текст под фигурами]

Это было 3-е место душ, переходивших из этой жизни, куда шли только младенцы, умиравшие несмышлёными. Они выдумали дерево, сочившееся молоком, где размещались все младенцы, умиравшие в том возрасте. Ибо дьявол настолько завидует чести Бога, что ещё и старается подражать ему. Ибо как говорят наши святые учителя, |имеется| лимб[433] младенцев, умерших без крещения, или без обрезания по Ветхому Завету, или без достоинства естественной жертвы; так он заставил этих бедных людей считать, что оно было этим местом для их детей, и усилил другое заблуждение, доказывая им, что этим младенцам суждено выйти из того места, чтобы снова заселить мир, после того, как он будет разрушен в 3-ий раз, так как они думали, что |ему| до́лжно быть разрушенным, потому что два |разрушения| уже произошли.

Этот *Тескатипока* [Tezcatipoca] был у них одним из самых могущественных Богов, который, сказывают, появился в этом краю на вершине горы, называемой у них *Тескатепак* [Tezcatepac], что значит «гора зеркал». Они оказывали ему большое почтение и поклонение, в молитве они называли его *Титлаклауан* [Titlaclahuan], что значит: «о Владыка, у которого мы — служители». В руке ему рисовали некое вооружение с круглым щитом, <u>*колчаном со* </u>стрелами, и у него из ноги выходили змея, и <u>*сгусток*</u> огня, и поток воды; обозначая, что это — Творец стихий (намекая,

[432] Дословно «младенцы, умиравшие без обретенного разума».

[433] Лимб (лат. limbus — рубеж, край), в католическом вероучении промежуточное состояние или место пребывания не попавших в рай душ, не совпадающее, однако, с адом или чистилищем. В схоластической теологии термин «лимб» употребляется в двух смыслах. Во-первых, им обозначают места (или состояния) временного заточения, в котором души праведников, умерших до вознесения Христа (в частности, души ветхозаветных патриархов, пророков и св. Иосифа Обручника), пребывали до тех пор, пока Христос, вознесшийся на небеса, не открыл рай для людей. Это т.н. «лимб отцов». Во-вторых лимб обозначает постоянное местопребывание (или состояние) душ некрещеных младенцев и тех некрещеных взрослых, которые умерли в первородном грехе, но сами при этом тяжких грехов не совершали. Эти души исключаются из сверхъестественного блаженства созерцания Бога на небесах, хотя, согласно многим теологам, они наслаждаются полнотой природного счастья, познавая и любя Бога посредством своих естественных способностей. Это т.н. «лимб младенцев». Из числа церковных авторитетов учение о лимбе поддерживали, в частности, Григорий Назианзин, Августин Гиппонский, Альберт Великий (который ввел в обиход сам термин), Фома Аквинский. В 2007 году Ватикан опубликовал вывод, что учение о лимбе представляет «неподобающе ограничительный взгляд на спасение», в то время как Бог милосерден и «желает спасения всем людям».

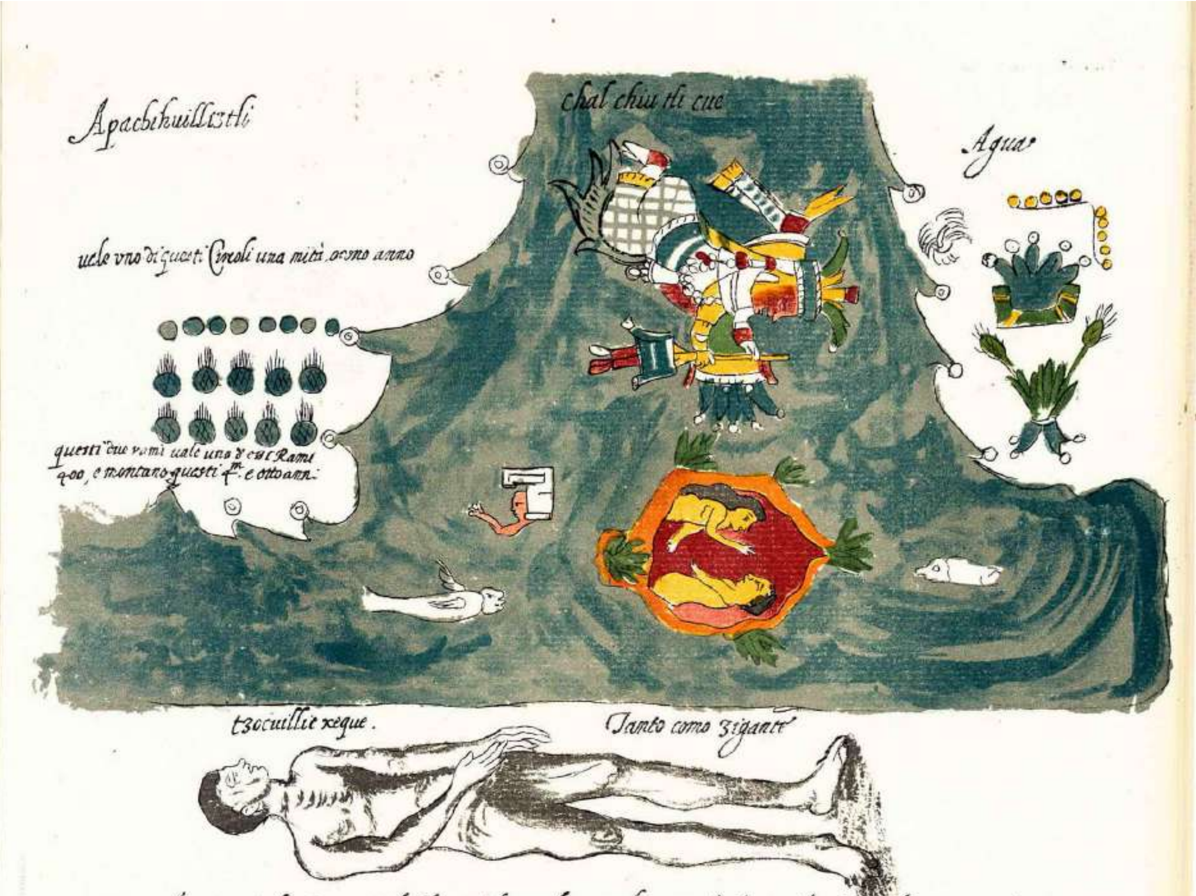
возможно, на заблуждение манихеев, которые признавали злое начало видимых вещей[434]) и он — причина войн, утверждая, что это — один из упавших с небес. Местные старики говорят, что когда входили туда, где находился его идол, принимали его образы, и так поклонялись ему, и каждый брал немного земли в том месте и ел ее в знак самого большого почтения, и ему говорили: «Владыка, мы, твои служители, уже здесь, подари нам все то, в чем мы нуждаемся».

[CR-04r]

[пустая страница].

[434] Согласно вероучению манихеев высшему божеству, Царю Света, противостоит Царь Тьмы, правитель "темной" земли и пяти миров — огня, дыма, ветра, воды, тьмы. Они противостоят пяти светлым элементам, которые находятся во владении Отца Света (свет, ветер, огонь, вода, эфир). Темные элементы тяготеют вниз, а светлые — вверх.

[CR-04v]



Questa è la prima età che essi dicono, in la quale regnò l'acqua fin tanto che uenne a distruggere il mondo che hauouano moltiplicato quelli due huomini primi che hauuano in principio quel gran sig.re criato; & che secondo il suo conto, quella età quattromilia e otto anni, e uenendo questo gran diluuio dicono che li huomini si trasformorno in pesci, et li pesci grandi chiamano essi, Tlacamichin, che uuol dire huomo pescie; dicono li più delli uecchy che Mexicani che scappò di questo diluuio un solo huomo e una donna, da li quali fu di poi multiplicato il gener humano, l'arbore in che scapporno chiamano Ahuehuete; et dicono che uenne questo diluuio in la littera diese, secondo la loro computatione, che significa no per acqua, la quale per più chiarezza metteremo nel suo calendario; durante la prima età, dicono che nò mangiauano pane, saluo certo genere de mais siluestre, che si dice, Atzitzintli: chiamorno questa prima età conizcal, che uuol dire la Testa bianca. Altri dicono che non solo scapporno di questo diluuio quelli due dil Arbore, ma che altri vij. restorno ascosi in certe grotte, et che passato il diluuio uscirono, e repararono il mondo generandosi per esso, et quelli che di poi successero l'adorauano per Dij ogn'uno in la sua natione; et così li Tepanechi adorauano uno che si diceua Hulhuecteotli; et li Chichimeche, à Quetzalcoual, et li culue, à Itzinacoual, perche d'essi usciuono le generationi sue, et per questo faceuano gran conto dil lignaggio, e doue si ritrouauano diceuano, io son del tale lignaggio, et a quel suo primo fondatore adorauano, et gli faceuano li sacrificij, e diceuano che quello era il cuore dil populo, al quale hauouano fatto uno Idolo ternaco in buonissimo luogo, et uestito, e tutti li successori metteuano in quel luogo gioie ricche, come oro, e pietre preciose, en anzi a questo loro cuore ardeua sempre legna doue metteuano il copol, o incenso. Furno in questa prima età giganti in questo paese, e sì come se ne trouano qui, detti Tzocuilliexeque, di tanta smisurata grandezza, che riferisce un religioso dil ordine di s.to dom.co detto frate Pietro de los Rios, che è quello che raccolse la più parte di questa dipentura, che uiddi con li occhi suoi proprii un dente molare de la bocca di essi che trouorno l'Indiani d'amaquemecan andando adornando le strade de mexico anno dni 1566. il quale pesò tre libre, manco una oncia, l'hanno pintato al Vicerè don luis de Velasco, et l'hanno uedutto altre persone religiose, e pesò tre libre, manco una oncia, l'hanno portato al Vicerè don luis de Velasco, et l'hanno ueduto altre persone, dal quale si può giudicare la grandezza di questi giganti; e così d'altre ossa, che fueno ritrouate in questo paese; uno di quelli sette, che dicono hauer scapulato dal diluuio, dicono che multiplicandosi il mondo, se n'andò à chulalan, et li principiò à edificare

[надпись в левом верхнем углу]
Апачиуиллистли [Apachihuilliztli]

[надпись внутри сцены в верхней части рисунка]
Чальчиутликуэ [Chal chui tli cue]

[надпись в правом верхнем углу]
Вода

[надпись слева от рисунка, над кружочками]
Один такой круг имеет значение одного предела [mità], или одного года[435]

[надпись слева от рисунка, под кружочками]
эти две ветки[436] [rami] означают: одна ветка — 400, а гора — эти 4 т|ысячи| и восемь лет.

[надпись под рисунком и над фигурой лежащего гиганта]
Цокуилликшекуэ [tzocuillicxeque]   Большой, как гигант [zigante]

[текст под фигурой]
Это первая эпоха, о которой они говорят, когда царила вода, да столько, что она разрушила мир, в котором размножились те двое первых людей, |еще| когда был в начале тот великий триединый Владыка. Просуществовала, согласно их счету, та эпоха четыре тысячи и восемь лет; и когда наступил этот великий потоп, сказывают, что люди превратились в рыб, а больших рыб называют те *Тлакамичин* [Tlacami|c|hin][437], что значит «человек-рыба».

Говорят самые древние из стариков, что *Мешикоч* [Mexicoch] спасся от этого потопа, один единственный мужчина, и одна женщина, от которых потом приумножился род человеческий. Дерево, на котором он спасся, называют *Ауэуэтль* [Ahuehuetl]; и говорят, что пришел этот потоп в знак Десять, согласно их счету, со значением Вода[438], каковой для большей ясности мы разместим в их календаре. В течение первой эпохи, сказывают, не ели хлеба, кроме некоторого рода дикой кукурузы под названием *Ацициутли* [Atzitziutli]. Эту первую эпоху называют *конисталь* [coniztal], что значит «белая голова». Другие говорят, что этого потопа избежали не только те двое на дереве, но что и другими путями затаились |другие люди| в некоторых пещерах, и, когда прошел потоп, они вышли и разделили мир на

[435] Числа ацтеков записывались следующим образом:

[436] Хотя на рисунке изображен круг с черточками вверху, их все же следует считать веточками, каждая из которых соответствовала цифре 400. Возможно, характер изображения обусловлен какой-то не классической традиции.

[437] В оригинале переписчиком пропущено букву «c».

[438] То есть, в день тональпоуалли 10-Вода (Матлактли-Атль).

части из-за этого, и те, которые потом |им| наследовали, поклонялись им как богам, каждый своему в своем народе. Таким образом *тепанеки* [Tepaneche] поклонялись тому, которого называли *Улуэтеотли* [Ulhueteotli], а *чичинеки* [Chischineche][439] — *Кецалькоуалю* [Quetzalcoual], а *кулу* [Culue] — *Цинакоуалю* [Tzinacoual], потому что от них произошли их племена [le generationi sue]. И поэтому они придавали большое значение роду [lignaggio], и когда они встречались, то говорили: «я из такого-то рода»; и тому их прародителю они поклонялись и совершали ему жертвоприношения, и говорили, что он был сердцем народа; каковому ставили идола, хранимого в наилучшем месте, и наряженного, и все потомки клали в том месте роскошные украшения, такие как золото и драгоценные камни. Перед этим их сердцем всегда сжигали дрова, куда клали *кополь* [Copol][440] или ладан.

Были в ту первую эпоху в этом краю гиганты, каковыми являются те, кто называются здесь *Цокуиликшеке* [Tzocuilicxeque], столь безмерной величины, как сообщает один монах ордена Святого Доминика, по имени брат Петро де лос Риос [Petro de los Rios], являющийся тем, кто собрал большую часть этих изображений [recopió la piú parte di questa depentura], который видел своими собственными глазами коренной зуб изо рта одного из них, обнаруженного индейцами из *Амакемеконса* [Amaquemeconz][441] во время украшения улицы Мешико в году |от рождества| Господа 1566. Этот же монах и взвесил его, и он весил без одной унции три фунта[442]. Представили этот |зуб| вице-королю дону Луису де Веласко[443], и его видели другие люди, из чего можно судить о величине этих гигантов, и таким же образом — по другим костям, найденным в этих краях. Один из тех семерых, которые, сказывают, спаслись от потопа, сказывают, размножившись в мире, ушел в Чолалан [Chulalan], и там начал

[439] То есть, чичимеки.

[440] Копал.

[441] То есть, Амекемекана.

[442] Примерно 1,3 кг.

[443] Луис де Веласко-и-Рис де Аларкон был вице-королем Новой Испании с ноября 1550 по июль 1564 г. С июля 1564 по октябрь 1566 г. должность была вакантна. Принимая во внимание, что согласно документам и Педро де лос Риос скончался до 1565 г., дата записана ошибочно. В Мехико Риос находился примерно в 1553–1555 гг., следовательно и описанное событие следует отнести к этому времени.

5

à edificare una Torre, che è quella di che adesso appare la base di mattoni, il nome di questo capitano era Xelhua, edificavala acciò che venendo un'altra volta il diluvio scappolasse in essa; ha la base di larghezza piedi 1800. et essendo già in grande altezza, cascò dal Cielo un sasso, e la destrusse, ammazzando molta gente, et quello timore li mexicani, de quali era padrone uno, Cocenique deliberorno insieme con esso domandar consiglio al suo Dio, che si diceua Tonquè, il quale comandò loro, che digiunassero ammidue, li quattro primi in pane et acqua, e li altri quattro in pane di semola di bledo, e finirno il digiuno nelli di loro, et finito, la terra li ingiottì, et quelli che scorrono han predetto la destruttione, et Totulan che venne poco dopoi, cantano adesso in le danze, e questo canto, che principia Vulanion hululaez, nel qual canto recitano l'historia.

[в правом верхнем углу цифра нумерации листов] 5

[продолжение текста со страницы 04v]
строить башню, являющуюся той, от которой ныне видно кирпичное основание. Имя этого полководца было *Шелуа* [Xelba]. Он возвел ее, дабы в случае потопа укрыться в ней; у основания она имеет в ширину 1800 футов[444], и, когда она уже была очень высокой, ударила с неба молния [un razzo] и разрушила ее, убив много людей. И от страха мешики, у которых главой [padrone] был Куэмоке [Quemoque], посовещались вместе об этом, чтобы испросить совета у своего Бога, называвшегося *Тосекуэ* [Toseque], который приказал им, чтобы они постились восемь лет, четыре первых — на хлебе и воде, а другие четыре — на хлебе из отрубей *лебеды* [bledos], и закончили пост многие из них, и покончила земля с ненасытными, а те, которые восстановили силы, предсказали разрушение и *сетулан,* вскоре после того наступившие. Они поют теперь на танцах и на праздниках некую песню, начинающуюся *Туланианулулаэс* [Tulanianhululaez], в коей песне рассказывают эту историю.

[CR-05v]

[пустая страница].

[444] То есть, около 516 м. На самом деле длина основания знаменитой пирамиды в Чолуле, считающейся самым большим сооружением доколумбовой Америки, составляет 440 м., высота сохранившейся части — 77 м.

[CR-06r]

Ecatoece

A questo modo depingevano la 2a età, gli dicono durò anni 4010. dopoi delli quali dicono che hebbe
fine il mondo per impeto de venti fortissimi, et che li huomini si trasformarono in scimie; dicono
che in questo diluvio scapolò una donna et un'huomo dentro d'una pietra: venne questo
diluvio in quel giorno ch'essi dicono, uno cane, che se ritrova nel suo calendario, perchè
de simili accidenti pigliavano occasione di fare quelle figure, che servivano a tutti li
giorni del mese, et dell'anno, come dopoi si vedrà. in questa età non mangiavano
pane si come in la prima, salvo frutte silvestri che dicono acotzintli; chiamavano
questa età coneustoqui, i. età aurea.

[в правом верхнем углу цифра нумерации листов] 6

[слева вверху от сцены]
Собака.

[вверху от сцены и слева от кружочков]
Ситлальтонаметле [Citlaltotonametle].

[слева внизу от сцены]
Экатокок [Ecatococ].

[текст под сценой]
Таким образом они рисовали 2-ю эпоху, которая, сказывают, длилась 4010 лет, после которых, говорят, наступил конец света из-за порывов сильнейших ветров, и люди превратились в обезьян; говорят, что от этого потопа внутри некоего камня спаслись одна женщина и один мужчина. Пришел этот потоп в тот день, который они называют Один Собака, имеющийся в их календаре, потому что сходные происшествия случались под воздействием тех фигур, которые служили всеми днями в месяце и в году, как в дальнейшем будет видно. В эту эпоху не ели хлеба, как и в первую, кроме диких плодов, называющихся *акоцинтле*; называли эту эпоху *конкусеикуэ,* т.е. золотой век.

[CR-06v]

Clequiya huillo.

La terza età dicono haver havuto principio da uno huomo, e da una donna, che scapporono in una grotta sotto terra, quando fu distrutto il mondo altra 3.ª volta per fuoco, durò questa età anni 4801 venne questo ... il giorno, che essi dicono nove terremoti; che mettono nel suo calendario, non mangiavano pane salvo una frutta detta Tzlucolo, chiamavano questa età Tzonchichilteque, che vuol dire l'età colorata, o rossa.

[слева от сцены]
Дрожь.

[посредине сцены, под центральной фигурой]
Шиуитекотли [xiutecotli]

[слева внизу от сцены]
Елекуийа уилло [Elequiya uillo].

[текст под сценой]
Сказывают, третья эпоха берет начало от одного мужчины и от одной женщины, убежавших в пещеру под землей, когда вновь в 3-й раз был разрушен мир, |но уже| огнем; длилась эта эпоха 4801 год; пришел этот огонь в день, называющийся Девять Землетрясение, проставленный в их календаре; |тогда| не ели хлеба, кроме плодов под названием *Циукоко* [Tziucoco]; называли эту эпоху *Цончичильтикуэ* [Tzonchiciltycue], что значит алая или красная эпоха.

[CR-07r]

La 4.a età secondo il loro conto è quella in che hè havuto principio la provincia di tulan, la quale dicono esser persa per
causa delli vitij et così depingono li huomini ballando, et per causa di questi vitij li vennero fame grandissime et così fu destrutta la
provincia et dicono haver sotto anni, et incorsero questa fame. dicono di più che piove sangue et che morirno molti di spa=
vento; chiamavano questa età delli capelli negri, non più come dentro la gente ma una grandezza. Così fingono li miserabili
certi sogni delle loro cecità, dicendo che un Dio che se diceva Citlallatonac, che è quello segno che si vede in cielo detto strada di S.
Jacobo o via lactea, mandò un Imbasciatore del cielo con una imbasciata a una vergine, che era in tulan, che si diceva chimalman, che vuol
dire rotella, la quale haveva due sorelle l'una Xochiquetzal e l'altra coatlicue, et che essendo tutte tre retirate in casa sua
vedendo venire l'Imbasciatore dal Cielo morirno le due di spavento restando viva la Chimalman alla quale disse l'Imbasciatore che quel
Dio voleva, che concepesse un figliuolo et che essendo lei l'Imbasciata a lui, et scopò la casa et subito che la scopò concepè un figliolo
senza congiuntione di huomo, il quale fu detto, quetzalcoatl, e dicono che è Dio dell'aurea, et li nostri tempi sono ritondi & modo
di civilità avere, fin'a quel tempo non erano et questo fu l'inventore di essi come diremo. questo dicono che cavava li purgati
et con ciò parmi che si chiava Citlalatuale, fu quello che destrusse il mondo con vento et mancanza questa figura con un'altra
in quale depingano che tanto che nacque hà havuto uso di regione questo figliolo della vergine topiltzin quetzalcoatl, secondo
che delli travagli che haveva il mondo dovevano esser causa i peccati delli huomini delibero regger la Dea chalchiuit=
licue che è quella che restò dopoi del diluvio con quell'huomo in l'arbore et è la madre del Dio Tlaloque, la quale pigliorno per
avocata dell'acque accio piovesse quando fusse bisogno, et così questo quetzalcoatl cominciò a offerir li sacrificij, accio le do=
nasse acque perche erano quattro anni che non piovevano, et dipingono questa Dea in mezzo d'un lago con una corona et un
braccio appresso per significar a tulan, et un incensario avanti, à denotare il principio del sacrificio et era vestita d'azzurro, in
la medesma foggia si vestivano quando li facevano feste, non lasciarò di notare in questo luogo l'astutia del nostro
avversario il quale tanto tempo è che ritrovò questa falsità fra questa povera gente accioche se in qualche tempo havessero
notitia del principio del misterio della nostra redentione, che fu quando fu mandato l'Angelo Gabriele da Dio alla
vergine maria nostra signora con quella divina imbasciata et lei mostrò quella profondissima humiltà et chiamarse
serva quando l'Angelo la chiamava madre signora per il che dice san Bernardo, che concepè il vero figliolo di Dio
senza opera di huomo, l'attribuisse al padre della buggia falsificata, et contrafatta in questo falso Dio,
Citlallatonac, e al suo Imbasciatore et in questa vergine.

[в правом верхнем углу цифра нумерации листов] 7

[внизу под сценой, между фигурами]
Сочикецаль, т.е. восхваление роз.

[текст под сценой]
4-я эпоха согласно их счету — та, в которую берет свое начало провинция *Тулан* [Tulan], которая, сказывают, погибла по причине людских пороков [vitij]; и вот так они рисуют людей танцующими, и по причине этих пороков пришел к ним величайший голод, и так была уничтожена провинция; и говорят, прошло 5042 года до того, как случился этот голод. Кроме того говорят, что шел кровавый дождь, и что многие умерли от страха. Называли эту эпоху «эпохой черных волос». Не все люди погибли, но большое их число. Здесь несчастные измышляют в своей слепоте некоторые побасенки, говоря, что некий Бог, называвшийся *Ситлаллотонак* [Citlallatonac], являющийся тем знаком, который виден на небе как Дорога Святого Иакова или Млечный Путь, посылает посланца с небес с посланием к деве, жившей в *Тулане,* по имени *Чимальман* [Chimalman], что значит Круглый щит [Rodella], у которой было две сестры, одну |звали| *Очитликуэ* [Hochitlique], а другую — *Коуатликуэ* [Couatlique]; и когда все три уединились в ее доме, увидев приход посланца небес, две умерли от испуга, живой же осталась *Чимальман,* которой посланец сказал, что тот Бог желал, чтобы она зачала чадо, и, когда она слушала послание, убирала и подметала дом, и сразу же, как она подмела его, без соития с мужчиной зачала чадо, которое назвали *Кецалькоатле* [Quetzalcoatle][445], и говорят, что он — Бог ветра; и его храмы были круглыми по подобию наших церквей, хотя в то время они не были таковыми, и что он был их изобретателем, как мы скажем |об этом|. Этот, говорят, был причиной клокотания |вод| [gurgiti] и, того, что, как мне кажется, называлось *Ситолатлуале* [Citoladuale][446]; он был тем, кто разрушил мир посредством ветров. И не хватает здесь этой фигуры с |некой| другой, которую рисуют |с ним вместе|.

И он сразу же родился обладающим разумом, и это чадо девы *Топильцинкецалькоель* [Topiltzinquetzalcoel] знал о бедствиях, испытываемых миром, чему должны были быть причиной грехи людские; и он решил просить Богиню *Чельчиуитликуэ* [Chelchuitlicue], ту, что осталась после потопа с тем мужчиной на дереве, и это — мать Бога *Тлалоке* [Tlaloque], которую считали заступницей воды, дабы пошел дождь, так как в нём была

[445] Схожий рассказ приводит Х. де Торкемада: «Итак, возвращаясь к Кецалькоуатлю, некоторые говорят что он был сыном идола Камаштли [Camaxtli], который имел в качестве жены Чимальму [Chimalma], а от неё пятерых сыновей, и об этом рассказывают одну очень пространную историю. Другие говорят, что когда упомянутая Чимальма подметала, нашла некий чальчиуитль (каковой является зелёным камешком) и проглотила его, и от этого забеременела, и что так родила упомянутого Кецалькоуатля, что противоречит тому, что мы сказали ранее, потому что тольтеки говорят что от таких родов появился Уицилопочтли» (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 3. — México: 1977. — P. 125).

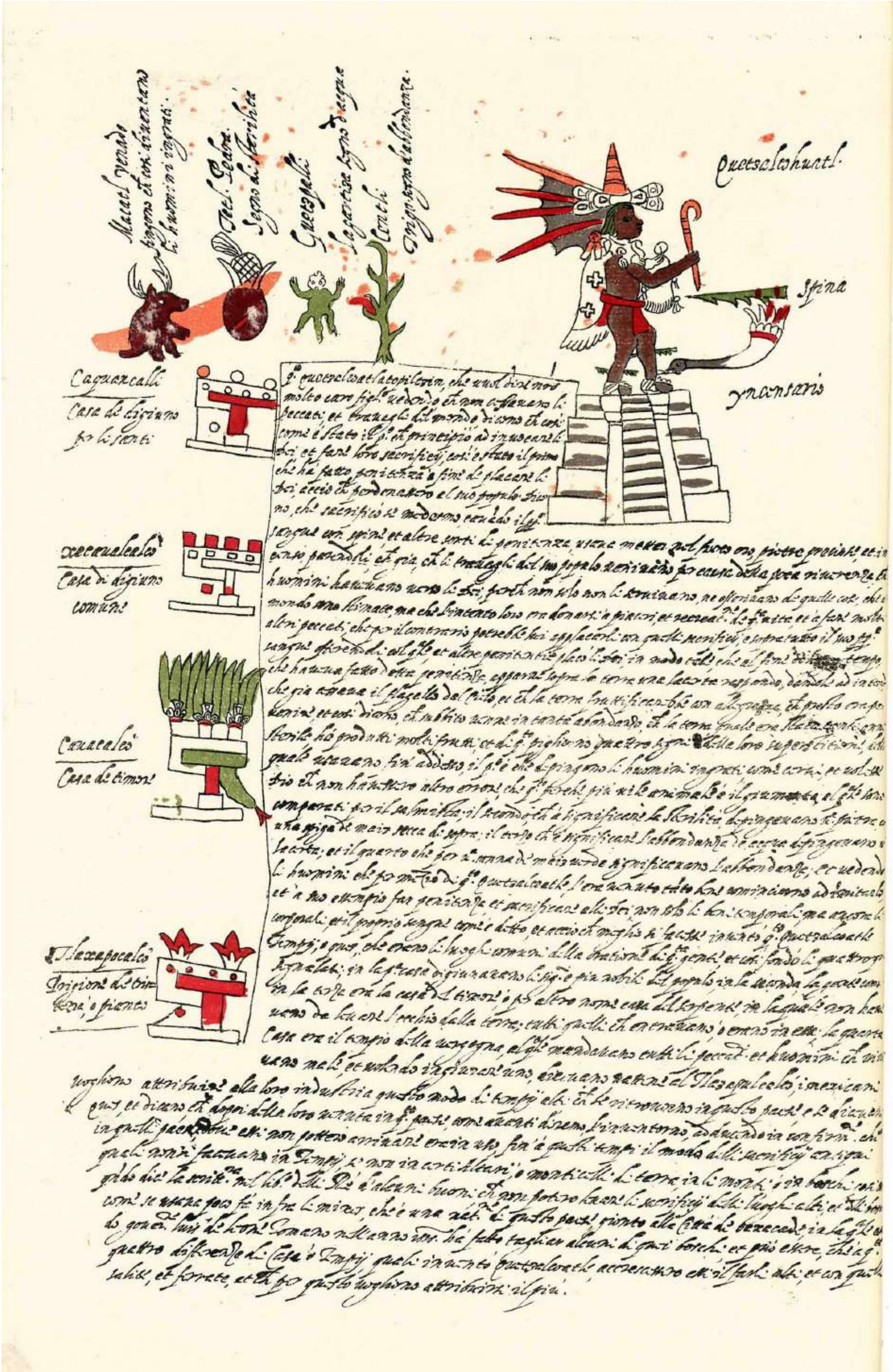
[446] *Citlatlalli*, т.е. «звездное небо». Слово искажено переписчиком.

необходимость; и потому этот *Кецалькоатле* начал приносить жертвы, дабы им она даровала воду, потому что уже как четыре года не было дождей. И рисуют эту богиню посреди озера в короне и возле леса, чтобы обозначить *Тулан*; и воскурение впереди, чтобы обозначить начало жертвоприношения; и она была одета в голубое. И в такой же наряд они облачались, когда устраивали ей праздник.

Непременно отмечу в этом месте ухищрения нашего супротивника, который уже столько времени, как изобрел эту ложь среди тех несчастных людей, на случай, когда будет сообщено о начале таинства нашего искупления, произошедшем тогда, когда был послан Ангел Господень Гавриил к Марии, Владычице нашей, с тем божественным посланием, и она явила ту глубочайшую покорность и назвала себя служанкой, когда Ангел называл ее своей Госпожой, благодаря чему Святой Бернард[447] говорит, что она зачала истинного сына Божьего без мужеского участия; и относится к отцу лжи искаженная и поддельная |история| об этом ложном Боге *Ситлалатонаке,* и его посланце, и об этой деве.

[447] Имеется в виду святой Бернард Клервосский (1091–1153 гг.), французский средневековый богослов, мистик, общественный деятель.

[CR-07v]


Quetsalcohuatl.
Spina
yncensario
Caquencalli
Casa di digiuno
per li santi
Casa di digiuno
comune
Casa di timore

[слева вверху, над знаками вертикальные надписи]
Масатль [Macatl] *Олень*
измышляют, что так становятся неблагодарными[448] людьми.

Тетль [Tetl]. *Камень*
Знак бесплодности

Гуэцпалли [Guetzpalli]
Ящерица, знак воды

Сентли [Centli]
Пшеница, знак изобилия.

[справа вверху от основной фигуры надпись]

Кецалькоуатль.
[справа от основной фигуры надписи]
Шип
Фимиам

[с левого бока страницы, слева от знаков науатль надписи]
Сакуанкалли [Caquancalli]
Дом поста для святых

Шекауалькалько [Xecaualcalco]
Дом поста для обычных |людей|

Кауакалько [Cauacalco]
Дом страха

Тлашапокалько [Tlaxapocalco].
Темница грусти или плача.

[текст справа и снизу от знаков и под фигурой]
Этот *Кецалькоатльтопильцин*, что значит «наш любимейший сынок», видел, что не прекращаются грехи и бедствия мира; говорят, что, так как он был первый, кто начал молиться Богам и совершать им жертвоприношения, он был первым, кто совершил покаяние с целью умилостивить богов, дабы они простили его народ. Говорят, что он жертвовал самим собой, пуская собственную кровь шипами и |совершая| другие виды покаяния. Он имел обыкновение бросать в огонь золото, драгоценные камни и ладан, когда ему казалось, что уже пришли бедствия к его народу по причине малого почтения, оказываемого людьми Богам, потому что они не только не

[448] Вариант: «неприятными».

служили им, но и не жертвовали те вещи, которые в мире ценятся, но их намерением было дарить |таковые| себе для удовольствия и отдыха в этой жизни и совершать многие другие грехи; чтобы воспрепятствовать этому, следовало умилостивить их теми жертвоприношениями и, прежде всего, своей собственной кровью, жертвуя ее. Этим и другими покаяниями он умилостивил Богов, да так, что по прошествии долгого времени, как было совершено это покаяние, появилась над землей оцарапавшая её *ящерица*, давая понять, что уже закончилась кара небесная, и что земля с радостью принесет плоды, что вскоре и произошло; и так, говорят, внезапно наступило такое изобилие, что земля, многие годы бывшая бесплодной, подарила много плодов.

И из этого они взяли четыре знака для их суеверия, каковые у них в употреблении до сего момента; первый — это тот, когда рисуют неблагодарных людей, в виде оленей, и хотел бы Бог, чтобы не было другого заблуждения, кроме этого, потому что наиболее подлые животные — это кобылы, с которыми их сравнивает псалмопевец; второй, означающий бесплодие, рисовали в виде камня, с сухим початком кукурузы вверху; третий, означающий изобилие воды, рисовали в виде ящерицы; а четвертый, в виде зеленого стебля маиса, что означало изобилие. И когда люди увидели, что благодаря этому *Кецалькоатле* получилось столько благ, они начали подражать ему в его примере совершать покаяние и приносить в жертву Богам не только преходящие блага, но также и телесные, и собственную кровь, как уже сказано.

И дабы то лучше было делать, учредил этот *Кецалькоатле* храмы или *куэс* [cues], являвшиеся теми общими местами молитв этих людей, и так основал он здесь четыре отмеченных |дома-знака|. В первом доме постились господа и наиболее благородные из народа[449]; во втором — простонародье [la gente comune]; в третьем был дом страха, или называемый иначе — дом змея, в котором нельзя было поднимать глаз от земли всем тем, кто входил в него или находился в нем; четвертый дом был храмом стыда, куда они посылали всех грешников и людей, живших дурной жизнью, и желая оскорбить кого-либо, говорили «уйди в *Тласапολькалько*» [Tlazapulcalco]. Мешики желают приписать своему |собственному| мастерству этот вид высоких храмов, ведь если встречали в этом краю |такие храмы| и если говорили *куэс*, то говорят, что это пришло в сей край после них, как мы дальше скажем, и они измыслили это, приводя в подтверждение, что в тех краях, куда они не смогли добраться, был до сих пор в обычае способ древних жертвоприношений, совершавшихся не в храмах, а только на неких алтарях или насыпях земли, в горах или в лесах, так, как сказано в Священном Писании в Книге Царей о неких добрых людях, которые не

[449] В оригинале populo , т.е., «множество лиц, собравшихся вместе» (Lorenzo Franciosini. Vocabulario italiano e spagnuolo. Parte Prima. — Roma: Stamperia della R. Cam. Apost., 1638. — P. 474. (691 p.)). Поскольку далее оно отличается от простонародья (gente comune), речь, по всей видимости, идет о знатных.

могли перенести жертвоприношения с высот и из лесов[450], как было в обычае недавно между *мишес* [mixes], являющихся племенем этой страны, обитавшим в городе *Оашакаке* [Oaxacade][451], и когда губернатором в нём был Луис де Леон Романо [Luis de Leone Tomano][452] в 1555 году вырубили некоторые из тех лесов; и, может быть, что эти четыре вида домов или храмов, учрежденных *Кецалькоатлем,* они |мешики| увеличили, сделав их высокими и с теми входами, и с убранством из металла [ferrata], и что поэтому они хотят присвоить себе большее.

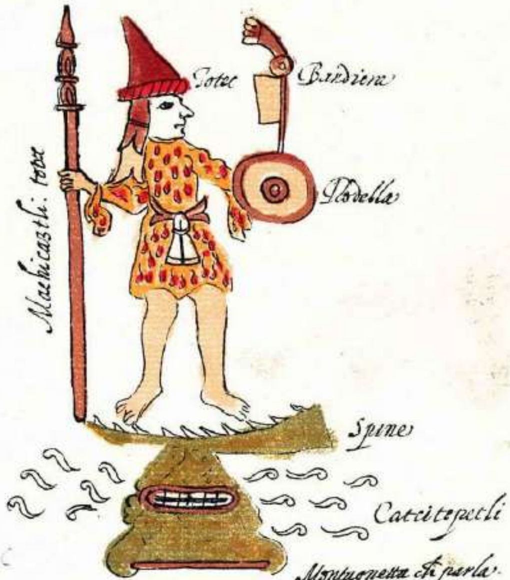
[450] Книга Царей (ивр. , Сефер млахим), две книги (I Цари, א' и II Цари, ב') канонической еврейской Библии, завершающие цикл ранних пророков. В Септуагинте и следующем ей православном каноне, а также в Вульгате и Пешитте это III и IV книги Царств. Имеется в виду, вероятно, следующее место: «Народ еще приносил жертвы на высотах, ибо не был построен дом имени Господа до того времени. И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и он приносил жертвы и воскурения на высотах» (3 Царств, 3, 2–3).

[451] Еще один индейский топоним, искаженный переписчиком. Речь идет о Уашйакаке (ныне Оахака-де-Хуарес). Первоначально город был построен сапотеками, а в дальнейшем подчинен миштеками.

[452] Еще одна ошибка переписчика. Луис де Леон Романо (ум. 1558), итальянец по происхождению, занимал ряд административных постов в Новой Испании. В частности, в 1550–1551 гг. он возглавлял в Оахаке комиссию по устройству местной администрации, в 1551–1554 гг. был коррехидором Оахаки, в 1554–1557 гг. — коррехидором Пуэблы. Известны его письма королю от 20 апреля 1553 г. и 31 января 1555 г. В 1554–1559 гг. коррехидором Оахаки был Хуан Баутиста Авенданьо [Juan Bautista Avendaño].

[CR-08r]

Tlacaxipehualiztli



Infra quelli che principiorno a seguitare quello Quetzalcoatl, e li suoi essercitij con la sua penitentia, è stato molto segnalato questo Totec, il quale essendo stato grande peccatore, prima stette in la casa del peccato che si diceva Tlaxapuchicalco, e finita li la sua penitentia salì sopra questo monte che si diceva Catcitepetli, che vuol dire montagnetta che parla, la quale è molto piena di spine, e proseguendo lì la sua penitentia, gridava di lì molto forte, riprendendo da quel luogo il populo de Tulan, chiamandoli che venissero a far penitentia con lui del grandissimo peccato che havevano incorso per haversi smenticato tanto di servire, e sacrificare alli loro dei, et haversi tanto dato alli piaceri. Dicono che andava questo Totec vestito di dette pelli d'huomo, e così durò fin a questi tempi, quando l'illuminò Dio de la loro cecità con la venuta de la natione spagnuola. Et in le feste che facevano a questo Totec, come avanti vederemo vestivano li huomini pelle d'huomini, che havevano ammazzato in la guerra, e così ballavano, e festeggiavano il suo giorno, perchè da questo dicono hanno havuto origine le guerre, et pertanto lo dipingono con queste insegne d'essa, i. una hasta, la bandiera, e la Rodella; havevano questo in gran veneratione, però dicono che lui fu il principio d'aprir loro la strada del Cielo, poichè havevano questo guerre con li altri, che solo quelli che morivano in la guerra, andavano al Cielo, come già haviamo detto.

[в правом верхнем углу цифра нумерации листов] 8

[надпись над фигурой]
Тлакашипеуаллистли [Tlacaxipehualliztli]

[надпись справа от лица фигуры]
Тотек [Totec]

[надписи справа от фигуры]
Знамя
Круглый щит

[вертикальная надпись слева от фигуры]
Мачикастли тотек [Machicaztli totec]

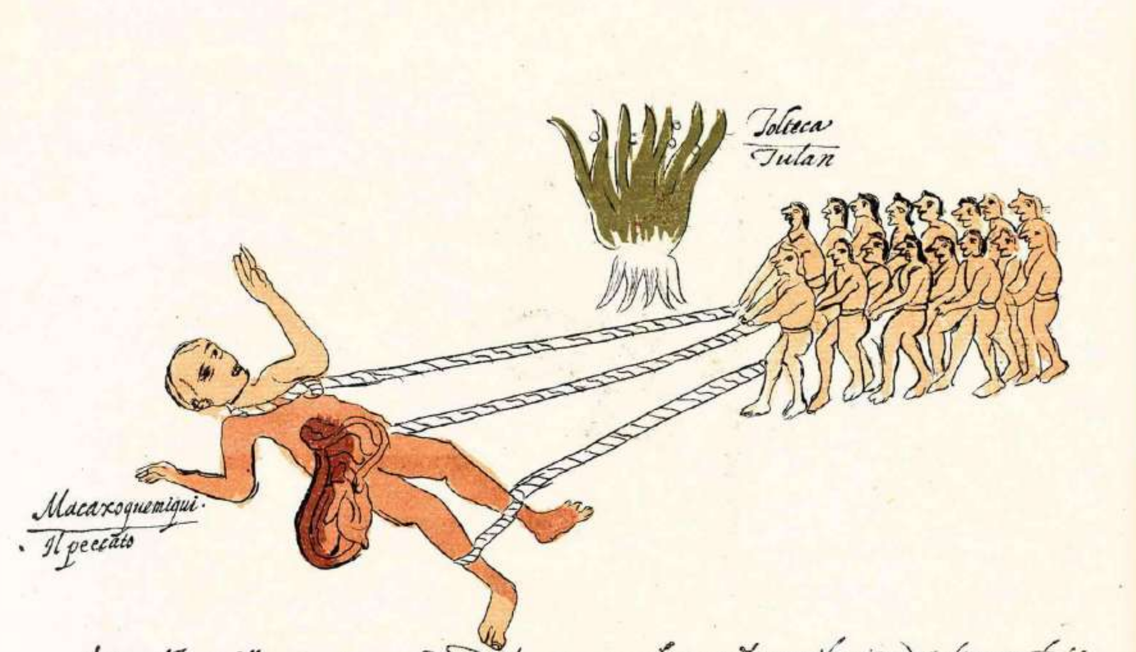
[надписи справа внизу от фигуры]

Шипы
Сацитепетли [Catcitepetli]
Говорящая горка.

[текст под фигурой]

Между теми, кто принялся следовать тому *Кецалькоателю* и его войску в их покаянии, был весьма знаменитым этот *Тотек* [Totec], который, будучи великим грешником, сначала пребывал в доме плача, называвшемся *Тлашапочикалько* [Tlaxapuchicalco], но по окончании своего покаяния, он взошел на эту гору, называвшуюся *Сацитепетли* [Catcitepetli], что значит «говорящая горка», испещренную остриями, и, исполняя своё покаяние, кричал там очень громко, принимаясь звать с того места свой народ *Тулана*, чтобы они вместе с ним пришли совершить покаяние против величайшего греха, в который они впали, настолько отвергая служение и жертвоприношения богам, и настолько предаваясь удовольствиям. Говорят, что ходил этот *Тотек* одетым в человеческую кожу, и так продолжалось до сих времен, когда просветил их Господь от их слепоты с приходом народа испанского. И в праздники, устраиваемые этому *Тотеку*, как увидим дальше, они одевали человеческие кожи убитых на войне, и так танцевали и праздновали его день, потому что от него, сказывают, у них велось происхождение войны, и поэтому они рисуют его с этими отличительными знаками, т.е. с коротким копьем [hasta], знаменем и круглым щитом. Ему они оказывали величайшее почтение, и говорят, что он первым открыл им путь в небеса, потому что у них существовало то заблуждение, наряду с другими |местными народами|, что только те, кто погибал на войне, шли в небеса, как нами уже было сказано.

[CR-08v]



Essendo il Topil in qlla sua penitenza, e predicandola continuo, e quiui, sopra qlmonte che hauiamo detto fingono che s'in=
segnaua ogni notte che uedeua questa figura di morte molto spauentosa con li budelli di fuora che era causa di
grandissima abhominatione del suo populo, e pregando alli suoi dei che le riuelassero che cosa uoleua significare
qlla figura, risposero che quello era il peccato del suo populo, il che inteso discese subito al populo, et fece conuo=
car tutto il suo populo imponendoli che portassero grosse gomine, e legassero qlla cattiua cosa, qual che era la causa di
tutti i loro peccati, et che strascinandola la gittassero uia dal populo; il qle dando fede alle parole del Topil furono
da lui menati a una certa parte doue trouorno qsta figura della morte, la qle ligata la strascinauano tutti lon=
tano, e strascinandola in diuersi cascorno tutti in certa concauità in mezzo di due montagne, le qli si congiu=
sero, et loro restorno li sepolti fin adesso, senza saluarsi di loro alcuno, saluo li putti innocenti, che restorno in
Tulan, e così dipingeuano questa gente, che andaua ballando e giocando, et il Demonio andaua inanzi,
guidando il mitote, o la danza, e questo fu la causa della ruina, e perditione loro.

[надписи вверху над сценой, справа от знака науатль]
Тольтека [Tolteca]
Тулан [Tulan]

[надписи слева от сцены]
Макашокуэмики [Macaxoquemiqui]
Грех.

[текст под сценой]

Когда *Тотек* пребывал в том своем покаянии, и проповедовал его громким голосом и криками на той горе, о чем мы уже сказали, измышляют, что ему снилось еженощно, будто он видел эту фигуру мертвеца, весьма отвратительную, с вывалившимися наружу кишками, что было причиной величайшего омерзения его народа; и когда он просил своих богов, чтобы они раскрыли ему, что означала та фигура, они ответили, что это был грех его народа. И когда тот понял это, он тут же спустился к народу, и созвал весь свой народ, приказав им, чтобы они перенесли этого великана [grosse gomine], и обвязали эту мерзость [cattiva cosa], потому что она и была причиной всех их грехов, и чтобы её поволокли за собой и выбросили прочь от людей, и так как они поверили словам этого Тотека, он отвел их оттуда в некую местность, где они обнаружили фигуру мертвеца, которую обвязанной все вместе поволокли подальше, и когда волокли её за собой, все упали в некую пропасть между двумя горами, в которую свалились все вместе и остались погребенными в ней до сегодняшнего дня, и никто из них не спасся, кроме невинных детей, вернувшихся в Толан, и так нарисованы эти люди, которые идут, танцуя и ликуя, и Демон идет впереди, руководя *ментотом* [mentot] или танцем, и такова была причина их разорения и гибели.

[CR-09r]

9

Quetzalcohuatl. chipe, ouer totec.

Li due maestri della penitenza che Quetzalcohuatl, et il Totec, quale per un altro nome si diceua chipe, ab=
sco
sero li putti, e la gente innocente che era restata, e se n'andorno con essi per il mondo, populando, et aggregando
seco altri populi che trouauano, e dicono che andando così caminando con quei populi, giunsero a certe mon=
tagne, che non potendo passare, fingono che le pertusorno per disotto, et così passorno; altri dicono che restorno
iui inclusi, et che furno trasformati in pietre, et altri insogni simili

[в правом верхнем углу цифра нумерации листов] 9

[еще правее перечеркнутая неправильная цифра нумерации листов] ~~6~~

[надписи под сценой и двумя центральными фигурами]
Кецалькоуатль. Чипе [Chipe], он же *Тотек.*

[текст под сценой]
Два учителя покаяния, *Кецалькоуатль* и *Тотек*, называемый по-другому *Чипе* [Chipe], спасли оставшихся детей и невинных людей, и пустились с ними по миру, заселяя |земли| и присоединяя к себе другие народы, встречавшиеся им; и, сказывают, что идя да шествуя с теми народами, они прибыли к некой горе, которую не смогли преодолеть, и измышляют, что они преодолели [pertusorno] |препятствие| под ней, и так они прошли ее; другие говорят, что они вернулись и были заключены в ней, и что были превращены в камни, и другие подобные выдумки.

[CR-09v]

Tlapallan, vuol tanto dire come mare rosso.

Quetzalcoatl, dicono che caminando, arrivò al Mare rosso che è questo che qui è dipinto, da loro chiamato Tlapallan, et che intrando in esso non l'hanno più veduto, ne sanno quel che si è fatto di lui, salvo che dicono haver detto al tempo della sua entrata che si sforzassero, e aspettassero il suo ritorno, il quale sarebbe quando fosse tempo, et così l'aspettano fin adesso, e quando li spag.li vennero in q.to paese credettero che era lui, e anc.a di poi nel anno 1550 che fu quando si sollevorno li Capitanas diedero la causa della sollevat.ne dicendo che già era venuto il suo dio che haveva da redimerli, nacque q.to Quetzalcoatl nel giorno che dicono d'una canna, e l'anno che vennero li spag.li principiò il anno in questa d.a canna, secondo la loro antigua computat.ne e da qui pi-gliorno causa à pensare che li spag.li fussero il loro dio, e così questi dicono che predisse che haveva da venir in q.llo paese una gente barbuta, la q.le l'haveva da soggettarli, et non s'intende che il demonio, il q.le allhora q.to incantava potesse saper q.llo che haveva da venir, poichè nissuna causa nat.le haveva, dela q.le q.to potesse inferire, se non che come le guerre erano tanto comuni, e naturali dal principio che hanno hauto peccati, e li huomini erano tanto ambitiosi d'usurpare altri Regni; ha voluto dir q.llo; accioche q.ndo alc.a altra nat.ne li soggiogasse, restasse con credito dicendo, che già lui l'haveva profetizato, et così lo havessero et adorassero per dio, come se vero l'hanno fatto, perchè credevano di certo che lui fosse salito in Cielo, et è q.lla stella che si vede al tramontar del sole, e prima che sia giorno, che è il pianeta Venus, et così lo figuravano come avanti si vedrà

[текст вверху и слева от фигуры]
Тлапаллан [Tlapallan], что значит «красное море».

[текст внутри сцены, слева от фигуры]
Кецалькоатль.

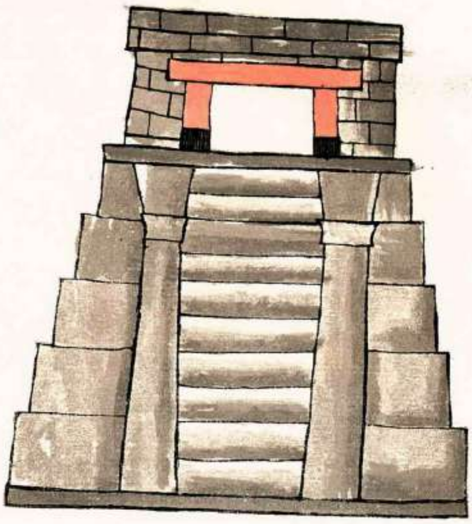
[текст под сценой]
Кецалькоатль, говорят, когда шел, то прибыл к Красному Морю, и это то, которое здесь нарисовано, называемому у них *Тлапалла* [Tlapalla], и, когда вошел в него, то более его не видели, и не знают того, что с ним сталось, кроме как говорят, что было сказано о времени его прихода |обратно|, будто это должно произойти, и чтобы ожидали его возвращения, что случится, когда наступит время, и так они этого ждут до сей поры; и когда испанцы пришли в эту страну, они думали, что это и был он, и даже после, в 1550 году, когда подняли восстание *сапотеки* [Capotecas], причиной восстания послужила молва, что уже пришел их бог, который должен был спасти их. Родился этот *Кецалькоатль* в день, который они называют Один Тростник, и год, в который пришли испанцы, начался в этот Один Тростник, согласно их древнему счету; и отсюда, полагают, причина думать, что испанцы были их богом, и еще потому, что они говорят, будто он предрек, что должны прийти в этот край бородатые люди, которые должны их покорить. И они не понимают, что дьявол, все это измысливший, мог знать о том, что они должны прийти. Ведь не было никакой естественной причины, которая могла бы к этому привести, кроме того, что войны были столь общими, а туземцы изначально совершали грехи, а люди были столь алчными в присвоении чужих царств. Они хотят говорить это, дабы, так как некий другой народ их подчинил, сохранить репутацию [restasse con credito], говоря, что он предсказал им это, и так оно и случилось; и ему поклонялись как богу, и сделали его истинным царем; ибо они считали несомненным, что он ушел в небеса, и он — та звезда, которую видно при заходе солнца и первой |видно| при наступлении дня, являющаяся планетой Венерой, и так его изображали, как дальше будет видно.

[CR-10r]

[пустая страница].

[CR-10v]

Tlachihualtepetl



Questa dicono esser quella Torre che haviamo detto che hanno fatta in Chulula, la quale dicono li vecchij che fecero in questo modo, che d'un monte che è in Tlalmanalco, che dicevano, cocotl, hanno fatto mattoni quelli Indiani che foro con quel Capitano che scappò dal diluvio chiamato Xelua, et che da Tlalmanalco, fin a' Chulula erano Indiani, acciò che di mano in mano passasse il Coquetl, e mattoni, e così edificorno questa Torre che si diceva Tulan Chulula, la quale era tanto alta che pareva salir al Cielo, et essendo così contenti parendo loro haver luogo dove scappolar dal diluvio s'un altra volta venisse, et di donde poter salir in Cielo, cascò di là, uno Chalcuitl, che è una pietra preciosa, e la poste per terra; altri dicono, che il Chalcuitl era come uno rospo, et che fu questo che distrusse la Torre, ha represo quelli dicendo per che causa volevano salir in Cielo che bastava loro veder quel che è qua giù in terra, resta ancora hoggi di le base di questa torre come di sopra havemo detto, et ha di grosso 1800. piedi.

[надпись слева вверху страницы]
Тлачиуальтепетль [Tlachihualtepetl].

[текст под сценой]
Это, сказывают, именно та башня, о которой мы говорили, что она построена была в *Чолуле* [Chulula], которая, как говорят старики, была сделана вот как: из горы, что есть в *Тлальманалько* [Tlalmanalco], называвшейся *кокотль* [cocotl], те индейцы со своим полководцем, избежавшим потопа, по имени Шелуа [Xelua], изготовили кирпичи; и что от *Тламаналько* до *Чолулы* [Culula] стояли индейцы, дабы из рук в руки передавать *кокуэте* и кирпичи; и так они возвели эту башню, называвшуюся *Толан Чолула* [Tulan Culula], настолько высокую, что она казалась уходящей в небо. И, когда они были удовлетворены, так как им казалось, что у них есть место, где спастись от потопа, если он еще раз наступит, и откуда можно уйти на небо, упал там некий *чальчуитль* [Chalcuitl][453], являющийся драгоценным камнем, и его положили наземь. Другие говорят, что *чальчуитль* был как жаба, и что до тех пор, пока не разрушили башню, сдерживали тех, говоря, по какой причине они хотели уйти на небо, и что было им достаточно смотреть на то, что здесь на земле. Остается еще и в наше время основание этой башни, о которой выше нами было сказано, и он составляет по окружности[454] [ha di giro] 1800 футов.

[453] То есть зеленый жадеит.
[454] Ранее было сказано, что в ширину 1800 футов.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДОРОГА В ТЛАПАЛЛАН.
Исторические легенды науа.

Саагун о древнейших обитателях Мексики

(В. Н. Талах).

В современной науке принято различать собственно мифы и исторические легенды. В мифе действуют исключительно вымышленные персонажи, совершающие невозможные в природе деяния в некие неопределенные времена, когда мир выглядел совсем иначе, чем сейчас. В исторической легенде, напротив, участниками событий являются человеческие существа, подобные носителям данной традиции, их поступки, хоть и выходят за пределы обыденного, но, как правило, укладываются в рамки естественного порядка вещей[455]. Однако, такое разделение мифа и легенды для самих носителей мифоисторической традиции кажется если не сомнительным, то, по меньшей мере, спорным. В оригинальных текстах, например, в приводимых в этом издании «Легенде о Солнцах» и «Летописи Куаутитлана» события, условно относимые к мифологическим, непосредственно перетекают в события условно легендарно-исторические, а затем и в чисто исторические. Ту же схему изложения мы встречаем в иероглифических текстах классических майя, например, на рельефах из «Храма XIX» и «Храма Креста» в Паленке, «Большой иероглифической лестнице» из Копана, «Алтаре 1» из Наранхо и проч., в эпосе горных майя «Пополь-Вух» и в «Летописи какчикелей».

Сосуществование и взаимопереплетение мифа и исторической легенды в одном тексте вытекает, как кажется, в первую очередь из их сущностного сходства и родства, состоящего в том, что историческая легенда, как и миф, является способом объяснения и обоснования определённых явлений и сторон актуального бытия. Ю. В. Кнорозов пишет об этом: «Традиционная легендарная история часто (а фактически всегда) не соответствует действительной истории. Поэтому критика легендарной истории с позиций действительной истории лишена смысла. Изучение действительной истории, бесспорно, — основная цель исследователя, но она не будет достигнута без знания легендарной истории, которая отражает не столько реальные исторические факты, сколько идеологические установки, также бывшие реальным историческим фактом, требующим не опровержения (что довольно просто), а объяснения»[456].

В связи с этим напрасно искать в исторической легенде полного, точного и достоверного отражения событий прошлого sine ira et studio; она

---

[455] См.: Топоров В.Н. История и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. 1. А-К. — М.:1991. — С. 572–573.

[456] Кнорозов Ю. В. Этногенетические процессы в древней Америке // Проблемы истории и этнографии Америки. — М.: 1979. — С. 137.

включала в себя только то, что способствовало обслуживаемым ею идеологическим установкам, и только так, чтобы оно отвечало им.

Исторические легенды индейцев Центральной Мексики, записанные в XVI–XVII веках — это часть идеологии господствовавших там на момент прихода испанцев народов науа, в первую очередь — мешиков-теночков (астеков). Одной из её главных целей было обоснование и оправдание владычества астеков в Мексике преемственностью между ними (на самом деле весьма недавними пришельцами в Мексиканскую долину) и народами, издревле доминировавшими там в политическом и культурном отношении. Таких народов-предшественников, соотносимых каждый с одной из предыдущих мировых эпох, традиция поздних науа из Тескоко согласно Ф. де Альва Иштлильшочитлю называет три: великаны кинаметин, ольмеки и шикаланки (называются они двумя разными названиями, но появляются одновременно и действуют заодно), тольтеки[457]. У Б. де Саагуна, излагающего более упрощенную и прямолинейную традицию имперского Теночтитлана, великаны-кинаметин как исторический этап пропущены, а ольмеки и шикаланки отдельно не упоминаются, будучи растворенными среди неких безымянных первопоселенцев, прибывших в Мексику одновременно с тольтеками. Зато последние, «люди из Тростниковья», и их столица Толлан, «Место Тростников»[458], занимают в исторических мифах науа центральное место в качестве народа-предка. Отчасти это может объясняться тем, что они действительно были первым науаязычным народом, создавшим городскую цивилизацию и государство. Отчасти особое внимание к тольтекам определялось тесным связями между мешиками-астеками и городом Кольуаканом (Колоаканом), население которого считало себя прямыми потомками тольтеков: поселившись на некоторое время в землях Кольуакана, мешики восприняли многие черты культуры, а возможно, и язык его жителей; из Кольуакана вёл своё происхождение род правителей Теночтитлана. В одном из поздних вариантов астекской исторической легенды мешики вовсе бесцеремонно объявляют себя частью тольтеков, будто бы ушедших после падения Толлана в северные земли, а затем вернувшихся назад[459].

Несмотря на очевидную тенденциозность, замалчивание всего нежелательного и намеренное искажение прошлого, исторические легенды науа оказываются единственным повествовательным источником, освещающим доастекскую историю Мексики. Однако, при их использовании неизбежно возникает вопрос о соотношении содержащихся в них сведений с объективными данными материальной культуры, выявленными археологическими исследованиями.

457 Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. — С. 32, 35.

458 Науа *tollin*, «тростник», «тростниковый стебель», «заросли тростника». Приводимое Саагуном значение слова *toltec* — «искусный ремесленник», несомненно, вторично.

459 Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. — С. 59.

Вымышленность великанов-кинаметин сомнений не вызывает, легенда о них очевидно появилась в качестве объяснения находок ископаемых останков гигантских размеров (см. сообщение «Кодекса Риос» в настоящем издании), принадлежавших на самом деле вымершим животным.

Сообщения об ольмеках и шикаланках, обосновавшихся в Тамоанчане, долгое время также рассматривались как если не чисто мифические, то достаточно неопределенные. Однако есть все основания поддержать мнение, высказанное ещё в 1927 г. Германном Бейером[460], что в качестве «ольмеков» в исторических легендах выступают создатели первой цивилизации Месоамерики, существовавшей примерно в 1500–100 гг. до н.э. и называемой ныне цивилизацией «археологических ольмеков». Легендарные сведения о них достаточно скудны, тем не менее, в значительной степени подтверждаются данными археологии. Речь идет, в частности, о местонахождении центра этой цивилизации, называемого Тамоанчан или Тлапаллан, на южном побережье Мексиканского залива, в современных мексиканских штатах Веракрус и Табаско (там расположены главные центры «археологических ольмеков», городища Ла-Вента, Сан-Лоренсо и Трес-Сапотес), о происхождении из Тамоанчана единого месоамериканского календаря, использующего 260-дневный цикл и 365-дневный год[461], о влиянии «археологических ольмеков» на Центральную Мексику[462]. Интригующие сообщения о прибытии ольмеков и шикаланков в Мексику по морю, по мнению Ю. В. Кнорозова также имеют реальную основу: «Мексиканские легенды, выводящие предков с севера, имеют определенное историческое основание. В связи с климатическими изменениями в бассейне Миссисипи некоторые племена (как это случалось и позже) покинули прародину и двинулись на юг, в Мексику, где сумели стать во главе возникавших городов-государств»[463]; «по-видимому, какое-то племя действительно приплыло с севера вдоль берега Мексиканского залива и обосновалось в Тамоанчане, где определённое время было гегемоном, в связи с чем именно его легенды стали официальной версией. Из этого, конечно, не следует, что вместе с этим племенем прибыли все ольмеки или майя»[464].

Что касается достоверности сведений о центральных персонажах мексиканских исторических легенд — тольтеках — и их соответствия данным археологии, то эти вопросы уже более столетия являются предметом споров. Французский исследователь XIX в. Дезирэ Шарнэ, который первым осуществил раскопки в Туле-де-Альенде, штат Идальго, пришёл к выводу,

---

[460] Beyer H. Bibliografía: Tribes and Temples // El México antigüo. Vol. 2, No 11–12. — México: 1927. — P. 305–313.

[461] См.: Кнорозов Ю.В. Заметки о календаре майя: монумент Е в Трес-Сапотес // Латинская Америка: 1973, № 6. — С. 81–90; Soustelle J. Les Olmèques. La plus ancienne civilization du Méxique. — Paris: 1979. — P. 160–164.

[462] Soustelle J. Op. cit. — P. 87–101.

[463] Кнорозов Ю.В., Ершова Г.Г. Легенды о происхождении майя (миф и природная среда) // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. — М.: 1988. — С. 253.

[464] Кнорозов Ю. В. Этногенетические процессы в древней Америке. — С. 141.

что это и был Толлан-Шикокотитлан, столица империи тольтеков, существовавшей в VIII–XII веках. Он же на основании сравнения архитектуры Тулы и юкатанской Чичен-Ицы предположил, что в X веке группа тольтеков, связываемая в исторических легендах с Кецалькоатлем-К'ук'ульканом, завоевала северный Юкатан и установила там своё господство, продолжавшееся до конца XII века[465]. Мнение Шарнэ вскоре оспорил североамериканец Дэниэл Г. Бринтон, считавший, что нет никаких признаков особого влияния Толлана в Центральной Мексике, что это был один из многих городов-государств, особая роль которого является плодом «поэтических фантазий»[466]. Между тем, развернувшиеся с начала XX в. раскопки в Теотиуакане обнаружили, что эта грандиозная метрополия в гораздо большей степени соответствует гиперболизированным описаниям Толлана из астекских легенд, чем достаточно скромная Тула. К концу 1930-х гг. другой исследователь из США, Джордж К. Вайян, соглашаясь с идеей существования в VIII–XII вв. «империи тольтеков», отстаивал точку зрения, что её столицей, легендарным Толланом, являлся именно Теотиуакан[467]. Но, уже в следующем десятилетии подход Дж Вайяна был пересмотрен мексиканцами Хорхе Акостой, Педро Армильясом и Вигберто Хименесом Морено, которые вернулись к отождествлению Толлана-Шикокотитлана с Тулой-де-Альенде и связали тольтеков исторических легенд с носителями археологической культуры Толлан-Масапан [Tollan-Mazapan], распространенной в восточной части Мексиканской долины в постклассический период[468]. Это представление о тольтеках преобладало в течение последующего полустолетия, отраженное, в частности, в работах Мигеля Леона Портильи, Найджела Дейвиса, Давида Карраско, Роберта Диля, Генри Никольсона[469].

Впрочем, и в рамках этой концепции ряд вопросов остаётся спорным, в частности, определение нижней хронологической границы культуры Толлан–Масапан. Традиционная (так называемая «короткая») хронология, предложенная в свое время Х. Акостой, относит строительство крупных

---

[465] Charnay D. La Civilisation Toltèque // Révue d'Ethnographie, IV. — Paris: 1885.

[466] Brinton D. H.Were the Toltecs an Historic Nationality? // Proceedings of the American Philosophical Society: 24 (126), 1887. — P. 229–241.

[467] Vaillant G. C. A Correlation of archaeological and historical sequences in the Valley of Mexico // American Anthropologist. Menasha: Vol. 40, No 4, pt.1, 1938. — P. 539–544; Idem. Aztecs of Mexico: Origin, Rise and Fall of the Aztec Nation. — Doubleday Doran, Garden City: 1941 (русский перевод: Вайян Дж. История ацтеков. — М.: 1949).

[468] Acosta J. R. Resumen de los informes de las exploraciones arqueológicas en Tula, Hgo., durante las VI, VII Y VIII temporadas. 1946-1950 // Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia, correspondientes a 1954: Tomo VIII, n. 37 de la colección, México: 1956; Armillas P. Teotihuacán, Tula y los toltecas. Las culturas post-arcaicas y pre-aztecas de centro de México. Excavaciones y estudios, 1922–1950 // Runa III, Instituto de Antropología, Universidad de Buenos Aires: Buenos Aires, 1950. — P. 37–70; Moreno Jiménez W. Mesoamerica durante la época pre-tolteca // Esplendor del México Antigüo. T. 2. — México: 1959.

[469] См.: León-Portilla M. Los antiguos mexicanos a través de sus crónicas y cantares. — México: 1961; Davies N. The Toltecs: Until the Fall of Tula. Civilization of the American Indian series, Vol. 153. Norman: 1977 ; Idem. The Toltec Heritage: From the Fall of Tula to the Rise of Tenochtitlan. Civilization of the American Indian series, Vol. 153. Norman: 1980; Carrasco D. Quetzalcoatl and the Irony of Empire: Myths and Prophecies in the Aztec Tradition. — Chicago: 1982; Diehl R.A. Tula: The Toltec Capital of Ancient Mexico. — New York: 1983; Nicholson H. B. Topiltzin Quetzalcoatl: The Once and Future Lord of the Toltecs. Boulder: 2001.

каменных сооружений в Туле к 900–1150 гг. Но в таком случае неясно, с какими археологическими памятниками следует связать фигурирующих в письменных источниках тольтеков VIII–IX вв. В свою очередь, Джордж Коугилл передатировал археологическую культуру Толлан-Масапан 800–1000 годами, а Освальдо Стерпоне относит начало монументального строительства в Туле к 700 г.[470]

Существенной критике традиционный исторический взгляд на тольтеков стал подвергаться с 1990-х гг. Лоретта Сежурне и Энрико Флорескано высказали точку зрения, что название «Тростниковье» («Толлан») имело в Месоамерике не столько характер индивидуального топонима, сколько обобщенного понятия «столица», «культурная и политическая метрополия», и в таком качестве прилагалось к разным городам, причём, первичным «Тростниковьем» был, по всей видимости, всё-таки Теотиуакан[471]. Дополнительную поддержку это мнение получило со стороны Д. Стюарта, установившего, что на памятниках классических майя знак «*Пу*», «Тростники» употребляется «в качестве топонима, прямо ассоциируемого в каждом случае с символизмом, происходящим из Теотиуакана»[472], причем в период, предшествующий времени существования Тулы-де-Альенде по археологическим данным. Еще больше картину усложняет запись на стеле 8 из Сейбаля о том, что некий «священный владыка Тростников, господин двадцати горных селений», посетил этот город в 849 году, когда Теотиуакан уже не существовал, но и Тула, если придерживаться «короткой» хронологии, еще не стала столицей. Следовательно, в IX веке существовал некий иной политический центр, называвшийся «Тростниковьем», достаточно могущественный, чтобы вмешиваться в дела гватемальского Петена.

В 1998 г. Л. Шиле и П. Мэтьюз поставили под сомнение присутствие тольтеков в Чичен-Ице, полагая, что её «тольтекские» памятники хронологически предшествовали сооружениям Тулы, и что сходство архитектурного и художественного стиля обоих городов коренится в торговых связях и культурных взаимовлияниях Юкатана и Центральной Мексики[473].

Наконец, Сьюзен Гиллспи и Майкл Граулич выдвинули идею, что тольтеков исторических легенд вообще нельзя рассматривать как реально существовавший этнос, что это собирательное название всякого культурного населения четвертой мировой эпохи, художников, ремесленников,

[470] Cowgill G. L. The Central Mexican Highlands from the Rise of Teotihuacan to the Decline of Tula. The Cambridge History of the Native Peoples of the Americas, vol. 2. Mesoamerica, part I. — New York. 2000. — P. 295–296; Sterpone O. J. La quimera de Tula. Boletín de Antropología Americana 37: 2000–2001. — P. 141–204.

[471] Séjournée L. Teotihuacan, capital de los Toltecas. México: 1994; Florescano E. El mito de Quetzalcóatl. — México:1995; Idem. Quetzalcóatl y los mitos fundadores de Mesoamérica. — México: 2004.

[472] Stuart D. “The Arrival of Strangers”: Teotihuacan and Tollan // Mesoamerica’s Classic Heritage. Eds. D. Carrasco, L. Jones and S. Sessions. — Boulder: 2000. — P. 467.

[473] Schele L., Mathews P. The Code of Kings: the Language of Seven Sacred Maya Temples and Tombs. — New York: 1998. — P. 198–200.

строителей, в целом жителей городов, в противоположность диким кочевникам чичимекам. Соответственно, всякий крупный городской центр Месоамерики мог быть назван Толланом, а его жители — тольтеками[474].

Однако, полное «растворение» тольтеков в мифотворчестве кажется необоснованным. Хотя область распространения и влияния археологической культуры Толлан — Масапан оказывается существенно меньшей, чем у более раннего Теотиуакана и более позднего Теночтитлана, само её 200–300-летнее существование — неоспоримый факт, который никоим образом не опровергают различия в датировках появления и разрушения относимых к ней памятников. Сама Тула-де-Альенде, занимавшая в пору расцвета около 16 квадратных километров, по площади (и, соответственно, по численности населения) уступала Теотиуакану только в 1,8 раза, и в X–XI вв. являлась крупнейшим городским центром Месоамерики, непосредственное влияние которого распространялось на восточную часть Мексиканской долины, Хуастеку и прилегающую часть побережья Мексиканского залива.

Точно также объективным фактом является присутствие науаязычного населения в Табаско, равно как в Гватемале и Сальвадоре; причём, особенности языка этих народов указывают, что они появились в Центральной Америке до прихода в Мексиканскую долину предков ацтеков, поэтому обоснованнее всего связать их с тольтекскими миграциями. Не в меньшей степени объективно сильное науатланское влияние на антропонимику и топонимику Горной Гватемалы, подтверждающее сведения исторических легенд киче и какчикелей о происхождении предков их знати «из Тулана».

Что касается Юкатана, то хронологические выкладки Л. Шиле и П. Мэтьюза, на которых главным образом основывается их категорическое несогласие с традиционными взглядами, оказываются не вполне точными. Сооружение в Чичен-Ице с типично «тольтекоидными» чертами архитектуры — так называемая «Гробница Верховного жреца» («Оссуарий»), — надпись в котором они датировали 842 годом, на самом деле имеет дату, соответствующую 998 г.[475] Даже в соответствии с «короткой» хронологией Тулы-де-Альенде монументальное строительство в ней началось между 900 и 950 гг., а полвека — срок вполне достаточный, чтобы какие-то группы выходцев из неё достигли северного Юкатана. При этом, помимо памятников архитектуры и изобразительного искусства Чичен-Ицы есть и другие признаки центральномексиканского влияния на северном Юкатане X–XI вв. В разделе Дрезденской иероглифической рукописи, посвященном движению планеты Венера, который, судя по соответствию приведённых в нём дат

---

[474] Graulich M. Los reyes de Tollan // Revista Española de Antropología Americana: 32, 2002. — P. 87–114; Gillespie S. D. Toltecs, Tula, and Chichen Itza: The Development of an Archaeological Myth // Twin Tollans: Chichen Itza, Tula, and the Epiclassic to Early Postclassic Mesoamerican World, ed. by C. Kristan-Graham and J. K. Kowalski. — Washington, DC: 2007 — P. 84–127.

[475] См.: Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. — М.-Л.:1963. — Сс.27, 635; Graña-Behrens D., Prager Ch., Wagner E. The Hieroglyphic Inscription of the “High Priest’s Grave” at Chichen Itza, Yucatan, Mexico // Mexicon: 21 (3), 1999. — P. 61–66.

астрономическим явлениям был составлен в X или XI веке[476], содержатся науатланские имена богов Какатуналь [ca-ca-tu-na-la], Тавискаль [ta-wi-si-ka-la] и Шивтель [CHAK-xi-wi-te-le], соответствующие Акатоналю, Тлауицкальпантекутли и Шиутекутли. В другом разделе той же рукописи (стр. 60, b) текст, посвященный событиям «двадцатилетия» 11 Ахав (1027–1047 гг.) сопровождает батальную сцену, где фигурирует персонаж с чертами центральномексиканского бога Тлалока, восседающий на пиктограмме «Кецалькоа-тенамитл», «Город Кецалькоатля»[477]; сам текст говорит о смертях, бедствиях и неких «потрясениях в селениях» (yu-ku-la KAB-CH'EEN). Наконец, сцены битв на золотом диске из «Священного колодца» и фресках «Верхнего Храма Ягуара» в Чичен-Ице воспроизводят ожесточенные столкновения воинов в тольтекском убранстве с воинами майя. Правда, тольтеки напрочь отсутствуют в исторических хрониках ица из книг «Чилам Балам» из Мани, Тисимина и Чумайеля, часто упоминающих Чичен-Ицу. Но из этого следует только, что тольтеки и ица были разными народами, каждый с особой исторической традицией, и в книгах «Чилам Балам» представлена именно традиция ица, сменивших тольтеков и согласно правилам исторических легенд, умалчивавших в своих преданиях о предшественниках.

В свете изложенного, обе точки зрения, и традиционная историческая, и чисто «мифологическая» представляются крайностями. Скорее всего, «империи тольтеков», действительно не существовало, а политическая идея «Тростниковья» как метрополии, претендующей на господство в Мексиканской долине, восходила к Теотиуакану. Однако это не основание отрицать существование в IX–XI или в X–XII веках государства науаязычного народа с центром в Толланцинко, а затем в Толлане-Шикокотитлане, занимавшего, по меньшей мере, северо-восток долины Мехико. Точно также, вероятно, нет оснований говорить о двухсотлетнем владычестве тольтеков на северном Юкатане, но какие-то группы тольтекского происхождения политически доминировали в Чичеен-Ице примерно с конца 960-х и до конца 1040-х годов. Соответственно, нельзя рассматривать исторические легенды науа как плод чистого воображения (гиперкритическое отношение пережили эпосы практически всех народов мира, начиная от «Илиады» и заканчивая былинами киевского цикла), но и установление на их основе исторической действительности остается крайне сложной задачей.

Перевод фрагментов главы 29 книги X «Всеобщей истории» Б. де Саагуна выполнен В. Н. Талахом на основе издания:

[476] Начальные даты циклов, указывающих утренние (гелиакальные) восходы Венеры, совпадают с фактическими датами таких восходов в 934 и 1038 гг.

[477] Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. — Л.: 1975. — С.48–49.

Bernardino de Sahagún. Historia General de las cosas de Nueva España. Vol. III. — México: Imprenta del Ciudadano Alejandro Valdés, calle de Santo Domingo y esquina de Tacaba, 1830. — P. 106–114, 132–133, 136–137, 138–147,

с учетом электронного издания:

Bernardino de Sahagún. Historia General de las cosas de Nueva España. Tomo II. // www.artehistoria.jcyl.es/cronocas/autores/contextos/11501.htm.

Бернардино де Саагун. Всеобщая история событий в Новой Испании. Отрывки.

***Книга десятая*.**

Глава 29
В этой главе 29 речь идет обо всех народностях, которые приходили в эту землю, чтобы заселить её

В этом параграфе речь идёт о толанцах [tulanos], о тольтеках, первопоселенцах этой земли, которые были подобны троянцам

Рисунок 62. «Уапалькалько» в Толлансинко.

В первую очередь тольтеки [tultecas], которых на романском языке[478] можно назвать «совершенные ремесленники» [oficiales primos], согласно тому, что рассказывают, были первыми, пришедшими в эти места, называемые землями Мешико или землями чичимеков. И сначала они прожили многие годы в селении Толанцинко [Tulantzinco][479], в свидетельство чего оставили там множество древностей, и один «ку», который называют по-индейски *уапалькалли* [uapalcalli]», каковой находится там до настоящего времени, и так как он сложен из камней и глыб, простоял столько времени. И оттуда они направились заселить берег одной реки у селения Шикокотитлан [Xicocotitlan], который сегодня имеет название Толла [Tolla]; и о том, что они

[478] То есть, по-испански.
[479] Современный город Тулансинго-де-Браво [Tulancingo de Bravo] в мексиканском штате Идальго.

вместе обитали и жили там многие годы имеются в качестве признаков многие творения [obras], которые они там создали, среди которых они оставили одно творение, которое находится там, и сегодня ещё его видно, хотя его и не закончили, которое называют *коатлакецалли* [coatlaquetzalli], что представляет собой некие столбы в форме змеи, имеющие голову на земле в качестве основания, а её хвост и погремушки находятся вверху. Они оставили также некую гору или холм, которую упомянутые тольтеки начали возводить и не закончили, и древние строения своих домов, и известковый раствор на них виден до настоящего времени. И находят также в настоящее время их вещи, искусно сделанные, а именно: куски горшков и глиняных изделий, и сосуды, и чаши, и горшки, и извлекают из-под земли драгоценности и самоцветы, изумруды и отличную бирюзу.

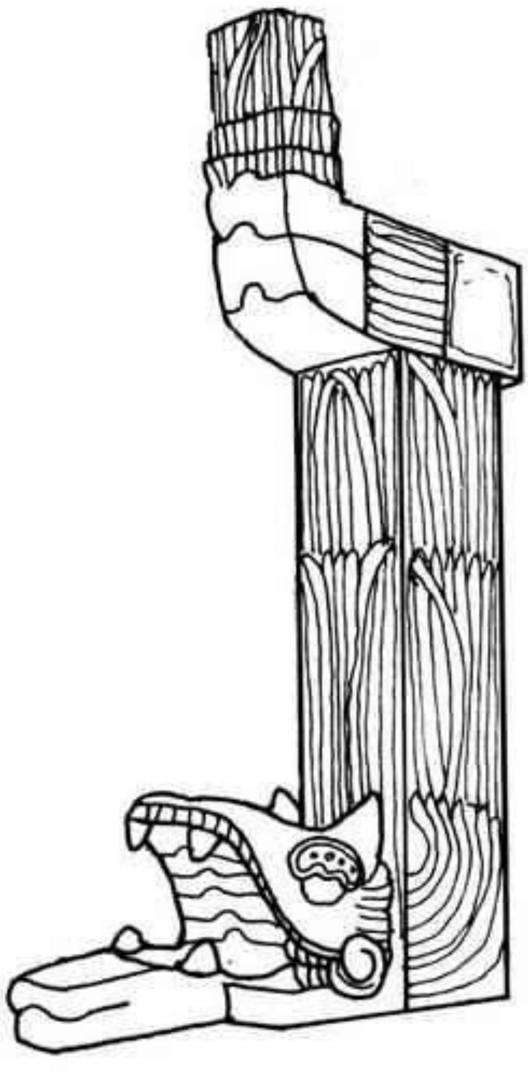


Рисунок 63. Коатлакецалли. Чичен-Ица, «Храм воинов» (прорисовка Л. Шиле).

Эти упомянутые тольтеки все называли себя чичимеками, и не имели другого особого имени, кроме того, какое получили за тщательность и совершенство в работах, кои исполняли, отчего назывались «тольтеки», что

тоже самое, как если бы говорили «тщательные и искусные мастера», как сегодня о фламандцах. И справедливости ради |следует сказать|, что так как они были тщательны и искусны относительно всего, что попадало им в руки, всё было очень хорошим, достопримечательным и красивым, как их дома, каковые они строили очень достопримечательными, внутри весьма украшенные определенного сорта ярко-зелеными самоцветами в качестве штукатурки, а другие, которые не были так украшены, имели прекрасно отполированную штукатурку, какую только можно было видеть, а камни, из которых они были сделаны, так хорошо обработаны и прикреплены, что казались мозаикой. И по справедливости они назывались домами старательных и искусных мастеров, так как имели такую привлекательность от старательности и труда.

Рисунок 64. «Пирамида С» в Туле.

У них был также храм их жреца, называвшегося Кецалькоатлем [Quetzalcoatl], гораздо более красивый и драгоценный, чем их собственные дома. И он имел четыре чертога: один располагался к востоку и был из золота, и его называли Золотым чертогом или домом, потому что вместо штукатурки он имел золотые пластинки, весьма мастерски вставленные; а другой чертог располагался к западу, и его называли Чертогом изумрудов и бирюзы, потому что внутри он имел великолепные украшения изо всякого рода самоцветов, как мозаика, вызывавшие большое восхищение; и еще один чертог располагался на полуденной стороне, который называли южным, и он был из разнообразных морских раковин, а вместо штукатурки имел серебро, а раковины, из которых были сделаны стены, были так тщательно вставлены,

что между ними не было заметно просвета; и четвертый чертог был на севере, и этот чертог был из красного камня, и яшмы, и раковин, очень нарядный[480].

И также имелся другой дом, работа из перьев, в котором внутри вместо штукатурки были перья. И имел четыре других чертога: и один находился к востоку, и там были богатые перья желтого цвета, которые были вместо штукатурки, и там был всякий род тончайших желтых перьев; а другой чертог, находившийся к западу, назывался Чертогом плюмажей, и он имел вместо штукатурки всякое роскошнейшее перо, называемое *шиутототль* [xiuhtótotl], перо птицы чистейшего лазурного цвета, и все оно было очень тщательно вставлено и прикреплено к плащам и сетям на стенах, подобно коврам, из-за чего его называли *кецалькалли* [quetzalcalli], что означает «Чертог ценных перьев»; и другой чертог, который располагался на юге и его называли Домом белого пера, потому что внутри он весь был из белых перьев, на манер плюмажей [penachos], и имел всякий род белых перьев; и другой чертог, который располагался к северу, и его называли Чертогом алого пера, от всякого рода птиц с драгоценным оперением, покрывавшего его внутри. И кроме этих упомянутых домов они построили многие другие, очень достопримечательные и больших достоинств.

Дом или молельня упомянутого Кецалькоатля находился посреди большой реки, протекавшей там через селение Толла, и там упомянутый Кецалькоатль имел свою купальню, и её называли *чальчиуапан* [chalchiuhapan][481]. Там были многочисленные дома, построенные под землей, где остались многие вещи, спрятанные упомянутыми тольтеками, и не только в селении Толлан и Шикокотитлан находят творения столь достопримечательные и искусные, которые они создали, как старинные сооружения, так и другие вещи, и т.д., но во всех частях Новой Испании, где встречаются их творения, как горшки, так и осколки глиняных черепков всякого назначения, и детские игрушки, и украшения, и многие другие сделанные ими вещи, и причина этого в том, что почти повсеместно рассеялись упомянутые тольтеки.

Те, кто были *амантеками* [amantecas], то есть теми, кто изготовлял изделия из перьев, были очень изобретательными и совершенными в том, что делали, и настолько, что это они были создателями искусства изготовлять изделия из перьев, потому что делали круглые щиты из перьев и другие отличительные знаки, называвшиеся *апанекайотль* [apanecáyotl], и все прочее, что в старину использовалось, было их изобретением, выполненным так, что вызывает изумление и с великим искусством, из ценных перьев. И чтобы сделать их красивыми, прежде чем они появлялись на свет, их

---

[480] Отделка чертогов связана с цветовой символикой сторон света у науа: восток — жёлтый, юг — белый, запад — синий, север — красный.

[481] «Жадеитовый водоём».

размечали и примеряли, и, наконец, изготовляли их со всей изобретательностью и совершенством.

Имели также огромнейший опыт и знания упомянутые тольтеки, которые были знакомы и знали качества и достоинства трав, так что разбирались, какие были полезными, а какие ядовитыми и смертоносными, и те, которые были простыми. И вследствие огромного опыта, который они имели о них, оставили отмеченными и известными те, которые и сегодня используются для лечения, потому что также были целителями, и особенно первенствующие в этом искусстве, которых звали Ошомоко [Oxomoco], Сипактональ [Cipactónal], Тлальтетекуин [Tlaltetecuin], Шочикаоака [Xochicaoaca], каковые были такими великими знатоками трав, что они были первыми изобретателями врачевания и даже первыми врачами-травниками[482]. И они же, вследствие своих великих познаний, нашли и открыли драгоценные камни и первыми использовали их, как например изумруды, и тонкую бирюзу, и тонкий лазоревый камень, и всякий род самоцветов.

И были столь велики познания, которые они имели о камнях, что, хотя бы те были внутри какого-нибудь большого камня и под землей, своей природной сообразительностью и философией его находили, и знали, где их следует находить, следующим образом: вставали очень рано утром и поднимались на высокое место, повернув лицо в сторону восхода Солнца, и когда оно восходило, с величайшим старанием смотрели и наблюдали за разными местами, чтобы увидеть, где и в каком месте под землей находился или имелся драгоценный камень. И искали его главным образом в том месте, где земля была мокрой или влажной, и, когда заканчивался восход Солнца, а особенно когда он начинался, курился легкий дымок, почти как одна струйка тонкого дыма, поднимавшегося ввысь, и там находили такой драгоценный камень под землей, или внутри какого-нибудь камня, откуда, как видели, выходил такой дымок.

Именно они нашли и обнаружили месторождение драгоценных камней, которые в Мешико называются *шиуитль*[483] [xíuitl], являющихся бирюзой, которое, согласно древним, является большим холмом, находящимся в направлении селения Тепоцтлан [Teputzotlan][484], который имеет название Шиуцоне [Xiuhtzone] и после того, как их добывали, их несли промывать в одном ручье, называемом Атойак [Atóyac]. И так там их очень хорошо промывали и очищали, по этой причине этот ручей назвали Шиппакойан [Xippacoyan], и в настоящее время этим именем называется само селение, которое там населено, недалеко от селения Толла.

---

[482] Что примечательно, в X-XI книгах Флорентийского кодекса, посвященным медицине астеков, не упоминаются древние лекари (Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X-XI: Познания астеков в медицине и ботанике). В свою очередь, этот список указывает на наличие каких-то неизвестных устных преданий или письменных трактатов доколумбового периода.

[483] Возможно, здесь ошибка писаря, так как «шиуитль» — это либо просто все виды растений либо лекарственные растения, яды.

[484] Тепоцотлан, Тепостлан — селение к северо-западу от озера Тескоко.

И были столь изобретательны упомянутые тольтеки, что овладели почти всеми ремеслами, и во всех их были единственными и первыми мастерами, ибо были художниками, каменотесами, плотниками, каменщиками, штукатурами, мастерами по перу, гончарами, прядильщиками и ткачами. И также именно они, так как были многознающими, благодаря своей сообразительности открыли и научились добывать упомянутые драгоценные камни, и их качества и достоинства, и также месторождения серебра и золота, и металлов меди и свинца, и пирита [oropel natural], и олова, и других металлов, и всё это они добывали, обрабатывали, и остались признаки и память об этом, и то же самое относительно янтаря и хрусталя, и камней, называемых аметистами, и жемчужин, и всякого их рода, и всего прочего, что носили в качестве украшений, и что сегодня используют и носят как в качестве чёток, так и как украшения, а что касается некоторых из них, то их польза и употребление забыты и утрачены.

Рисунок 65. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И были упомянутые тольтеки так искусны в естественной астрологии [astrología natural], что они были первыми, кто имел счёт и установил его из дней, которые имеет год, и ночей, и их часов, и различие времен года, и они ведали и знали очень хорошо те |дни|, которые были благоприятными [sanos] и те, которые были вредоносными, и они объединили их по двадцать фигур или знаков [figuras o caracteres][485]. И они также изобрели искусство толкования снов. И были такими сведущими и мудрыми, что познали звезды небес, и дали им имена, и знали их влияние и качества, и знали движение

[485] Имеются в виду двадцатидневные месяцы, из которых состоял год науа. Более детально астрология представлена в книге V Флорентийского кодекса (Саагун Б. де. Обычаи и верования / Бернардино де Саагун, пер. с исп. С. А. Куприенко // Kuprienko — научное издательство: книги, статьи, публикации. — Киев, 2006. — Режим доступа: http://kuprienko.info/fray-bernardino-de-sahagun-creencias-y-costumbres/. — Название с экрана.)

небес, а также звёзд. И также знали, и понимали, и говорили, что было двенадцать сфер [doze ciclos], где на наивысшей пребывал великий владыка и его жена; великого владыку называли Ометекутли [Ometecutli], что означает «дважды владыка», а его спутницу звали Омесиоатль [Omecíoatl], что означает «дважды госпожа», и эти двое так назывались, чтобы обозначить, что они вдвоём владычествовали над двенадцатью небесами и над землёй, и говорили, что от того великого владыки зависело бытие [el ser] всех вещей, и что по его приказу оттуда приходят божественное вдохновение [influencia][486] и тепло [calor][487], из-за которых зарождаются мальчики и девочки в чревах матерей.

Рисунок 66. Кецалькоатль. Британский музей.

И эти упомянутые тольтеки были добрыми людьми, и склонными к добродетели, ибо не лгали, и их способ говорить и приветствовать друг друга

[486] Здесь католический термин, означающий «милость или вдохновение, которые Бог ниспосылает душам».
[487] Вариант: «доброта».

был: «господин», и «господин старший брат», и «господин младший брат», и их выражениями вместо клятвы были: «воистину», и «так и есть», и «так я узнал», и |они говорили| «да» за «да», и «нет» за «нет». Их едой была та же пища, что и сегодня употребляется, маис, и они сеяли и возделывали как белый, так и маис других цветов, которым питались, и торговали им и использовали его в качестве денег. И их одеждой было платье или плащ, имевшие крючки [alacranes], раскрашенные в голубое, их обувью были сандалии, также раскрашенные в голубое, и такими же были их ремни.

Итак, они были высокими, с более крупным телом, чем живущие сейчас, и так как были такими высокими, быстро бегали и передвигались, из-за чего их называли *тланкуасемильуике* [tlancuacemilhuique], что означает «те, кто целый день бегают без устали».

Они были хорошими певцами, и когда пели или танцевали, использовали деревянные барабаны и погремушки, называемые *айакачтли* [ayacachtli], и они играли, и составляли, и заучивали на память достопримечательные песни.

Они были очень благочестивы и великие богомольцы [oradores]; поклонялись единственному владыке, которого считали богом, коего называли Кецалькоатль, чей жрец имел то же имя, и его тоже называли Кецалькоатль, каковой был очень благочестив и предан делам своего владыки и бога, и потому они очень чтили его между собой. И так все, что он повелевал, они делали и исполняли, и не отступали от этого, и он имел обычай многократно говорить им, что имеется единственный владыка и бог, который зовется Кецалькоатль, и что он желает только змей и бабочек, чтобы их ему жертвовали и давали во время жертвоприношений. И так как названные тольтеки во всем ему верили и подчинялись, и были не менее преданы божественным вещам, чем их жрец, и очень страшились своего бога и владыку, они были легко убеждены и склонены названным Кецалькоатлем к тому, чтобы уйти из города Толла. И так они ушли оттуда по его приказу, хотя уже обитали там долгое время и имели красиво сделанные и великолепные здания его храма и своих дворцов, построенные с выдающейся тщательностью в городе Толла, и во всех частях и местах, где они были рассеяны и поселены, и весьма укоренились там названные тольтеки, со многими богатствами, какие имели. В конце концов, они должны были уйти оттуда, оставив свои дома, свои земли, свое поселение и свои богатства, и так как не могли унести все с собой, многие оставили закопанными, и еще сейчас некоторые из них извлекают из-под земли, и некоторые не без восхищения от мастерства и работы. И так, веруя и подчиняясь тому, что названный Кецалькоатль им приказал, они повели вперед, хоть и с трудностями, своих жен, и детей, и больных, и стариков, и старух, и не было никого, кто не захотел бы ему подчиниться, ибо все изменились, когда он вышел из города Толла, чтобы идти в область, называемую Тлапаллан, где никогда не объявлялся более названный Кецалькоатль.

И эти названные тольтеки были латинянами в языке мешиков, каковые не являлись варварами, хоть и не говорили на нем так совершенно, как он сегодня употребляется, и когда разговаривали друг с другом, говорили: «господин», «господин старший брат», «господин младший брат».

Были они богаты, и, будучи решительными и способными, за короткое время своим усердием приобрели богатства, о которых говорили, что их даровал им их бог и владыка Кецалькоатль, и так говорилось между ними, что тот, кто за короткое время разбогател, был сыном Кецалькоатля.

Рисунок 67. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

И способ стричь волосы был, согласно тому, что по их обычаю являлось красивым, чтобы они носили волосы с середины головы назад, и носили на лобной части подстриженные как под гребенку. И они своим именем назывались чичимеками, и так назывались тольтеки чичимеки [tultecas chichimecas]. И не говорится здесь большего в общих чертах об их обычаях и образе жизни тех, кто первыми прибыл заселить эту землю, называемую Мешико.

И остается сказать еще немного об этих тольтеках, а именно: все, кто ясно говорит на языке мешиков, и кого называют науа [naoas], являются потомками упомянутых тольтеков, происходящими от тех, кто не смог идти

и следовать за Кецалькоатлем, так как были стариками и старухами, или больными, или роженицами, или теми, кто по своей воле остался.

Из «Параграфа 8: кто такие куэштеки [cuextecas], и тоуэйоме [toueyome], и пантеки [panteca] или панотеки [panotecas]»

Рисунок 68. Иллюстрация из Флорентийского кодекса.

Имя всех этих взято от области, которую называют Куэштлан, где те, кто населяет её, называются куэштека [cuexteca], если их много, а если один — куэштекатль [cuextécatl], а по другому — тоуэйоме [toueyome], когда их много, а когда один — тоуэйо [toueyo], и это имя значит «наш ближний». И тех же самых называют пантека [panteca] или панотека [panoteca], что означает «люди из места, которое проходят [«hombres del lugar pasajero»]», каковые были так названы, потому что жили в области Пануко [Pánuco], которая собственно называется Пантлан [Pantlan] или Панотлан [Panotlan], похоже на «паноайа» [panoaya], что означает, «место, по которому прошли», что находится на краю или побережье моря. И говорят, что причина, по которой ей дали название Паноайа в том, что будто бы первопоселенцы, пришедшие заселить эту землю Мешико, называемую ныне Западной Индией, прибыли в эту гавань на кораблях, на которых пересекли это море, и так как они прибыли туда и прошли оттуда, ей дали название Пантлан, а до того она называлась Панотлан, похоже на Паноайан, что означает, как уже сказано, «место, где прошли по морю»[488].

[488] Ф. де Альва Иштлильшочитль называет этих поселенцев ольмеками и шикаланками: «Теми, кто обладал этим Новым Светом в ту третью эпоху, были ольмеки [ulmecas] и шикаланки [xicalancas], и в их историях находим, что они прибыли на кораблях или лодках с востока в страну Потончан [Potonchan], откуда потом начали заселение её, и на берегах реки Атойак [Atoyac], которая протекает между Городом Ангелов и Чололой [Cholula], встретили некоторых великанов из тех, кто избежал бедствия и истребления во вторую эпоху; те, будучи народом крепким и уверенным в своих силах и телесном превосходстве, стали владычествовать над новыми поселенцами так, что подвергали их такому угнетению, будто те были их рабами, по причине чего вожди и знать искали способы, чтобы иметь возможность освободиться от этого рабства, и был некий пир, устроенный ими с большой пышностью, после, объевшихся и опьяненных, их прикончили и истребили их же оружием, и благодаря этому подвигу сделались свободными и

И в этом месте очень жарко, и очень хорошо произрастают все виды съедобных растений и многие плоды, которых здесь нет, как те, какие называют *кекешкик* [quequéxquic][489], и многие другие восхитительные плоды, и бататы. Имеется также всякого рода хлопок, и заросли цветов или роз, из-за чего её называют Тонакатлальпан [Tonacatlalpan], «Место пропитания», а по-другому — Шочитлальпан [Xuchitlalpan], «Место роз».

Параграф 10: ольмеки [olmecas], уиштоти [huixtoti] [490] *и миштеки [mixtecas]* [491]

Эти, называемые так, находились на восходе Солнца, и их называли также *тениме* [tenime][492], так как они говорили на варварском языке. И говорят, что они были тольтеки [tultecas], что означает: «совершенные мастера во всяком ремесле [oficiales en todos oficios primos] и хитроумные во всем», и что они потомки тех тольтеков, о которых упомянуто выше. И они очень богаты, так как их земли очень богаты, плодородны и изобильны, откуда они получают всякий вид пропитания в достатке. Там они получают много какао, и розу или ароматическую пряность, называемую *теонакастли* [teunacaztli][493], и другой вид какао, называемый *куаппатлачтли* [cuappatlachtli][494]; там получают также *олли* [olli][495], что является некой черной резиной одного дерева, называемого *олли*, и роза, называемая *йоллошочитль* [yolloxúchitl][496], и все прочие розы, которые очень ценятся. И

избавившимися от этого подчинения, и возросли их владычество и власть» (Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. — С. 32).

[489] Букв. «вызывающий зуд», неясно, о каком плоде идёт речь. Саагун так пишет об этом или схожих растениях: «Истак кекешкик. Это корень стебля. И его |водой| натирается та, что родила. Текекешкик. Он похож на сасалик, и это также лекарство для послеродового периода. Кекешкик.» (Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X-XI: Познания астеков в медицине и ботанике. — С. 101).

[490] *Уиштоти*, по другому — *пополока* («варвары»), астекское название народов мише-соке, проживающих в южной части современного штата Веракрус. Согласно распространенному мнению, к той же языковой группе относились создатели культуры «археологических ольмеков».

[491] *Миштеки* (букв. «народ страны облаков»), индейская народность, говорящая на языке макроотомангской группы. Проживают на территории современных мексиканских штатов Оахака, Герреро и Пуэбла.

[492] «Чужеземцы, варвары».

[493] Букв. «божьи ушки», «трава с красивыми желтыми цветами, очень душистая; используется чтобы придать аромат напитку из какао» (Саагун). Хирантодендрон (лат. Chiranthodendron) — род растений семейства Мальвовые (Malvaceae), включающий единственный вид — Хирантодендрон пятипалый (лат. Chiranthodendron pentadactylon).

[494] Т.е. светло-коричневый.

[495] Т.е. каучук, сок гевеи (Hevea sp.). В разделе о растениях Саагун пишет о гевее: «Есть другой вид деревьев, которые называют окоцокуауитль ошочиокоцокуауитль. Они высокие, толстые, и у них листья, как у ольхи. Из них течет смола. Из дерева делают курительные трубки, которые сосут. Есть другие деревья, которые называются олькуауитль, они большие, высокие и образуют большую крону. Оно похоже на почотль. Из этих деревьев течет та черная смола, которая называется олли. Отрывают его кору и оттуда выходит, течет улли. Эта смола, называющаяся олли, очень целебна, почти от всех болезней она полезна. Это лекарство для глаз, от гнойников и внутренних нагноений, а также его пьют с какао: это полезно для желудка, для кишок, от внутренних нагноений, от запора, когда он случается. Эта смола становится очень жесткой, из нее делают мячи для игр, и они прыгают сильнее, чем надувные мячи».

[496] “Цветок-сердечко», Talauma mexicana Don, растение семейства Магнолиевых (Magnoliaceae) с белыми цветами, имевшими многообразное медицинское и ритуальное употребление.

там родина [madre] птиц, у которых растут очень богатые перья, называемых *сакуан* [çacuan], *тлаукечоль* [tlauhquéchol], *шиутототль* [xiuhtótotl], и больших и малых попугаев, и птицы, называемой *кецальтототль* [quetzaltótotl]. И оттуда также приносят драгоценнейшие камни *чальчиуиты*, и бирюзу, и там также имеется много золота и серебра. Земля, определенно, плодороднейшая, отчего древние её называли Тлалокан [Tlalocan], что означает «земля богатств» или земной рай.

Наряд их был многообразным: одни носили плащи, другие нечто подобное курточкам, а другие набедренные повязки-маштлы, которыми покрывали свой срам. Их женщины были прекрасными ткачихами, очень старательными в изготовлении тканей, и причиной этому было то, что они были из такой хорошей и богатой земли. Они носили и использовали очень широкие золотые браслеты, и низки камней на запястьях, и ожерелья из камней на шеях, и золотые серьги; и носили также сандалии, как и мужчины, но те, какие носили мужчины, были красивее, использовали также сандалии, изготовленные из *олли*.

О них, так как они были богаты и им хватало всего необходимого, в древности говорили, что они были детьми Кецалькоатля, и так верили древние, что тот, кто был процветающим, богатым и удачливым, являлся знакомым и другом упомянутого Кецалькоатля. Носили также ни больше, ни меньше, как и другие, луки и стрелы, и топоры, чтобы защищаться от диких зверей, так жили в лесах. Многие из них там были науа или мешиками[497].

Параграф 12: о мешиках.

Это имя мешикатль [mexícatl] произносилось в древности меситли [mecitli], и состояло из «me», то есть «metl», для магея, и «citli», для зайца, и потому следует произносить «месикатль» [mecícatl], но когда в ней «с» изменилось на «ш», исказилось, и говорят «мешикатль» [mexícatl]. И причина этого имени, согласно тому, что рассказывают старики, в том, что когда мешики пришли в эти области, их вёл один вождь и владыка по имени Меситли [Mecitli], которого от рождения назвали «Ситли», «Заяц», и так как вместо колыбели его растили в большом мясистом листе магея, его в дальнейшем назвали «Меситли», как если бы сказали: «человек, выращенный в том мясистом листе магея».

И когда он уже был мужчиной, стал жрецом идолов, который непосредственно разговаривал с демоном, из-за чего его очень чтили,

[497] Речь идет о науаязычных народностях, обитавших в современном Табаско в районе Лагуна-де-Терминос.

уважали и подчинялись ему все его подданные, которые, приняв имя своего жреца, назвались *мешиками* [mexicas] или *месиками* [mecicas], согласно рассказам древних. А те являются пришельцами, потому что пришли из областей чичимеков, и то, что о них следует рассказать, следующее.

Рисунок 69. Гигантская каменная голова из Сан-Лоренсо.

Прошли бессчетные годы от того, как прибыли первые поселенцы в эти части Новой Испании, которая является почти другим миром. И, придя по морю на кораблях, они пристали в гавани на севере, и так как они там высадились, она называется Панутла [Panutla], почти Паноайа [Panoaya], «место, куда пришли те, кто прибыл по морю», и в настоящее время говорят, хоть и искаженно, Пантлан [Pantlan]. И от той гавани стали продвигаться по морскому побережью, смотря все время на заснеженные горы и вулканы, пока не пришли в область Куатимала [Cuatimala], ведомые своим жрецом,

который нес с собою их бога, с которым всегда советовался о том, что следует делать. И они пришли поселиться в Тамоанчан [Tamoanchan], где находились долгое время; и никогда не переставали быть у них мудрецы и прорицатели, которые назывались *амошоаке* [amoxoaque][498], что означает «мужи, сведущие в древних рисунках», каковые, хоть и пришли вместе, не остались с остальными в Тамоанчане, поскольку, оставив их там, вернулись погрузиться на корабли и забрали с собой все рисунки, принесенные с собой, об обрядах и механических ремеслах. И прежде, чем отбыли, сначала сделали им следующее разъяснение: «Знайте, что приказал наш владыка Бог, чтобы мы оставили вас в этих землях, в которых вы будете владыками, и он дает их вам во владение, и он возвращается туда, откуда пришел, и мы с ним. Но он уходит, чтобы вернуться, и возвратится посетить вас, когда наступит уже время конца мира; и тем временем вы будете в этих землях, ожидая его и владея этими землями и всеми вещами, в них содержащимися, ибо чтобы иметь их и обладать ими вы пришли сюда, и так оставайтесь в добрый час, а мы уходим с владыкою нашим богом». И так они отбыли со своим богом, которого несли завернутым в узел из плащей, и всегда он говорил и рассказывал им, что они должны делать. И они ушли на восток, забрав с собою все свои рисунки, в которых имели все сведения об их древностях и об их механических ремеслах. И из этих мудрецов остались только четверо с народом, который остался, каковых звали Ошомоко [Oxomoco], Сипактональ [Cipactónal], Тлальтекуи [Tlaltecui] и Шочикаоака [Xuchicaoaca][499], кои, после того, как ушли остальные мудрецы, там толковали о следующем, говоря: «Придет время, когда прольется свет для управления этим государством, но пока будет отсутствовать наш владыка бог, какой способ следует иметь, чтобы хорошо управлять людьми? и т.п.? Какой порядок будет во всем? Ведь мудрецы унесли свои рисунки, по которым они правили». Для чего они изобрели астрологию предсказаний [astrología judiciaria] и искусство толковать сны, составили счет дней и ночей, и часов, и различия времен года [diferencias de tiempos], которых придерживались, пока владычествовали и правили владыки тольтеков, мешиков, тепанеков и всех чичимеков[500]. И из этого рассказа нельзя узнать, что столько времени происходило в Тамоанчане, и знали об этом по рисункам, которые сожгли во времена владыки Мешико, каковоro звали Ицкоатль [Itzcoatl], в чьи времена владыки и знатные, которые тогда были, решили и приказали, чтобы их все сожгли,

[498] Букв. «люди бумаги», т.е. «книжники».

[499] Ранее они упомянуты как великие врачеватели древности.

[500] Об учреждении или реформе календаря в Тлапаллане сообщает также Ф. де Альва Иштлильшочитль: «В год 6097 от сотворения мира, который был Се-Текпатль, через 104 года после полного уничтожения филистимлян-кинамецин [Filisteos Quinametzin], когда вся земля была мирной, собрались все мудрецы-тольтеки, как астрологи, так и прочих искусств, в Уэуэ Тлапаллане [Huehue Tlapallan], главном городе их владения, где обсудили многие вещи, как о событиях и бедствиях, которые имели, и о движении небес после сотворения мира, так и о многих других вещах, и после того, как сгорели их истории, невозможно узнать и проведать большего о том, что там было написано, и среди этого они добавили високос, чтобы увязать солнечный год с равноденствием, и многие другие достопримечательные вещи, как будет видно в таблицах и правилах об их годах, месяцах, неделях и днях, знаках и планетах, в соответствии с тем, как они их понимали, и многих других достопримечательных вещах …» (Alva Ixtlilxochitl F. de. Obras completas. Vol. 1/ Ed. A. Chavero. — Mexico, 1891. — P. 14).

дабы они не попали в руки простонародья, и они не оказались бы в презрении.

Рисунок 70. «Кельт Кунца». Музей естественной истории, Нью-Йорк.

Из Тамоанчана они ходили совершать жертвоприношения в селение, называемое Теотиоакан [Teotioacan], где воздвигли в честь Солнца и Луны два холма. И в этом селении они выбирали тех, кто должен царствовать и других, отчего его называли Теотиоакан, что означает Уэйтиоакан [Ueytioacan], «Место, где делают владык». Там также хоронили владык и знатных, над чьими гробницами сооружали земляные курганы, которые сегодня все еще видно, и они похожи на небольшие рукотворные холмы. И до сих пор видны даже ямы, откуда извлекали камни или глыбы, из которых сделали названные холмы. А холмы, которые они сделали Солнцу и Луне, как большие горы, возведенные руками, и они кажутся естественными горами, но не являются ими. И хотя кажется неимоверным говорить, что они

воздвигнуты руками, они определенно таковы, ибо те, кто их сделал тогда, были гигантами, и это еще ясно видно на холме или горе в Чололлане [Chololŀlan], которая, как ясно видно, сделана руками, так как имеет необожженные кирпичи и покрыта известью. И они называли Теотиоакан «Селением Теотля [teútl]», что означает «бог», ибо владык, которых там хоронили, после смерти причисляли к богам. И что они не умирали, но пробуждались ото сна, в котором жили, о чём говорили древние, что когда люди умирали, они не исчезали совсем [no perecían], но вновь начинали жить, почти как пробудившись ото сна, и превращались в духов или богов. Им говорили: «Господин или госпожа, просыпайтесь, ведь уже начинает светать, уже настала заря, и уже начинают петь птицы с жёлтыми перьями, и уже закружились разноцветные бабочки». И когда кто-нибудь умирал, о нём имели обычай говорить, что он уже был теотль [teutl], что означает, что он уже умер, чтобы стать духом или богом. И верили древние, обманываясь, что владыки, когда умирали, превращались в богов, о чём они говорили, чтобы подчинялись и боялись владык, которые царствовали, и что одни превращались в Солнце, а другие — в Луну, а другие — в другие планеты.

Рисунок 71. «Пирамида Кецалькоатля» в Теотиуакане.

И, когда все были в Тамоанчане, некоторые семьи ушли заселить области, которые называются сегодня *ольмека уиштоти* [olmeca uixtoti], кои в древности имели обычай использовать заклинания и чародейство, чей вождь владыка имел договор с демоном и его звали Ольмекатль Уиштоти [Olmécatl Uixtoti], от которого, взяв его имя, они называются ольмеки уиштоти. Об этих рассказывают, что они отправились вслед за тольтеками,

когда те ушли из селения Толла, и направились на восток, забрав с собой рисунки своего чародейства. И, прибыв в гавань, там они остались и не смогли пересечь море. И от них происходят те, кого в настоящее время называют *анаоака миштека* [anaoaca mixteca]. И туда отправились поселиться их предки, потому что их владыка избрал эту землю в качестве очень хорошей и богатой. И именно они изобрели способ изготовления вина этой земли. Женщина была той, кто первой начал и придумал надрезать листья магея, чтобы извлекать мед, который оттуда вытекал, и её звали Майаоэль [Mayáoel][501]. А того, кто первым нашел коренья, которые клали в мёд, звали Пантекатль [Pantécatl]. А творцов искусства изготовления пульке, так, как его изготовляют и сегодня, звали Тепостекатль [Tepuztécatl], Куатлапанки [Cuatlapanqui],Тлилоа [Tliloa], Папаистак [Papaíztac], Цокака [Tzocaca][502], и все они изобрели способ изготавливать пульке на горе, называемой Чичинауйа [Chichinauhya]. И так как упомянутое вино образует пену, гору назвали также Попосональтепетль [Popoçonaltépetl], что означает «Пенящаяся гора». И когда было приготовлено вино, упомянутые пригласили всех знатных стариков и старух на уже упомянутую гору, где всех накормили и дали выпить приготовленное вино, и каждому, находившемуся на пиру, дали по четыре чаши вина, и никому пять, чтобы они не опьянели. И был один куэштек, являвшийся вождем и владыкой куаштеков [guaxtecas], который выпил пять чаш вина, из-за чего утратил рассудок, и, будучи вне себя, сорвал там свою набедренную повязку, обнажив свой срам, отчего упомянутые изобретатели вина, убежав и будучи очень оскорбленными, все собрались, чтобы наказать его. Но, как об этом узнал куэштек, из чистого стыда он должен был бежать от них со всеми своими подданными и прочими, кто говорил на его языке. И они отправились к Панотле [Panutla], откуда они пришли, которая сейчас называется Пантлан [Pantlan], а испанцы говорят Пануко [Pánuco], и, когда прибыли в гавань, не смогли идти |дальше|, отчего поселились там, и они те, кого в настоящее время называют *тооэйоме* [tooeyome], что означает на языке индейцев *тооампооа*н [tooampohoan], а на романском — «наши ближние». А свое имя, каковым является «куэштека», они взяли от своего вождя и владыки, который звался Куэштекатль [Cuextécatl]. И эти куэштеки, вернувшись в Панотлу, принесли с собой песни, которые пели во время танцев, и все наряды, которые использовали в танцах и хороводах. И сами они были любителями устраивать обманы, которыми вводили людей в заблуждение, представляя им в качестве истинного то, что оказывалось ложным, как, например, показывали, что сгорели дома, которые не сгорели, или показывали ручей с рыбой, а не было ничего, только обман зрения, и что они убивали друг друга, кромсая на части свою плоть, и другие вещи, которые были кажущимися, а не настоящими. И никогда не переставали упоминать их как пьяниц, потому что были очень преданы вину,

---

[501] Майауэль — божество магея.

[502] Указаны имена божеств пульке, принадлежавших к группе 400-т *точочтли* (см. примеч. 39 к настоящему изданию).

и, следуя и подражая своему вождю или владыке, обнажившему свой срам в пьяном виде, мужчины также ходили без набедренных повязок, пока не появились испанцы. И так как упомянутый их владыка выпил пять чаш вина на горе, называемой Посональтепетль, его подданных всегда считали большими пьяницами, потому что казалось, что они все время во хмелю и с малым рассудком. И так, чтобы оскорбить какого-нибудь грубияна, или безрассудного, его назвали куэштекатль [cuextécatl], говоря, что он как тот, кто когда-то выпил пять чаш вина, и не переставал пить, пока оставалась хоть капля, и из-за этого ходил как пьяный.

И после того, как в течение долгого времени господство и власть пребывали в Тамоанчане [Tamoanchan], в дальнейшем они были переданы в селение, называемое Шомильтепек [Xumiltépec], где находились те, кто были владыками, и старейшинами, и жрецами идолов, совещаясь друг с другом, говоря, что их бог некогда сказал им, что они не должны были навсегда оставаться в селении Шомильтепек, но что должны были пройти дальше, чтобы открыть больше земель, ибо их бог не желал оставаться там, но идти дальше. И так все дети, старики и старухи, женщины и мужчины, отправились в путь, и ушли мало помалу, пока не достигли селения Теотиоакан [Teutioacan], где были избраны те, кто должен был царствовать и управлять остальными, и избрали тех, кто был мудрым и предсказателем, и тех, кто знал тайны заклинаний.

И после того, как состоялись выборы владык, все тут же ушли оттуда, и каждый владыка шёл с народом, говорившим на его языке, и каждый отряд вел его бог. И впереди все время шли тольтеки, а за ними отоми [otomíes][503], которые, когда со своим владыкой достигли Коатепека [Cooatépec], не пошли дальше вместе с остальными, потому что оттуда тот, кто был их владыкой, привел их в горы, чтобы поселиться там. И по этой причине те имели обычай совершать жертвоприношения на вершинах гор и селиться на их склонах. А прочие народы, такие как тольтеки и мешики или наоа, и все остальные, проследовали своим путем по равнинам и нагорьям, чтобы открыть земли, и каждый народ или семья шёл со своим богом, который их вёл.

И сколько времени они странствовали, памяти о том не сохранилось. И они пришли обосноваться в одной долине среди скал, где оплакали все свои страдания и тяготы, потому что испытали много голода и много жажды. И в этой долине было семь пещер, которые избрали в качестве своих молелен все те народы, и там они стали совершать жертвоприношения в течение всего времени, что имели обычаем[504]. И также не сохранилось ни памяти, ни рассказов обо всем том времени, пока они находились там.

---

[503] Отоми (букв. «люди стрел», самоназвание «Hñähnü») — индейская народность, проживавшая к северо-востоку от долины Мехико. Язык отомангской группы.

[504] «Семь Пещер» (науа *Чикомосток*, киче-какчикель — *Вукуб-Сиван*, майя Юкатана — *Ук Токой Наоб*, т.е. «Семь Покинутых Домов») — легендарная прародина в традиции племен науа. Поскольку она оказалась объединена с другой традицией, в которой в качестве прародины выступает Тамоанчан, в рассказе

Будучи там вместе с остальными, тольтеки сказали, что их бог отдельно говорил с ними, приказав им, чтобы они вернулись туда, откуда пришли, потому что они не должны были больше оставаться там. После того, как они услышали это, тольтеки, перед тем, как отправились оттуда, сначала пошли совершить жертвоприношение в этих семи пещерах, и после того, как совершили его, все отправились и пришли обосноваться в селение Толанцинко [Tulantzinco], и оттуда позже перешли в Шикокотитлан [Xicocotitlan], который является селением Толла [Tola][505].

Рисунок 72. Тлауицкальпантекутли. Рельеф на северном фасаде «Пирамиды В» в Туле.

После них повернули также мичоаки [michoaques][506] со своим владыкой, который их вёл, по имени Амимитль [Amímitl], и отправились на запад, в те области, где живут в настоящее время, и также совершили свои жертвоприношения в пещерах перед тем, как отправились. И последовательно повернули наоа, каковыми являлись тепанеки [tepanecas], акольуаки [acolhoaques], чальки [chalcas], уэшоцинки [uexotzincas] и

Саагуна Тамоанчан и Семь Пещер оказываются двумя последовательно сменяющимися местами обитания предков.

[505] Комментируя указанный у Саагуна маршрут странствий тольтеков, Ю.В. Кнорозов замечает: «В конкретных версиях исторических легенд древние центры расставляются довольно бесцеремонно в произвольном порядке. Например, тольтеки (в версии Саагуна) сначала приходят в Тамоанчан, затем уходят из него в северные степи с тем, чтобы еще раз вернуться. Иначе говоря, тольтекская историческая традиция просто присоединена к ольмекской» (Кнорозов Ю.В. Этногенетические процессы в древней Америке. — С. 140).

[506] *Мичоаке* (науа «рыбники»), испанское название *тараски* [tarascos], самоназвание — *пурепеча* [p'urhépecha], индейская народность, накануне Конкисты заселявшая современный мексиканский штат Мичоакан, большую часть Халиско и Наярита, а также северный Герреро. Создали сильное государство, давшее отпор астекам. Разговаривают на изолированном языке, родство которого не установлено.

тлашкальтеки [tlaxcaltecas][507], каждая семья отдельно, пришли в эти части Мешико.

После этого и с мешиками, которые оставались последними, заговорил их бог, сказав, что они тоже не должны оставаться в той долине, но что они должны идти дальше, чтобы открыть больше земель, и они отправились на запад. И каждая из этих уже упомянутых семей, перед тем, как отправиться, совершила свои жертвоприношения в этих семи пещерах, из-за чего все народности этой земли, прославляя себя, имеют обычай говорить, что они выросли в этих семи пещерах, и что оттуда вышли их предки, что ложно, потому что они не вышли оттуда, но только ходили туда совершать свои жертвоприношения, когда находились в уже упомянутой долине. И так, когда все пришли в эти области, и овладели землями, и поставили межевые знаки между каждой семьей, упомянутые мешики проследовали своим путем на запад. И согласно рассказам стариков, они пришли в одну область, называемую Колоакан Мешико [Colhoacan México][508], и оттуда снова повернули. И как долго длились их странствия, пока они пришли из Колоакана, не сохранилось памяти о том. И перед тем, как они отправились из Колоакана, говорят, что их бог сказал им, чтобы они повернули туда, откуда отправились, и что он будет вести их, указывая путь, по которому они должны идти. И так они повернули к той земле, которая сегодня называется Мешико, ведомые своим богом. И местности, где мешики обосновывались во время своего похода, все указаны и названы на древних рисунках, которые являются летописями мешиков. И так как они принялись странствовать долгое время, оказались последними, кто пришёл сюда в Мешико. И когда они шли по своей дороге, во многих местах их не хотели принимать, и даже знаться с ними, но сначала спрашивали, кто они такие и откуда пришли, и изгоняли их из своих селений. И после того как они прошли через Толлу, и Ичпочко [Ichpuchco], и Экатепек [Hecatépec], остановились на короткое время на горе, называемой Чикиуйо [Chiquiuhyo], что недалеко от Экатепека, а затем находились в Чапольтепеке [Chapultépec], куда пришли все вместе[509].

И в то время имелось три столицы, самые главные, а именно: Аскапоцалько [Azcaputzalco], Коатличан [Coatlichan] и Колоакан. И от тех времен нет памяти о Мешико, потому что там, где сегодня Мешико, были

[507] *Тепанеки* населяли западную часть долины Мехико, их центрами были Аскапоцалько, затем Тлакопан. *Акольуа* жили к востоку от озера Тескоко, их столицами первоначально были Коатличан и Уэшотла, позже — Тескоко. Земли *чальков* (главные селения — Амекемекан и Тлальманалько) располагались к юго-востоку от озера Тескоко. *Тлашкальтеки* и *уэшоцинки* жили за пределами Мексиканской долины на её восточных и юго-восточных границах.

[508] Город на побережье лагуны Шочимилько, к югу от озера Тескоко (в настоящее время пригород Мехико, относящийся к административному округу Истапалапа). Был населен кольуаке (колоаке), потомками тольтеков. Согласно «Кодексу Ботурини» и Чимальпаину мешики поселились в землях Колоакана после того, как были изгнаны из Чапольтепека (что представляется более правдоподобным, так как Чапольтепек расположен севернее Колоакана), и жили там 19 лет, с 1299 по 1317 годы, пока не были насильно изгнаны кольуаке.

[509] В Чапольтепеке, на западном побережье озера Тескоко, согласно общераспространенной версии, мешики жили до прихода в земли Кольуакана, в 1279–1298 гг. Они сумели восстановить против себя всех соседей и объединенными усилиями пяти народностей были разгромлены и изгнаны из Чапольтепека.

только заросли тростника. И когда мешики находились в Чапольтепеке, с ними затеяли войну их соседи, и оттуда они перешли в Колоакан, где находились несколько лет, и оттуда пришли обосноваться в месте, которое сегодня называется Теночтитлан Мешико [Tenuchtitlan México], находившееся в пределах тепанеков, тех, кто был из Аскапоцалько и Тлакопана[510]. И эти тепанеки распределили границы с людьми из Тецкоко [Tetzcuco], и те пришли поселиться туда среди зарослей тростника, которые были многочисленны, потому что всё остальное уже было занято, и земли захвачены и присвоены теми, кто пришли первыми. И так как они находились в пределах тепанеков, были подчиненными и данниками селения Аскапоцалько.

Все упомянутые семьи называли себя чичимеками, и даже хвалились и гордились таким именем, и это потому, что все они странствовали как чичимеки по вышеупомянутым землям, и оттуда повернули в эти места. Хотя на самом деле не назывались землями чичимеков те, где они шли, но Теотлапан Тлакочкалько Миктлампа [Teotlapan Tlacochcalco Mictlampa], что означает «ровные и просторные поля, находящиеся на севере». Они называются землями чичимеков потому, что там в настоящее время обитают чичимеки, которые являются варварскими племенами, поддерживающими себя охотой, каковой занимаются, и не ведут оседлого образа жизни. И хотя мешики зовут себя чичимеками, но на самом деле они называются *атлакачичимека* [atlacachichimeca], что означает «рыбаки, пришедшие из дальних стран». Народы наоа, а это те, кто говорит на языке мешиков, также называют себя чичимеками, потому что пришли из уже упомянутых земель, где находятся семь пещер, каковые уже упомянуты, и их называют следующим образом: тепанеки [tepanecas], аколоаки [acolhoacas], чальки [chalcas], и народы жарких земель, и тлатепоцки [tlateputzcas], которые являются теми, кто живет за горами, на востоке, как тлашкальтеки [tlaxcaltecas], и уэшоцинки [huexotzincas], и чолольтеки [chololtecas], и многие другие, и все носят луки и стрелы. Тольтеки также называли себя чичимеками, и отоми с мичоаками ни больше, ни меньше. Но те, кто находятся там, где рождается Солнце, называют себя ольмеками [olmecas], уиштотин [huixtotin], ноноалька [nonohoalca], и не зовутся чичимеками.

Конец десятой книги.

[510] Разные источники указывают разные даты основания Теночтитлана: «Летопись Куаутитлана», Д.Дуран, Х. де Товар — 1318 г., «История мексиканцев по их рисункам», Х. де Мендиета и «Кодекс Мендосы» — 1323 г., «Кодекс Ботурини» и Чимальпаин — 1324/1325 г., Альварадо Тесосомок и «Анналы Тлателолько» —1325/1326 г.

Повествование о странствиях тольтеков согласно Фернандо де Альва Иштлильшочитлю

(В. Н. Талах)

Фернандо Перес де Пераледа Иштлильшочитль родился между 1578 и 1580 годами[511] и был вторым из одиннадцати детей Хуана де Наваса Переса де Пераледа и Аны Гранде Кортес-Иштлильшочитль. Отец, по происхождению чистый испанец, был одновременно науатлато, то есть, переводчиком с испанского языка на науатль, и руководителем строительных работ для айунтамьенто (муниципалитета) Мехико — сочетание профессий, несколько странное для нас, но вполне закономерное в Новой Испании конца XVI столетия, где архитектурные проекты создавали испанцы, а воплощали в жизнь индейские рабочие, так что для практического руководства стройкой нужно было знать язык и тех, и других. Бабушка Фернандо по матери, Кристина Франсиска Вердуго, представительница индейской знати, связанная родством с потомками правителей Тескоко, владела Теотиуаканским касикатом, достаточно крупным земельным владением к северо-востоку от Мехико, однако, насколько это поддерживало материальное положение семьи ее дочери и зятя (по крайней мере, до смерти доньи Кристины в 1597 г.) — неизвестно. В любом случае, средств для обучения Фернандо в Королевском и Папском Университете Мехико у семьи не было (свою роль сыграло, вероятно, и смешанное испано-индейское происхождение юноши), поэтому образование он получил в Императорском Коллегиуме Святого Креста в Тлателолько, специально созданном для обучения детей знатных индейцев. В последние десятилетия XVI века это учреждение уже переживало упадок, тем не менее, сочинения Фернандо де Альва обнаруживают в нем высокообразованного по меркам своего времени человека, прекрасно знакомого, в частности, с европейской (начиная с античности) исторической литературой. Обычно выпускники тлателолькского Коллегиума Святого Креста становились священниками, но Фернандо де Альву духовная стезя, по всей видимости, не привлекала, и он поступил на службу в аппарат колониальной администрации Новой Испании. Биографические сведения о нем достаточно скудны. Мы не знаем даже, почему и при каких обстоятельствах он сменил отцовскую фамилию Пераледа на «де Альва». Известно, что в 1612 г. при покровительстве вице-короля Новой Испании (1611–1612) и одновременно архиепископа Мехико (1607–1612) Гарсии Гуэрры Фернандо был назначен судьей-правителем (представителем властей в индейской общине) в Тескоко, между 1616 и 1618 он исполнял такую должность в Тлальманалько, в 1619 — в Чалько, в 1640 немолодой уже дон Фернандо служил королевским переводчиком в Суде для индейцев в Мехико. Его имя фигурирует в документах, связанных с двумя судебными тяжбами (1610–1612 и 1643 гг.) вокруг Теотиуаканского касиката;

[511] Предложенная ранее А. Чаверо дата 1568 г. не нашла подтверждения.

в конце жизни, после кончины бездетного старшего брата, дон Фернандо стал, наконец, касиком (наследственным индейским правителем) Теотиуакана. Сведения о смерти Фернандо де Альва Иштлильшочитля долгое время были неизвестны, во многих справочных изданиях ее относят к примерно 1648 г. Однако, на основании метрической записи, которая говорит о погребении некоего Фернандо де Альва, предполагается, что он умер около 26 октября 1650 г.

Эта ничем особым не выделяющаяся жизнь представителя новоиспанского «среднего класса» первой половины XVII века оказывается фоном для творчества одного из самых замечательных историков Нового Света. Литературное наследие Иштлильшочитля очень велико — только сохранившиеся труды в мексиканском издании А. Чаверо 1891–1892 годов занимают более 950 страниц печатного текста (хотя не все написано им, частично это просто документы из архива историка).

Написанием исторических сочинений Фернандо де Альва занялся, вероятно, сразу после окончания коллегиума Санта-Крус-де-Тлателолько или вскоре после этого. По крайней мере, в ноябре 1608 года Иштлильшочитль, которому тогда было около 30 лет, представил должностным лицам и жителям индейских общин Отумбы и Куаутласинко написанную им «историю царей и туземных владык этой Новой Испании», равно как и документы, на основании которых она была составлена.

Судьба рукописей Иштлильшочитля составляет сюжет отдельной истории. После смерти дона Фернандо де Альва его сын Хуан передал отцовский архив своему другу, знаменитому мексиканскому эрудиту конца XVII века Карлосу де Сигуэнса-и-Гонгора (1645–1700). Последний завещал свои бумаги, в том числе документы Иштлильшочитля, библиотеке иезуитского Коллегиума Святых Петра и Павла в Мехико. Не позже середины XVIII в. рукописи Иштлильшочитля оттуда исчезли, но с ними успели ознакомиться два замечательных любителя индейских древностей: Лоренцо Ботурини Бенадуччи (1702–1753), снявший с них копию, и Франсиско Хавьер Клавихеро (1731–1787). Ботурини, заподозренный властями вице-королевства в шпионаже, был под стражей выслан в Испанию, а все его документы конфискованы. В метрополии Ботурини сумел оправдаться и, между прочим, поведал о своих злоключениях и находках неравнодушному к американским древностям испанскому аристократу дону Мариано Эчеверриа-и-Вейтиа (1718–1780), который специально отправился в Мексику за бумагами Ботурини. К 1755 году для него были сделаны списки со снятых Ботурини копий Иштлильшочитля, которые после смерти Вейтии вновь оказались в распоряжении колониальных властей. Те передали их францисканскому монаху Хосе Мариано де Ла-Веге, закончившему к 1792 году 32-томный сборник документов, озаглавленный «Коллекция памятных записок о Новой Испании», где в тринадцатом томе были помещены сохранившиеся материалы Иштлильшочитля (при этом в «Сообщениях»

страницы оказались перепутаны, а «История народа чичимеков» утратила заключительную часть). В соответствии с порядками колониальной канцелярии сборник был переписан в трех экземплярах и — чудо! — все три копии сохранились. Одна из них находится в архиве Королевской Исторической академии в Мадриде, другая — в Главном Национальном архиве Мексики в Мехико, третья — в архиве испанского Министерства финансов в Мадриде.

Уникальный текст, повествующий о странствованиях тольтеков, содержится в одном из ранних сочинений Ф. де Альва Иштлильшочитля, имеющем в оригинале пространное название «Сводное сообщение обо всех событиях, произошедших в Новой Испании, и о многих вещах, которых достигли и которые постигли тольтеки, от Сотворения мира и до его разрушения, и о приходе третьих поселенцев Чичимеков вплоть до прибытия испанцев, извлеченное из подлинной истории этой Новой Испании» («Sumaria relación de todas las cosas que han sucedido en la Nueva España, y de muchas cosas que los tultecas alcanzaron y supieron, desde la creación del Mundo hasta su destrucción, y venida de los Españoles, sacada de la original historia de esta Nueva España»), в частях, которым даны подзаголовки «Первое сообщение» и «Второе сообщение».

Текст несомненно представляет собой незначительно отредактированное чтение некоего пиктографического документа. Тот же самый документ был известен Хуану де Торкемаде, однако, последний приводит в своей «Индейской монархии» только его краткое изложение[512].

В варианте Иштлильшочитля в тексте имеет место странное повторение имен вождей, под руководством которых происходило переселение тольтеков.

Первая последовательность: *Chalcatzin — Cecatzin — Cohuatzon — Xiuhcohuatl — неназванный — Mexotzin — Acapichtzin*.

Вторая последовательность: *Chacatzin — Cecatzin — Cohuatzon — Xiuhcohuatl — Tlapalmetzin — Metzotzin — Acamapichtli*.

Очевидно, что «Chacatzin» является опиской вместо «Chalcatzin», «Acapichtzin» — опиской вместо «Acamapichtzin», запись «Mexotzin» соответствует «Metzotzin». Написание «Cecatzin» является, по всей видимости, искаженной при копировании записью имени «Ээкацин», «Eecatzin» (у Торкемады оно приведено как «Ehecatzin»).

При этом, названия заселяемых областей в двух последовательностях у одних и тех же вождей разные.

[512] Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — P.55. Перевод указанного отрывка приведен в настоящем издании.

Можно предположить, что в исходном тексте пиктограммы были размещены в некое подобие таблицы, где крайние ряды (или столбцы) были составлены из имен вождей, каждому из которых соответствовал столбец (или ряд) названий заселенных местностей:

Вождь	Chalcatzin	Cecatzin	Cohuatzon	Xiuhcohuatl	Tlapalmetzin	Mexotzin	Acapichtzin
Местность	(Huey Tlapallan)	Tlapallanconc o	Huey Xallan	Xalixco	Chimalhuacan Atenco	Tochpan	Quiyahuix- tlan Anahuac
	Zacatlan	Tutzapan	Tepetla	Mazatepec	Xiuhcouac	Iztachuexuca	Tulantzinco
Вождь	Chacatzin	Cecatzin	Cohuatzon	Xiuhcohuatl		Metzotzin	Acamapich

Автор европейской интерпретации прочитал эту таблицу как две следующие одна за другой строчки, хотя на самом деле их следовало читать по столбцам, причем нижний ряд с именами вождей имел вспомогательный характер.

Впрочем, в каком порядке следует читать это гипотетическое перечисление местностей, неясно. Если предположить, что внутри столбцов они читались сверху вниз, предполагаемый маршрут следования тольтеков будет выглядеть следующим образом:

Уэй Тлапаллан — Сакатлан — Тлапалланконко — Тоцапан — Уэй-Шаллан — Тепетла — Шалишко — Масатепек — Чимальуакан Атенко — Шиукоак — Точпан — Истакуэшока — Кийауиштлан Анауак — Толанцинко.

Отождествление перечисленных местностей с современными географическими названиями представляет существенные трудности. В большинстве случаев, когда такое отождествление представляется возможным, соответствующие места расположены на северо-востоке Мексиканской долины или в сопредельных областях. Так, область Точпан была расположена на побережье Мексиканского залива в северной части современного штата Веракрус, там же, в районе Папантлы располагался Тосапан, вероятно, тождественный Тоцапану. К северо-востоку от Точпана находился Шиукоак (Циукоак). Сакатлан расположен в северной части мексиканского штата Пуэбла, недалеко от границы с Веракрусом, чуть восточнее находится Масатепек в коммуне Тлатлаукитепек. Как приморские области Иштлильшочитль характеризует также Чимальукан Атенко (некие острова) и Кийауштлан Анауак (морское побережье), Истакуэшока названа им «областью на севере». Наряду с этим в маршруте тольтеков указано Халиско (Шлишко), расположенное на западе Мексики, кроме того, Масатепек может быть отождествлен с соответствующей местностью не в северной Пуэбле, а в штате Морелос, к югу от Мехико. Впрочем, выстроить

на основе приводимых данных единый маршрут движения не представляется возможным. Возможно, в легенде соединены пути миграции нескольких групп, одни из которых шли через области к северо-востоку от Мексиканской долины, а другие — с запада на восток к югу от неё. Кроме того, не исключено, что приведенные у Иштлильшочитля названия вообще некорректно отождествлять с современными топонимами.

В так называемом «Третьем сообщении» Иштлильшочитль приводит альтернативную версию истории странствий тольтеков, включенную затем в «Историю народа чичимеков»[513]. В ней походом также руководят семь вождей, но их имена отличаются от указанных во «Втором сообщении» и у Торкемады:

Tlacomihua или Acatl;

Chalchiuhmatz;

Ahuecatl;

Coatzon;

Tziuhcoatl;

Tlapalhuitz;

Huitz.

Однако, при ближайшем рассмотрении, различия во всех случаях оказываются объяснимыми. Записи «Coatzon» и «Tziuhcoatl» являются просто орфографическими вариантами имен «Cohuatzon» «Xiuhcohuatl».

Тлакомиуа («Tlacomihua») — то же самое лицо, что и Тлакамицин («Tlacamihtzin»), упомянутый ранее как один из двух первоначальных вождей переселения.

Имя другого вождя, с которым он оказался смешанным, Акатль («Acatl»), могло быть прочитано как «Акамапич» вследствие схожести пиктографических записей *ACA(TL)* и *ACA(TL)-MA-* (так обычно сокращенно записывается имя *ACAMAPICH*); если именная пиктограмма была нечетко написана или повреждена, знак *-MA-*, «рука», можно было не разобрать или наоборот, принять за него часть знака *ACA(TL),* «тростник».

Аналогичным образом пиктографические записи имен Чалькацин (*CHAL-*) и Чальчиумац (*CHAL-MATZ-*) отличаются наличием во втором случае дополнительного элемента, который при чтении могли не разобрать.

---

[513] Alva Ixtlilxochitl F. de. Obras completas. Vol. 1. — P.38; Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. — С. 35–36.

Имя «Ауэкатль» очевидно является вариантом имени «Ээкацин/Экацин». Можно допустить, что полная запись имени выглядела *A(TL)-ECA(TL)*, но в одном из вариантов первый знак был то ли недописан, то ли повреждён.

Наконец, сравнение записей «Tlapalhuitz» и «Huitz» с «Tlapalme(tzo)tzin» и «Metzotzin» показывает, что авторы первого и второго вариантов чтения по разному читали один и тот же знак пиктографического письма: в первом случае как *HUITZ* («перо»), и во втором — как *METZ* («месяц» или «нога»).

Таким образом, две версии истории странствий тольтеков оказываются двумя вариантами чтения одного и того же пиктографического документа (или двух его разных копий).

В «Третьем сообщении» и «Истории народа чичимеков» Иштлильшочитль делает попытку наложить легендарные пути странствий тольтеков на географические реалии: «народ тольтеков [nación tulteca], которые, согласно мнению их историй, были изгнаны из своей отчизны и, после того, как проплыли и прошли по побережью разные земли вплоть до той, где ныне Калифорния, по Южному Морю, пришли в называемую У(э)йтлапалан [Hu(e)itlapalan], которую сегодня называют «Землей Кортеса», и, поскольку она кажется красноватой, ей дали вышеупомянутое имя, в году, который они называли Се-Текпатль [ce técpatl], каковой был 387 от Воплощения Христа, Господа Нашего. И, высадившись у земли Халиско [Xalisco] и по всему южному побережью, они вышли из порта Уатолько [Huatulco] и, пройдя разные земли до области Точтепек [Tochtépec], находящейся на побережье Северного моря и, пройдя и взглянув на него, пришли остановиться в области Толанцинко [Tolantzinco], оставив в лучших местах и местностях некоторых людей, которых привели, чтобы заселить их»[514]. Итак, исходная точка похода — Уэй-Тлапаллан («Большая Красная (земля)») или Уэуэ-Тлапаллан («Древняя Красная (земля)») — отождествляются с северо-западом Мексики и западом современных США, Калифорнией и сопредельными областями. Однако, в мифах и исторических легендах науа Тлапаллан, в который направляется Кецалькоатль, расположен где-то на южном или юго-восточном побережье Мексиканского залива. Сам Иштлильшочитль сообщает о произведенной в Уэуэ-Тлапаллане календарной реформе[515], а согласно Саагуну она имела место в Тамоанчане. Таким образом, Тлапаллан оказывается тождественен Тамоанчану, местности на юге современного мексиканского штата Веракрус и в Табаско. В таком случае и у Иштлильшочитля–Торкемады, и у Саагуна исходная и конечная точки странствий тольтеков оказываются одинаковыми: Тлапаллан/Тамоанчан и Толланцинко. Но, сведения о происхождении предков тольтеков с юго-запада современных США, по всей видимости,

[514] Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. — С.35.
[515] Alva Ixtlilxochitl F. de. Obras completas. Vol. 1. — P.14.

также не являются вымыслом колониальных авторов, тем более, что они подтверждаются данными лингвистики о родстве науа и языков индейцев юго-запада США в рамках юто-ацтекской языковой семьи. Наилучшим объяснением вышеприведенному кажется предположение, что в легенде о странствиях тольтеков оказались объединенными традиции двух этнических групп: одной, пришедшей на северо-восток Мексиканской долины с южного побережья Мексиканского залива, и второй, которую составили выходцы из юго-западных районов современных США.

В отличие от более поздних и более известных работ Иштлильшочитля, таких как «История народа чичимеков» или «Тринадцатое сообщение», его первые «Сообщения» издавались реже. Впервые они увидели свет в IX томе знаменитых «Мексиканских древностей» лорда Кингсборо, вышедших в 1849 г. в Лондоне[516], затем — в первом томе собрания сочинений Иштлильшочитля, изданном А. Чаверо в 1891 г. в Мехико[517]. В нем издатель разделил текст на разделы, названные им «Сообщениями», которые пронумеровал от первого до тринадцатого. Перевод и комментарии выполнены В. Н. Талахом на основании издания: Ixtlilxóchitl, Fernando de Alva. Obras completas. V. 1. Relaciones/ Publicadas y anotadas por Alfredo Chavero. México: 1891. — P. 15, 23–27.

[516] Antiquities of Mexico: Comprising fac-similes of Ancient Mexican paintings and hieroglyphics, preserved in the Royal Libraries of Paris, Berlin and Dresden; in the Imperial library of Vienna; in the Vatican library; in the Borgian museum at Rome; in the library of the Institute at Bologna; and in the Bodleian library at Oxford. Together with the Monuments of New Spain, by M. Guillermo Dupaix: with their respective scales of measurement and accompanying descriptions. The whole illustrated by many valuable inedited manuscripts, by Lord Kingsborough: In 9 v. V. IX: The drawings on stone by H. G. Bohn. — London: Robert Havell and Colnaghi, 1848. V. IX: The drawings on stone by H. G. Bohn.

[310]Ixtlilxóchitl, Fernando de Alva. Obras completas. V. 1.

Фернандо де Альва Иштлильшочитль. Первое сообщение. О сотворении мира и о том, что касается сотворения мира и происхождения индейцев. Отрывок.

Прошло 305 лет после затмения Солнца и Луны и 438 — после гибели филистимлян-кинамецин, и 6486 от сотворения мира, когда Чалькацин [Chalcatzin] и Тлакамицин [Tlacamihtzin], главнейшие из благородных мужей, наследники царского дома тольтеков, вознамерились поднять бунт в царстве, желая отобрать его у законного наследника, после того, как они провели многие годы в мире и спокойствии, что было в году 13-Акатль, и они были изгнаны, и произошли некоторые войны, пока их не выбросили из города Тлачикальсинкан [Tlachicalzincan] в области Уэй-Тлапаллан, на их родине, со всеми их союзниками и семьями, как мужчинами, так и женщинами, что составляло изрядное число их; и они ушли в следующий год, Се-Текпатль, после того, как были изгнаны из той страны…

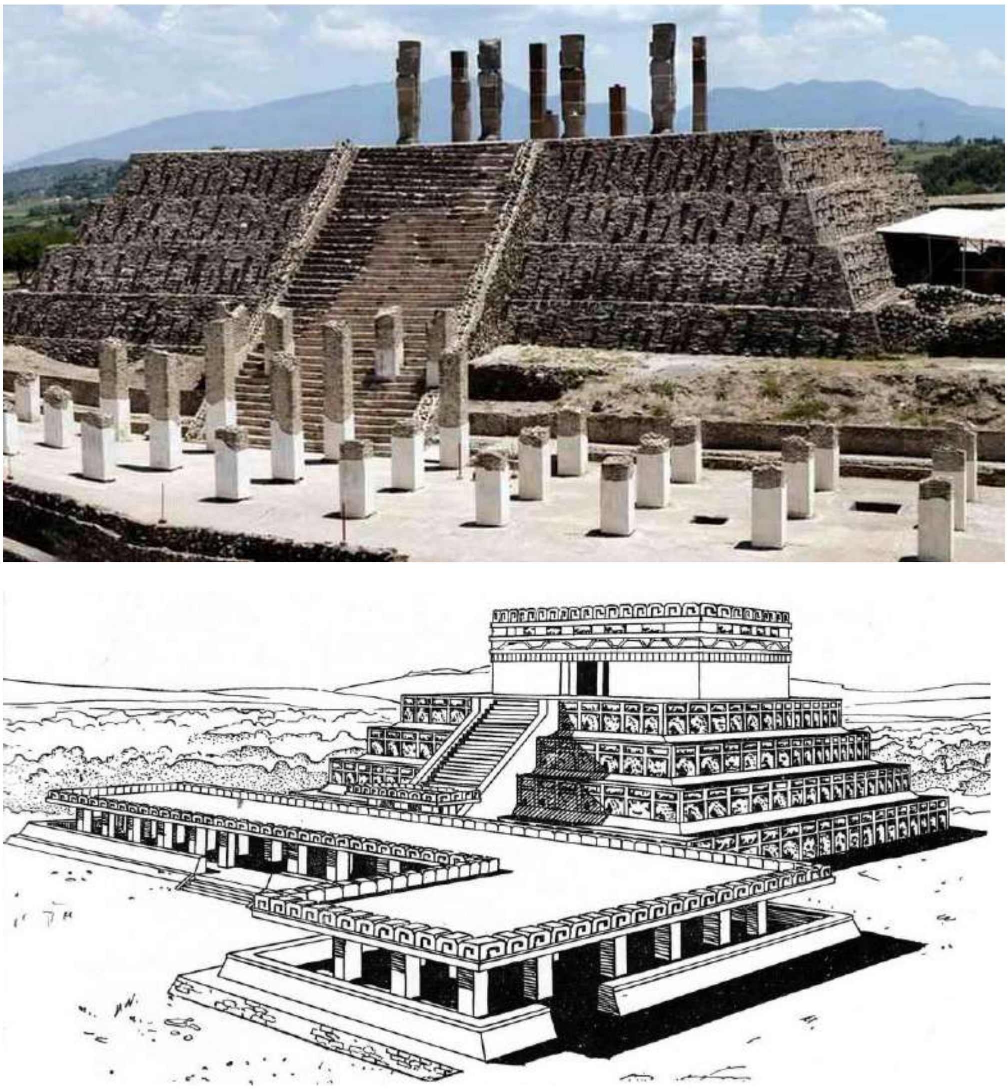


Рисунок 73. Вверху: «Северная пирамида» в Толлане. Современная фотография. Внизу: «Северная пирамида» в Толлане. Реконструкция А.Б. Раллева (Раллев 1986).

Второе сообщение. Об истории тольтеков.

Рисунок 74. Тольтекские воины. «Северная пирамида» в Толлане. Современная фотография.

В год Се-Текпатль, как уже было сказано, ушли тольтеки из своей родины и отчизны, после того, как были изгнаны, и они ушли, убегая и как смогли, и люди из Тлашиколиукана [Tlaxicoliucan], их родичи, вышли вслед за ними, пока не прошли более 60 лиг за пределами своей земли, где остановились, приведя себя в порядок [reformandose] и сделав посевы и другие вещи для своего пропитания, и эту землю назвали Тлапалланконко [Tlapallanconco], по обозначению своей родины; первооткрывателя этой страны звали Секацин [Cecatzin], и почти в последний из этих годов собрались двое главных вождей, и другие пять низших, обсудить: оставаться ли в этой стране или идти дальше. Среди них поднялся великий астролог, которого звали Уэмашцин [Huemaxtzin], говоря, что в истории говорится, что от сотворения мира они претерпевали великие гонения от небес, а вслед за ними для их предков следовали великие блага, процветающие земли и обширные владения, и всегда их гонения были в году Се-Текпатль, что

означает «1-Каменный Нож», и звезду, которая их преследовала; и после того, как это проходило, бывали великие блага, и что это великое зло было кануном еще большего блага, и что потому им не следовало оставаться там, и в такой близости от своих врагов, и кроме того, он нашел в своей астрологии, что там, где восходит Солнце, находилась обширная и процветающая страна, где ранее жили многие годы кинамецин, и что много лет назад они погибли, и она была безлюдной, и кроме того, что свирепые чичимеки, их соседи со всех сторон, несколько раз уже приходили туда, и что планете, которая царствовала в этой стране, недоставало лишь немногих лет, чтобы исполнить свои угрозы, и что они вскоре могут достичь золотого и счастливого века, они и все их потомство, вплоть до десятого колена, следуя от отца к сыну, и, кроме того, что та планета царствовала не над их народом, а над гигантами, и что, может быть, она не причинит большого вреда их потомкам, и чтобы в этом месте они оставили нескольких людей, которые заселили бы его и остались в нем подданными, и с течением времени они вернулись бы против своих врагов и возвратили свою родину и отчизну.

Рисунок 75. Тольтекские военачальники. Чичен-Ица, «Верхний Храм Ягуара», внутренняя стена. Прорисовка Л. Шиле (FAMSI).

Эти и многие другие вещи сказал Уэмацин[518] [Huematzin], и эти двое вождей и остальные, низшие, приняли это за благо и согласились с ним, приняв все к исполнению, и чтобы во всякой стране, какую бы они ни открыли, если она окажется отличной от других и доброй, чтобы они оставались на некоторое время, перестраиваясь, как и всегда прежде, и таким образом, во время, когда они вышли из этой страны, прошло одиннадцать лет от того, как они ушли из своей родины, ведя войну, пока не были совершенно выброшены из нее, и три — в этом месте, называемом Тлапалланконко, как уже было сказано, оставив там некоторых из простолюдинов, своих женщин и детей, чтобы они заселили его, и отправились и прошли еще 60 лиг, и

[518] Ранее назван Уэмашцин.

нужно отметить, что история утверждает, будто они находили через каждые двенадцать дней пути новую землю, которую открывали, и где добавляют, что каждый день они проходили по шесть лиг, так как вели с собой столько народу, женщин и детей, всех нагруженных, и, кроме этого, что, с тех пор, как они отправились, не останавливались, пока ночь не заставляла их задержаться, чтобы переспать и отдохнуть, и проходили ежедневно по шесть лиг, чуть больше или меньше, и, пройдя двенадцать дней, что, согласно тому, что я изложил, составило бы семьдесят лиг, пришли в добрую и плодородную землю, называемую Уэйшаллан [Hueyxallan], где пробыли четыре года, они также посеяли и сделали то, что делали в местах, где бывали прежде, и первооткрывателем был Коуацон [Cohuatzon], один из пяти низших вождей, и на третий год, который был Се-Калли, насчитывался один тлальпилли [tlalpilli] от того, как они ушли з своей родины, что означает тринадцать лет, и были там другой год, и тут же ушли оттуда, и шли к восходу Солнца, и после того, как прошли более ста лиг, так как шли двадцать дней без остановки, пришли в Халиско [Xalixco], страну, находившуюся у моря; и там пробыли восемь лет; и ее первооткрывателем был Шиукоуатль [Xiuhcohuatl], также один из пяти меньших военачальников; и сделав в ней то же, что и в прочих местах, отправились со всем народом на продолжение своих поисков до тех пор, пока не увидят страну по своему вкусу, также оставив кое-каких людей, чтобы они ее заселили, таким же образом как и в прочих местах и землях; они отправились и прошли еще двадцать дней, что составляло около ста лиг по разным местностям, как и в прочих местах.

Рисунок 76. «Процессия касиков». Тула, «Паласио Кемадо» (прорисовка Х. Акосты).

Они прибыли на острова и морское побережье, называемые Чимальуакан Атенко [Chimalhuacan Atenco], где пробыли пять лет, и это была первая местность, где мужчины стали иметь сношения с женщинами, а те стали рожать, ибо они дали обет во время, когда ушли из своей родины, что в течение двадцати лет не будут знаться со своими женами, а те со своими мужьями, и те, кто нарушил бы этот обет, должен был быть сурово покаран; и так начали рожать женщины на этих островах и мысах; и на четвертый год, который был Точтли, и прошло два тлальпилли лет, что

насчитывало двадцать шесть, с тех пор, как они ушли из своей родины, что по нашему счету было годом 466 от Воплощения Христа Господа Нашего; и когда прошло пять лет, возобновили поход, идя всегда в сторону, где восходит Солнце, до Точпана [Tochpan], где остановились; и этим путем они шли восемнадцать дней, что составило около восьмидесяти лиг, и после того, как пришли в эту страну, пробыли там еще пять лет, делая то же, что и в остальных местах и умножившись в числе; и первооткрывателем был Мешоцин [Mexotzin], последний из пяти названных полководцев.

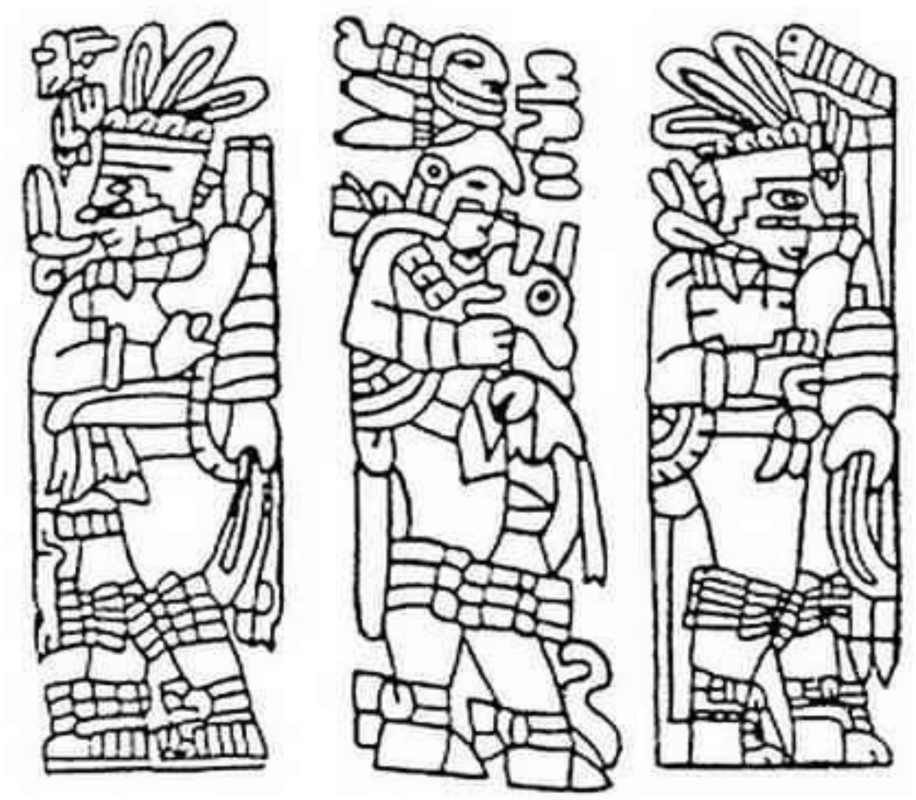


Рисунок 77. Тольтекские воины. Рельефы на столбе «Храма B» в Туле.

Они вновь отправились в дорогу тем же путем к востоку и прошли двадцать дней, что составляло еще сто лиг, по разным местностям, и в последний из этих дней прибыли в Кийауиштлан Анауак [Quiyahuixtlan Anahuac], который был землей на морском побережье, переправившись на каноэ и лодках с одной стороны на другую, и время, которое они были там, составило шесть лет, первооткрывателем был Ака|ма|пичцин [Acapichtzin], один из двух главных вождей; и они все время испытывали большие тяготы; и затем они возобновили путь и прошли восемнадцать дней, что составило около восьмидесяти лиг по разным местностям, пока не пришли в Сакатлан [Zacatlan]; и первооткрывателем был Чакацин [Chacatzin], также один из двух главных; и в первый год, когда они прибыли туда, который был Се-Акатль, насчитывался один шиутлальпилли [xiuhtlalpilli] с тех пор, как они начали войну против своих родичей и отчизны; и в то время родился один его сын, и так как это случилось в указанный год, ему дали имя этой страны, и назвали

Сакапанцин [Zacapantzin], и это время составляло пятьдесят два года с тех пор, как они начали войну друг с другом; и они пробыли там семь лет, и когда они исполнились, шли еще восемнадцать дней, что составило около восьмидесяти лиг; они прибыли в Тоцапан [Tutzapan], и пробыли шесть лет в той стране; и первооткрывателем был Секацин [Cecatzin], и это было второй раз, когда он открыл некую страну; и в последний из шести, который был годом 1-Текпатль, родился его сын, который, так как это был указанный год, и это случилось, когда прошел шиутлальпилли, что было пятьдесят вторым годом от того, как они ушли из своей родины, ему дали имя страны, назвав его Тоцапанцин [Totzapantzin], и после того, как исполнилось шесть лет, они вновь отправились в путь, и шли двадцать восемь дней по разным местностям, пока не пришли в Тепетлу [Tepetla], что составило около ста сорока лиг. Там они пробыли семь лет, и был первооткрывателем Коуацон [Cohuatzon], что было во второй раз; и когда исполнилось семь лет, начали свой путь, и шли восемнадцать дней, что составило около восьмидесяти лиг, пока не пришли в Масатепек [Mazatepec]; и первооткрывателем был Шиукоуатль [Xiuhcohuatl], и там они пробыли восемь лет, и на шестой год, которым был Се-Калли, насчитывалось 66 лет с тех пор, как они ушли из своей родины; и когда исполнилось восемь лет, они отправились в путь, и прошли еще восемнадцать дней, что составило около восьмидесяти лиг, пока не пришли в Шиукоуак [Xiuhcohuac], где пробыли еще восемь лет, и первооткрывателем был Тлапальмецин [Tlapalmetzin], что было во второй раз, и оттуда они отправились в путь и шли двадцать дней, что составило около ста лиг, по разным местностям, пока не пришли в Истакуэшоку [Iztachuexuca], находившуюся к северу, где пробыли двадцать шесть лет, и первооткрывателем был Мецоцин [Metzotzin], и на третий год, которым был Се-Точтли, когда они были в этой земле, насчитывалось семьдесят восемь лет от того, как они ушли из своей родины; и там на тринадцатый год, которым был Се-Акатль, насчитывался 91 год от того, как они ушли из своей родины.

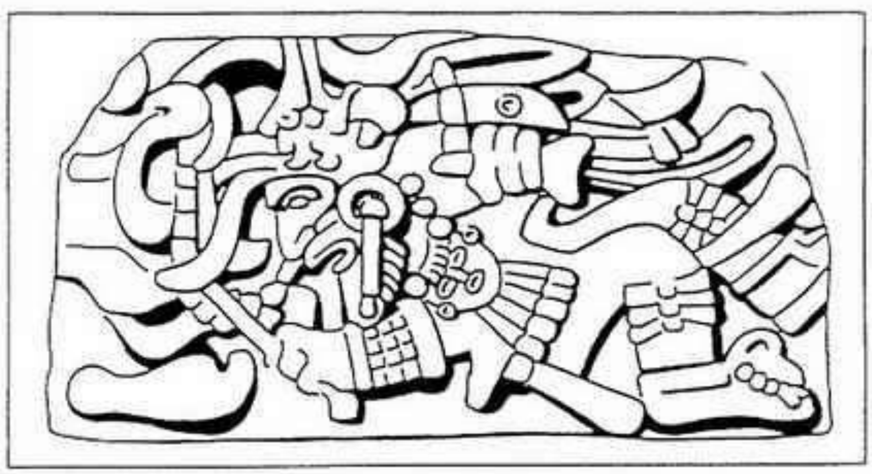


Рисунок 78. Тольтекский воин. Рельеф из «Паласио Кемадо» в Туле.

Когда исполнилось двадцать шесть лет, они повернули к Толанцинко [Tulantzinco], и шли восемнадцать дней по разным местностям, пока не пришли в названную местность Толанцинко, где построили огромнейший дом из досок, где вмещался весь народ; и пробыли там почти семнадцать лет, и на третий год насчитывался срок в сто четыре года, которые прошли с тех пор, как они ушли из своей родины, и это было два шиумольпилли [xiuhmolpilli], будучи годом Се-Текпатль …; и они перенесли величайшие тяготы, и женщины рожали в пути; первооткрывателем был Акамапичцин [Acamapichtzin], который в третий раз открыл новую землю, и далее мы сделаем сообщение об их жизни и местонахождении в этих землях, и так же, как во всех местах, куда они приходили, оставили людей для заселения этих земель, как я уже сказал вначале.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ НАУА
В ИЗЛОЖЕНИИ ХУАНА ДЕ ТОРКЕМАДЫ.

(В. Н. Талах)

Хуан де Торкемада принадлежит к многочисленным представителям плодовитой францисканской историографии Нового Света (он никак не связан с семьей известных кастильских церковников XV в., к которой относятся кардинал Хуан де Торкемада и знаменитый великий инквизитор Томас де Торкемада). Родился Хуан между 1557 и 1565 гг., по всей видимости, на Пиренейском полуострове, но еще в раннем возрасте переехал в Мексику, где вступил в орден Святого Франциска. Возможно, некоторое время он был учеником Б. де Саагуна и Х. де Мендиеты. Более или менее достоверные сведения о Торкемаде известны со второй половины 1690-х гг., когда он стал настоятелем францисканского монастыря в Тлашкале. Впрочем, тесное знакомство с традицией Тескоко, широкое использование сведений, происходящих из этого города, практически не оставляет сомнений, что ранее он достаточно продолжительное время провел там. После Тлашкалы брат Хуан служит настоятелем францисканских монастырей в Сакатлане-де-Лас-Мансанас, в 1601 г. — в Пуэбле, в 1604 г. мы встречаем его в Мехико руководителем работ по ремонту дамб и акведуков Кальсада-де-Лос-Мистериос и Чапультепек, а в начале 1605 г. — уже настоятелем монастыря Сантъяго-де-Тлателолько, одного из главных центров францисканцев в Мексике, где он руководит украшением обители. Как долго Торкемада занимал эту должность, неясно (исходя из того, что обычно настоятельство у францисканцев продолжалось три года — до 1607), но в 1609 брат Хуан назначается официальным хронистом Серафического ордена в Новой Испании, а под 1613 г. упоминается как настоятель монастыря в Шочимилько. Умер он в 1624 г., будучи монахом монастыря Сантъяго-де-Тлателолько.

Факт назначения на должность официального хрониста мексиканских францисканцев указывает на признание орденским руководством писательских способностей Торкемады, хотя из всего его наследия сохранились и были опубликованы две работы: агиографическое сочинение «*Жизнь и чудеса святого исповедника Христова брата Себастиана де Апарисио, брата-послушника Серафического Ордена святого Отца Франциска из провинции Святого Евангелия*», напечатанное в Тлателолько в 1602 г., и грандиозный труд в 21-й книге, озаглавленный «*Двадцать одна следующая обычаю книга Индейской Монархии о происхождении и войнах западных индийцев, их расселении, открытии, завоевании, обращении и других чудесах этой земли*» («Los veinte y un libros rituales y Monarquía Indiana, con el origen y guerras de los indios occidentales, de sus poblazones, descubrimiento, conquista, conversión y otras cosas maravillosas de la mesma tierra «), более известный как «*Индейская Монархия*». Начат он был, по всей

видимости, между 1592 и 1593 гг., закончен к 1613 г. и напечатан в Севилье в 1615 г. По содержанию книгу можно разделить на три части. Первая посвящена происхождению и истории народов Центральной Мексики до Конкисты. Во второй, имеющей характер этнографического очерка, речь идет об индейских искусстве, религии, ремеслах, системах управления, законах, способах ведения войны и т.д. Наконец, третья часть касается завоевания Мексики испанцами и обращения индейцев, в первую очередь, об усилиях францисканцев на этом поприще. Как показывает анализ текста, Торкемада основывался на рисуночных кодексах (которые он, по всей вероятности, понимал, по крайней мере, частично), устной индейской традиции, а также, по преимуществу, на работах своих предшественников, в частности, Бернардино де Саагуна, Андреса де Ольмоса, Мотолинии, Франсиско Хименеса, Херонимо де Мендиеты, Франсиско Лопеса де Гомары, Антонио де Эрреры. При этом, в изложении доиспанской истории Центральной Мексики Торкемада, в отличие от, скажем, Хуана де Товара или Диего Дурана, которые опирались на мешикскую традицию, следовал по преимуществу традиции тескоканских акольуа. Вероятно, вследствие этого обстоятельства соответствующие части «Индейской Монархии» очень близки к сочинениям Ф. де Альва Иштлильшочитля, хотя в большинстве случаев речь идет не о заимствованиях Иштлильшочитля из Торкемады, а об использовании тех же источников (возможно, Иштлильшочитль получил каким-то образом доступ к архиву Торкемады).

«Индейская монархия» была переиздана в 1723 г. в Мадриде, а затем в 1975–1983 гг. в Мехико (издание Национального Автономного Университета Мехико).

Перевод приводимых ниже отрывков выполнен В.Н. Талахом на основании издания:

Torquemada Juan de. Monarquía Indiana. De los veinte y un libros rituales y monarquía indiana, con el origen y guerras de los indios occidentales, de sus poblazones, descubrimiento, conquista, conversión y otras cosas maravillosas de la mesma tierra. Vol.1. — México: Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM), 1975. — P. 49–51, 55–57; Vol.3. — México: Universidad Nacional Autónoma de México (UNAM), 1977. — P. 349–352.

ХУАН ДЕ ТОРКЕМАДА

Двадцать одна следующая обычаю книга Индейской Монархии о происхождении и войнах западных индийцев, их расселении, открытии, завоевании, обращении и других чудесах этой земли.

Отрывки.

Книга первая. Глава XII. О других мнениях и суждениях о том, как заселили эти земли согласно сообщениям самих индейцев (отрывок)**.**

Следуя далее в нашем исследовании относительно разных сведений и мнений, которые имелись в порядке объяснения взаимоотношений, происхождения и начала этих народностей, которые заселили Новую Испанию, |установили, что| было почти всеобщим мнением, что они имели таковым одного древнего и почтенного старца по имени Истак Мишкоатль [Iztac Mixcuatl], который проживал в некоем месте, называемом Семь Пещер (о котором мы уже упомянули в предыдущей главе); и тот, будучи женатым на Иланкуэитль [Ilancueitl] , имел от неё шестерых сыновей; первого звали Шельуа [Xelhua], второго Теноч [Tenuch], третьего — Ольмекатль [Ulmecatl], четвертого — Шикаланкатль [Xicalancatl], пятого — Миштекатль [Mixtecatl], и шестого — Отомитль [Otomitl]. От этих шестерых сыновей (если доверять тому, что я нашёл написанным в книгах их рисунков) происходят великие народы (почти как читают о сыновьях Ноя). О первом, называемом Шельуа, говорят, что он заселил Куаукечолу [Quauhquechola], Ицокан [Ytzocan], Йепатлан [Yepatlan], Теопантлан [Teopantlan], а затем Теуакан [Tehuacan], Костатлан [Coztatlan] и Теотитлан [Teotitlan]. От второго (называемого Теночем) происходят те, кто зовётся теночками [tenuchca] (каковые являются собственно мексиканцами, называемыми по другому мешиками [mexica]). От третьего и четвертого, называемых Ольмекатль и Шикаланкатль, также ведут происхождение многие племена и народы. Эти поселились там, где сегодня построен и заселён Город Ангелов[519] и в Тотомиуакане [Totomihuacan] (который находится в лиге к югу от названного города), и с течением времени имели большие войны, и их неприятели (каковыми были многочисленные селения той округи) разрушили Уицилапан [Huitzilapan] и Куэтлашкоуапан [Cuetlaxcohuapan], которые находились на том самом месте, где сегодня расположен Город Ангелов, и большую часть Тотомиуакана. Шикаланки отправились также поселиться в сторону Коацауалько [Cuatzahualco] (что возле северного побережья) и дальше на том самом побережье есть селение, называемое Шикаланко [Xicalanco], в котором они имели обычай вести большую торговлю, потому что собирались

---

[519] Сьюдад-де-Лос-Анхелес [Ciudad de los Angeles] — современная Пуэбла-де-Сарагоса, главный город мексиканского штата Пуэбла.

многочисленные купцы из разных мест и отдаленных земель, шедшие туда заниматься делами. Имеется и другое селение с тем же названием в области Машкальцинко [Maxcaltzinco], возле порта Веракрус, которое, кажется, тоже было заселено шикаланками; и хотя оба расположены на том же побережье, от одного до другого немалое расстояние. От пятого сына, Миштекатля, происходят миштеки [mixtecas], жители того большого царства, называемого Миштекапан [Mixtecapan], что имеет около восьмидесяти лиг от первого селения, которое находится в части по направлению к Мешико и называется Акатлан [Acatlan], до последнего, называемого Тототепек [Tototepec], расположенного на побережье Южного моря. От последнего и самого младшего сына по имени Отомитль ведут происхождение отоми [otomies], являющиеся одной из главнейших народностей Новой Испании; ведь все высоты в горах вокруг Мешико полны ими, кроме областей Шилотепек [Xilotepec] и Тола [Tula], и это их центр, и во многих из областей Новой Испании они есть, в большом или малом числе.

Глава XIV. Как тольтеки заселили эти земли Новой Испании после гигантов, и сообщается, как они погибли и исчезли.

Тольтеки (согласно древним историям) были вторыми поселенцами в этих землях после упомянутых в предыдущей главе гигантов, особенно в этом углу и части |света|, называемой Новая Испания. Эти тольтеки заняли эти области как их владыки и хозяева. Говорят о них, что они имели сведения о сотворении мира, и о том, как человечество было уничтожено Потопом, и о многих других событиях, которые содержались в их рисунках и историях. И говорят также, что они имели сведения о том, как еще раз мир должен будет погибнуть, истреблённый огнем, что должно быть то же самое, что говорят о древних, что они поместили многие вещи на двух колоннах, одной из металла и другой из кирпича или камня, чтобы, если произойдет какой-нибудь пожар, осталась бы кирпичная колонна; но так как у меня нет полной уверенности в этом деле, каковой требовала бы истина о нём, я не буду очень заботиться о том, чтобы углубляться в эти рассуждения.

Говорю только, что «тольтека» означает «человек-искусник» [artífice], потому что люди этой народности были великими искусниками, что и сегодня видно во многих частях этой Новой Испании по развалинам их главных сооружений, как в селении Сан-Хуан-Теотиуакан [San Juan Teotihuacan], в Толле и Чололле [Cholulla], и во многих других селениях и городах.

Эти тольтеки говорят, что пришли со стороны запада, и что их вели семеро владык или полководцев, которых звали Цакатль [Tzacatl], Чалькацин [Chalcatzin], Ээкацин [Ehecatzin], Коуацон [Cohuatzon], Циуак-Коуатль

[Tzihuac Cohuatl], Тлапальмецоцин [Tlapalmetzotzin] и седьмого и последнего — Мецоцин [Metzotzin], и что они привели с собой много народа, как женщин, так и мужчин, и что были изгнаны из своей отчизны и своего народа. И говорят о них, что они принесли маис, хлопок и остальные злаки и овощи, имеющиеся в этой земле; и что были великими искусниками в обработке золота и драгоценных камней и многих других достопримечательностей.

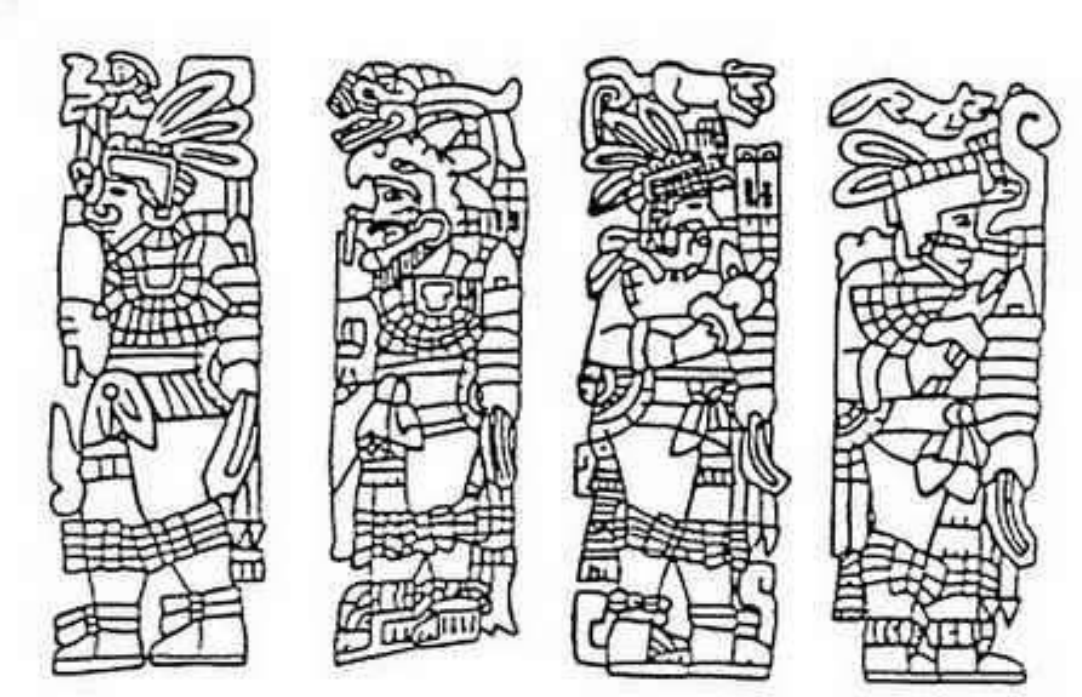


Рисунок 79. Тольтекские воины. Рельефы на столбе «Храма В» в Туле.

Они ушли из своей родины (которая называлась Уэуэтлапалан [Huehuetlapalan]) в году, который они называли Се-Текпатль [ce tecpatl], и в течение ста четырёх лет блуждали по разным частям этого Нового Света, пока не прибыли в Толанцинко [Tulantzinco], где сосчитали век [edad], каковой составляло время от их ухода из своей земли и отчизны; и первым городом, который они основали, была Толла, в двенадцати лигах к северу от Мешико, и более чем в четырнадцати от упомянутой местности Толанцинко, поскольку в то время она не должна была им понравиться, хоть и была хорошей, и оставили её на востоке и отправились в упомянутую Толлу к западу. В этом месте первого царя, которого они имели, звали Чальчиутланешцин [Chalchiuhtlanextzin], и он начал царствовать и править в год Чикоме-Акатль [chicome acatl], и умер на пятьдесят втором году своего правления. И затем ему унаследовал Иштлилькуэчауак [Ixtlilcuechahuac], в такой же год, и правил еще столько же лет, потому что эти тольтеки имели в качестве закона, что их цари не должны были править более пятидесяти двух лет, и также не менее, если был жив и они того хотели; потому что такое число составляло их шиутлальпиле [xiuhtlalpile] (как они называли один |свой| век), и затем начинал править его преемник, если исполнялись

пятьдесят два года, хотя бы его отец оставался в живых, а если умирал ранее этого срока, управляла республика, пока не наступал упомянутый год, и тогда вручали правление тому, кому оно по закону подобало. Иштлилькуэчауаку [Ixtlilcuechahuac] наследовал на царстве Уэцин [Huetzin], а Уэцину — Тотепеу [Totepeuh], а Тотепеу — Накасшок [Nacazxoc], а этому другой, называемый Митль [Mitl], который построил храм Богини-Лягушки. Этому наследовала царица Шиуцальцин [Xiuhtzaltzin], которая правила четыре года. Этой наследовал Текпанкальцин [Tecpancaltzin], по другому именуемый Топильцин [Topiltzin], в чьи времена погибли тольтеки. Этот царь имел двоих сыновей-мужей, которых звали Шилоцин [Xilotzin] и Почотль [Pochotl], от которых потом произошли цари Кольуакана [Colhuacan], спасшихся с другими владыками и простолюдинами в разных частях этой Новой Испании, особенно на берегах озера Тецкоко [Tetzcuco] и на побережье Южного и Северного морей; ибо так как все явления бренной жизни имеют конец, будучи подвержены разрушению (о чем говорит святой Павел), позволило божественное величие Господне, чтобы эти народы и люди погибли и пришли к своему концу, и появились другие, которые последовали за ними и заселили области, беззащитные и опустошенные всепожирающим временем.

Были тольтеки народом рослым и хорошо сложенным (как рассказывают историки акольуа [aculhuas]). Ходили одетыми в длинные белые рубахи. Были маловоинственны и более преданны искусству обработки камней (что и означает «тольтека», как мы уже сказали), как и некоторым другим искусствам.

Путь их упадка, разрушения и гибели (согласно тому, что услышали об этом от тех очень немногих, кто остался от них на земле) был таков, что, когда они были преследуемы и угнетаемы неким царем или царями в течение более чем пятидесяти лет, и так как показалось им, что эти преследования происходили от того, что они прогневили своих богов (ибо были великими идолопоклонниками), решили устроить общее собрание всех значительных жрецов, знатных и владык, имевшихся в том царстве, в одном месте, называемом Теотиуакан [Theotihuacan], которое находится сейчас в шести лигах к северу от великого города Мешико, чтобы справить празднества своим богам с намерением угодить им и умилостивить великий гнев (по их мнению), каковой те против них имели. И когда они уже собрались и начали своё празднество при большом стечении народа, собравшегося на слух о нём, в разгар празднования к ним явился огромный великан и принялся танцевать с ними; и хотя могло статься, что они встретили неожиданного призрака с некоторой опаской по поводу того, что могло бы причинить им его присутствие, так как был он чересчур большой и уродливый, с длинными и тонкими руками, всё же приняли его, ибо по их мнению это было неизбежно, поскольку он пришёл по предопределению их вымышленных и недостойно почитаемых богов; а тот во время хороводов, которые с ними водил, стал обниматься с ними, и скольких хватал своими руками (как второй Геркулес

Антея), стольких лишал жизни, непременно отправляя их к мертвым. И таким образом и способом устроил этот призрак в тот день великую бойню среди танцоров.

На другой день у них явился демон в виде другого великана, с очень длинными руками и пальцами на них, как вертела, и, танцуя с ними, понанизывал на них |танцующих|; и таким образом в тот день демон |опять| устроил у них великую бойню.

И ещё раз (когда они продолжали свои празднества, чтобы увидеть их завершение и услышать желанный оракул, ради чего и справляли праздник своим ложным богам) явился им тот же демон на высоком холме[520], находившемся в упомянутой стороне, соответствующей западу, в образе и виде одного очень белого и красивого ребенка, сидевшего на скале, и с целиком сгнившей головой, и от великого смрада, который от неё шёл, очень многие умерли, словно отравленные смертельным и ядовитым зельем; и когда присутствовавшие увидели столь великое зло, которое причиняли им его вид и состояние, решили забрать его и, волоча по земле, доставить к одному большому и обширному заливу, находившемуся в незначительном отдалении от того места (которое сегодня называется заливом Мешико[521]), и хотя они замыслили это и старались всеми силами, это оказалось невозможным, потому что большей была сила демона, которой он защищался и сопротивлялся; и в разгар этих стараний и усилий, с которыми тольтеки пытались вытащить мальчишку с того места и отнести его в залив, к ним явился демон и сказал, что в любом случае им следовало бы покинуть эту землю, если они хотят спасти жизни; ибо в той, которой они обладают, время сулит им только смерти, разрушение и бедствия, и что невозможно избежать этих угроз, если их тела не будут в другом месте [si no era ausentando los cuerpos]; и что он просил их, чтобы они последовали за ним и без колебаний стали сопровождать его, и что он обеспечил бы им спасение и привёл в места, где они проводили бы жизнь в спокойствии и отдыхе. И когда удручённые тольтеки увидели, что без возможности противостоять увеличиваются их бедствия, и что самым надежным средством от них было бы принять его совет, сочли его добрым и, оставив эту землю, отправились вслед за ним, одни к северу, а другие на восток, в соответствии с тем, как они разделились в видении того, что каждому из них показалось; и так они заселили Кампеч и Куаутималу, согласно тому, что собрано в историях акольуа, являющихся знаками и изображениями, при помощи которых эти туземцы писали[522].

---

[520] Называемом *Hueitepetl*, что означает «Большой холм» *(примеч. Х. де Торкемады)*.

[521] То есть, озеро Тескоко.

[522] Эти сведения отражают факт миграции народов науа в районы Табаско, Горной Гватемалы и современного Сальвадора, в частности, потомками переселенцев являются пипили (науат) юго-востока Гватемалы и западного Сальвадора. Существенные следы науаязычные переселенцы оставили в топонимике и антропонимике горной Гватемалы (само название «Гватемала» происходит от науатланского *Quautimallan*). В исторической традиции киче и какчикелей («Пополь-Вух», «Летопись какчикелей») в

Рисунок 80. Тольтекские воины. Рельефы на столбе «Храма В» в Туле.

качестве прародины правящих родов этих народностей указывается «Тулан», то есть, Толлан, впрочем, в «Пополь-Вух» он отождествляется с прародиной некоторых майяских народов, называемой Суйва [Zuyua] и с общенауатланскими «Семью Пещерами» («Tulan Zuiva Vvcub Pec Vvcub Zivan vbi tinamit», «Тулан Суйва Семь Ущелий Семь Пещер — название города», «Пополь-Вух», стр. 35verso). Традиция возводить свое происхождение к выходцам из Мексики бытовала и среди индейской знати Юкатана. Например, «Документы из Вальядолида» (выписки из протокола судебного процесса, который происходил в Вальядолиде на Юкатане с участием потомков индейской знати в 1618 году) сообщают: «что вышеназванные, указанные в вопросе, пришли из царства Мехико [Mexico] и заселили эти провинции, и что были народом воинственным и доблестным, и господами, и потому населили Чичен-Ицу [Chicheniça] одни, а другие отправились к югу, чтобы заселить Бакалар [Bacalar], и к северу, чтобы заселить побережье, ибо было трое или четверо владык, и один, которого звали Тумис Поль Чикбуль [Tumispolchicbul], был родственником [deudo] Моктесумы [Moctezuma], короля, бывшего в королевствах Мехико …» (The Maya Chronicles/ Edited by Daniel G. Brinton. — New York: 1969. — P. 114). «Сообщение из Теавитека и Тисколума [Teavitec y Tiscolum]» приписывает мексиканское происхождение легендарному первому правителю Ушмаля Хун Вициль Чаку: «Говорят, что первым из них [владык области, где расположены эти селения — В.Т.] был именуемый Хун Вик’иль Чик [Hunuikilchic], владыка Ушмаля [vxmal], поселения древнейшего и весьма выдающегося сооружениями, уроженец Мексико, и оттуда он пришёл во все прочие провинции, и в качестве возвеличения и особенной вещи говорят, что он был очень мудрым относительно явлений природы и в свое время научил обрабатывать землю, распределил месяцы года и научил буквам, которые использовали в названной области Мани, когда пришли конкистадоры» (Relaciones de Yucatán // Collección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organización de los antiguos posesiones españolas de Ultramar. Segunda serie. Tomo núm. 11. — Madrid: 1898). Чисто науатланскими являются приведенные в «Книгах Чилам Балам» из Мани и Тисимина имена семерых майяпанских полководцев (Кнорозов Ю.В. Письменнсть индейцев майя. — С.60), однако, в данном случае речь может идти о наемниках из Табаско, об использовании которых правителями Майяпана упоминает Ланда. Наконец, среди родовых имен юкатанской знати встречаются науатланские по происхождению Нават [Nauat] и Ивит [Iuit].

Когда мешики прибыли в эти местности, район Толлы уже был заселен многочисленными людьми; ибо согласно достоверным сведениям из самых обстоятельных историй этих народностей, на семисотом году от воплощения Сына Божия его начали заселять те, чьим первым полководцем и вождём был называемый Тотепеу [Totepeuh], который прожил многие годы в большом спокойствии и мире, будучи доблестным и прославленным государем, и по его кончине и смерти жители этой области Толлы провозгласили царем другого, называемого Топиль [Topil], который процарствовал пятьдесят лет. Ему унаследовал царь Уэмак [Huemac], о котором мы упоминаем в другой части, где ведем речь об обманах Кецалькоуатля. Этот Уэмак был царем очень могущественным и очень грозным, который заставил почитать себя как бога, и он вышел из Толлы расширить свое царство за счет некоторых частей этой Новой Испании. И всё время своего царствования он был занят завоеванием и приобретением земель и областей, следуя более гордыне войска и битв, чем спокойствию и тишине мира; и так как этот названный царь обычно отсутствовал, постоянно занятый войнами, тольтеки провозгласили своим царем и владыкой Науйоцина [Nauhyotzin][523], который был вторым владыкой, природным чичимеком, и тот тоже ушёл из Толлана и направился к этому заливу с большим количеством народа, чтобы завоевать то, что можно было, в его окрестностях. Он процарствовал более шестидесяти лет, и после его смерти царство было отдано Куаутешпетлатлю [Cuauhtexpetlatl], которому унаследовал Уэцин Ноноалькатль [Huetzin Nonohuatlcatl][524], а после него царствовал Ачитометль [Achitometl], а затем Куаутональ [Quauhtonal], и на десятом году его царствования мешики пришли в Чапольтепек, таким образом, что когда эти мешики были в городе и области Толлы, еще не был ни царём, ни её владыкой этот государь (как говорит Гомара[525]). Но, следуя далее в счете и последовательности этих тольтекских царей, скажем что у этого упомянутого Ачитометля унаследовал владычество Масацин [Mazatzin], а Масацину унаследовал Кецаль [Quetzal], а за ним пришёл Чальчиутона [Chalchiuhtona], а ему унаследовал Куаутлиш [Quauhtlix], а Куаутлишу — Йоуаллатонак [Yohuallatonac], а за ним царствовал Циутекатль [Tziuhtecatl][526], и говорят, что на третьем году царствования этого владыки мешики пришли туда, где находится сейчас город Мешико. И когда умер Циутекатль унаследовал его царство Шиутемокцин [Xiuiltemoctzin], а этому унаследовал Кошкоцин [Coxcotzin][527].

[523] В традиции науа Науйоцин рассматривается как основатель царской династии Кольуакана, куда он ушел из Толлана. Традиционные годы его правления — 1026–1072 или 1130–1176. В изложении происхождения и последовательности правителей Кольуакана (которых он считает правителями Толлана) Торкемада следует Гомаре (Gómara, Francisco López de. Historia de la Conquista de México / Ed. Jorge Gurria Lacroix. — Caracas (Venezuela), 1979. — P. 435), который, в свою очередь, пользовался источником, общим с «Летописью Куаутитлана».

[524] Торкемада ошибочно объединяет Уэцина и Ноноалькатля, в других источниках это разные лица.

[525] «И после Ачитометля унаследовал Куаутональ, и на десятом году его царствования мешики пришли в Чапольтепек» (Gómara. Op. cit. — P. 435.)

[526] У Гомары — Сиутетль [Ciuhtetl].

[527] Кошкош [Coxcox]. Его правление относят к 1300–1324 или 1352–1376 гг.

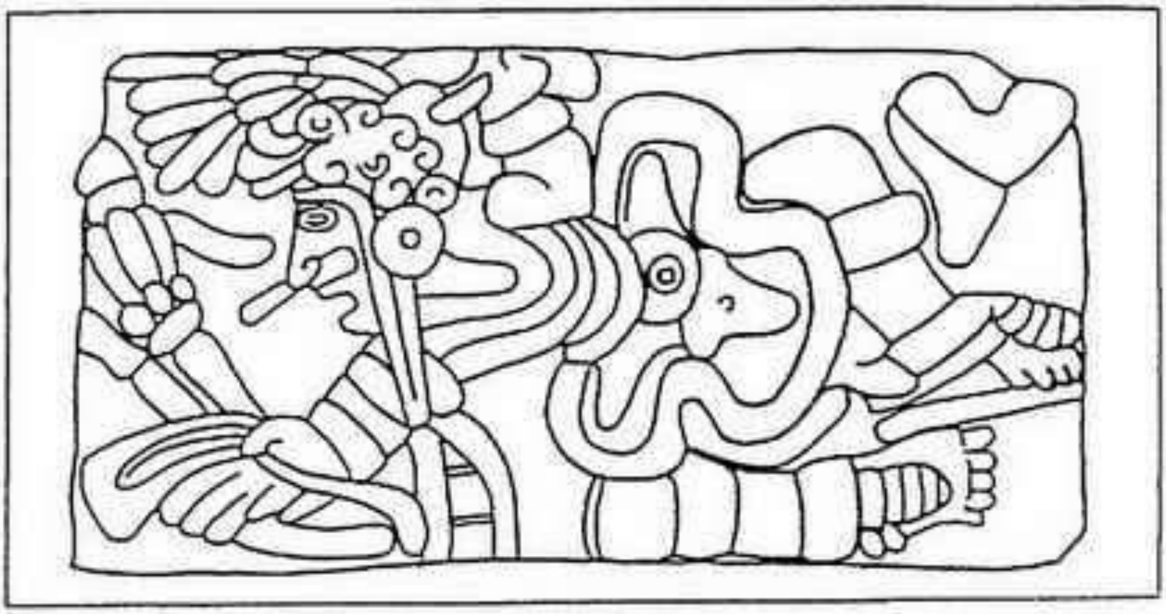


Рисунок 81. Тольтекский воин. Рельеф из «Паласио Кемадо» в Туле.

Итак, когда была заселена эта область Толлы, с тем происхождением и началом, о которых мы сказали, некоторое время после этого заселения, пришли с северной стороны некие народности, которые прибыли по морю в местности Пануко [Pánuco]. Эти народы были людьми хорошо одетыми и хорошо убранными, в широких одеждах, похожих на турецкие, или из черного полотна, как сутаны клириков, открытые спереди и без капюшонов, и с вырезом для шеи, и с короткими и широкими рукавами, не доходившими до локтей, и по сегодняшний день некоторые из этих одежд используют местные жители во время своих танцев, представляя те народности. Эти народы прошли из Пануко далее с добрыми намерениями, не сталкиваясь с какими-либо битвами и сражениями, и прошли мало-помалу до Толлы (куда прибыли, и были приняты и гостеприимно встречены уроженцами той области), и там их очень одарили, так как они были народом очень знающим и умелым, с большими знаниями и умениями, и обрабатывали золото и серебро, и были великими искусниками во всяком ремесле, и являлись прекрасными камнерезами, выше всякого предела, и как в тонких работах, так и в других умениях, необходимых для поддержания человеческой жизни, и в обработке и возделывании земли, так что за своё доброе управление и великие умения и способности пользовались большим уважением у них, и куда бы ни приходили, их очень почитали и уважали, и оказывали великие почести. Но неизвестно об этой народности, откуда она могла бы прийти, потому что нет о ней сведений помимо тех, которые мы вначале сказали, что они пришли высадиться в гавани в области Пануко. Полагают, что это были некие римляне или карфагеняне, которые из-за ужасных бурь могли быть отнесены к какому-то побережью из тех, что лежат к северу, и так как им не на чем было вернуться, пройдя через столь обширное море, они рискнули

войти во внутренние области. Другие полагают, что это должны были быть некие ирландцы. И это, чтобы не впадать в несуразицы, на суд одного лишь Господа можно оставить. Основание, которое приводят, что это должны были быть ирландцы, состоит в том, что они выделялись лицами [se rayaban las caras], как те, и ели человеческое мясо, и что они находились очень близко от Островов Бакальяо[528], и пролив, который имеется, также очень узкий, где они также могли бы прибыть и пройти.

Рисунок 82. Кецалькоатль. Ватикан.

И когда эти новые народы увидели, что не смогут прокормиться в Толле, потому что земля была очень густо заселена, постарались пройти далее и пришли поселиться в Чололлан, где были в последующем очень хорошо приняты, и где точно знают, что они породнились с местными жителями и оставались, поселившись и укоренившись там, долгое время. И

[528] Острова Бакальяо (*Bacalao, Bachalaos, Bacalhau, Bacalhaus, Bacalaieu, Baccalar*), «Тресковые острова» — вымышленная земля, представленная на картах XVI века (впервые в 1508 г.) в западной части Северной Атлантики. Слухи о ней возникли, по всей вероятности, в связи с экспедицией поргугальского мореплавателя Жуана Ваша Корти-Риала (João Vaz Corte Real), который будто бы открыл в 1472 г. в северо-западной Атлантике «Землю Бакальяу» (по всей видимости, Ньюфаундленд).

рассказывают об этом событии один рассказ, и он следующий: что когда прежде эти народы пришли в Толлан, они привели с собой в качестве вождя, который ими правил, очень знатную особу, которую звали Кецалькоуатль [Quetzalcohuatl] (которому в дальнейшем чолольтеки поклонялись как богу). И считается очень достоверным, что был он хорошо сложен, белый, и рыжеволосый, и бородатый, и доброго нрава; и что когда он находился в Толлане, совершили по отношению к нему прелюбодеяние тамошние владыки, особенно Тецкатлипока [Tetzcatlipuca] и Уэмак, и что, узнав о своей злой участи, он ушел из Толлана очень разгневанным и отправился в Чололлан, где прожил много лет со своими людьми, которых отправил оттуда в области Уашйакака [Huaxyacac], чтобы заселить их и всю эту Нижнюю и Верхнюю Миштеку[mixteca baja y alta], и цапотеков [tzapotecas]; и об этих народах говорят, что они построили те большие и великолепнейшие сооружения в Миштлане [Mixtlan] (что означает «преисподняя» на языке мешиков), которые несомненно являются строением, достойным восхищения [muy de ver], из чего можно сделать вывод о тех, кто это создал и построил, что были они людьми великого разумения, и во многом, и больших сил. И так как эти люди, как ранее я сказал, проявили умение во многих хороших делах, предназначенных для человеческого употребления (как выше мы рассказали), отсюда сделали вывод, назвав их искусниками во всяком совершенстве и утонченности; и так тех, кто были мастерами в каком-либо искусстве, утонченными и изысканными дарованиями в нашем понимании, местные жители называли «тольтекатль» [tultecatl], что означает, как если бы мы говорили «искусник», взяв это имя первоначально от селения Толлан, куда пришли остановиться тольтеки. И так по этой причине город Чололлан называют сегодня Толлан Чололлан [Tollan Cholullan], а чолольтеков называют по преимуществу «великими тольтеками», потому что они большие искусники, и отсюда идет обычай называть рассудительных людей, которые ведут свои дела с рассудительностью, великими тольтеками. Таким образом, этот вывод содержит в себе мудрость, и действительно эти чолольтеки являются великими мастерами по серебру, хотя не с молотком и инструментами каменщика, но отливая его в изящных формах, и величайшими мастерами по камню, не в том, чтобы постичь качества камней и применить какие-либо их свойства, но чтобы иметь их в качестве ценимых вещей и в большой цене; однако, умели обрабатывать их, и обрабатывали и полировали их с большим совершенством, с которым из наметок и заготовок их полировали и придавали им форму различными приёмами во многих размерах, подобиях и образах, и покрывали их резьбой, какая была необходима, изготовляя изображения и фигуры, которые от них хотели, с изящной и тонкой резьбой всех видов, о какой их просили.

Вернемся, однако, к рассказу, который мы вели о тольтеках, каковые, после того как прошли к Чололлану (и чьим вождём был Кецалькоуатль) и долгое время находились в упомянутом городе Чололлане, и также

породнились с его древними обитателями, и многие из них отправились в области Уашйакака поселиться |там| по приказу упомянутого Кецалькоатля, получили известие, что Уэмак (его заклятый враг) шел со многими людьми в поисках его, и повсюду, куда приходил, разрушал и уничтожал всё, что находил в областях, по которым проходил, и совершал многие жестокости и притеснения. И так как этот упомянутый Кецалькоуатль считал царя Уэмака великим воином, он не захотел его дожидаться и решил уйти из города; и так он сделал, и отправился с очень большой частью своих людей, и в качестве предлога своего ухода сказал, что идёт посетить другие области и народы, которые отправил заселить земли Оноуалько [Onohualco][529], соседние с морем, каковые мы сегодня называем Юкатан [Yucatán], Табаско и Кампеч[530],

[529] Искаженное *Nonohualco* («Ноновалько»).

[530] Сообщения о приходе Кецалькоатля (в майяском переводе — К'ук'улькан) на Юкатан содержат также источники, восходящие к майяской традиции. Наиболее подробное приводится в «Сообщении о делах в Юкатане» Д. де Ланды: «По мнению индейцев, с ицами, которые поселились в Чичен-Ице, царствовал великий владыка К'ук'улькан [Cuculcan]. И показывает, что это истина, главное здание [в Чичен-Ице — В.Т.], которое называется К'ук'улькан. И говорят, что он пришёл с западной стороны, но они расходятся между собой, пришёл ли он ранее или позже ица, или вместе с ними, и говорят, что он был благосклонным [bien dispuesto], и что не имел ни жены, ни детей, и что после своего ухода считался в Мексике одним из их богов, и его называли Кецалькоатль [Cezalcohuati], и что на Юкатане его также сочли богом, так как он был великим государственным деятелем [gran republicano], и это видно по порядку, который он установил в Юкатане после смерти сеньоров, чтобы смягчить раздоры, вызванные в стране их смертью. Этот К'ук'улькан занялся основанием другого города, договорившись с природными владыками страны, в который он и они могли бы прийти, и чтобы туда перешли бы все дела и торговля, и для этого они выбрали очень хорошее место в 8 лигах вглубь страны от современной Мериды и в 15 или 16 лигах от моря, и они окружили его очень толстой стеной из сухого камня, приблизительно в полчетверть лиги, оставив только двое узких ворот, а стена была не очень высокая; и посреди этой ограды они построили свои храмы и наибольший, подобный храму в Чичен-Ице, назвали К'ук'улькан, и построили другой, круглый, с четырьмя дверями, отличный от всех в этой стране, и много других вокруг, друг возле друга, и внутри этой ограды они построили дома только для владык между которыми разделили всю страну, дав каждому селения согласно древности его рода и личным заслугам, и К'ук'улькан дал городу не своё имя, как сделали ицы в Чичен-Ице, что означает «колодец ица», но назвал его Майяпан [Mayapan], что значит «знамя майя», ибо они язык страны называют «майя», индейцы же называют этот город Ичпа [Ychpa], что значит «внутри ограды». К'ук'улькан прожил с владыками несколько лет в этом городе, затем оставил их в глубоком мире и дружбе и возвратился по той же дороге в Мексику, и по дороге он остановился в Чампотоне [Champoton] и в память о себе и своём уходе воздвиг в море прекрасное здание, наподобие тех, что в Чичен-Ице, на расстоянии хорошего броска камнем от берега, и что так К'ук'улькан оставил о себе на Юкатане вечную память» (Landa D. de. Relación de las cosas de Yucatán // Collection de documents dans les langues indeènnes pour servir à l`etude de l`histoire et de la philologie de l`Amérique Ancienne. Volume Troisième. — Paris: 1864. — P. 34–38). О «мексиканском военачальнике К'ук'улькане/Кецалькоатле» упоминают также некоторые «Сообщения из Юкатана», ответы местных энкомендеро на разосланный испанским правительством в конце 1570-х гг. опросник, в частности, «Сообщение из Текауто и Тепакана [Tecauto y Tepacan]»: «… говорят, что первые поселенцы Чичен-Ицы [Chicheniza] не были идолопоклонниками, пока К'ук'алькан [Ruralcan], полководец [capitan] мексиканцев, не вторгся в эти земли, каковой научил их идолопоклонству …»; «Сообщение из К'инакама или Мошошипе [Quinacama o Moxoxipe]»: «Говорят старики этой провинции, что в древности, восемьсот лет тому, в этой земле не идолопоклонствовали, и после того как в неё вторглись мексиканцы, и ею овладел один полководец, который звался Кецалькуат [Quetzalcuat] на языке мексиканцев, что означает на нашем «оперение змеи», и между ними давали это имя некоему гаду потому, что, как говорят, он имел оперение, и этот вышеназванный капитан ввёл у них идолопоклонство в этой стране и употребление идолов вместо богов …»; «Говорят, что первые поселенцы Чичен-Ицы не были идолопоклонниками, пока Кукалькан [Rukalcan], мексиканский полководец, не вторгся в эти провинции, каковой научил идолопоклонству…» (Relaciones de Yucatán. — P. 121, 235, 270–271). Предполагаемое возвращение Кукулькана в «двадцатилетие» 4-Ахав предвещает пророчество из «Книги Чилам Балам» из Чумайеля: «придёт К'ук'улькан вслед за ними второй раз» (Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. — С.91).

и все те области местные уроженцы называли в пору их язычества Оноуалько.

Рисунок 83. Пирамида в Чолуле.

Наконец, когда Кецалькоуатль увидел, что вышел против него упомянутый Уэмак с таким большим войском и силами, он не захотел его ждать и, может быть, уклонился от этого потому, что чувствовал себя уже очень старым, или чтобы больше не иметь стычек с ним и чтобы не подвергать сомнению и опасности свою славу и людей, опасаясь погубить их, или чтобы сохранить то, чем овладел и что заселил, и его намерения мы не знаем. Говорят только, что он ушел и не захотел ждать его.

И когда Уэмак вошел в город и место, где рассчитывал найти своего недруга Кецалькоуатля, и узнал, что тот ушёл, очень раздосадовался и в гневе учинил большую резню всех тех, кого смог найти в этой стране, и до того дошёл страх, который он внушил, что заставил почитать себя как бога, притязая на то, чтобы этим истребить и затмить славу, которую оставил по себе в этом городе Кецалькоуатль, и сделаться владыкой не только города Чололлана, но также Куаукечолана [Quauhquechulan], Ицойакана [Itzyucan], Атлишко [Atlixco] и всех областей Тепейакака [Tepeyacac], Текамачалько [Tecamachalco], Кечолака [Quecholac] и Теуакана [Tehuacan], и во всех их он был царем и владыкой и даже почитался в дальнейшем всеми ими как бог.

Сказания о тольтеках в «Летописи Куаутитлана».

(В. Н. Талах)

«Летопись Куаутитлана» называют самым цитируемым источником по истории доколумбовой Мексики. Этот анонимный текст на науатль содержится на страницах 1–68 того же рукописного сборника, известного в настоящее время как «Кодекс Чимальпопока», что и «Легенда о Солнцах». При каких обстоятельствах он оказался в распоряжении Ф. де Альва Иштлильшочитля, вероятного заказчика манускрипта — неясно. Г. Васкес Чаморро, исходя из того, что Фернандо обучался в Коллегиуме Святого Креста в Тлателолько, где преподавателями были два уроженца Куаутитлана — Алонсо Бехерано и Педро де Сан-Буэнавентура, — полагает, что «Летопись» если не была составлена, то принадлежала кому-то из них, и от них попала к Иштлильшочитлю. Однако, это не больше, чем предположение, не опровергнутое, но и не доказанное. Из самого текста следует, что он был составлен в 1563 г. с добавлениями, последнее из которых датировано 1570 г.

Практически не вызывает сомнений, что «Летопись» была составлена на основе пиктографического документа (или документов), посвященного в первую очередь истории города Куаутитлана, хотя его составитель обнаруживает знакомство также с исторической традицией Тескоко, Куитлауака и Теночтитлана. Куаутитлан был центром вождества, расположенного к северо-западу от озера Тескоко. В политическом и культурном отношении Куаутитлан практически все время своего существования относился ко «второму эшелону» городов-государств Мексиканской долины, хотя Торибио Мотолиниа называл его четвертым по значению городом ацтекской Мексики после трёх столиц — Теночтитлана, Тескоко и Тлакопана[531]. Кратковременный подъем Куаутитлана пришёлся на вторую половину XIV в., после того как в 1348 г. в первоначально основанном чичимеками городе обосновались переселенцы из раздираемого междоусобицами тольтекского Кольуакана. В 1390-х годах куаутитланцам даже удалось подчинить себе соседний Шальтокан, но в 1407 г. они были разгромлены тепанеками из Аскапоцалько, правитель Шальтемокцин погиб. После этого Куаутитлан навсегда утратил политическую самостоятельность.

«Летопись» после краткой недатированной части, содержащей записи о чисто мифологических событиях продолжается в форме погодных записей, датируемых по календарю науа и охватывающих период от года 1-Акатль, соответствующего 635 г. н.э., и до года с тем же названием, соответствующего 1519 г., году появления в Мексике Кортеса. Примерами пиктографических документов, содержащих такие погодные записи, могут быть «Кодекс Ботурини», рисуночные части «Кодекса Теллериано-Ременсис» и «Кодекса Обен».

531 History and Mythology of the Aztecs: The Codex Chimalpopoca. — P.3–4.

Обращает на себя внимание, что изложение событий с 817 по 1122 г. сосредоточено не столько на истории куаутитланских чичимеков, сколько на тольтеках из Толлана, что связано, очевидно, с сохранением в Куаутитлане традиции кольуаканцев, считавших себя потомками тольтеков. «Летопись Куаутитлана» приводит, пожалуй, самые подробные и самые «историзированные» сведения о тольтеках. Правда, при ближайшем рассмотрении многое в них оказывается теми же самыми мифами о противоборстве Кецалькоатля и Тескатлипоки, о роке Уэмака, только изложенные в стиле исторического повествования.

Степень доверия историков к «тольтекской» части «Летописи» в разное время была разной. Ф. де Альва Иштлильшочитль, который должен был бы знать этот памятник, тем не менее, его данные практически не использует. Наоборот, для сторонников «исторического подхода» второй половины XX века «Летопись» являлась одним из важнейших и наиболее достоверных источников. В свою очередь, критика «исторического подхода» к тольтекам предполагает более осторожное отношение к рассматриваемому тексту.

Перевод фрагмента «Летописи Куаутитлана» на русский язык выполнен В. Н. Талахом по изданию: Bierhorst, John / Trans. and ed. History and Mythology of the Aztecs: The Codex Chimalpopoca. — Tucson: University of Arizona Press, 1992. — P. 23–42.

Летопись Куаутитлана. Отрывок.

|Ицпапалотль, Обсидиановая Бабочка, сказала чичимекам: «Отправляйтесь. Стреляйте на западе, в западных землях. Там вы должны подстрелить синего орла, синего ягуара, синего змея, синего кролика, синего оленя.

Стреляйте на севере, в северных землях, пустынных землях. Там вы должны подстрелить белого орла, белого ягуара, белого змея, белого кролика, белого оленя.

Стреляйте на востоке, в восточных землях. Там вы должны подстрелить|[532]

[1:1][533] жёлтого орла, жёлтого ягуара, желтого змея, жёлтого кролика, жёлтого оленя.

Стреляйте на юге, в южных землях, в землях садов, в цветущих землях. Там вы должны подстрелить красного орла, красного ягуара, красного змея, красного кролика, красного оленя.

[1:5] И когда вы выстрелите из своих луков, вложите добычу в руки Шиутекутли [Xiuhtecutli], старого бога[534], которого должны охранять эти трое: Мишкоатль [Mixcoatl], Тоспан [Tozpan] и Иуитль [Ihuitl]. Таковы имена трёх камней очага»[535] — так Ицпапалотль [Itzpapalotl] учила чичимеков.

[1:10] Когда чичимеки отправились, мишкоа [mixcoa], четыре сотни мишкоа шли во главе. Так они последовали из Девяти Нагорий [Chicnauhtilihuican], из Девяти Равнин [Chiucnauhixtlahuatl].

[1:12] А затем они попали в руки Ицпапалотль, которая пожрала четыре сотни мишкоа, покончила с ними. Единственным, кто спасся, был Истак Мишкоатль [Iztac Mixcoatl], называемый младшим Мишкоатлем, он убежал и прыгнул в заросли круглых кактусов.

[1:15] И когда Ицпапалотль схватилась за кактус, Мишкоатль высунулся и выстрелил, призывая четыреста погибших мишкоа. И те явились и стали стрелять в неё. И когда ни умерла, они сожгли её. Затем они натёрли себя её пеплом, отчего почернели их глазные впадины.

[1:18] И когда они изготовили свой |священный| свёрток |с пеплом Ицпапалотль|, они украсили себя в местности, называемой Масатепек [Mazatepec].

[1:22] Тогда начался счет по четырём годоносцам. Первым является Акатль, вторым — Текпатль, третьим — Калли, четвертым — Точтли.

---

[532] Текст в прямых скобках реконструирован на основании параллельного пассажа 3:20–3:28.

[533] Цифра перед двоеточием указывает страницу оригинала, после двоеточия — строку на странице.

[534] Шиутекутли являлся богом огня, вложить добычу в его руки означало принести её в жертву путём сожжения.

[535] В иероглифических записях мифов майя о событиях начала текущей мировой эпохи также сообщается о создании космического очага из трех камней.

1-Акатль[536]. Тогда чичимеки вышли из Чикомостока [Chicomoztoc], так говорят, так сообщают в их повествованиях.

[1:25] Счет лет, счет знаков дней и счет каждой двадцатидневки были изобретены теми, кого знают как Ошомоко [Oxomoco] и Сипактональ [Cipactonal]. «Ошомоко» означает мужчину, «Сипактональ» означает женщину. Оба были очень старыми. И с тех пор стариков и старух называют этими именами.

[1:31] 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли 8-Точтли 9-Акатль 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль 1-Текпатль 2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли 7-Точтли 8-Акатль 9-Текпатль 10-Калли 11-Точтли 12-Акатль 13-Текпатль 1-Калли 2-Точтли 3-Акатль 4-Текпатль 5-Калли 6-Точтли 7-Акатль 8-Текпатль 9-Калли 10-Точтли 11-Акатль 12-Текпатль 13-Калли1-Точтли 2-Акатль 3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли 6-Акатль 7-Текпатль 8-Калли 9-Точтли 10-Акатль 11-Текпатль 12-Калли 13-Точтли.

[1:37] 13-Точтли[537] был началом счёта лет в Тецкоко, их чичимекского цикла.

1-Акатль был, когда Чиконтонатиу [Chicontonatiuh] стал правителем. Он принял власть в Кецальтепеке [Quetzaltepec].

[1:40] 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли.

5-Акатль[538]. В этот год чичимеки Куаутитлана пришли в Макуэшуакан Уэуэтокан [Macuexhuacan Huehuetocan]. Как уже было сказано, как уже было упомянуто, они вышли из Чикомостока, и счёт лет чичимеков Куаутитлана начался в год 1-Акатль.

[1:44] И когда эти чичимеки пришли в год 5-Акатль, они были бродячими охотниками. У них не было ни домов, ни земель, ни тканой одежды. Они одевались в шкуры и длинный мох. И своих детей они носили в сетчатых мешках и заплечных корзинах. Они ели плоды больших опунций, круглых кактусов, покрытых колючками, кислые плоды опунций.

[1:49] Они очень страдали все 364 года перед тем, как пришли в страну Куаутитлана, и тогда берет своё начало царский род чичимеков Куаутитлана.

Итак, следует сказать и понять, что, с учётом указанных выше лет, как раз в то время, в год 1-Акатль, когда они ещё странствовали, они поставили себе правителя.

[1:54] И говорят и сообщают, будто в ту пору, когда жили чичимеки, всё ещё стояла тьма, тогда всё ещё было темно. Так говорят, потому что у них еще не было известности, у них ещё не было славы, у них ещё не было удачи, они всё ещё скитались.

[2:2] 6-Текпатль 7-Калли.

В соответствии с их историями, в которых они хранят тяжкие воспоминания, старики знали, что этот мир или земля имел своё начало и был создан в первую эпоху.

---

[536] Соответствует 635/636 г. н.э.

[537] 686/687 г.

[538] 691/692 г.

[2:5] 8-Точтли. Четвертое Солнце, Солнце, чей знак — 4-Ээкатль.

9-Акатль 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль 1-Текпатль 2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли 7-Точтли 8-Акатль 9-Текпатль 10-Калли 11-Точтли.

О второй эпохе говорят и сообщают, что тогда было Пятое Солнце или эпоха.

[2:9] 12-Акатль 13-Текпатль 1-Калли 2-Точтли 3-Акатль 4-Текпатль 5-Калли 6-Точтли 7-Акатль 8-Текпатль.

Третья эпоха Пятого Солнца 4-Ээкатль.

9-Калли[539]. В это время Кольуа Чичимеки [Colhua Chichimeca] образовали свой народ.

10-Точтли 11-Акатль 12-Текпатль.

[2:13] 13-Калли[540]. Чиконтонатиу правил Куаутитланом, его местопребыванием был Макуэшуакан.

1-Точтли[541] — год, в котором начались тольтеки. Их счет лет начался в 1-Точтли.

[2:15] Упоминают и сообщают,
что здесь уже были четыре жизни,
и что это пятая эпоха.
Как это ведомо старцам,
в году Се-Точтли
были основаны земля и небо,
и то они знают,
что, когда были основаны земля и небо,
уже существовали люди четырех видов,
четырех видов жизни,
и ведали также, что из них каждый
существовал под своим Солнцем.
[2:21] И говорят об этих первых людях,
что их бог их создал, слепил из пепла.
Кецалькоатлю приписывают это,
тому, чей знак Чикоме-Ээкатль,
это он их создал, он их придумал.
Первое Солнце, которое появилось,
его знак был Науи-Атль,
Солнце Воды оно называлось.
В ту эпоху случилось,
что все залила вода,
люди в рыб превратились.
Затем было основано второе Солнце.
[2:27] Науи-Оселотль был его знаком,
оно называлось Солнце Ягуаров.

539 721/722 г.
540 725/726 г.
541 726/727 г.

В ту эпоху случилось,
что уменьшилось небо,
и Солнце не следовало своей дорогой.
И когда достигло Солнце полудня,
тут же наступила ночь,
а когда потемнело,
людей пожрали ягуары.
[2:31] В это Солнце жили великаны.
Старики говорили,
что великаны
так приветствовали друг друга:
«Смотри, не падай»,
ибо тот, кто упал, навсегда падал.
Затем было основано третье Солнце.
[2:34] Науи-Киауитль был его знаком,
Солнце Дождя его называли.
Случилось, что во время огненного ливня
жившие в ту эпоху сгорели.
И в то время пролился дождь из песка,
и попадали камешки, которые мы видим,
и тогда закипел камень тесонтле,
и тогда покраснели утесы.
[2:39] Его знак был Науи-Ээкатль,
затем было основано четвертое Солнце,
оно называлось «Солнце Ветра»,
в эту эпоху всё было унесено ветром,
и в обезьян все попревращались,
рассеялись по лесам,
туда ушли жить люди-обезьяны.
[2:42] Пятое Солнце:
Науи-Оллин его знак,
Солнце движения его называют,
ибо оно движется, идет своей дорогой.
И как рассказывают старцы,
будут землетрясения в эту эпоху,
будет голод, и так мы погибнем.

2-Акатль 3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли 6-Акатль 7-Текпатль 8-Калли 9-Точтли 10-Акатль 11-Текпатль 12-Калли 13-Точтли 1-Акатль 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли 8-Точтли 9-Акатль 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль

[2:49] Они говорят, что существующее Солнце родилось в год 13-Акатль, и что тогда разлился свет и рассвело. Солнце Движения, существующее ныне, имеет знак дня 4-Оллин, и это пятое из Солнц, и в его время будут землетрясения и голод.

[2:52] 13-Акатль[542] — год, в котором Чиконтонатиу умер в Макуэшуакане. Он правил Куаутитланом шестьдесят четыре года.

В году 1-Текпатль тольтеки поставили себе правителя. Они взяли себе правителем Мишкоамасацина [Mixcoamazatzin], и он стал править у тольтеков.

[2:55] И в том же году Шиунельцин [Xiuhneltzin] стал правителем Куаутитлана в Шимилько [Ximilco]. И они пробыли там один год и ушли в Куашошоукан [Cuexoxouhcan]. Это было в эпоху демона Мишкоатля [Mixcoatl], который всё ещё был с ними в ту пору. И тогда Шиунельцин установил их пограничные знаки. Затем тот отправил чичимеков дальше, и они шли от селения к селению. И он покинул их, оставив им свои охотничьи принадлежности и свой убор.

[3:5] 2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли 7-Точтли 8-Акатль 9-Текпатль 10-Калли 11-Точтли 12-Акатль 13-Текпатль 1-Калли 2-Точтли 3-Акатль 4-Текпатль 5-Калли 6-Точтли 7-Акатль 8-Текпатль 9-Калли 10-Точтли 11-Акатль 12-Текпатль 13-Калли 1-Точтли 2-Акатль 3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли 6-Акатль 7-Текпатль 8-Калли 9-Точтли 10-Акатль 11-Текпатль 12-Калли 13-Точтли 1-Акатль 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли 8-Точтли 9-Акатль 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль.

[3:12] В год 1-Текпатль[543] чичимеки Куаутитлана поставили себе правителя. Таким образом началось новое правление у чичимеков Куаутитлана. Они сделали своим новым правителем Уактли [Huactli] в местности, называемой Некуамейокан [Necuameyocan].

[3:15] А вот история, которую рассказывают старые чичимеки:

«Когда началось это правление у чичимеков, женщина по имени Ицпапалотль заговорила с ними и сказала:

«Вы должны сделать Уактли своим правителем. Ступайте в Некаумейокан и постройте дом из колючек, дом из агав, и расстелите в нём циновку из колючек, циновку из агав.

[3:20] А затем вы должны отправиться на восток и там пострелять из луков. И подобным же образом на север, в пустынные земли, и там вы должны пострелять. И подобным же образом на запад[544], и там вы должны пострелять. И подобным же образом в страну садов, в цветущую страну, и там вы должны пострелять.

[3:24] И когда вы произведёте свои выстрелы и добудете ваши священные |дары|, синих, жёлтых, белых и красных орла и ягуара, змея и кролика, тогда вы должны будете поставить Тоспана [Tozpan], Иуитля [Ihuitl] и Шиунеля [Xiunel] охранять бога огня Шиутекутли. И то, что вы добудете, вы изжарите.

[542] 751/752 г.
[543] 804/805 г.
[544] В оригинале ошибочно «на юг».

Когда Уактли будет справлять свой четырёхдневный праздник правителя, вы добудете |для него| всё необходимое»[545].

[3:29] А тех чичимеков, которые избрали себе правителя, звали: Мишкоатль [Mixcoatl], Мимич [Mimich], Куауиколь [Cuahuicol], — а также эти: Ицтлаколиуки [Itztlacoliuhqui], Некуаметль [Necuametl], Амимитль [Amimitl], Икеуак [Iquehuac], Ноуакан [Nohuacan]. А чичимекскими женщинами были Коатль [Coatl], Миауатль [Miahuatl], Коакуэйе [Coacueye], Йаосиуатль [Yaocihuatl], Чичимекасиуатль [Chichimecacihuatl], Тлакочкоуэ [Tlacochcue].

[3:33] И так они провозгласили владыку-чичимека, который должен был повсюду их вести. И они сделали знамя из перьев цапли для своего вождя, чтобы нести его там, куда бы он ни шёл и где бы он ни остановился, так, чтобы его было видно, а они собирались бы вокруг. И тогда не было места, где бы они постоянно жили.

[3:37] И когда это было сделано, в том же году 1-Текпатль рассеялись чичимеки, разошлись повсюду, из одной земли в следующие: Мичоакан [Michhuacan], Коуишко [Cohuixco], Йопицинко [Yopitzinco], Тотоллан [Totollan], Тепейакак [Tepeyacac], Куаукечоллан [Cuauhquechollan], Уэшоцинко [Huexotzinco], Тлашкаллан [Tlaxcallan], Тлилиукитепек [Tliliuhquitepec], Сакатлатонко [Zacatlatonco] и Тототепек [Tototepec].

[3:41] И некоторые из них сделали поворот и пришли в Куэштлан [Cuextlan], а некоторые пришли в Акольуакан [Acolhuacan]. Они разошлись во все стороны, странствовали по всем направлениям.

[3:43] А Тепольнештли [Tepolnextli], Тланкуашошоуки [Tlancuaxoxouhqui] и Шиуточтли [Xiuhtochtli], о которых говорят, что они были отобраны среди тех, кто шёл в Уэшоцинко, демон отделил в Куэшошоукане и отравил в разные селения.

[3:46] И с тем, чтобы закончить эту вышеприведённую историю, следует сказать, что это было, когда Шиунельцин правил тем Куэшошоуканом, где был престол Куаутитлана.

2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли 7-Точтли 8-Акатль 9-Текпатль 10-Калли 11-Точтли 12-Акатль 13-Текпатль.

[3:49] 1-Калли[546]. В этом году умер правитель тольтеков, тот, с кого начался их царский род, тот, чье имя было Мишкоамасацин [Mixcoamazatzin]. Тогда воцарился Уэцин [Huetzin], и он правил в Толлане.

2-Точтли 3-Акатль 4-Текпатль 5-Калли 6-Точтли 7-Акатль 8-Текпатль 9-Калли 10-Точтли 11-Акатль 12-Текпатль 13-Калли 1-Точтли 2-Акатль 3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли.

[3:54] 6-Акатль[547]. Это год, в котором умер отец Кецалькоатля, тот, чьё имя было Тотепеу [Totepeuh]. И в это время воцарился Иуитималь [Ihuitimal], и он царствовал в Толлане.

---

[545] Речь идет, по всей видимости, о коронационном празднестве чичимекских правителей, которое, согласно Иштлильшочитлю, длилось четыре дня и включало в себя ритуальную охоту и пир с поеданием добытого мяса (Историки Доколумбовой Америки и Конкисты. — С.57).

[546] 817/818 г. или 869/870 г.

7-Текпатль 8-Калли 9-Точтли 10-Акатль 11-Текпатль 12-Калли 13-Точтли.

1-Акатль[548]. В соответствии с тем, что они говорят и о чём они рассказывают, это был год, в котором родился Кецалькоатль, называемый Топильцином [Topiltzin]-жрецом, Се-Акатль Кецалькоатлем, а его мать, говорят они, звали Чимальман [Chimalman]. И как они о нём говорят, Кецалькоатль поместился в материнском чреве, когда она проглотила кусочек жадеита.

[4:3] 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли 8-Точтли.

9-Акатль[549]. Был год 9-Акатль, когда Кецалькоатль спросил о своём отце. Когда ему было девять лет и он стал кое-что осознавать, он сказал: «А где мой отец? Могу я повидать его? Могу я посмотреть на его лицо?»

«Он умер, он похоронен вон там» — ответили ему. «Я посмотрю». Так Кецалькоатль отправился туда и разыскал кости. Он выкопал их, он забрал их и отправился похоронить их в холме под храмом, известным как Киластли [Quilaztli].

[4:10] 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль 1-Текпатль 2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли 7-Точтли 8-Акатль 9-Текпатль.

10-Калли[550]. В этом году умер Уактли [Huactli], бывший правителем Куаутитлана. Он правил шестьдесят два года. Это был правитель, не знавший, что такое выращивать съедобные растения. И также его подданные не знали, что такое изготовлять плащи. Они все ещё одевались в шкуры, а их пищей были только птицы, змеи, кролики и олени. И у них не было постоянных жилищ. Они только бродили, только кочевали с места на место.

[4:17] В году 11-Точтли[551] госпожа Шиутлакуилольшочицин [Xiuhtlacuilolxochitzin] стала правительницей, и её тростниковое жилище было в Тианкистенко [Tianquiztenco], там, где сейчас Тепешитенко [Tepexitenco]. И причина, по которой народ был оставлен этой госпоже, как они говорят, в том, что она была женой Уактли, и она также умела вызывать демоницу Ицпапалотль [Itzpapalotl].

12-Акатль 13-Текпатль 1-Калли.

[4:22] В году 2-Точтли[552] Кецалькоатль пришёл в Толланцинко [Tollantzinco]. Он провёл там четыре года и построил свой дом поста, дом с бирюзовыми перекладинами. Оттуда он отправился к Куэштлану [Cuextlan], и для того, чтобы переправиться через одну реку, он построил каменный мост, который, как говорят, стоит и по сегодняшний день.

3-Акатль 4-Текпатль.

---

[547] 887/888 г.
[548] 895/896 г.
[549] 903/904 г.
[550] 917/918 г.
[551] 918/919 г.
[552] 922/923 г.

5-Калли[553]. *Иуитималь умер*[554]. В этом году тольтеки отправились принять Кецалькоатля, чтобы сделать его своим правителем в Толлане, и вдобавок он был их жрецом. История об этом общеизвестна.

Рисунок 84. Кецалькоатль поддерживает небеса. «Кодекс Борджиа», стр. 51.

[4:27] 6-Точтли.

7-Акатль. В это время умерла Шиутлакуилольшочицин, госпожа Куаутитлана. Она правила двенадцать лет.

8-Текпатль[555]. В этом году Айаукойоцин [Ayauhcoyotzin] воцарился в Куаутитлане в местности, называемой Текпанкуаутла [Tecpancuauhtla].

9-Калли 10-Точтли 11-Акатль 12-Текпатль 13-Калли 1-Точтли

2-Акатль[556]. Согласно историям из Тецкоко Кецалькоатль Топильцин из Толлан Кольуакана [Tollan Colhuacan] умер в это время. *Но это неправильно.*

[4:32] Было в году 2-Акатль, что Топильцин или Се-Акатль Кецалькоатль построил свой дом поста, своё место самоистязания, своё место молитв. Было четыре чертога, которые он построил: чертог с бирюзовыми перекладинами, чертог из красных раковин, чертог из белых раковин, чертог из перьев кецаля. Там он молился, совершал самоистязания и соблюдал пост. И ровно в полночь он спускался в воду в месте, называемом Среди Водорослей.

[4:37] И он протыкал свою плоть шипами на вершинах Шикокотль [Xicocotl], и Уицко [Huitzco], и Цинкок [Tzincoc], и в горах Ноноалько [Nonoalco]. И он сделал свои шипы из жадеита и свои иглы из перьев кецаля. И в качестве благовония он сжигал бирюзу, жадеит и красные раковины. А кровавыми жертвами, которые он приносил, были змеи, птицы и бабочки.

---

553 925/926 г.

554 Курсивом приведены тексты примечаний на полях.

555 6-Точтли — 8-Текпатль — 926–929 гг.

556 935/936 г.

Итак, говорят и сообщают, что он молился небесам, им он служил. И теми, кого он призывал, были Ситлалиникуэ [Citlalinicue], Ситлалатонак [Citlalatonac], Тонакасиуатль [Tonacacihuatl], Тонакатеуктли [Tonacateuctli], Теколликенки [Tecolliquenqui], Эстлакенки [Eztlaquenqui], Тлалламанак [Tlallamanac] и Тлаличкатль [Tlalichcalcatl].

[4:45] Кроме того, как они знают, он взывал к Месту Двойственности, к Девяти Слоям, из которых состоят небеса. И так тамошние обитатели знали, что тот, кто обращался к ним и молился им, в действительности был смиренным и искренне каялся.

Вместе с тем, в своей жизни и в своём обиходе он учредил большую роскошь, жадеит, бирюзу, золото, серебро, красные раковины, белые раковины и перья кецаля, котинги[557], розовой цапли, трупиалов, трогонов[558] и белых цапель. Вдобавок он ввёл в обиход какао разных цветов и разноцветный хлопок.

[4:55] И он был великим искусником во всех своих делах: в своих блюдах для еды, в своих кубках для питья, в своих расписанных лазурью, зеленью, белым, жёлтым и красным сосудах. И там было многое другое.

[5:2] И в то время, когда он жил, Кецалькоатль основал и начал |строить| свой храм, он воздвиг его змеиные колонны, но он не закончил его, он не достроил его вершину.

И в то время, когда он жил, он не показывался на людях, он скрывался в одной труднодоступной комнате. И во многих случаях охранявшие его служители плотно окружали его. И где бы он ни был, там же находились и некоторые из его служителей. И там была циновка из жадеита, циновка из перьев, циновка из золота.

Итак, рассказано и упомянуто, какими были четыре дома поста, которые он воздвиг.

[5:9] Кроме того, говорят и сообщают, что много раз в течение жизни Кецалькоатля чародеи пытались высмеять его с тем, чтобы он заплатил людьми, чтобы он забрал человеческие жизни. Но он всегда отказывал, он не соглашался, потому что имел великую любовь к своим подданным тольтекам. Змеи, птицы и бабочки, которых он убивал, всегда были его жертвоприношениями.

[5:15] И говорят и сообщают, что из-за этого потеряли терпение чародеи, и они принялись высмеивать его и издеваться над ним, чародеи говорили, что они хотят извести Кецалькоатля и заставить его уйти. И это оказалось правдой, так и произошло.

3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли 6-Акатль 7-Текпатль 8-Калли 9-Точтли 10-Акатль 11-Текпатль 12-Калли 13-Точтли.

[557] Котинги (Cotingidae) — семейство птиц отряда воробьиных, встречающихся от южной Мексики до Перу и Аргентины. Имеют яркое лазурное оперение.

[558] Трогоны (Trogoniformes) — отряд птиц, обитающих в тропических лесах (к нему относится, в частности, кецаль). Имеют яркое, красно-синее или жёлто-синее оперение с металлическим блеском.

[5:21] 1-Акатль[559] был годом, в котором умер Кецалькоатль. И говорят, что он отправился в Тлиллан Тлапаллан [Tlillan Tlapallan] для того, чтобы умереть. И затем некий Матлак-Шочитль [Matlacxochitl] был провозглашён правителем, он стал правителем в Толлане.

И вот что они рассказывают о том, как ушёл Кецалькоатль. Это было, когда он отказался подчиниться чародеям в том, чтобы он заплатил людьми, чтобы он совершил человеческое жертвоприношение. Тогда чародеи стали совещаться между собой, те, кого звали Тескатлипока [Tezcatlipoca], Иуимекатль [Ihuimecatl] и Тольтекатль [Toltecatl]. Они говорили: «Он должен покинуть этот город. Мы должны жить там».

Рисунок 85. Кецалькоатль и Тескатлипока. «Кодекс Борбоникус», стр. 22.

[5:27] «Напоим его пульке», — говорили они. — «Мы напоим его и заставим его лишиться рассудка, так что он больше не будет следовать своим обетам».

[559] 947/948 г.

Тогда сказал Тескатлипока: «Я, я скажу, каким образом мы покажем ему его плоть».

И они согласились с тем, как они должны будут сделать это.

Затем Тескатлипока пошёл первым. Он взял двустороннее зеркало, с широкой поверхностью, обернув его. И когда он пришёл туда, где находился Кецалькоатль, он сказал охранявшим того служителям: «Сообщите жрецу, что пришёл молодой человек, чтобы показать ему, чтобы представить ему его плоть».

[5:34] Служители вошли внутрь и повторили это Кецалькоатлю, который сказал: «О чём это он, отец мой служитель? Что такое «моя плоть»? Пойди посмотри, что это он принёс, и тогда он сможет войти».

Но тот не позволил им посмотреть на свою ношу. «Я должен сам показать это жрецу», — сказал он. — «Пойдите скажите это».

Тогда они пошли и сказали ему: «Он отказывается, и он очень хочет показать это тебе |сам|».

«Пусть он придет, отец мой» — сказал Кецалькоатль.

[5:39] Они вышли и позвали Тескатлипоку. Тот вошёл и поприветствовал его. Он сказал: «Дитя моё, жрец Се-Акатль Кецалькоатль, я приветствую тебя. И я пришёл показать тебе твою плоть».

«Ты выглядишь очень утомленным, отец мой» — сказал Кецалькоатль. — «Откуда ты пришёл? И что такое моя плоть? Покажи её мне».

«Дитя моё, жрец, я, твой слуга, пришёл некогда от подножья гор Ноноалько. Наверное, тебе будет приятно увидеть твою плоть».

[5:45] И тогда он дал ему зеркало и сказал: «Познай себя, посмотри на себя, дитя моё, ибо это ты явишься в зеркале».

Тогда Кецалькоатль посмотрел и ужаснулся. «Если бы мои подданные увидели меня» — сказал он, — «они должны были бы бежать». Ибо его надбровья были выпяченными, его глазницы — глубоко запавшими, его лицо — отекшим, он был очень уродлив.

[5:50] Когда он посмотрел в зеркало, он сказал: «Мои подданные никогда не должны видеть меня. Я должен всегда оставаться здесь».

Тогда Тескатлипока оставил его и ушёл. И о том, как поиздеваться над ним, стал советоваться с Иуимекатлем.

Иуимекатль сказал: «Пусть пойдет к нему изготовитель изделий из перьев Койотлинауаль [Coyotlinahual]». И они повторили тому, что он должен пойти. «Очень хорошо» — сказал изготовитель изделий из перьев Койотлинауаль. — «Я пойду повидаться с Кецалькоатлем». И так он отправился.

[5:56] Он сказал Кецалькоатлю: «Дитя моё, я говорю, что тебе нужно выйти отсюда. Пусть твои подданные увидят тебя. А для того, чтобы они увидели тебя, позволь мне одеть тебя».

[6:1] И тот сказал: «Отец мой, сделай это! Я хотел бы увидеть это».

И так он и сделал, этот изготовитель изделий из перьев, этот Койотлинауаль. Сначала он сделал головной убор Кецалькоатля. Затем он изготовил его бирюзовую маску, сделав у неё жёлтый лоб и красный клюв.

Затем он поместил на ней змеиный зуб и приделал к ней бороду, покрыв её внизу перьями котинги и розовой цапли.

[6:7] Когда он приготовил это — и таким образом наряд Кецалькоатля был готов к употреблению — он дал ему зеркало. Увидев себя, Кецалькоатль был очень доволен. И он тут же покинул место, где скрывался.

Тогда Койотлинауаль, изготовитель изделий из перьев, отправился к Иуимекатлю и сказал: «Я вывел Кецалькоатля наружу. А теперь иди!»

«Очень хорошо» — сказал тот. Тогда он сдружился с неким Тольтекатлем, и когда они готовы были идти, они вместе отправились.

[6:13] И затем они пришли в Шонакапакойан [Xonacapacoyan] и поселились с человеком, обрабатывавшим там поля, Маштлатоном [Maxtlaton], владыкой Тольтекатепека [Toltecatepec]. И они стали тушить зелень, томаты, перец, молодую кукурузу и фасоль. И всё это они делали в течение нескольких дней. И там был также магей, который они попросили у Маштлы, и ровно за четыре дня они сделали из него пульке, и затем они сцедили его. Это они нашли маленькие соты древесных пчёл, и при помощи их они сцедили пульке.

[6:20] И затем они отправились в Толлан, в дом Кецалькоатля, неся с собой свои овощи, свой перец и такое прочее, и пульке тоже. Когда они принесли это туда, они попытались войти, но охранники Кецалькоатля не впустили их, они не были приняты, и в конце концов их стали спрашивать, где их дом. «Возле Тламакастепека [Tlamacaztepec], в Тольтекатепеке» — ответили они.

[6:25] Услышав их, Кецалькоатль сказал: «Пусть они входят». И они вошли. Они тут же поприветствовали его и в конце дали ему овощей и прочего. И когда он поел их, они стали понуждать его еще выпить пульке.

Но он сказал: «Нет, я не должен пить этого, ведь я пощусь. Это опьяняет? Или убивает?»

«Попробуй это хотя бы на пальце» — заговорили они с ним. — «Это соблазнительно».

[6:30] Кецалькоатль попробовал пульке на пальце. Найдя его хорошим, он сказал: «Дайте мне выпить, отцы мои». И когда он выпил глоток, чародеи сказали ему: «Тебе следует выпить четыре |глотка|». И так они дали ему пять глотков, сказав: «Вот твоя мера».

Итак, когда он пил это, вместе с ним были все его служители, и они выпили по пять глотков каждый.

[6:35] И когда чародеи увидели его совсем пьяным, они сказали Кецалькоатлю: «Дитя моё, наверное, тебе доставит удовольствие спеть, и вот песня для того, чтобы ты её повторял». И тогда Иуимекатль громко запел ему:

Я должен покинуть мой дом из перьев кецаля,
Мой дом из перьев трупиала,
Мой дом из красных раковин.

[6:39] И когда он пришёл в хорошее расположение духа, он сказал: «Приведите сюда мою сестру Кецальпетлатль [Quetzalpetlatl]. Мы выпьем вдвоём».

Его служители отправились на гору Ноноалько, где она совершала самоистязание, и сказали: «Дитя наше, госпожа Кецальпетлатль, постящаяся, мы пришли за тобой. Жрец Кецалькоатль ожидает тебя».

[6:44] Она сказала: «Хорошо, пойдёмте, отцы-служители». И когда её доставили туда, она села рядом с Кецалькоатлем. Затем они угостили её пульке. Четыре глотка и ещё один, пятый, они налили ей.

И когда Иуимекатль и Тольтекатль всех напоили, они предложили песню сестре Кецалькоатля. Они запели её для неё:

[6:49] О сестра моя, где ты?
О Кецальпетлатль, опьяни меня,
Аййа йа, иниэ ан.

Пьяные, они больше не говорили: «Будем совершать самоистязание».

Они больше не совершали омовений, они больше не протыкали свою плоть колючками. С того времени они ничего не делали до рассвета.

[6:53] И вот, когда настало утро, они были полны уныния, их сердца были встревожены. И Кецалькоатль сказал: «Увы мне!». И тогда он запел стенания, сложив песню о том, что он должен уйти. Тогда он громко запел её:

[7:1] Никогда и капли |пульке|
Не было отмерено в моём доме.
Пусть оно будет здесь, пусть оно будет здесь, здесь.
Увы. Наверное, выстоит царство. Увы.
Здесь только нищета и рабство.
Я никогда не верну его.

И он громко запел вторую часть своей песни:

О, она выносила меня, увы,
Моя мать, Коакуэйе [Coacueye],
Богиня благородная. Я плачу.

[7:5] Когда Кецалькоатль запел, все его служители опечалились, они плакали. И они тоже запели, говоря:

Они обогатили нас, они, наши владыки,
И он, Кецалькоатль, сияющий как жадеит.
Сломаны балки в его доме покаяния.
Сможем ли мы видеть его? Оплачем это.

И после того, как служители Кецалькоатля спели это, он сказали им: «Отцы мои, служители. Я должен покинуть этот город, я должен уйти. Прикажите, пусть сделают каменный ковчег».

[7:14] И тогда был быстро изваян каменный ковчег. И когда они изваяли его, и он был закончен, Кецалькоатль лёг в него. Но он только четыре дня пролежал в каменном ковчеге. Когда он почувствовал неудобство, он сказал своим служителям: «Отцы мои служители! Пойдёмте! Укройте и спрячьте где-нибудь то, что мы собрали, драгоценности, богатства, всё, чем мы владеем, всё, что мы имеем». И его служители так и сделали. Они спрятали это в купальне Кецалькоатля, в местности, называемой «Среди Водорослей».

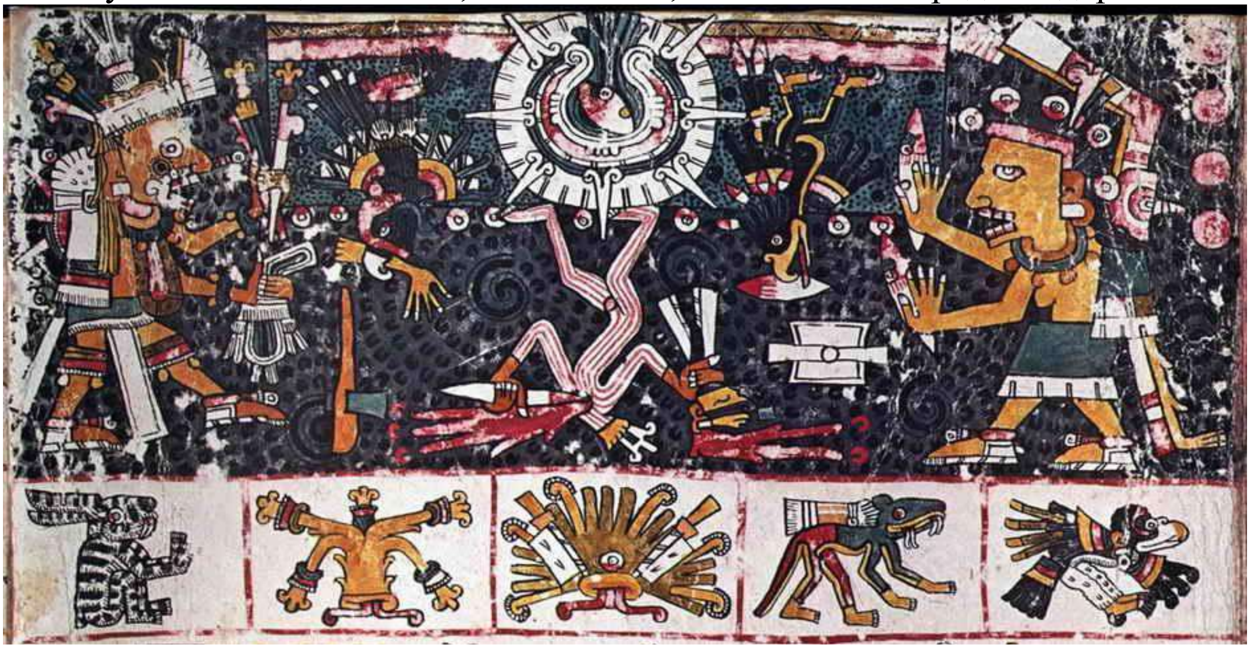


Рисунок 86. Тлиллан. «Кодекс Борджиа», стр. 18.

[7:22] Затем Кецалькоатль отправился. Он встал, созвал своих служителей и заплакал вместе с ними. Затем они выступили, направляясь в Тлиллан Тлапаллан Тлатлайан [Tlillan Tlapallan Tlatlayan].

И он шёл, повсюду осматриваясь и подыскивая |новое место|. Но нигде он не был удовлетворён. И когда он достиг местности, в которую направлялся, он опять заплакал и был опечален.

[7:27] Вот этот год, 1-Акатль, когда он пришёл к океану, на морское побережье, так говорят и сообщают. И тогда он остановился, и заплакал, и облачился в свой наряд, надел свой головной убор, свою бирюзовую маску и всё остальное. И как только он оделся, он бросился в огонь и сжёг себя. И поэтому место, где Кецалькоатль был сожжён, названо Тлатлайан, «Место Сожжения».

[7:32] И они говорят, что как только он был сожжён, его пепел поднялся вверх. И то, что появилось, то, что они увидели — были все драгоценные птицы, взлетевшие в небо. Они увидели и всех остальных драгоценных птиц.

[7:37] И как только его пепел догорел, они увидели сердце кецаля, возносящееся ввысь. И так они узнали, что он ушёл в небеса, что он вознёсся в небеса.

Старые люди говорят, что он превратился в звезду, появляющуюся на рассвете. Они рассказывают, что она появилась, когда умер Кецалькоатль, и они называют её Владыкой Рассвета.

[7:43] То, что они говорят — это, что когда он умер, он исчез на четыре дня. Они говорят, что он отправился тогда в Миктлан, страну мертвых. И он задержался ещё на четыре дня, готовя для себя дротики. И так восемь дней спустя взошла Утренняя Звезда, о которой они говорят, что это был Кецалькоатль. И тогда случилось, что он стал Владыкой Рассвета, говорят они.

Рисунок 87. Слева: Утренняя Звезда — Кролик угрожает правителям в дни Акатль, справа — Утренняя Звезда — Скелет угрожает воинам в дни Оллин. «Кодекс Борджиа», стр. 54.

[7:47] И так, когда он проходит, они знают, в день какого знака он проливает свет на определённых людей, обращая на них свой гнев и поражая их своими дротиками.

Если он идёт в 1-Сипактли, он поражает стариков и старух, и всё подобное.

[7:50] Если в 1-Оселотль, или 1-Масатль, или 1-Шочитль — он поражает маленьких детей.

И если в 1-Акатль — он поражает знатных. И то же самое относительно всякого, если в 1-Микистли.

А если в 1-Киауитль, он поражает дождь, и дождь не идёт. А если в 1-Оллин, он поражает юношей и девушек.

[7:55] А если в 1-Атль, тогда наступает засуха, и так далее.

И так каждый |день| он |поражал| женщин и мужчин древности в прежние времена.

[8:1] И что касается того, кого звали Кецалькоатлем, срок его жизни был таков, что он родился в год 1-Акатль и умер также в год 1-Акатль, так что вся его жизнь насчитывала пятьдесят два года[560].

Итак, он скончался в год 1-Акатль. И уже сказано, что Матлак-Шочитль стал его преемником и правил в Толлане.

[8:5] 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли 8-Точтли 9-Акатль 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль 1-Текпатль 2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли 7-Точтли 8-Акатль 9-Текпатль 10-Калли 11-Точтли 12-Акатль 13-Текпатль 1-Калли 2-Точтли 3-Акатль 4-Текпатль 5-Калли 6-Точтли 7-Акатль 8-Текпатль 9-Калли

[8:9] 10-Точтли[561]. Айаукойоцин [Ayauhcoyotzin], правитель Куаутитлана, умер в этом году. Он правил пятьдесят пять лет. Матлак-Шочицин, правитель Толлана, также умер тогда, и воцарился Науйоцин [Nauhyotzin], унаследовавший ему как правитель Толлана.

[8:13] 11-Акатль[562]. Правитель Куаутитлана Некуамешочицин [Necuamexochitzin] был провозглашён в этом году. Его дворец был в Тепоцотлане Миккакалько [Tepotzotlan Miccacalco]. Причина, по которой эта местность называется Миккакалько, «Дом Смерти», та, что там ударила молния, убив знатных мужчин и женщин, и так они сменили местопребывание. Ничего не осталось, кроме тростникового дома чичимекских правителей, но они не осмелились вернуться в свой дворец.

[8:19] 12-Текпатль 13-Калли 1-Точтли 2-Акатль 3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли 6-Акатль 7-Текпатль 8-Калли 9-Точтли 10-Акатль 11-Текпатль

12-Калли[563]. В этом году умер правитель Куаутитлана по имени Некуамешочицин. Он правил пятнадцать лет. В то же самое время умер правитель Толлана Науйоцин, и был провозглашён Матлак-Коацин [Matlaccoatzin], унаследовавший ему.

[8:24] 13-Точтли[564]. В этом году Меселлоцин [Mecellotzin] был провозглашён правителем Куаутитлана. Его дворец был построен в

---

[560] Миф о борьбе Тескатлипоки и Кецалькоатля излагает также Торкемада: «Другие говорят что Тескатлипока (о котором выше упомянуто, что он был главным идолом Мешико) некогда сошёл с небес, спустившись по некоему канату, сделанному из паутины; и что, блуждая по этому миру, он изгнал Кецалькоуатля [Quetzalcohuatl], который многие годы был владыкой в Толле (как мы рассказываем в его истории), ибо, играя с ним в мяч, превратился в тигра, отчего люди, глядевшие на это, настолько испугались, что обратились в бегство, и беспорядочной толпой, которой двигались, ослепшие от испытываемого ужаса, ринулись и попадали в ущелье реки, которая там протекает, и утонули; и что Тескатлипока преследовал упомянутого Кецалькоуатля от селения к селению, пока тот не пришёл в Чололлу [Cholulla], где его почитали как главного идола, и там укрылся и находился несколько лет. Но, в конце концов, Тескатлипока, как более могущественный, выбросил его и оттуда, и ушли с ним некоторые из его последователей и поклонников до приморской местности, которая называется Тлилапан [Tlilapan] или Тисапан [Tizapan], и что там тот умер, и его тело сожгли те, кто его сопровождал в этих скитаниях, и что с тех пор у них остался обычай, так хранимый, сжигать тела усопших владык (что является вымыслом, как и прочее, потому что в его истории видим, что он пропал без вести), и что душа упомянутого Кецалькоуатля вернулась и превратилась в звезду; и что это та, которая время от времени бросает от себя луч как копьё, и иногда видно на этой земле такую комету или звезду, и после того, как её увидят, у индейцев наступает мор и другие бедствия» (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 3. — P.124–125).

[561] 982/983 г.

[562] 983/984 г.

[563] 997/998 г.

[564] 998/999 г.

местности, называемой Тианкиссолько Куаутлаапан [Tianquizzolco Cuauhtlaapan].

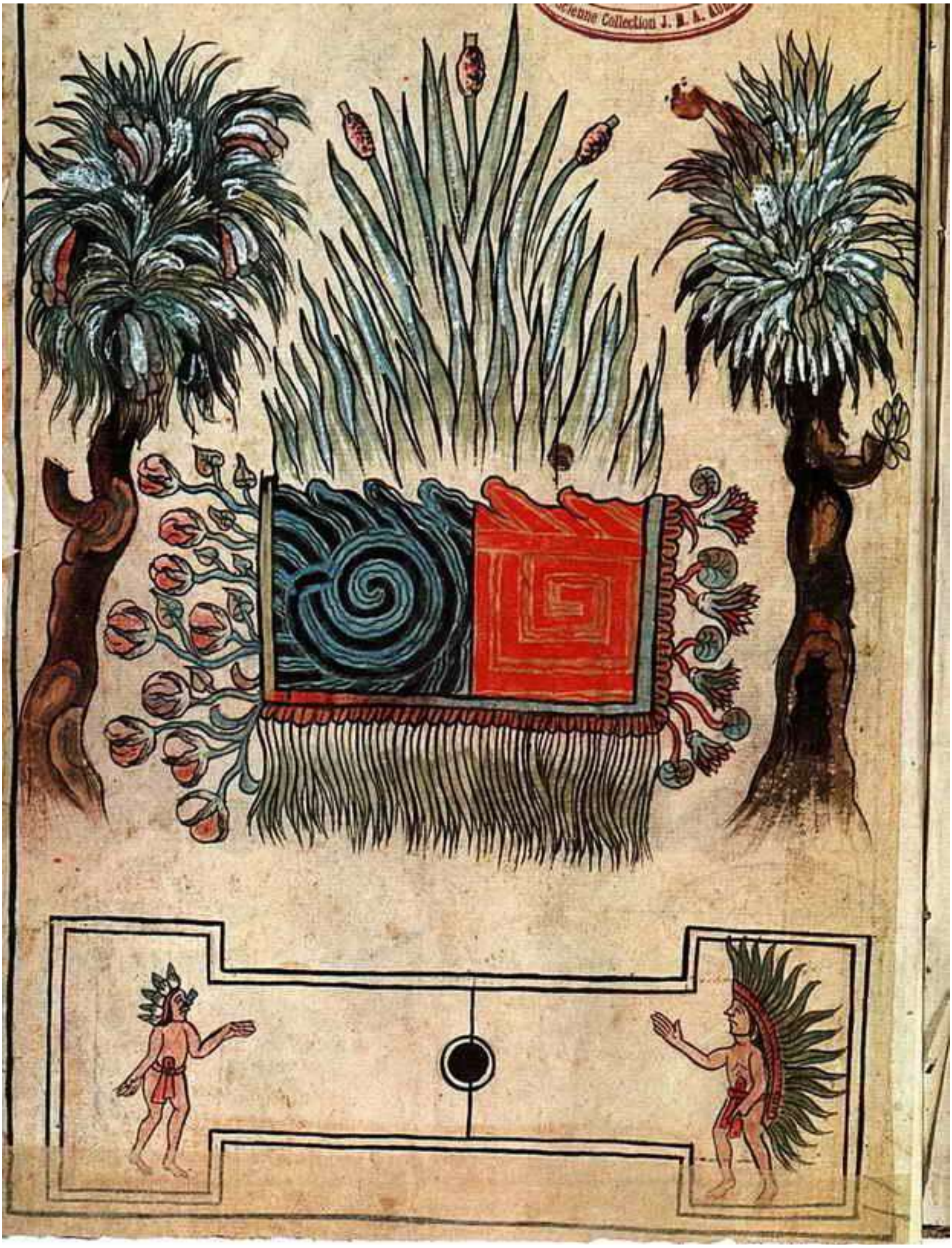


Рисунок 88. Уэмак играет в мяч. «История тольтеко-чичимеков», стр. 16v.

[8:27] 1-Акатль 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли 8-Точтли 9-Акатль 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль 1-

Текпатль 2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли 7-Точтли 8-Акатль 9-Текпатль 10-Калли 11-Точтли 12-Акатль 13-Текпатль.

[8:30] 1-Калли[565]. В этом году умер правитель Толлана по имени Матлак-Коацин. Тлилькоацин [Tlilcoatzin] был провозглашен правителем Толлана.

2-Точтли 3-Акатль 4-Текпатль 5-Калли 6-Точтли 7-Акатль 8-Текпатль.

9-Калли[566]. В этом году умер правитель Куаутитлана Меселлоцин. Он правил тридцать шесть лет.

[8:35] 10-Точтли[567]. В этом году Циуакпапалоцин [Tzihuacpapalotzin] был провозглашён правителем Куаутитлана. Его дворец был построен в Куаутлаапане [Cuauhtlaapan].

11-Акатль 12-Текпатль 13-Калли 1-Точтли 2-Акатль 3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли 6-Акатль 7-Текпатль 8-Калли.

[8:38] 9-Точтли[568]. В это время, в год 9-Точтли, умер правитель Толлана Тлилькоацин. И тогда воцарился Уэмак [Huemac], и его звание было атекпанекатль [atecpanecatl]. Многие другие повествования об этом можно узнать из некоторых книг. В то время, когда он воцарился, он вступил в брак, взяв в жёны некую Коакуэйе [Coacueye], колдунью-мосиуакецки [mocihuaquetzqui], получавшую указания от демона в месте, называемом Коакуйекан [Coacuyecan], и это там женщина, известная как Коакуэ|йе|, имела свой дом; и её ляжки были толщиной в локоть.

[8:46] И когда так случилось, они отправились в Шикокотль [Xicocotl] и взяли там верховного жреца, чьё имя было Куаутли [Cuauhtli]. И затем они вернулись и посадили его на циновку и престол Кецалькоатля. Таким образом он стал его преемником, он стал Кецалькоатлем из Толлана, он был тем, кто стал жрецом, сменившим Уэмака. В самом деле, он стал Кецалькоатлем.

[8:50] Когда вышли колдуньи, чтобы поиздеваться над Уэмаком, подшутить над ним, тот сожительствовал с ними. Чародей Йаотль [Yaotl][569] и тот, кого называли Тескатлипока, обитавший в Цапотлане, пришли туда. Они обманули Уэмака, превратившись в женщин, и он сожительствовал с ними. Тогда он перестал быть Кецалькоатлем. Говорят, что так его сменил Куаутли.

[8:56] 10-Акатль 11-Текпатль 12-Калли 13-Точтли 1-Акатль 2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли 8-Точтли 9-Акатль 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли 13-Акатль 1-Текпатль 2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли.

[9:1] 7-Точтли[570]. Тогда начали приносить в жертву малышей-тлакатетеуитин [tlacatetehuitin]. В это время, в году 7-Точтли случился великий голод. О нём говорят, что тольтеки были поражены семью

[565] 1025/1026 г.
[566] 1033/1034 г.
[567] 1034/1035 г.
[568] 1046/1047 г.
[569] Букв. «Недруг», эпитет Тескатлипоки.
[570] 1070/1071 г.

кроликами[571]. Тогда был семилетний голод, голод, вызвавший многие страдания и смерти.

[9:6] Это тогда чародеи забрали у Уэмака его собственных детей, пошли и бросили их в воды Шочикецаль [Xochiquetzal], и в Уицко [Huitzco], и в Шикокотле, так они заплатили |богам| маленькими детьми. Это было впервые, когда произошло жертвоприношение малышами-тетеуитин.

[9:10] 8-Акатль 9-Текпатль 10-Калли 11-Точтли.

12-Акатль[572]. Правитель Куаутитлана по имени Циуакпапалоцин умер в то время. Он правил сорок два года.

13-Текпатль[573]. В этом году госпожа по имени Ицтакшилоцин [Itztacxilotzin] была провозглашена правительницей народа. Её насыпь и её тростниковый дом были в Искитлан Атлане [Izquitlan Atlan]. На её стороне были многие знатные женщины, оказывавшие ей почёт. И таким образом чичимеки заботились о ней.

1-Калли 2-Точтли 3-Акатль 4-Текпатль 5-Калли 6-Точтли 7-Акатль 8-Текпатль 9-Калли 10-Точтли.

[9:18] 11-Акатль[574]. В этом году умерла госпожа Истакшилоцин, она правила девять лет. Тогда Эцтлакенцин [Etztlaquentzin] был провозглашён и стал её преемником. В Течичко [Techichco] он построил себе новый тростниковый дом, свой дворец. Это там он начал его, и там было местопребывание правителей.

12-Текпатль 13-Калли 1-Точтли 2-Акатль 3-Текпатль 4-Калли 5-Точтли 6-Акатль 7-Текпатль 8-Калли 9-Точтли 10-Акатль 11-Текпатль 12-Калли 13-Точтли.

[9:25] 1-Акатль[575]. В это время чальки [chalca] вышли из Шикко [Xicco]: родоначальник Акаполь [Acapol], его жена Тецкоцин [Tetzcotzin] и их дети Чалькоцин [Chalcotzin], Чалькаполь [Chalcapol] и прочие.

2-Текпатль 3-Калли 4-Точтли 5-Акатль 6-Текпатль 7-Калли.

[9:28] 8-Точтли[576]. В этом году было множество зловещих знамений в Толлане. Итак, именно в этом году пришли колдуньи, называемые ишкуинанме [ixcuinanme], дьяволицы. Согласно повествованиям стариков, рассказывающих, как они пришли, они происходили из Куэштлана [Cuextlan]. И в месте, называемом Куэштекатличокайан [Cuextecatlichocayan], «Место Плача Куэштеков», они заговорили с пленными, захваченными в Куэштлане, и сказали им:

---

[571] Игра слов: «Точтли» значит «кролик». Факт жертвоприношений детей у тольтеков подтверждается сделанной в 2007 г. на окраине археологической зоны Тулы находкой останков 24 детей в возрасте от 5 до 15 лет, обезглавленных и расчлененных (México descubre el primer sacrificio de niños en cultura tolteca TULA, México (Reuters) // http://www.20minutos.es/noticia/223984/0/mexico/arqueologia/ninos).

[572] 1075/1076 г.

[573] 1076/1077 г.

[574] 1087/1088 г.

[575] 1103/1104 г.

[576] 1110/1111 г.

«Ныне мы идем в Толлан. Вы пойдете с нами, и когда мы придём туда, мы используем вас, чтобы устроить празднество, ибо там никто не умеет стрелять из лука. И мы те, кто начнёт делать это, расстреляв вас».

Рисунок 89. Жертвоприношение путем расстрела дротиками. «Кодекс Нэттолл», стр. 83-84.

[9:37] Когда пленные услышали это, они заплакали, они были охвачены горем. Тогда начали расстреливать из луков, и таким образом они имели обычай справлять празднество в честь ишкуинанме в месяце, называемом Искалли [Izcalli].

[9:40] И затем ишкуинанме прибыли в Толлан, и привели с собой своих пленников. И там двоих из них они расстреляли из луков. А пленные куэштеки были мужьями этих колдуний, этих демониц. Это тогда учредили стрельбу из луков.

[9:44] 10-Текпатль 11-Калли 12-Точтли.

13-Акатль[577]. В это время были многочисленные зловещие знамения в Толлане. В это время, кроме того, началась война, её вызвал демон Йаотль. Тольтеки сражались в местности, называемой Нештлальпан [Nextlalpan]. И когда они захватили пленных, также произошли человеческие жертвоприношения, так как тольтеки принесли в жертву своих пленных. С ними и посреди них следовал демон Йаотль. Именно с этого места он принялся побуждать их совершать человеческие жертвоприношения.

[577] 1115/1116 г.

[9:50] Тогда же, кроме того, он начал и установил |обычай| сдирания кожи с людей. Это было, когда запели песню в Тешкалапане [Texcalapan][578]. Тогда, чтобы начать это, он схватил одну женщину из народа отоми, которая промывала волокна магея в реке, и содрал с неё кожу. И затем он приказал одному тольтеку по имени Шиукоскатль [Xiuhcozcatl] облачиться в неё, и тот был первым, кто одел содранную с человека кожу-тотек [totec].

Рисунок 90. Тескатлипока Титлакаоан. «Кодекс Теллериано-Ременсис», стр. 6v.

[9:50] В самом деле, всякий вид человеческих жертвоприношений, какие здесь использовались, был учреждён тогда. Ибо говорят и сообщают, что во время своего правления первый Кецалькоатль, чьё имя было Се-Акатль, полностью отказался совершать человеческие жертвоприношения. И это когда Уэмак был правителем, были учреждены все эти обычаи, которых они придерживались. Демоны учредили их. Но обо всём этом изложено на бумаге и написано в другом месте, и там о нём следует читать.

[578] Эпизод с песней в Тешкалапане подробно описан у Саагуна: «… И когда все собрались, названный Титлакаоан [Titlacaoan] отправился в одну местность, называемую Тешкалапа [Texcalapa] со всеми людьми, которых невозможно было сосчитать, юношами и детьми, и начал танцевать, и плясать, и петь названный чернокнижник Титлакаоан, играя на барабане, и весь народ тоже пустился в пляс, подпевая стихам, которые пел названный чернокнижник. Он пел каждый куплет тем, кто танцевал, и тут же все повторяли тот же стих, хоть и не могли запомнить песню. Они находились в этом радостном состоянии почти до полуночи, которая называется илатлапицалиспа [ilatlapitzalizpa], и так как были очень многочисленны люди, которые танцевали, они толкали друг друга, и многие из них падали, сорвавшись с обрыва, в ущелье реки, называемой Тешкальтлауко [Texcaltlauhco], и превращались в валуны. На этой реке был каменный мост, и чернокнижник разрушил его, и все, кто шёл по нему, сорвались и упали в реку, и превратились в камни. Но ничего из того, что делал этот чернокнижник, не чувствовали и не видели эти тольтеки, потому что были как пьяные без мозгов, и все время, пока танцевали и плясали, так как толкали друг друга, срывались в воду» (Sahagún, III, 7).

[10:3] 1-Текпатль[579]. Он был годом, в котором рассеялись тольтеки. Это произошло во времена Уэмака, когда он был правителем. И когда они шли своим путём, уходя |из Толлана|, они пришли в Синкок [Cincoc]. И там, в Синкоке Уэмак принёс в жертву маленького ребёнка, совершив таким образом оплату. Его имя было Се-Коатль.

И по дороге в Тламакаскацинко [Tlamacazcatzinco] он попытался войти в пещеру, но не смог сделать это.

Рисунок 91. Воин-мертвец в тольтекском облачении. Рельеф из Чичен-Ица.

[10:10] Тогда он ушёл оттуда и пошёл в Куауненек [Cuauhnenec], где родила жена Уэмака по имени Куаунене [Cuauhnene]. По этой причине это место сейчас называют Куауненек.

[579] 1116/1117 г.

Затем он ушёл оттуда и пошёл в Теокомпан [Teocompan]. Там на большом кактусе стоял чародей Йаотль, созвавший своих друзей и сказавший им:

«Оставайтесь здесь, друзья. Пусть тольтеки идут вперед, а мы, друзья мои, не должны идти дальше».

[10:16] А теми, кого он созвал, были: первый — Икнотлакатль [Icnotlacatl], второй — Циумасатль [Tziuhmazatl], третий — Акшокуаутли [Acxocuauhtli], четвёртый — Цонкуайе [Tzoncuaye], пятый — Шиукоскатль, шестой — Осоматеуктли [Ozomateuhctli], седьмой — Тлачкиауитльтеуктли [Tlachquiahuitlteuctli], восьмой — Уэтль [Huetl], девятый — Текольтеуктли [Tecolteuhctli], десятый — Куаутли [Cuauhtli], одиннадцатый — Асташоч [Aztaxoch], двенадцатый — Астамамаль [Aztamamal], а тринадцатой была мать Икнотлакатля.

[10:21] И демон собрал ещё многих своих жалких друзей там, в Уэкомпане [Huecompan].

Теперь, когда тольтеки ушли, демон послал вперёд своих друзей, чтобы поселить их в Шальтокане. И он сказал Икнотлакатлю и другим:

[10:25] «Не заноситесь. Помните обо всём, что мы совершали в Толлане. Вы должны придерживаться того же.

В самом деле, ты только жалкий человек, Икнотлакатль[580]. Не становись горделивым. Если твой народ возгордится, я поиздеваюсь над тобой, я погублю тебя, как я поиздевался над Маштлой [Maxtla], жившим в Тольтекатепеке и имевшим двух дочерей, Кецалькен [Quetzalquen] и Кецальшилотль [Quetzalxilotl], которых я держу в жадеитовой клетке. Я сделал их беременными близнецами, и они родили по паре опоссумов.

[10:33] И подобным же образом я поиздевался на Куаутлистаком [Cuauhtliztac], владыкой Остотемпана [Oztotempan], и Куаутли, владыкой Ацомпана [Atzompan]. Это я их погубил».

И когда демон Йаотль отправил своих друзей, чтобы поселить их в Шальтокане, он пошёл и поселил их на другой стороне, в Шальтокане.

[10:39] А что касается тольтеков, они пошли дальше. Они пошли в Коатлийопан [Coatliyopan], они пошли в Атепокатлапан [Atepocatlapan], они пошли в Тепетлайакак [Tepetlayacac]. Они пошли в старый Куаутитлан, где они служили Атоналю [Atonal], жившему в Тамасолаке [Tamazolac] и бывшему владыкой этого места. И он правил ими наравне с прочими своими подданными.

[10:43] Затем тольтеки ушли оттуда и пошли в Непопоуалько [Nepopohualco], Темакпалько [Temacpalco], Акатитлан [Acatitlan],

[580] *Ycno-tlacatl* означает в переводе «жалкий человек».

Тенамитлийакак [Tenamitliyacac], Аскапоцалько [Azcapotzalco] и Тетлолинкан [Tetlolincan] во времена правления Циуактлатонака [Tzihuactlatonac]. Там они оставили двоих тольтекских старейшин, Шочиольцина [Xochioltzin] и Койоцина [Coyotzin], которые дали правителю золотое нагрудное украшение за то, что могли поселиться на его земле.

[10:49] Затем тольтеки пошли в Чапольтепек [Chapoltepec], Уицилопочко [Huitzilopochco] и Кольуакан [Colhuacan]. Они пошли в Тлапечуакан Куаутенко [Tlapechhuacan Cuauhtenco]. И когда они вступали в какую-нибудь страну, часть из них селилась там — в Чололлане [Chollollan], Теоуакане [Teohuacan], Коскатлане [Cozcatlan], Ноноалько [Nonoalco], Теотлиллане [Teotlillan], Коаиштлауакане [Coaixtlahuacan], Тамасолаке [Tamazolac], Копилько [Copilco], Топиллане [Topillan], Айотлане [Ayotlan] и Масатлане [Mazatlan], и так они расселились по всей стране Анауак [Anahuac], где находятся по сей день.

[11:3] 1-Текпатль был также годом, когда все кольуаке [colhuaque] пошли своим собственным путём. Во главе их был правитель по имени Науйоцин [Nauhyotzin].

2-Калли 3-Точтли 4-Акатль 5-Текпатль 6-Калли.

[11:6] 7-Точтли[581] был годом, когда Уэмак покончил собой в Чапольтепеке, в Синкалько [Cincalco]. В году 7-Точтли пришло к концу время тольтеков. Семь лет они повсюду скитались, с места на место, селясь и размещаясь то там, то сям. 339 лет просуществовали тольтеки.

[11:11] Итак, был год 7-Точтли, когда Уэмак покончил с собой, повесившись. Это случилось, когда он потерял надежду там, в пещере в Чапольтепеке. Сначала он плакал и убивался, когда узнал, что нет больше тольтеков, которые могли бы стать перед ним, а затем он покончил с собой.

[581] 1122/1123 г.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕК ГЕРОЕВ. СКАЗАНИЕ О НЕСАУАЛЬКОЙОТЛЕ

Сообщения о Несаулькойотле в книгах историка Фернандо де Альва Иштлильшочитля

(В. Н. Талах)

Предлагаемое ниже сочинение читается то ли как ренессансный рыцарский роман с элементами героического эпоса, то ли как историческая приключенческая повесть Нового времени, нечто среднее между «Амадисом Галльским» и «Айвенго». Занимательный по стилю изложения труд тем более примечателен, что написан прямым потомком главного действующего лица.

Между тем, это историческое исследование, и там, где есть возможность проверить — очень точно следующее оригинальным источникам. Даже самые «романные» по характеру эпизоды, такие как вещий сон главного злодея или спасение главного героя, укрытого встречной женщиной под снопами травы, оказываются совершенно корректным воспроизведением содержания центральномексиканской рисуночной рукописи исторического характера, известной в настоящее время как «Кодекс Шолотль». Нет оснований сомневаться в том, что и данные, происходящие из других источников (например, упоминаемых в тексте свидетельств знатных индейцев Алонсо Ашайяки и Габриэля де Сеговия) приводятся без искажений.

Ценность работы Иштлильшочитля состоит не только в том, что она основывается на подлинных индейских источниках, многие из которых навсегда утрачены, но и в особенностях его метода исследования. В отличие от большинства колониальных историков, опиравшихся на устную индейскую традицию, Фернандо де Альва, как он сам пишет, старается исходить в первую очередь из данных письменных индейских источников, пиктографических кодексов исторического содержания, либо составленных до Конкисты, либо скопированных с доиспанских оригиналов. На то, что Иштлильшочитль умел читать пиктографические рукописи и именно из них черпал свои сведения, указывают разночтения в именах некоторых персонажей: Шилокуау и Куаушило, Шолотекутли и Текушолотль. Такие различия могли возникнуть только в случаях, когда соответствующие имена были записаны двумя идеограммами (*XILO(TL)* и *CUAUH(TLI)*, *XOLO(TL)* и *TECUH(TLI)*), но так как писцы науа не придерживались строгого порядка во взаимном расположении знаков, для читателя правильный порядок их чтения также не всегда оказывался ясным (проблема, возникающая и перед современными исследователями письма Центральной Мексики). Впрочем,

качественной разницы между обществами доколумбовой Мексики и современной ему Новой Испании Иштлильшочитль, кажется, в полной мере не чувствовал и описывал индейские вождества XIV–XV веков в понятиях колониальной эпохи: на страницах его сочинений действуют монархи и капитаны, сеньоры и вассалы, кавальеро и принсипалы.

Предметом изложения в нем является один из ключевых эпизодов месоамериканской истории XV века — борьба за гегемонию в Мексиканской долине (называвшейся индейцами Анауак), в то время экономически и культурно наиболее развитом регионе Центральной Америки. На господство в ней претендовали три главные силы: населявшие восточную часть Анауака чичимеки-акольуа с центром в Тескоко, занимавшие западную часть долины тепанеки, чьей столицей был Аскапоцалько, и жившие на островах посреди озера Тескоко мешики (обычно называемые ацтеками, хотя сам термин «aztec» ввел в обиход немецкий этнограф начала XIX века Александр фон Гумбольдт). Мешики (населявшие два города — Тлателолько и Теночтитлан) первоначально являлись подчиненными союзниками тепанеков, однако, в ходе бурно разворачивавшихся событий стали их противниками и, в конечном счете, оказались главными победителями в схватке за господство над Мексикой, превратившись в ведущую силу так называемого «Тройственного союза», который объединил весь Анауак, а в дальнейшем сделался «Ацтекской державой». В собственно ацтекской имперской историографии (отраженной, например, в сочинениях Ф. Альварадо Тесосомока, Д. Дурана, Х. де Товара, «Истории мексиканцев по их рисункам») процесс образования империи мешиков до неправдоподобности примитивен: вдохновляемые воинственным божеством Уицилопочтли мешики мстят за причиненные обиды одному неприятелю за другим и подчиняют их. У Иштлильшочитля, опирающегося на историческую традицию Тескоко, картина хитросплетения союзов и измен, заговоров и мятежей, побед и поражений гораздо более сложна, трагична и реалистична. Дон Фернандо тоже пытается выстроить определенную концептуальную схему истории Анауака: согласно ей вождь тескоканских акольуа Иштлильшочитль Оме-Точтли является прирожденным владыкой всей Мексиканской долины, против которого поднимают мятеж подлые изменники во главе с тепанекским Тецоцомоком; Иштлильшочитль терпит поражение и гибнет исключительно из-за собственного чрезмерного благородства, но его сын, героический Несауалькойотль, мстит за отца и восстанавливает державу предков. При этом, однако, Ф. де Альва Иштлильшочитль добросовестно излагает факты, а они подрывают его собственную историческую схему. Аскапоцалько оказывается отнюдь не вассалом, а равным соперником Тескоко; против Иштлильшочитля I восстает почти все население его государства; победители-тепанеки проводят в отношении побежденных весьма гибкую и умеренную политику, так что Тецоцомок не только оставляет царевича Несауалькойотля в живых, но даже выделяет ему кое-какие остатки отцовских владений; наконец, сам Несауалькойотль восстанавливает власть вовсе не благодаря поддержке

соотечественников — акольуа, а силами союзников-чужеземцев, сначала чальков и тлашкаланцев, затем — ненавистных всем мешиков, и его друзья дважды разоряют родной ему Тескоко.

Большая часть содержания рассматриваемого сочинения Иштлильшочитля, являющегося частью сборника текстов, обозначаемых обычно собирательным названием «Сообщения», и представляющая собой отрывок «Истории правлений чичимеков до прихода испанцев», присутствует в составе более поздней и более широкой по тематике «Истории народа чичимеков». Последняя — труд, несомненно отличающийся большей зрелостью и основательностью, хотя часть более ранних материалов в него не вошла, а часть вошла в существенно измененном виде. В силу этого «Сообщения» сохраняют самостоятельную ценность как исторический источник, а как литературное произведение обладают тем обаянием живости и непосредственности, каким первоначальный эскиз часто превосходит написанную на его основе станковую картину.

Настоящий перевод выполнен на основании издания 1891 г.:

Fernando de Alva Ixtlilxóchitl. Obras completas. V. 1. Relaciones / Publicadas y anotadas por Alfredo Chavero. México: Oficina tip. de la Secretaria de fomento, 1891.), P. 145-234.

Дон Фернандо де Альва Иштлильшочитль. Сказание о Несауалькойотле

ДЕВЯТОЕ СООБЩЕНИЕ

О великом Иштлильшочитле Оме-Точтли, о его жизни, деяниях и прискорбной смерти

Когда умер Течотлалацин [Techotlalatzin][582], и были проведены поминки по нему, через несколько дней после этого, Иштлильшочитль, увидев, что ему не захотели принести присягу, и что главной причиной этого был Тецоцомок [Tetzotzomoc][583], царь Аскапоцалько, который во все вносил мятеж, не пожелал состоять в браке с Текпатльшочитль [Tecpatl Xuchchitl], дочерью этого царя, которую со времен его отца послали ему в качестве законной жены, прежде послав в Мешико за царевной Матлальшочитль [Matlalxuchitl], законной дочерью покойного царя Уицилиутля [Huitzilihuitl][584], чтобы вступить в брак с ней, что и сделал с большими празднествами и торжествами, вопреки царю Тецоцомоку из Аскапоцалько. Когда Тецоцомок увидел, что Иштлильшочитль вступил в брак с царевной Матлальсиуацин [Matlaltzihuatzin], сестрой Чимальпопоки [Chimalpopoca][585], он созвал владык Мешико и прочих своих родичей и друзей, чтобы обсудить с ними захват власти [tirania][586], который он задумал в прошлые дни, и отомстить Иштлильшочитлю за свою дочь, что он и делал, хотя и не сообщил об этом ни своему внуку Чимальпопоке, царю Мешико, ни другим владыкам,

[582] Течотлалацин (Течотлала) был правителем Тескоко в 1477–1409 гг.

[583] Тецоцомок (Тесосомок) Йакатетельтетль [Tezozomoctli Yacateteltetl] правитель государства тепанеков, центром которого были земли к западу от озера Тескоко, а столицей — город Аскапоцалько. Согласно Чимальпаину Куаутлеуаницину Тесосомок стал царем Аскапоцалько в году 5-Акатль (1367/1368), по другой версии — в году 8-Точтли (1370/1371) (Chimalpahin F.A. Diferentes historias originales de los reynos de Culhuacan Mexico, de otras provincias. — Hamburg, 1950. — P. 211, 229.). Индейские источники, по всей видимости, смешивают его с одноименным правителем, царствовавшим в Аскапоцалько в 1320-х годах, следствием чего является легенда о якобы фантастической продолжительности его жизни и правления. Тесосомок, опиравшийся на союз с формально подчиненными Аскапоцалько мешиками-ацтеками из Тлателолько и Теночтитлана мешиками, проводил активную завоевательную политику в долине Мехико, в том числе на восточном берегу озера Тескоко, что существенно задевало интересы царства Тескоко-Акольуакан.

[584] Согласно «Кодексу Теллериано-Ременсис» (30v) Уицилиуитль умер в год 13-Точтли (1414/1415), согласно Чимальпаину — в год 1-Акатль (1415/1416), , согласно «Кодексу Мендоса» (3v) год его смерти — 3-Калли (1418/1419). По сведениям «Анналов Тлателолько» он скончался в год 11-Текпатль (1412/1413), и три года в Теночтитлане не было правителя. В любом случае, в момент вступления Иштлильшочитля Оме-Точтли на престол Уицилиуитль был жив. Больше того, поскольку второй ребенок от брака Иштлильшочитля и Матлальшочитль родился в 1401 или 1402 г., разрыв тескоканских правителей с Тесосомоком произошел еще при Течотлале.

[585] Чимальпопока — преемник Уицилиуитля в качестве тлатоани (правителя) Теночтитлана. По сведениям Х. де Мендиеты он был не сыном, а братом Уицилиуитля (Mendieta G. de. Historia Eclesiástica Indiana. — México: 1870. — P. 149.). Наоборот, «Кодекс Рамиреса» и Д. Дуран указывают, что Чимальпопока, родившийся около 1406 г., был одним из младших сыновей своего предшественника. Тот же «Кодекс Рамиреса», Альварадо Тесосомок, А. де Эррера и Х. де Акоста называют его матерью тепанекскую царевну Айасиуатль [Ayauhcihuatl] (умерла в 1415 г.), дочь Тесосомока, третью жену Уицилиуитля. Родство с могущественным тепанекским владыкой будто бы и обеспечило юноше престол в обход старших братьев.

[586] Термины «тиран», «тирания» Ишитлильшочитль употребляет не в значении «правитель, действующий произволом и насилием», а в значении «лицо, незаконно захватившее власть», «узурпатор», «незаконный захват власти», «узурпация».

которых касалось родство с царевной Матлальшочитль. Когда названные владыки собрались, Тецоцомок сказал им, что они хорошо знают о тяготах и об иге, какое имели над собой все то время, пока царствовал Течотлалацин, и так как он, наконец, умер, чтобы они никоим образом не приносили присягу Иштлильшочитлю, его сыну, ибо это было бы то же самое, что с его отцом, и что для того, чтобы он никогда не смог бы возвыситься, было бы хорошо ограничить его, выдвинув подходящие условия, и затем, если он не захочет таким путем, подчинить его силой оружия, и чтобы он, как внук великого Шолотля, был бы владыкой всей земли, а Чимальпопока — царем Кольуакана[587] и владыкой Мешико, а Тлакатеоцин [Tlacateotzin][588] — владыкой Тлателолько, ведь они были его внуками, и чтобы двое других были главными начальниками [cabezas principales], и чтобы все втроем они управляли всей землей, и многие другие слова; и все это владыкам Мешико и прочим очень понравилось, и они согласились с этим. Иштлильшочитль оставался правителем Тешкоко, ожидая случая и времени, чтобы получить присягу в качестве царя и Великого Чичимека[589] и отомстить Тецоцомоку и его союзникам.

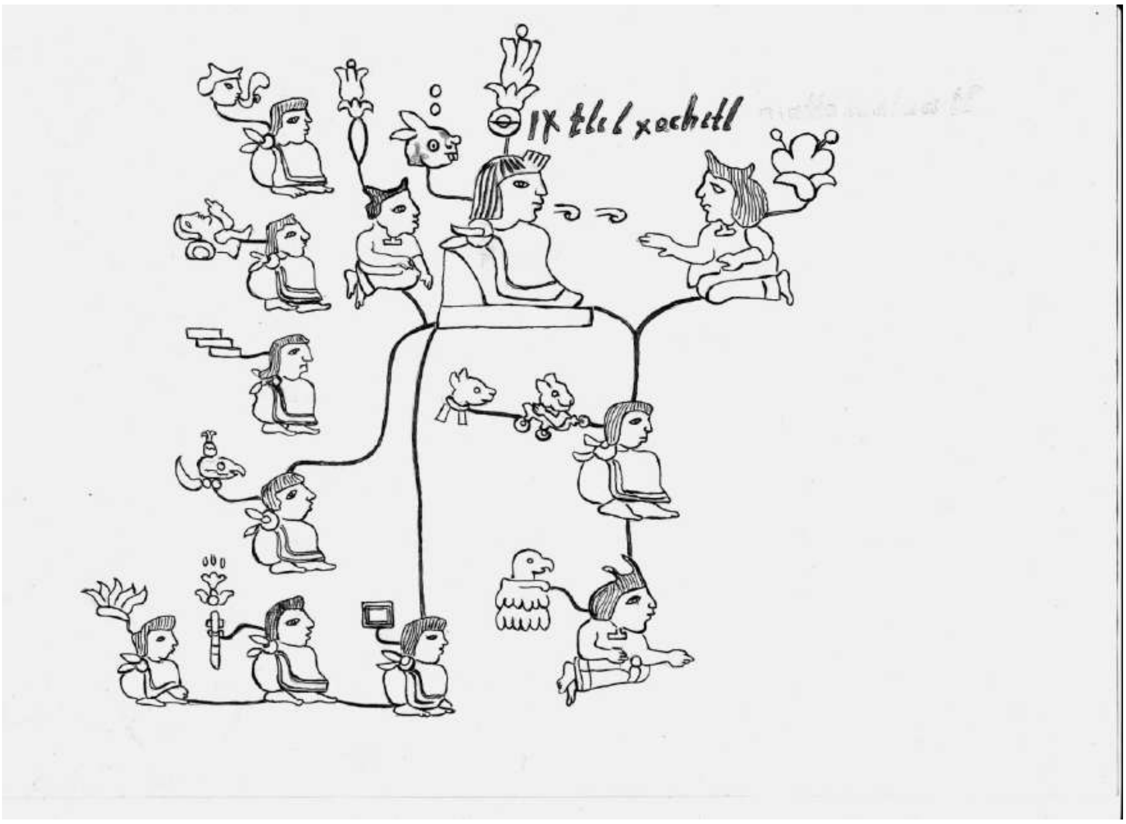


Рисунок 92. Иштлильшочитль Оме-Точтли с семьей. «Кодекс Шолотль», стр. 15 (6).

[587] Кольуакан, древний город, населенный потомками тольтеков, из которого происходила династия правителей Теночтитлана, был захвачен мешиками (в союзе с Аскапоцалько) в год 11-Акатль, 1399 г. («Кодекс Теллериано-Ременсис», 29r).

[588] Тлакатеоцин по одним сведениям (Саагун) правил Тлателолько в 1390–1427, по другим («Анналы Тлателолько») — в 1417–1427 гг. Он был сыном Куакуаупицауака, сына правителя Аскапоцалько Тесосомока (по всей видимости, не упоминаемого в сочинении Иштлильшочитля, а одноименного ему предшественика).

[589] «Чичимека текутли», титул, который носили правители Тескоко, претендовавшие на верховенство среди прочих чичимекских правителей.

Прошло некоторое время после собрания и сговора у Тецоцомока, и он отправил своих посланцев к Иштлильшочитлю с большим количеством хлопка, как будто из дружеского расположения, и он отправил его, чтобы сказать, что очень просит оказать ему милость, приказав своим подданным, чтобы из этого хлопка они изготовили бы ему очень красивые плащи, как умели некогда делать в этом городе, ибо он имеет в них надобность, услышав о чем, Иштлильшочитль, так как тот был старец и его родственник, и из-за нехватки, каковая имелась в Аскапоцалько и во всем его царстве, лиц, которые умели бы изготавливать плащи, послал, чтобы его подданные их изготовили, тут же приказал, чтобы соткали и отделали плащи, и когда они были готовы, отправил их. Когда Тецоцомок увидел, что Иштлильшочитль приказал своим подданным изготовить плащи, и послал их за короткое время, он решил, что будет легко подчинить того своему господству. Во второй раз он послал много больше хлопка, чем в первый, отправив сказать, что уже получил плащи, и что они весьма примечательны, и так как это изделия его подданных, то он просил бы оказать ему милость и приказать, чтобы ему сделали из хлопка, который он прислал, еще. Иштлильшочитль получил это послание, и так как хлопка было много, и он увидел, что в его городе не смогут его обработать, позвал некоторых владык, своих подчиненных, и приказал им, чтобы они распределили хлопок между своими подданными, и чтобы те изготовили очень красивые плащи для Тецоцомока, который послал к нему с просьбой, чтобы он приказал сделать их. Владыки, его подчиненные, каковыми были Тлакоцин [Tlacotzin] из Уэшотлы [Huexutla], Паинцин [Payntzin] из Коуатличана [Cohuatlichan], Тотомиуацин [Totomihuatzin] из Коуатепека [Cohuatepec], Ишконцин [Ixcontzin] из Истапалокана [Iztapalocan] и многие другие из иных областей, тут же приказали изготовить плащи, и когда они были сделаны, отправили их Тецоцомоку. Тот, получив плащи, позвал владык Мешико и рассказал им, как дважды посылал к Иштлильшочитлю, чтобы изготовили плащи, и посылали их сделать за короткое время, и отправляли их, и что поэтому ему показалось, что было бы хорошо послать к нему сказать, чтобы он и все владыки, его подчиненные, особенно все, кто именуются царством Акольуа, являлись бы к нему ежегодно с определенной данью, а если он по хорошему не согласиться на это, что они пойдут на него и силой оружия его подчинят. Владыки Мешико ответили ему, что им показалось очень хорошим его намерение, но что настоящее время неподходяще для осуществления задуманного им, ведь Иштлильшочитль был очень доблестным, и хотя не получил присяги, но так как он был законным наследником всей этой земли, могло статься, что многие владыки помогали бы ему и поддерживали, и что они скорее пошли бы за тем, чья была земля, а не за тем, кто ее захватил незаконно [tiranizaba], и что сначала было бы хорошо обсудить это с самыми могущественными владыками всей земли, и привлечь их на свою сторону, ведь большинство из них были его внуками и родичами, и было бы очень легко привлечь их, и чтобы сейчас он послал бы в третий раз еще больше хлопка, чем два предыдущих раза, точно так же попросив, чтобы тот

приказал изготовить плащи, как те, которые уже были сделаны. Тецоцомоку совет, данный владыками Мешико, показался очень хорошим, и он согласился с ним, и тут же отправил хлопок в Тешкоко.

Иштлильшочитль, увидев, что Тецоцомок отправляет ему ежегодно хлопок для изготовления плащей и что это, хотя на словах выглядело как проявление дружбы и родства, но на деле было как служба и подчинение, и, кроме того, что прошло уже несколько лет после смерти его отца, а ему не хотели принести присягу как царю и владыке всей земли, на что он имел законное право, созвал всех владык, своих подчиненных и, когда они собрались, сказал им, что Тецоцомок прислал ему еще хлопка. «Он должно быть думает, — сказал он, — что мы женщины, или что наши подданные из страха изготавливают плащи: несправедливо, чтобы вы потворствовали бы ему, ведь вы знаете, что это я законный наследник всей земли. Возьмите хлопок и сделайте из него доспехи и то, что захотите, и так как те не хотят принести мне присягу, вы присягните мне как вашему царю и всеобщему владыке, и затем мы подчиним их силой оружия». Все это показалось очень хорошим владыкам, его подчиненным, и они сказали ему, что было бы очень справедливо сделать то, что он им приказал, и он так ответил посланцам Тецоцомока, которые доставили хлопок, сказав им, чтобы они передали своим владыкам, что он забрал хлопок для своих подданных, которые имеют нужду в нем, чтобы изготовить некоторые доспехи[590] и боевое снаряжение, и что если у него есть еще, пусть бы послал его, так как он имеет в нем нужду для дополнительных доспехов и для плащей, ведь они прекрасно знают и ведают о его законном праве получить присягу в качестве владыки всей земли, хоть его подданные чичимеки и акольуа и не имеют большой нужды в хлопке для доспехов, ибо он полагается на их отвагу и доблесть, которых они во всем придерживаются, ибо они таковы, и что так как не пожелали принести ему присягу ни Тецоцомок, ни его родичи, то пусть помогают ему, по крайней мере, посылая время от времени хлопок, чтобы делать доспехи для воинственных юношей, ведь их рукам не хватает сил, чтобы помогать им своим оружием. Когда Тецоцомок узнал об ответе и решимости Иштлильшочитля, то сделался растерянным и задумчивым, и на следующий же день собрал владык Мешико и прочих своих подчиненных и родичей, и рассказал им о том, что послал сказать ему Иштлильшочитль, и что потому было бы необходимо, чтобы все собрали свои силы и подданных и подчинили бы его силой оружия, пока он еще больше не возвысился бы в мыслях, и, покоренное, разделили бы на три части царство Акольуа, так что одну он взял бы для себя, а другую — для Тлакатеотля, владыки Тлателолько, а третью — Чимальпопока, владыка Мешико и царь Кольуакана, а остальное, что оставалось бы сверх, отдали бы своим родичам и друзьям, которые им помогли бы, и что были бы их подчиненными те и их потомки, и многие другие области, которые он им дал, и благодаря этому они

[590] Речь идет об ичкауипилли — защитных куртках из стеганого хлопка, хорошо предохранявших от стрел с кремниевыми или обсидиановыми наконечниками.

не были бы под господством и игом [debajo del dominio y silla] акольуа, и не заносились бы в мыслях владыки, которые были оттуда, что всем показалось очень хорошим, и они дали слово, что так и сделают.

Иштлильшочитль в Тешкоко предупредил своих подданных, чтобы они были наготове, когда он испытал бы в них нужду, и чтобы они смотрели и имели ввиду относительно тепанеков и мешиков, что хотя бы те общались и обращались с ними дружелюбно, но всегда были начеку, ибо он хорошо все видел и имел сведения о том, о чем Тецоцомок распорядился и приказал в Аскапоцалько.

Рисунок 93. Сражение акольуа с тепанеками. «Кодекс Шолотль», стр. 16 (7).

Прошло почти семь лет, как умер Течотлалацин[591], и после того, как случились упомянутые события, Тецоцомок, так как уже были наготове все его подчиненные, друзья и родственники, собрался с ними возле Мискика [Mizquic] и Куитлауака [Cuitlahuac], и они составили очень сильное войско, где шли люди Тецоцомока, которыми были тепанеки, и люди Тлакатеоцина и Чимальпопоки, царя Кольуакана, которыми были мешики и кольуа тольтеки [Culhuas Tultecas], и люди Тотокиуацтли [Totoquihuaztli], первого этого имени, четвертого владыки Тлакопана [Tlacopan], и люди владыки из Шочимилько, из Куитлауак Мискика [Cuitlahuac Mizquic] Куитлауацина [Cuitlahuatzin], люди из Истапалапана [Iztapalapan], Мешикацинко [Mexicatzinco], и Уицилопошко [Huitzilopuxco], и Койоуакана [Coyohuacan], и, собравшись в местности, называемой Астауакан, тайно, так, чтобы люди Иштлильшочитля ничего не узнали, |напали| однажды утром на селения и поселки владыки Истапалокана, который в ту пору находился в Тешкоко с Иштлильшочитлем, и справлял должность правителя некто по имени Куаушилоцин, который отважно оборонялся с людьми из этих поселков и селений, и сражались, пока наконец не взошло солнце, а когда еще больше рассвело, то намного больше народа пришло на помощь. Когда люди Тецоцомока увидели, что те отважно обороняются, и что они были бы побеждены, если бы еще задержались, то разграбили места, которые добыли, и захватили многих из акольуа, и отвели их со всей добычей в Аскапоцалько, и остались в Мискик Куитлауаке, Истапалапане и Кольуакане, хорошо

[591] То есть, речь идет о событиях 1415/1416 г.

подготовив эти местности к войне, с тем, чтобы, пожелай Иштлильшочитль отомстить за обиду, которую ему причинили, они воспрепятствовали бы ему, и он не прошел бы вперед. Узнав об этом, Иштлильшочитль пошел с войском на помощь истапалоканцам, хотя и прибыл поздно, так как неприятели уже отступили к своим землям, и погиб правитель Шилокуау [Xilocuauh], и так он сделал и разместил свои пограничные заставы в округах Истапалокана |и| Чалько, которые граничили с округами его неприятелей, поставив в каждой части сторожевые отряды, и вернулся в Тешкоко, чтобы распорядиться о том, что должно делать. Поскольку тепанеки, как я сказал, опасаясь, что акольуа уничтожили бы их, если бы они продолжили войну, были довольны добычей и пленными из поселков и местностей владения Истапалокан, главнейшие из войска вернулись к Тецоцомоку, чтобы дать ему отчет о произошедшем, извиняясь, что не смогли пройти дальше согласно его намерению, поскольку обнаружили свою слабость, так что если бы задержались на несколько часов, было бы великой удачей хоть некоторым ускользнуть из рук акольуа, ибо, хоть и были немногочисленны люди из поселков Истапалокана, умертвили многих из его воинов, так что они удовлетворились тем, что сожгли дома и разграбили их имущество и сокровища, и привели многих из них пленными. Тецоцомок испытал величайшее огорчение, увидев, что его подданные не исполнили того, чего он так желал, ибо задумал на этот раз покончить с акольуа; но, увидев, что это не было возможным, приказал, чтобы все были наготове для того, если представится какая-нибудь возможность. Он также приказал привести в готовность все пограничные отряды и разместить другие в Экатепеке [Hecatepec] и Шальтокане [Xaltocan], которые находились в той стороне, которая его занимала. Эта война произошла в год Се-Акатль [ce Acatl], на шестой день второго месяца, называемого Тососли [Toçozli], в последний день его недели, называемой Матлактлиомей-Текпатль [Matlactli omey Tecpatl], что в соответствии с нашим счетом было годом 1359, 15 днем месяца апреля, почти на седьмую годовщину понтификата Иннокентия VI, на третий год империи Карла IV и на девятый царствования дона Педро Жестокого[592].

Из числа несчастных акольуа, которых привели пленными, одних принесли в жертву, а других продали в рабство, особенно тех, кто не были доблестными мужами, по измышлению и порядку мешиков в главных храмах Аскапоцалько, Мешико и Тлателолько.

Когда Иштлильшочитль вернулся в город Тешкоко, после того, как разместил свои заставы, как сказано, на приграничных землях Чалько и Истапалокана в направлении своих неприятелей, он созвал всех владык, своих подчиненных и друзей, которыми были Тлакацин [Tlacatzin] из

[592] Согласно общепринятому стилю Теночтитлана-Тлателолько год 1-Акатль соответствует февралю 1415 — февралю 1416 г. Приводимые здесь соответствия дат индейского и европейского календарей основаны на каком-то неизвестном стиле; в дальнейшем, в «Истории народа чичимеков» Иштлильшочитль пересмотрел свои хронологические выкладки. Иннокентий VI был папой Римским с 1352 г., Карл IV Люксембург — императором Священной Римской империи с 1346 г., Педро Жестокий — королем Кастилии с 1349 г.

Уэшотлы [Huexutla], Паинцин из Коуатличана, Тотомиуацин из Коуатепека, Ишконцин из Истапалокана, Тоцинцин [Totzintzin] из Тепеполько [Tepepulco], Омокацин [Omocatzin] из Тлальманалько [Tlalmanalco], Какамацин [Cacamatzin] из Чалько и некоторые благородные и знатные люди из Акольмана и Чиконаутлана, потому что он не желал доверять владыке Акольмана, бывшего внуком Тецоцомока и имевшего большое желание способствовать своему деду, хотя ему не позволяли этого его подчиненные, и он имел на своей стороне только этих владык и еще некоторых других из малых селений. Когда собрались те, кто был, он сказал им, что подобало, ибо было уже справедливым, чтобы ему поклялись как своему царю и природному владыке всей земли, что, если бы он получил присягу, его неприятели не осмелились бы совершать такие бесстыдства как недавние, и чтобы в Акольуакане и Чиунаутлане они поставили бы свои пограничные заставы и разместили войска, чтобы их неприятели не проходили через сторону своих, а впоследствии к берегам озера, и приказал, чтобы Точинцин [Tochintzin], внук Паинцина, владыки Коуатличана, был бы военачальником войска и пограничных застав, которые располагались в северной части, каковыми являются границы Акольуакана и Чиунаутлана, и Исконцину, владыке Истапалокана, приказал, чтобы он был военачальником на границах с Чалько, расположенных в южной стороне от его селения и области. Все это показалось очень хорошим всем владыкам, его подчиненным, но что касается присяги, они ответили ему, что время неподходящее, так как его неприятели сейчас очень бдительны; и что с течением времени, когда они стали бы чуть беспечнее, они поклялись бы, так как есть основание, со всей торжественностью, как и должно в отношении такого владыки. Таковы были дела этой земли и такие распри, что даже эти владыки, о которых мы говорили как о |принадлежавших к| стороне Иштлильшочитля, и некоторые их родичи и подчиненные предупреждали Тецоцомока и способствовали ему, хотя были из тех, кто не имел ни возможности, ни сил, чтобы помочь ему, за исключением акольманского и тепечпанского, впрочем, этим их подданные не желали подчиняться.

Относительно некоторых из тех знатных, кто способствовал Тецоцомоку, содержится в их историях, что одним из них был владыка Коуатепека [Cohuatepec] из рода тепанеков, кто во время войны, о которой я рассказал, что она произошла в поселках и селении Истапалокана, вышел на помощь людям Тецоцомока, и это он предупредил их, где они должны вторгнуться сначала и в какой час, и лично выступив с некоторыми тепанеками, направился туда, где находился, сражаясь и защищая свою землю, его владыка, правитель Истапалокана по имени Куаушило, и так как тот был беспечен по отношению к нему, ибо ему показалось, что он пришел на помощь, ведь он был из народа и подчиненных Иштлильшочитля, в то время, когда тот сражался, обратив взгляд на своих врагов, этот человек из Коуатепека предательски убил его, и отчасти случайно смог ускользнуть среди людей Иштлильшочитля.

В год 11-Калли в пятый день 12-го месяца, называемого Уэйпаштли, в первый день их недели, называемый Эй-Масатль[593], и в наш 1369, в последние дни месяца октября, в четвертый год понтификата Урбана V, на 23-й империи Карла IV и в первый правления Энрике II в Испании[594], родился знаменитый Несауалькойотль, который был вторым законным ребенком Иштлильшочитля, поскольку немногими годами ранее родилась царевна Тоскенцин, его старшая сестра, чему все владыки, подчиненные его отца Иштлильшочитля были очень рады, и устроили величайшие празднества и развлечения, а Тецоцомок был из-за него в величайшем огорчении и гневе, |настолько,| насколько это было удовольствием и радостью для Иштлильшочитля.

В то время не прекращались некоторые жестокие сражения, среди которых было одно почти в то же самое время на озере в земле Уэшотлы, поскольку тепанеки пришли с большим войском по озеру и захотели ворваться через это место, в которое, так как акольуа всегда были старательны в охране своих границ, и были извещены дозорными о том, что тепанеки пришли к Тешкоко, они пришли в рассветный час и имели в тот день большие и жестокие сражения, когда погибло с обеих сторон много народа и ночью они погрузились в свои каноэ, находившиеся посреди озера. Они таким образом пробыли там несколько дней и, увидев, что несут потери и что не смогут выдержать силы людей из войска Иштлильшочитля, вернулись разгромленные в Аскапоцалько, чтобы дать отчет своему владыке, который испытал от этого большое огорчение, и, видя, что оказался невозможным |его замысел|, он приказал, чтобы они не отправлялись на поиски людей его соперника Иштлильшочитля, пока не придет время для этого, но только охраняли бы и обходили границы, пока он не позвал бы и не привлек на свою сторону некоторых владык.

В год Се-Тоштли, который был нашим 1370[595], когда увидели владыки, подчиненные Иштлильшочитля, что уже настало время, чтобы присягнуть ему как самодержавному владыке всей земли, что по праву ему принадлежало, хотя почти вся земля была мятежной и противозаконно восставшей [tiranicamente alzada], они согласились поклясться ему и так устроили в Уэшотле торжество присяги, где лично присутствовали не больше двух владык, его подчиненных, и, для этой же цели, еще двое жрецов их ложных богов для требуемых обрядов и церемоний, каковыми были Паинцин

[593] Год указан, по всей видимости, ошибочно, должен быть 13-Калли, то есть февраль 1401 — февраль 1402 гг. День 3-Масатль приходился в этом году на 27 апреля 1401 г. или на 12 января 1402 г. Следует отметить, что в «Кодексе Шолотль», служившем Иштлильшочитлю первоисточником, указаны только годы и дни 260-дневного цикла (то есть, в нашем случае, день 3-Масатль года 13-Калли). Месяцы и их числа, равно как и европейские соответствия индейских дат, Иштлильшочитль, по все вероятности, рассчитывал самостоятельно.

В «Истории народа чичимеков» Иштлильшочитль приводит другую дату рождения Несауалькойотля: день 1-Масатль 19 число месяца Тососонтли года 1-Точтли или 28 апреля 1402 года. Однако, согласно установленному соответствию дат индейского и юлианского календаря день 1-Масатль года 1-Точтли приходился на 11 июля 1402 г., а 19 число месяца Тососонтли — на 22 апреля 1402 г.

[594] Понтификат Урбана V начался в 1362 г., правление Энрике II в Кастилии — в 1369 г.

[595] Год 1-Точтли соответствовал 1351–1352 или 1402–1403 гг.

и Коуатличана, Тлальнаукацин [Tlalnahuacatzin], верховный жрец из этого же города, Тлакоцин из Уэшотлы и Тасацин [Tazatzin], тоже верховный жрец[596]. Поклялись Иштлильшочитлю в качестве государя всей земли, и его сыну Несауалькойотлю в качестве царевича-наследника. Об обрядах и церемониях присяги было рассказано ранее, там, где этому место, потому что этот владыка был первым, кто принял присягу согласно порядку тольтеков и акольуа мешиков. Причина, по которой только двое владык находились на этой присяге, состояла в том, что все были очень заняты на границах с войсками, охраняя свои земли, чтобы, пока происходила присяга, где они были бы заняты, неприятели не застали бы их врасплох, хотя в дальнейшем каждый в соответствии со своим порядком пошел к нему выказать повиновение и поздравления за себя и своих подданных.

В том же году присяги Иштлильшочитлю он |Иштлильшочитль| отправил посланца к Тецоцомоку и мешикским владыкам, в первую очередь к Тлакатеоцину, владыке Тлателолько, являвшемуся командующим всеми войсками тепанеков. Послом был Сиуанауакацин [Zihuanahuacatzin], сын верховного жреца Уэшотлы, доблестного военачальника, и Шилоцин [Xilotzin], дочери Тлакатеоцин, таким образом этот посол был внуком Тлакатеоцина, к которому совершал посольство. Когда Сиуанауакацин прибыл в присутствие Тлакатеоцина, он сказал ему, что пришел от Иштлильшочитля, его природного и законного владыки и государя всей земли, чтобы тот подготовился к сражению в определенное время в этом текущем году, и чтобы сообщить ему и Тецоцомоку, тирану и изменнику, и всем его союзникам, что ему принесли присягу в качестве царя и владыки-государя всей земли, и чтобы они вследствие этого с миром подчинились ему, и что он простил бы все прошлое, если бы они захотели сдаться и выказать ему свое повиновение, а если нет, то он покорит их огнем и кровью, и что он посылает им их знаки отличия и оружие, чтобы они были подготовлены и не жаловались когда-нибудь, что их застали врасплох; и эти знаки отличия названный посол, который был также назначен полководцем войска Иштлильшочитля носил на войне, назначенный в качестве лица, представлявшего особу царя и владыки, а вместе с ними — многочисленный груз доспехов, стрел, макан, копий и щитов. Когда это посольство выслушал Тлакатеоцин, владыка Тлателолько и командующий войсками тепанеков, он отправился повидаться с Тецоцомоком, а послу велел, чтобы тот ждал ответа в Тлателолько, что тот и сделал.

Когда Тлакатеоцин, который в ту пору был также с Чимальпопокой, царем Мешико, и многими другими владыками, сказал Тецоцомоку о том, что послал сказать Иштлильшочитль, тот испытал от этого сильнейшую злобу, и ответил, чтобы тот передал послу, что он хорошо знает, что Иштлильшочитль устроил присягу себе как государю, но что государь — он,

---

[596] Согласно Торкемаде на церемонии клятвы Иштлильшочитлю, состоявшейся в Уэшотле, участвовали правитель Уэшотлы Миллато [Millato], правитель Коуатличана Омикшикпан [Omicxipan], правитель Коуатепека Тотоминцин [Totomintzin] и двое владык из Истапалокана, Куэшильпикацин [Quexilpicatzin] и Тусан [Tuzan] (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — P.155.).

и что его подчиненные и друзья поэтому не подчинятся, но что они его считают изменником, и что он подчинит его огнем и кровью, и что не следовало брать на себя труд идти в его земли, и чтобы он в тот же день отправился к своим и объяснил им их бесстыдство и наглость, и что он будет на полях Чиконаутлана с четырьмя сильными армиями. Эти и другие вещи они ответили Иштлильшочитлю и отпустили посла, который отправился прямиком в Уэшотлу, где располагался его царь, и дал ему отчет о посольстве, и тот распорядился о том, что должно делать в таких переговорах как эти.

В Аскапоцалько собрал и созвал Тецоцомок всех своих подчиненных, родичей и друзей, и сказал им, чтобы они собрали четыре самых могучих армии, и чтобы тайно отправились по озеру к Уэшотле и вторглись оттуда, потому что очень легко могли бы заполучить в свои руки Иштлильшочитля, а когда он будет пленен или убит, легко усмирили бы остальное, ибо все находились, поджидая, на полях Чиконаутлы и были беспечны по этому поводу, что всем показалось очень хорошим. Но у Иштлильшочитля хватало тех, кто предупредил его, что ему не следует идти к Чиконаутле, но по озеру к Уэшотле, где располагался его двор; и так он приказал людям из своего войска, чтобы большая часть из них расположилась втайне на берегах озера с полководцем Сиуакнаукацином, а остальные люди в Чиконаутле с его сыном Сиуакекеноцином [Zihuaquequenotzin], который также был великим полководцем, и чтобы с одной и другой стороны, одни и другие сносились друг с другом и помогали, если бы имели надобность, не оставляя без людей границы, и что он тоже помогал бы им со всеми людьми и оружием, и всем необходимым.

И когда настало время, о котором тепанеки сказали, что должны быть в Чиконаутле, они появились на рассвете на побережье озера с огромнейшим войском, которое казалось, согласно историям, большим муравейником, со множеством каноэ и народа, переправлявшегося по поверхности озера с одной стороны на другую; и люди Иштлильшочитля, завидев своих врагов, выступили им наперерез, а те очень беспечно двигались навстречу такому приему. Сражались жестоко. Погибло с обеих сторон бесчисленное число людей, и там отличились многие и доблестные люди, как благородные, так и простолюдины, и чтобы избежать многословия, не помещаю этого здесь. Отличный полководец Сиуакнауакацин во всем поступал должным образом. Озеро и его берега наполнились мертвыми, и вся вода покраснела от лившихся потоков крови. Сражались много дней, и приключились столькие и столь жестокие дела, никогда невиданные и неслыханные в этой земле, что было бы долго о них рассказывать. Наконец, когда люди Тецоцомока увидели бóльшую силу и доблесть законного владыки Иштлильшочитля, они убрались восвояси. Такой конец имела третья указанная битва, которую имел Иштлильшочитль, каковая, без отдельных имевшихся стычек, была восьмым жестоким и достопамятным сражением, произошедшим в этой Новой Испании. Люди с границ и сторожевых отрядов также совершили великие дела и во многих отличились, особенно со стороны Чиконаутлы, где

находился Сиуакекеноцин, командующий войском этой стороны, и случилось что в разгар жестоких сражений он с некоторыми из самых доблестных военачальников, каких имел, вторгся через Акольукан [Acolhuacan] и другие местности, и они разграбили некоторые селения Коатепека и других частей, убив много народу.

Владыки, подчиненные Иштлильшочитля, находились при нем, подготавливаясь и посылая подкрепления военным, а другие находились в селениях и областях, где были владыки, желавшие способствовать Тецоцомоку, заботясь о том, чтобы те не учинили чего-нибудь, особенно в Акольмане, где находился Тейолькокоуильцин, внук Тецоцомока. Царь Иштлильшочитль много раз порывался выйти на эту битву лично, как он это делал в других случаях на больших и малых войнах, случавшихся ранее, как обо всем этом уже сделано сообщение; но подчиненные ему владыки не давали возможности для этого, отвечая ему, что так как он имел столь доблестных сыновей и подчиненных, не подобало ему выходить лично, и что лучше было его особе и достоинству находиться при дворе, подготавливая своих подданных и устанавливая во всем порядок; помимо того, что все были удовлетворены его великой доблестью и отвагой, а более всего этого, что так как тиран не пошел лично на войну, то не подобало и столь великому владыке, каков он был, сражаться лично против людей своего соперника и изменника Тецоцомока.

Когда Тецоцомок увидел, что не смог со своими и людьми своих союзников и родичей подчинить акольуа, он завязал дружбу с Кесалькуиштли [Quezalcuixtli], владыкой Отомбы, и с владыкой Чалько, которые были самыми могущественными областями, какими владел царь Иштлильшочитль, послав им большие подарки и обещания, если бы они убили Иштлильшочитля, и посулив им, что если бы они поспособствовали ему, он дал бы им многие земли и милости, на что владыки Отомбы и области Чалько согласились с ним, дав ему слово, что во всем будут ему помогать и не будут подчиняться Иштлильшочитлю, своему владыке.

Прошло некоторое время между тем, как произошли великие события, когда Иштлильшочитль, увидев, что люди из Отомпана и Чалько восстали, и многие другие земли, и селения, и местности из тех, которые находились под его властью, решил собрать сильное войско, чтобы подчинить их огнем и кровью, и покончить с этой враждой, уничтожив тепанеков и убив их владыку и остальных его союзников, собрав самых доблестных мужей из своего города и столицы Тешкоко, и юношей, наделенных отвагой и силой, и людей из Уэшотлы, Коуатличана, Чинаутлы, Тепетлаостока, Тесойокана, Тепечпана, Чиконаутлана, Акольмана, Ауатепека, Тисайокана, Тлатланапана [Tlatlanapan], Тепеполько, Семпоуалана [Zempohualan] и Толанцинко [Tulantzinco], поскольку только эти области и селения остались на его стороне, и отдал приказ этому войску, чтобы оно вторглось сначала в Шальтепек, так как оттуда начинались селения и области, которые восстали, и в области Чалько оставил людей из Коуатепека и Истапалокана, чтобы они удерживали установленные там рубежи и не позволяли вторгаться никому из

Чалько или из тепанеков в их земли, и не захотел тогда покорять Чалько, так как это была большая область и очень близкая к тепанекам и прочим их союзникам, оставив их в этих двух частях, чтобы они оборонялись от вторжений, пока шли бы войны в мятежных селениях и областях, и то же самое приказал всем прочим пограничным заставам, которые разместил, подготовив их и снабдив всем необходимым[597].

После того, как он собрал войско из бесчисленных людей, то отправился к Шальтепеку [Xaltepec], и началась отсюда война, и он подчинил это место огнем и кровью. Затем он прошел в Отомпан, где имел большие и жестокие сражения, но в конце подчинил их огнем и кровью. Оттуда в Ашапочко [Xapuchco], а оттуда до Кемекана [Quemecan], и из Астакан Кемекана [Astacan Quemecan] в Темаскалапан [Temascalapan], и оттуда до Толы [Tula], где он имел большие и жестокие битвы, пока не подчинил их таким же образом. Из Толы он прошел в Шилотепек [Xilotepec], а из Шилотепека в Ситлальтепек [Zitlaltepec], и сделал поворот на юг, и пошел в область Тепосотлана [Tepozotlan], который также храбро оборонялся, но в конце концов он подчинил его огнем и кровью; и оттуда в Куаутитлан, куда ему навстречу вышли тепанеки с бессчетными людьми и они имели многие жестокие битвы, в которых с обеих сторон погибло множество народа, но в конце акольуа, сделав все возможное, добились победы и опустошили Куаутитлан со всей его областью, и подчинили ее огнем и кровью, также как и прочие названные местности, и о других вещах, чтобы избежать многословия, не рассказывается. Уцелевшие тепанеки отступили к Аскапоцалько, а акольуа — вслед за ними, и настигли их в Тепактепеке [Tepactepec], куда отправилось другое войско им на помощь. Акольуа дошли до Темакпапалько [Temacpapalco], местности возле города Аскапоцалько и там поместили свои пограничные заставы, и держали неприятелей в окружении четыре года, в течение которых произошли большие и жестокие сражения, и погибло бессчетное число народа с обеих сторон, и отличились героическими поступками многие благородные и простолюдины, и все это я пропускаю, извиняясь объемом.

Почти в последние дни этого четырехлетия, когда они находились под Аскапоцалько, и тепанеки были почти полностью разгромлены, согласился Тецоцомок сдаться и подчиниться Иштлильшочитлю как законному владыке и государю всей земли и просить пощады для своей жизни, увидев, что у него нет другого средства, так как тогда, пожелай того акольуа, за немногие часы они могли бы разорить весь город. Когда Тецоцомок сообщил об этом союзным владыкам и царям, это показалось им очень хорошим, и они тут же отправили своих послов к великому Иштлильшочитлю, который находился в одной палатке на горе Темакпатль [Temacpatl], находившейся недалеко от границы и войска, дав им приказ закончить войну; и если бы послы еще чуть замешкались, несомненно, в тот же день пришел бы конец Аскапоцалько и всем тепанекам, его союзникам, которые все собрались там; и когда они

[597] Согласно Торкемаде война Тескоко с тепанеками длилась три года (Ibidem. — P. 155.).

пришли, то исполнили свое посольство. Царь Иштлильшочитль принял их очень хорошо, и сказал им, что он их простил и согласился на все, что они просили, и пусть если они прежде и совершили нечто, то пусть оно так и было, и не стоило бы столько крови и стольких благородных и знатных людей с обеих сторон, о чем он очень сожалел; но так как они исполнили бы то, что пообещали исполнять и соблюдать, то он их простил; и что они хорошо видели, что если бы он пожелал, легко мог бы покончить с ними, но так как они признали свой грех, достаточно было в качестве наказания сделанного, ибо поступить по другому не соответствовало бы его благородству и высокой крови. Кроме того те, кого он покарал, были их старейшинами и такими близкими родичами, хоть это и было справедливо, ведь как они хорошо знали, он был государем и владыкой всей земли (и только его это касалось) по праву, и по прямой линии это ему полагалось, ведь он был законным наследником своего отца Течотлалацина, чье владычество пришло к нему по праву от его предка Шолотля, первопоселенца и законного владыки всей земли от одного моря до другого; но что он уповает на своих богов, особенно на Творца, что он покарает остальных, взбунтовавшихся в отдаленных областях, а если нет, то его наследники это сделают, и что он отправляется в Тешкоко, свой город, чтобы распорядиться о том, что должно сделать, пока они распорядились бы об устройстве торжества присяги. Послы, поблагодарив за своего царя Тецоцомока и прочих царей и владык, его союзников, отправились дать ответ. Иштлильшочитль приказал поднять пограничные заставы и войско, и чтобы всякий отправился в свои земли, высказав благодарность и оказав многие милости всем, кто там находился, хоть и заметил, что многие владыки были недовольны тем, как он поступил со своими неприятелями, так как очень хорошо понимали, что тепанеки будут делать то же, что и делали. Когда каждый отправился в свою землю, Иштлильшочитль при своем дворе распорядился о том, что следует делать, свободный ото всякого обмана и подозрения в своем сердце.

Тецоцомок и прочие, его союзники, выслушав послов, очень обрадовались, так как хорошо поняли, что достигнут того, чего они желали; и так он распорядился привлечь на свою сторону всех прочих владык, подчиненных Иштлильшочитлю, дарами и обещаниями, особенно тех, кто был его родичами, из которых многие ему сочувствовали, и дали свое слово прийти на помощь в том, о чем он их просил, и готовили себя к этому.

Когда Тецоцомок увидел, что уже пришло время, когда он мог бы осуществить свое дело, то, будучи коварным старцем, послал просить Иштлильшочитля, что для того, чтобы они могли прийти присягнуть ему, подобало бы, чтобы он приказал всем своим подданным оставить оружие, и чтобы они не толковали с ними ни о каких делах, ибо они опасаются, как бы от того с ними не случилось какого зла, ибо они были акольуа и свирепыми чичимеками, очень решительными и мстительными. Эти и многие другие лукавые слова Тецоцомок послал передать со своими посланцами великому Иштлильшочитлю, который, беспечный по поводу измены и принуждаемый

своим благородством, сделал все, о чем просил его тиран Тецоцомок, приказав по всему своему царству, чтобы никто не применял оружия против тепанеков, так как они уже были его друзьями и подчинены его власти, и что в один из дней следующего года они хотели бы принести ему присягу и устроить по этому поводу праздник. Все его подданные подчинились его приказу и в этом не было ничего нового; и все это и последние войны произошли в последние дни года Эй-Калли, который согласно нашему счету был 1417[598].

Рисунок 94. Убийство послов Иштлильшочитля Оме-Точтли. «Кодекс Шолотль», стр. 16 (7).

Когда Тецоцомок увидел, что Иштлильшочитль был очень беспечен, а многие из его подчиненных — его сторонниками и приверженцами, он

[598] Отсюда Иштлильшочитль начинает использовать систему соответствия лет индейского и европейского календаря, подтверждаемую современной наукой. Год 3-Калли приходился на февраль 1417 — февраль 1418 г.

замыслил подлую измену, и случилось, что в год Четыре Тоштли[599],[600], в первые дни месяца Текуильуицинтли [Tecuhilhuitzintli], который является порой, когда знатные мужчины устраивали празднества в полях, состязания и смотры по своему способу охотиться в лесах, горах и других охотничьих угодьях с сетями, луками и стрелами и иными приспособлениями, как более пространно я сделаю сообщение о времяпрепровождении, какое каждый месяц имели уроженцы этой земли, |и в году| который по нашему был 1418 годом, в двадцать пятый день месяца июня, в начале понтификата Мартина V, на восьмом году империи Сигизмунда, и в семнадцатом — царствования Хуана II в Испании[601], он решил отправиться с большим числом вооруженных людей из разных мест в одну местность и рощу, где в ту пору уже имел одного тамошнего владыку, которому приказал доставить из разных мест множество диких зверей, оленей и кроликов, и прочих многих животных для охоты и птиц для ловли. Этот владыка, которого звали Тошмильцин [Toxmiltzin] был из тех, кто держался его стороны, и потому расторопно сделал все необходимое для таких дел как эти; и так Тецоцомок, притворившись, что там должны произойти присяга и празднества, послал предупредить Иштлильшочитля, чтобы тот пришел к Чиконаутле, так как там должна состояться присяга, извиняясь, чтобы его простили, так как он не придет туда лично, ибо уже очень стар, и тот очень хорошо знает об этом, и что он оказал бы ему большую услугу тем, что пришел бы в Темальнатлатль [Temalnatlatl], который приказано было надлежащим образом украсить; а тем временем приказал спрятанному войску, чтобы в то время, когда они увидят, что те идут, сделали так, будто вышли принять их, и когда прибудут, чтобы схватили его и его сына Несауалькойотля и привели к нему со всеми мыслимыми издевательствами и унижениями; и дал им портреты отца и сына, чтобы они их узнали, хотя бы |те| и шли среди многих людей. Все они дали свое слово в том, что во всем исполнят то, что он приказал, и находился там в это время Искацин Акатлоцин Текуильтекацинтли [Izcatxin Acatlotzin Tecuiltecatzintli], сын Иштлильшочитля и доблестный военачальник, переодетый так, что никто его не узнал, потому что было раннее утро; и он тут же отправился в Тешкоко и рассказал своему отцу обо всем, что произошло, и что прибывают послы, чтобы привести его.

Иштлильшочитль был поражен таким делом, и так как увидел, что вся земля и самые приближенные владыки из его подчиненных и родичей восстали против него, ничего не смог поделать. Дождавшись посланцев и выслушав посольство, и притворившись, что очень обрадовался, он ответил им, чтобы они передали Тецоцомоку, что он пойдет туда, а если нет, то

[599] Первый день месяца Текуильуицинтли (Текуильуитонтли) года 4-Точтли приходился на 9 июля 1418 г.(юлианское).

[600] Ср. Торкемада: ««и большая часть державы перешла к нему [Тесосомоку — В.Т.] и отделилась о Тецкоко, а многие другие жили свободными, каждый чувствуя себя главой своей области и селения» (Ibidem. — P. 155–156.).

[601] Мартин V был избран папой Римским в 1417 г., Сигизмунд Люксембург являлся императором Священной Римской империи с 1410 г., Хуан II — королем Кастилии с 1406 г.

пошлет человека вместо себя. Посланцы принялись повторять, что для торжества присяги они ожидают его лично, и он ответил им одним единственным словом, которое состояло в том, что он сказал им «да», так он и сделает. Посланцы отправились с большой поспешностью к Чиконаутле, чтобы сообщить Тецоцомоку, что он уже шел. Тецоцомок очень обрадовался, и все остальные цари и владыки |тоже|.

Иштлильшочитль позвал всех своих родичей и друзей, и верных подданных, и сказал им, чтобы они дали ему совет о том, как подобало поступить по такому случаю. Поднялся его сын Акатлоцин и сказал ему, что он хотел бы пойти от его имени и претерпеть за него все, что с ним случилось бы, и что тот считал его хорошим слугой, и что тем временем он подготовился бы со всем городом и некоторыми местностями и защитился бы от своих неприятелей. Точно также выделялись (и предложили себя) для этого три других благородных мужа, которые прежде были его наставниками и учителями, которых звали одного Уицилиуитли Истатекпойоцин [Huitzilihuitli Iztatecpoyotzin], второго — Текишкинаукацин Тлильшикальцин [Tequixquinahuacatzin Tlilxicaltzin], а третьего — Ойоутекацинтли Шочитль Темокацин [Oyouktecatzintli Xochitl Temocatzin], и они сказали, что по доброй воле послужили бы ему собой и своими жизнями (смирившись с угрожающей опасностью) во всем, что им выпало бы, и что они только просят его присмотреть за их детьми и женами и помнить, что они во всем поддерживали его, и что если бы он умер, они просили бы поручить их царевичу-наследнику, для того, что если бы Творец избавил его от того и восстановил его государство, он сделал бы это определенно. Иштлильшочитль с немалыми слезами ответил им, что все, о чем они просят, и больше, он и его сын полностью исполнили бы, и царевич и эти три знатных мужа отправились прямиком в Темаматлу с кое-какими людьми, и враги, решив, что это был Иштлильшочитль, с радостным ревом ринулись на них, чтобы схватить, но, увидев, что это только царевич, его сын, схватили их, и всякий принялся их избивать, кто палкой, кто пинками, кто кулаками, и так их привели к ограде навеса, где восседал тиран, и, не заговорив с ними, и не выслушав их посольства, он приказал, чтобы с царевича живого содрали кожу, а трех знатных мужей кололи копьями, пока они не умрут, и сразу же исполнили то, что тот приказал, а кожу царевича он приказал растянуть на находившихся поблизости скалах, и приказал, чтобы все войско выступило на Тешкоко и уничтожило его огнем и кровью, и живым или мертвым к нему доставили бы Иштлильшочитля и его сына Несауалькойоцина. Уже в это время Иштлильшочитль подготовил всех жителей города и окрестных мест, поджидая неприятелей; и так во время, когда те туда пришли, они вышли навстречу и имели большие и жестокие сражения. Оттуда на шестнадцатый день Иштлильшочитль перешел в одну рощу вблизи Тешкоко, которая называется Кауйакак [Quauhyacac], где подготовил своих подданных и распорядился о том, что должно делать; а тепанеки и прочие тираны, их союзники, каждый день сражались, и люди Иштлильшочитля обороняли свой город, так что с обеих сторон погибло много народа.

На следующий день перед рассветом, который был пятым днем их недели, называемым Макуиль-Коуатль [Macuilicohuatl], 17 числа месяца Текуильуицинтли, в том же году, и который согласно нашему счету был 10 числом месяца июля[602], Иштлильшочитль приказал своему сыну царевичу Сиуакекеноцину, чтобы тот отправился в Уатепек [Huatepec] и Отомпан[603], и чтобы он приказал со своей стороны людям оттуда, чтобы они пришли на помощь или, по крайней мере, доставили продовольствие для воинов. Сиуакекеноцин ответил своему отцу, что он пойдет исполнить его приказ, но что он не вернется живым, так как ему известны, как полководцу на войне, настроения и намерения этих людей, и что он попробовал бы, так как нет другого средства, не подчинятся ли они, увидев его лично, и что если он там погибнет, он поручает ему и царевичу свое потомство, чтобы он поддерживал их и защищал их как своих. Иштлильшочитль ответил ему со многими слезами, что не стоит напоминать ему об этом, что он и его сын имеют обязанность помогать им во всем как собственным детям, тем более что они были его внуками. Царевич ответил ему то же самое и добавил, что если бы тот умер там, он окажет милости своим племянникам многими селениями, покоренными в тех областях, для того, чтобы, начиная с них, и для их потомков они были своими, и что он будет присматривать за ними по справедливости, если Творец избавит их от столь близкой смерти и погибели, какие им угрожают. Сиуакекеноцин отправился к Уатепеку, и когда прибыл, его принял домоправитель [el Mayordomo] по имени Сенцин [Zentzin], который, после того как тот сказал ему, что пришел за помощью для своего отца, ответил, что ничего не может поделать, не поставив сначала в известность правителей Кесалькуиштли [Quezalcuixtli] и Акацона [Acatzin], и так дал знать правителям, которые, вместо того, чтобы предоставить помощь, отправили множество вооруженных людей, чтобы схватить царевича Сиуакекеноцина, и они тут же пришли на место и схватили его, ничего не подозревавшего об этом, и привели его схваченного к правителям. Один из них, которым был Кецалькуиштли спросил его, зачем он пришел, тот рассказал о своем посольстве, и правитель ответил ему, что он не подчиняется как владыке Иштлильшочитлю, но великому Тецоцомоку, царю Аскапоцалько, и чтобы он рассказал о своем посольстве посреди площади, так как был день главного праздника этой области, для чего его вывели туда, и он громким голосом попросил о помощи для своего отца. В ответ его разорвали на куски, так что тот, кто не унес бы хотя бы кусочка его плоти, не считался удачливым. Таким образом погиб этот доблестнейший полководец, перед которым несколькими годами ранее трепетали тепанеки[604].

---

[602] День 5-Коатль года 4-Точтли соответствует 15 февраля или 2 ноября 1418 г.; 17 (18) число месяца Текуильуицинтли по ацтекскому стилю приходится на 26 июля. В «Истории народа чичимеков» Иштлильшочитль указывает для этого события другой месяц — Микаильуитонтли, и датирует его 24 августа.

[603] Торкемада называет правителей Отомбы Кецалькуиштли [Quetzalcuixtli], Айакацоне [Ayacatzone] и Шочпойон [Xochpoyon] (Ibidem. — P. 156.).

[604] Торкемада так описывает гибель Сиуакекеноцина: «И все это очень внимательно выслушали тепанеки, находившиеся там по приказу своего царя Тесосомоктли, и остальные отомпанеки,

Прошло примерно 32 дня после случившейся смерти Сиуакекеноцина, и 10-е число их недели, называемого Матлактли Коскакуаутли [matlactli cozcacuauhtli], в 9-й день месяца Микаильуицинтли [Miqailhuitzintli], и по-нашему 16 августа[605], на рассвете, когда Иштлильшочитль увидел, что его город и другие местности уже почти полностью уничтожены вследствие жестоких битв, которые продолжались столько времени, позвал своих сыновей, друзей и родичей, и произнес долгое и печальное рассуждение, такое, какое могло быть в такие времена и при таких обстоятельствах, и у государя столь доблестного и благородного, хотя и претерпевшего великие удары судьбы из-за своего благородства и доверия, о чем уже обо всем, хоть и обобщенно, сделано сообщение. Он поручил царевичу-наследнику заботиться о своих подданных, защищать их и освободить свою отчизну и близких от тирана и его сообщников, возвратить свои царства, а для того, чтобы иметь возможность сделать это, отправиться повидать своих родичей, людей из Тлашкалы и Уэшоцинко и из других мест, для того, чтобы они оказали ему свою милость и помощь, и оберегаться от тирана и его подчиненных, чтобы они не лишили его жизни, чтобы с его гибелью не прервалась бы на нем прямая линия столь древнего рода владык чичимеков. Царевич, утешая своего отца, ответил ему со многими слезами, что все сделает и исполнит так, как он приказал, при поддержке Тлоке Науаке, который есть Творец[606]. Затем то же Иштлильшочитль сделал по отношению к остальным, говоря им, чтобы они заботились о царевиче, потому что он уже не оставляет им ничего другого, кроме него; и что когда он умрет, будучи

происходившие из того государства и города, и, не приводя никаких доводов, принялись смеяться и издеваться над ним, и один из городских по имени Ицкуинтлатлакса [Itzcuintlatlacza] взял камень и бросил ему в голову, и принялся кричать, призывая и других против Сиуакуэкэноцина. И тут подняли крик тепанеки (которые, пока не увидели решения и определения городских, оставались в молчании) и сказали: «Умри, умри предатель Сиуакуэкуэноцин», — и так как все набросились на него, он стал обороняться от них с наибольшей храбростью, на какую был способен, ибо был мужем доблестным и очень храбрым, но так как их было так много, вынужден был бежать, и хотя отбежал, защищаясь, на немалое расстояние, столько было камней, которыми в него бросали, что убили его, и после того, как он умер, разорвали на тысячу кусков» (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — P.157.).

605 День 10-Коскакуаутли года 4-Точтли соответствует 18 марта или 3 декабря 1418 г.; 9-й (10-й) день месяца Микаильуитонтли — 21 августа. В «Истории народа чичимеков» Иштлильшочитль, как и для даты гибели тескоканского посла указывает следующий месяц (в данном случае — 9 Очпанистли; 29 сентября 1418 г). В «Историческом обзоре царства Тескоко» Ф. де Альва Иштлильшочитль указывает, наряду с приведенной, еще одну дату смерти Иштлильшочитля Оме-Точтли: 13-Коскакуаутли, 8 день месяца Шиломанистли, которую соотносит с 22 апреля 1415 г., что невозможно для указанного там же года 4-Точтли (20:I,307-308), в котором день 13-Коскакуаутли выпадал на 16 июля 1418 г. Согласно данным «Кодекса Мендосы» захват Тескоко тепанеками и их мешикскими союзниками произошел в году 3-Калли (13 (23) февраля 1417 — 13 (23) февраля 1418), следовательно, между падением столицы и гибелью Иштлильшочитля Оме-Точтли прошло определенное время.

606 Наличие у доиспанских науа бестелесного бога-творца Тлоке Науаке является предметом дискуссии. Исследователи конца XIX — начала XX века высказывали сомнения в этом. Однако, дальнейшие исследования индейских текстов (в частности, информаторов Саагуна, песен Несауалькойотля и поэтов его круга), в общем, подтвердили существование представлений о едином (хоть и с двойственной, женско-мужской природой) невидимом и неосязаемом божестве-творце Тлоке Науаке (наиболее точным представляется перевод этого словосочетания, предложенный А.М. Гарибаем: «тот, кто находится рядом со всем, и рядом с которым находится все», из науатль *tloc*, «близко», *nahuac*, «то, что вокруг»), имеющем постоянный эпитет Ипальнемоуани (*Ipalnemohuani*, «Жизнетворный», из науатль *ipal-*, «из-за, вследствие», *ni-nemi*, «жить», *-ni*, агентивный суффикс, «тот, который»). Подробный анализ представлений науа о Тлоке Науаке содержится у М. Леона-Портильи (Леон-Портилья М. Философия нагуа. — Москва: 1961.).

принужденным к этому, ничего не давали бы ему, так как он уже стар и в конце концов должен умереть, но спасали бы того из рук врагов и советовали бы ему добрые вещи и ему на пользу, соблюдая законы своих предков и всегда испытывая любовь к миру и согласию. Эти и многие другие слова он сказал им, и те с великой печалью и слезами ответили, что они сделают и исполнят все, что он приказал. Через несколько часов пришла новость о том, что город полностью потерян, и многие другие местности, и что враги чинят страшные жестокости по отношению к старикам и старухам, младенцам, слепым, хромым и больным, которые не могли себя защитить. После этого посланца они увидели огромную толпу воинов, шедших с трех сторон, одни из Отомпана, другие — из Чалько, и еще одни — со стороны города Тешкоко, и горожан и других жителей, мужчин и женщин, которые, спасаясь, бежали в горы. Тогда царь Иштлильшочитль надел свои доспехи и направился к месту, называемому Топаноуайан [Topanohuayan], возле одного источника, стекавшего с гор, с несколькими своими подданными и верными друзьями, и с царевичем Несауалькойотлем, которому он сказал спрятаться, чтобы не кончилось на нем их владычество, и царевич, чтобы сделать приятное своему отцу, взобрался на дерево, называемое каполин[607], очень раскидистое, которое было у небольшого холма, находившегося поблизости, и оттуда видел все, что случилось с его несчастливым отцом, хотя предпочел бы лучше умереть за своего отца.

И когда Иштлильшочитль уже подошел к ручью возле скал, пришли люди из Отомпана, с одной стороны, и из Чалько, с другой, и спросили его с большой почтительностью, не могут ли послужить ему, так как хотели бы оказать ему некоторые услуги, притворяясь, что хотели бы помочь и устроить празднество. Иштлильшочитль ответил им, что не хочет, чтобы они делали то, что захотели, и что он хорошо знает, что они предатели и подданные Тецоцомока. Во время этих препирательств те, кто пришли со стороны города, сказали чалькам и отомпанекам, что если он не хочет сдаться, чтобы они его убили и разорвали на части. Иштлильшочитль ответил им, говоря, что они предатели, и что он умрет как доблестный государь за свою родину и народ, и чтобы они не думали, что он считает такую смерть позором [por afrenta], но скорее добром из-за великой удачи умереть вследствие своего благородства и доверия к предателям, какими являются они и их владыки. Когда они приблизились с оружием, он доблестно защищался, и они убили там его и его слуг, которые с ним были; и, забрав знаки его царского достоинства, унесли их в качестве подтверждения Тецоцомоку, своему владыке, оставив его тело на том поле с бесчисленными ранами, которые |ему| нанесли[608]. Царевич Несауалькойотль был на дереве, с

[607] Капулин (лат. Prunus salicifolia, Prunus capuli Cavo) — небольшое листопадное дерево семейства Розоцветные, высотой 12–15 м с овально-ланцетовидными листьями, тёмно-зелёными глянцевыми сверху и бледными снизу, 6–18 см длинной.

[608] Приводимая версия гибели Иштлильшочитля Оме-Точтли соответствует «Кодексу Шолотль» (лист 7). Несколько по-другому её описывает Торкемада: «Тесосомок же, когда позвал владык этих областей [Отомбы и Чалько — В.Т.], сказал им, чтобы каждый из них в большой тайне приготовил войско, и чтобы

большой рассудительностью наблюдая за всем, что происходило. Это случилось почти на закате солнца, и он не спускался с дерева, чтобы с ним не случилось того же, что и с отцом, так как хорошо осознавал вред, который последовал бы от этого для его отчизны и родичей. Затем на следующий день, которым был Матлактлиоме Оллин, один благородный человек по имени Чичикиль [Chichiquil] из народа тольтеков, тех, кто пришли и были жителями квартала Тлаилотлакан [Tlailotlacan], увидев своего владыку в поле, как если бы он был последним в мире человеком, полный сострадания и печали, вместе с другими, пришедшими с ним, забрали его тело, поместили на него его знаки царского достоинства и сожгли его со всеми обрядами и церемониями, которых они придерживались, и совершили его погребение там, в месте у излучины [rinconada] одного ручья, что произошло перед рассветом. Его сын с дерева увидел все, что сделали с телом его отца и, когда понял, что это были верные подданные, спустился с дерева и много благодарил их за поминки и погребение, которое они совершили для его отца; и те попросили его, чтобы он отправился вместе с ними на вершины гор, так как там он мог бы скрыться лучше, чем в любом другом месте, пока не смягчится ярость тирана, так как он уже приказал, чтобы его тоже убили, обещая великие милости тем, кто его схватил бы или убил. Царевич счел за благо пойти с ними и так и сделал. Говорят многие старые и знатные местные уроженцы, в частности, дон Габриэль де Сеговиа [Gabriel de Segovia][609], знатный человек из Тешкоко, потомок этих владык, что Иштлильшочитлю отрубили голову, и только тело оставили на поле, в доказательство для Тесосомока, их владыки, но в “Подлинной истории” рассказано так, как я изложил.

послали его в место, где Иштлильшочитль его не заметил бы, и чтобы двое из их полководцев отправились бы в его лагерь и с миром позвали бы его, будто хотят потолковать с ним о некоем соглашении, и чтобы увели его от его людей разными приятными разговорами о его правлении, и чтобы, когда он будет больше всего беспечен, убили бы его, и чтобы тут же люди из засады вышли бы и набросились на тецкоканский лагерь и разгромили его, и что он обещает им первоочередную помощь и многие милости, если это предприятие завершится так, как он желал. И были полководцы, которым доверился Тесосомок, очень храбрыми и большими врагами Иштлильшочитля, и так как им представился случай по милости, оказанной им тираном, принялись выполнять приказанное, и когда прибыли туда, где находился доблестный Иштлильшочитль, не подозревавший о заговоре, позвали его, и ему показалось, что только два человека не настолько сильны, чтобы причинить ему вред, потому что себя он ценил как победителя сотни, и он вышел от своих людей и пошёл туда, где те находились (так как они ранее послали сказать ему, что хотели бы втайне переговорить о важных вещах, касающихся восстановления его державы). Тем же, хорошо обученным измене, удалось столько обольщать его, так что он не чувствовал опасности, пока он не ушёл с ними до места, которое им показалось подходящим для их дела; и, улучив удобный момент, они не упустили его, но наоборот так постарались, что после нескольких ударов он упал, мертвый, на землю, на виду у своих людей и сына Несауальекойотля, который смотрел на это; и хотя те поспешили прийти ему на помощь и защитить его, не смогли, и тут же вышли находившиеся в засаде, и между одними и другими завязалась очень шумная и жестокая стычка; но так как тецкоканцы увидели себя без царя, их легко смяли, и они показали спины и обратились в бегство. Несауалькойотль, который не смог удержать их (ибо после того, как ранен пастух, беспорядочно разбредаются овцы), вынужден был бежать с ними, потому что невозможно было бы сохранить жизнь, если бы он остался, и так как он был хорошо известен своими отличительными знаками, и его могли настичь, он взобрался на дерево, где спрятался от толпы неприятелей» (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — P. 159-160.).

[609] Габриэль де Сеговия Акапипиоцин [Gabriel de Segovia Acapipiotzin] — внук Акапипиольцина, сына Несауалькойотля.

Рисунок 95. Гибель Иштлильшочитля Оме-Точтли. «Кодекс Шолотль», стр. 16 (7).

Как видно из этого сообщения, такой конец имел царь Иштлильшочитль с великим множеством выдающихся людей и доблестных мужей из лучшего, что было в народе акольуа, не считая многих миллионов простолюдинов, и как видно, продолжались эти войны пятьдесят последовательных лет[610]. В отдаленных частях пренебрегали повиновением, каковые Несауалькойоцин и его сын Несауальпильцинтли[611] и владыки Мешико и Тлакопана с большими трудами возвратили. Содержится в историях, что в то время, перед тем, как они погибли, было вдвое больше народа, чем было обнаружено во время, когда пришел Кортес и остальные испанцы, поскольку я нашел в «Царских податных списках» [Padrones Reales], что самое маленькое селение насчитывало 1500 жителей; и с тех пор и до настоящего времени не имеют и 900 жителей, а в некоторых местах и совершенно исчезли. Говорят местные уроженцы, что до того, как произошли эти жестокие битвы и другие, случившиеся позже, |население| самого маленького города, в котором сегодня нет ни живой души, превосходило 80 000 жителей, потому что, как бросается в глаза среди развалин, вплоть до самых высоких гор и холмов, они имели свои посевы и жилища [casas principales], чтобы жить и обитать.

Эту историю Иштлильшочитля рассказали старые знатные люди, его потомки, с немалыми слезами, соглашаясь относительно его тягот и гонений,

[610] Ошибочный расчет, вытекающий из неправильных европейских датировок начальных событий войны. На самом деле война между Иштлильшочитлем Оме-Точтли и Тесосомоком длилась около 4 лет, с 1415 по 1418 гг.

[611] Несауальпильцинтли (Несауальпилли) — преемник Несауалькойотля на троне Тескоко, правил в 1472 — 1515 гг.

и его великой доблести, и что никто другой не смог бы выдержать стольких лет гонений, и не столько от своих врагов, сколько от владык, своих подчиненных, хотя потом запоздало раскаялись и претерпели вдосталь тягот они и их подданные, которые, если бы они не оказались на стороне тирана, никогда не подверглись бы тем гонениям и притеснениям, каким подверглись.

В том, что следует далее, я сделаю сообщение о жестокостях, которые этот тиран затем совершил, помимо прошлых, которые были велики и ужасны, и никогда неслыханны, так что никогда такого не видывали в этой земле, ни даже, думаю, в большей части мира, также как такого старого тирана и стольких лет правления.

ДЕСЯТОЕ СООБЩЕНИЕ

О тиране Тецоцомоке и его смерти, и о скитаниях царевича Несауалькойоцина

Когда царевич Несауалькойотль ушел в горы, он нашел там почти всех спасшихся горожан, особенно знатных людей, спрятавшимися среди пустынных местностей, и они, узнав своего владыку, утешали его и просили прощения за то, что не оказались у него под рукой, ведь они одни, без помощи какого-либо владыки, столько дней выдерживали войну. Несауалькойотль ответил им, сказав, что он и сам все это видел, и что он не их обвиняет, но мятежных подчиненных, и попросил их, чтобы они тогда отправились в город и перенесли бы некоторые тяготы, от которых, как он надеется, их избавит Тлокенауаке [Tloqenahuaque], когда настанет время, вместе с властью тирана, ибо не подобает быть по иному. Его очень поблагодарили за совет, но сказали ему, что, будучи простым людом, должны уйти в Тлашкалу и Уэшоцинко, особенно люди из следующих городов и селений: Иштапалокана [Ixtapalocan], Куатлапакана [Cuatlapacan], Коуатепека [Cohuatepec], Коуатличана [Cohuatlichan], Уэшотлы [Huexutla], Тепетланешко [Tepetlanexco], Тешкоко [Texcoco], Тесапана [Tezapan], Чиаутлы [Chiauhtla], Тепетлаостока [Tepetlaoztoc] и Чиалацинко [Chialatzinco], которых враги особенно преследовали, и что впереди, за горами, укрылись также следующие владыки, с некоторыми знатными людьми и простолюдинами, а именно: Тлакоцин [Tlacotzin] из Уэшотлы, и Токанцин [Tocantzin], главный жрец, вместе с ним, и Паинцин из Коуатличана с Тланауакацином [Tlanahuacatzin], тоже главный жрец, и Тотомиуацин [Totomihuatzin] из[612] |Коуатепека|. Когда он отправился и прибыл туда, он нашел всех этих владык, укрывшихся горах, и когда они вышли принять его, и он узнал их, то сказал: «Что же они делают здесь, спрятавшись? Или они хотели бы провести жизнь в горах? Ведь это они были

[612] После этого в тексте копии из-за того, что страницы оригинала оказались перепутанными, следует большой фрагмент, относящийся к концу 11-го «Сообщения».

причиной погибели, признавая то, что тиран им приказывал, так пусть примут это с терпением и возвращаются в свои земли жить как люди, а не как звери среди лесов и пустынь. Что они должны будут делать, разместившись здесь?» Эти и многие другие слова сказал царевич этим владыкам, таким образом, чтобы убедить их возвратиться в свои города. Они ответили ему, высказав многие оправдания в том, что это не они были причиной, но другие благородные, их родичи и подчиненные, и что они были очень близкими родичами тирана Тецоцомока, и что они сполна потрудились для обороны его земель, но так как неприятелями были их собственные подданные, невозможно было исполнить дело, но только уйти в то место, где они находились, ведь их царь и природный владыка погиб; и пусть он явится на помощь, раз он такой, ведь это его обязанность, и освободит свою родину и подданных. Он ответил им, что позаботится об этом, и чтобы они отправлялись по своим городам. Те дали ему слово, что так и сделают, и так поступили одни и другие, отправившись в свои земли и заселив их снова, хотя почти весь народ |исчез|, одни погибли, а другие оказались в чужих странах, а те, кто их заселили, были больше женщинами и детьми, чем мужчинами.

Тецоцомок, после того как узнал о смерти Иштлильшочитля и гибели акольуа, очень обрадовался этому, как и его союзники, и приказал устроить большие празднества и присягу как государю всей земли, и приказал совершить одну из главных жестокостей, которую находят у тирана, среди прочих бесчисленных, которые следовали друг за другом, чтобы во всех городах, селениях и местностях спрашивали малолетних детей, которым было от двух лет до десяти, кого они признают своим природным владыкой, чтобы тех, кто говорил, что Иштлильшочитль, убивали, а тем, что он — оказывали милости, как и их родителям; что так и сделали во всех землях, которые ранее были на стороне Иштлильшочитля, одних разбивая с размаха о стены, главным образом тех, кто был малышами, тем, кто старше, отрубали головы, а других убивали ударами ножа, и их отцы и матери не имели возможности защитить их, потому что тоже погибали, если их защищали. Погибло огромнейшее число малышей и малышек, одни потому, что говорили, что их природным владыкой был, ибо они слышали, что так говорят их родители, Иштлильшочитль, а другие — что царевич Несауалькойоцин. Исполнив приказ этого тирана, жестокие мясники вернулись отчитаться перед ним о том, что сделали, и тот, услышав, что даже дети считают своим владыкой Неауалькойоцина, который все еще оставался в живых, хотя он и приказал его убить, тогда вернулся к тому, чтобы того убили, где бы он ни находился, и что он окажет многие милости тому, кто так сделает, доставив его живым или мертвым. Нашлись те, кто рассказал об этом Несауалькойоцину, и потому он покинул земли акольуа, своих подданных и отправился в Тлашкаллан и другие местности, где пробыл несколько дней, и Тецоцомок не прекращал совершать разные жестокости, как имел обычай, что происходило немногое время спустя после смерти Иштлильшочитля в том же году.

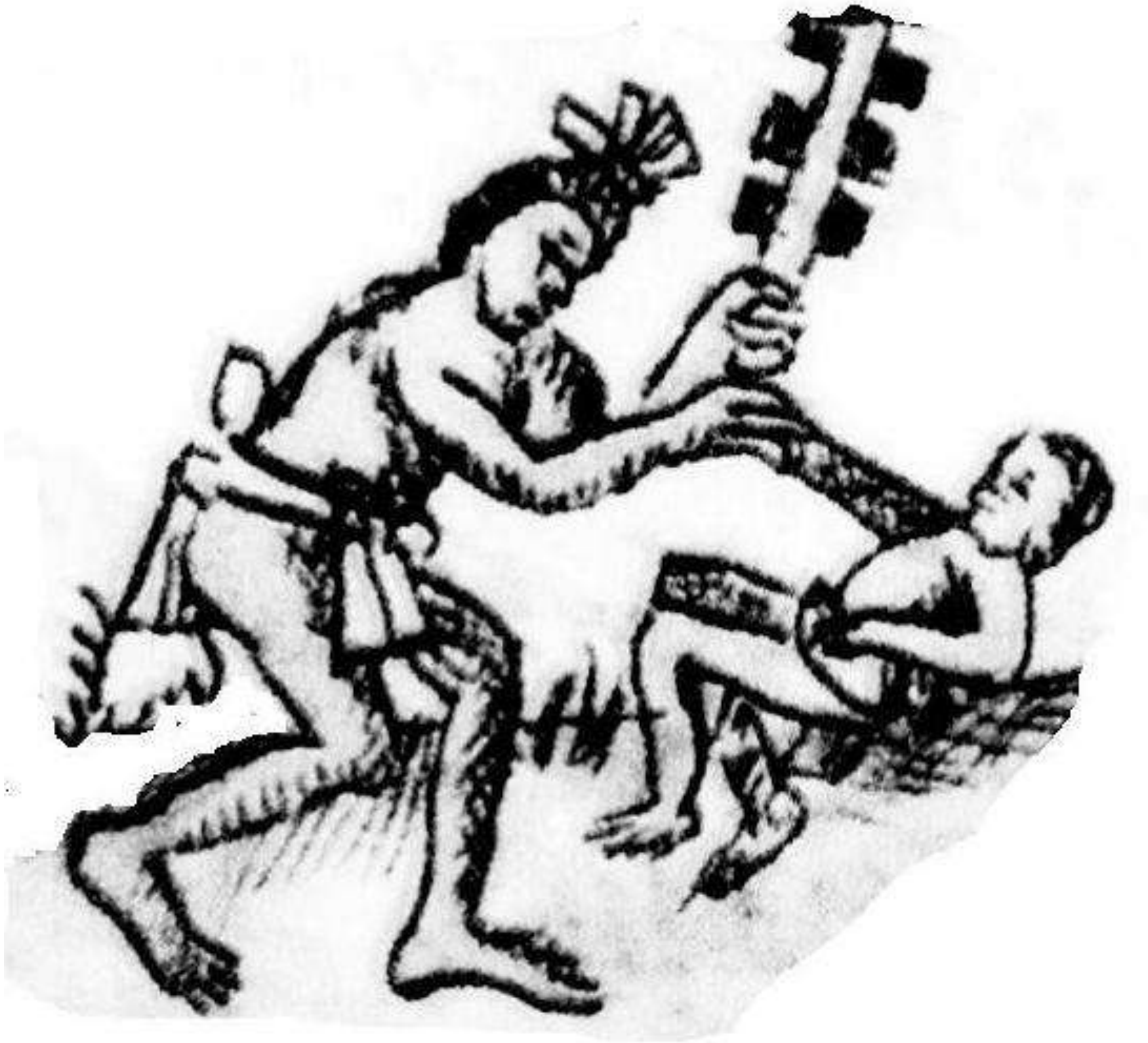


Рисунок 96. Убийство ребёнка воином. «Флорентийский кодекс», кн. X.

Почти в последние дни того же года, после того как произошли все упомянутые события, Тецоцомок, увидев, что наконец сделался владыкой всей или большей части этой земли и что все подчинились ему в качестве такового, без соперника и каких-либо возражений, созвал всех царей и владык, в первую очередь из Мешико, своих товарищей, и из Чалько и других частей, и когда они все собрались, сказал им, что так как он является внуком Шолотля, первопоселенца и государя всей земли, а Иштлильшочитль, его соперник, уже мертв, то подобало бы, чтобы они присягнули ему как государю всей земли, ибо у него на это столько прав. Эти и другие ложные доводы он высказал этим владыкам, так как был глубоким старцем и хорошо умел их придумывать, и чтобы владыка Тлателолько Тлакатеоцин и Мешико Чимальпопокацин, которым он ранее дал слово, были бы двумя другими главами, и чтобы втроем они управляли всеми царствами и владениями, но

чтобы он, как всеобщий глава, был верховным и государем, и чтобы владыки из Акольмана и Коуатличана, являвшиеся его родственниками и друзьями, были бы двумя другими главами того, что было царством акольуа, и получили бы сан царей, и то же самое — владыки из Чалько и Отомпана, потому что они всегда были на его стороне; таким образом, чтобы в этих двух местах должен был бы иметься двор и суд, где обсуждали бы и решали все дела управления, но чтобы он как верховный должен был их утверждать. Точно также он сделал многих других владыками и дал им должности и достоинства, особенно всем тем, кто был на его стороне, и всем им это очень понравилось, и они поклялись ему как государю всей земли, хотя многие владыки и самые могущественные, оставались нейтральными, и ни подчинились ему, ни проявили враждебности, каковыми были владыки Тлашкалана [Tlaxcalan], Уэшоцинко [Huexotzinco], Чололана [Chololan], Тепеакака [Tepeacac], Текамачалько [Tecamachalco] и других мест, ожидавшие случай, чтобы помочь законному владыке Несауалькойоцину.

Рисунок 97. Несауалькойотль и Уильцисильтецин на холме у поля Куауйакак. «Кодекс Шолотль», стр. 16 (7).

После присяги он отправил своих посланцев в город Тешкоко, по одному военачальнику от каждого главы, то есть, от Аскапоцалько,

Теночтитлана и Тлателолько, и среди них одного благородного по имени Уицилиутль [Huitzilihuitl], знаменитого военачальника, приказав им, чтобы все селения, города, поселки и местечки, которые подчинялись великому Иштлильшочитлю, особенно все, относившиеся к народу акольуа, собрались все в одном месте и чтобы, когда они все соберутся, один из военачальников поднялся бы на место, где его все увидели бы, и чтобы там громким голосом он объявил им, что принесена присяга Тецоцомоку как государю всей земли, и чтобы в качестве такового ему все подчинялись, объявив им всем устройство и порядок, которого они должны придерживаться, и что тот, кто станет противиться, будет наказан как изменник, и что где-бы ни увидели Несауалькойотля, мертвым или живым доставили бы его, и что таковому будут оказаны великие милости, и что для всех дел и споров акольуа им указаны Акольман и Коуатличан в качестве двора и столицы царства, где находятся цари, коуатличанский Кецальмакистли [Quetzalmaquiztli] и акольманский, его внук Тейолькокоуацинтли [Teyolcocohuatzintli], и чтобы в качестве таковых им подчинялись и принесли присягу со всей торжественностью, какая требуется в таких случаях; и что для тех, кто был из отдаленных земель, указаны в качестве столиц и дворов Отомпан и Чалько, где находились цари и владыки Тоситекутли [Tozitecuhtli] в Чалько и Кесалькуиштли [Queçalcuixtli] в Отомпане, и что на следующий год им прощают все подати и трудовые повинности вплоть до другого, чтобы привести в порядок и починить селения и города, которым нужно помочь, и чтобы все это время они восстанавливали бы и отстраивали дома в городах и селениях, разрушенных упомянутыми выше войнами.

И так посланцы отправились в город Тешкоко для того, чтобы исполнить и осуществить приказ государя-тирана, и когда они увидели, что такого количества народа, которое они собрали для этой цели, не может вместить городская площадь Тешкоко, решили отправиться на поля Куауйак [Cuauhyac], местность возле гор Тлалок [Tenloc], как я упоминал в других местах, и там собрались все, кто были, из трех главных городов, Тешкоко, Уэшотлы и Коуатличана, и люди из остальных селений и городов, Коуатепека, Акольмана, Отомпана, Теотиуакана, Чинаутлы, Тепетлаостока, Чиаутлы и Тесонйокана, Тепечпана и многих других мест, которые, извиняясь объемом, здесь не привожу; и поднялся один военачальник, из тех, кто пришли для этой цели, на один древний тольтекский храм, очень высокий, и там громким голосом объявил все, о чем приказал тиран. Столько людей собралось на этом поле, что оно казалось огромным муравейником, как сообщается в их историях и рассказывали мне знатные старики, из народов, подчиненных городу, царству и области Тешкоко; и знатные люди и главы этих областей, селений и городов, за себя и за простолюдинов, ответили, что так они и сделают и исполнят, и затем эти посланцы отправились одни в Коуатличан, а другие в Акольман, чтобы устроить присягу названным владыкам в качестве царей и глав царства акольуа, и то же самое затем сделали в Чалько и Отомпане. При всем этом присутствовал Несауалькойоцин, одетый как один благородный, его служитель по имени

Уильцисильтецин [Huiltziziltetzin], в частности, на поле Куауйакак, где с высоты горы или холма, поместившись между деревьями, он видел и слышал то, что объявлял глашатай, и согласно их историям, он расчувствовался и заплакал, услышав жестокий приговор тирана, в котором было приказано всякому, чтобы его доставили мертвым или живым, и тому, кто это сделал бы, были обещаны великие милости. С тех пор Несауалькойоцин не переставал следить, были ли те, кого он видел, верными подданными, и всегда ходил вооруженным и начеку, и не ел и не спал в одном месте, но в разных сторонах, хотя его подданные и те, кто ими не были, оказывали ему большие услуги и давали обещания, и где бы не увидели его, утешали и ободряли его.

И затем он отправился в разные части этих земель, не покидая царства, городов, областей, селений и местечек, чтобы, не входя в них, узнать намерения и волю владык тех мест. В одних их владыки принимали его с радостью, в других — в большой тайне, предупреждая, чтобы он опасался своих врагов, а тем, кто, как он видел, были на стороне тирана, вовсе не позволял себя видеть, но входил переодетым и слушал, что говорят о нем, и даже спрашивал у тех, кто, как он знал, был с ним незнаком: «Какие новости есть о Несауалькойотле?», «Что говорят о нем ваши цари и владыки, мертв он или жив?», «И что с ним будет?», — и те, кого он спрашивал, давали ему сведения о том, что говорили их владыки, и о том, что приказывал тиран. Так он ходил соответствующим образом некоторое время, и в следующем году после смерти своего отца, который был Макуилли Акатль согласно их счету и нашим 1419[613], следуя к Чалько, вооруженный и очень настороже, с некоторыми благородными, своими служителями, чтобы посмотреть и послушать, что о нем говорят, потому что владыки этой области или царства, каким оно в ту пору было, всегда были с тираном, и очень большими его друзьями, как уже было видно. Продвигаясь вперед, Несауалькойоцин оставил позади своих слуг, чтобы не быть узнанным неприятелями, и, проходя по полям Чалько среди агав, увидел одну женщину по имени Ситламийау [Zitlamiyauh], и из-за ее наглости и жестокосердия сохранилась память о ней в историях, которая держала медовую воду, и так как царевич испытывал жажду, и не мог найти там воду, иначе как в селении, он попросил эту женщину, чтобы она дала ему немного медовой воды, так как он хотел пить; а она, из чистой подлости и жестокосердия не захотела ее дать, но принялась вопить и звать, чтобы схватили Нес|а|уалькойоцина, который там был. Когда Несауалькойоцин увидел это, он попросил ее замолчать, и что если она не захотела дать ему то, что он попросил, чтобы она остановилась и никого не звала, ведь он не принуждал ее. Та упорствовала и, видя это, Несауалькойоцин вынул свою макану и снес ей голову, ибо у него не было другого выбора, так как он был между столькими своими врагами; и когда сделал это, прошел вперед, в продолжение своих

[613] Год 5-Акатль соответствует февралю 1419 — февралю 1420 гг.

поисков, как имел обычай всегда делать, странствуя и будучи переодетым, чтобы его не узнали[614].

Рисунок 98. Убийство Ситламийау. «Кодекс Шолотль», стр. 16 (7).

[614] Х. де Торкемада приводит версию, пытающуюся оправдать совершённое юношей Несауалькойотлем убийство (в дальнейшем, в «Истории народа чичимеков» её примет и сам Иштлильшочитль): «Случилось же, что когда он вошёл в дом одной знатной госпожи-вдовы на ночлег, и увидел, что она имела большие посадки магея (являющегося растением, из которого изготавливают вино этой страны, как мы уже сказали в другом месте), и узнал, что она делала из него вино не только для себя и для угощения им людей из своего дома, но что также извлекала из этого доход (дело, запрещённое законом, за которым очень следили и за которое строго наказывали цари, его предшественники), он пришёл в такой гнев и негодование, что, не стерпев, убил названную госпожу по имени Цитломиау [Tziltomiauh]» (Ibidem. — P. 165.).

В следующем году Чикуасен Текпатль и в нашем 1420[615], почти в первые его дни, когда Тецоцомок увидел, что уже прошло время свободы, которую он дал акольуа, чтобы они восстановили разрушенное, как уже указано, он приказал созвать всех знатных людей изо всех городов, селений, поселков и местечек, подчиненных городу, царству и области Тешкоко, чтобы распорядиться о том, как они должны действовать и поступать, и когда они все собрались в Аскапоцалько, Тецоцомок приказал им, чтобы царство акольуа было разделено на области и города в восьми частях, взяв две из них для себя как владыки и государя всей земли, а остальные для Кецальмакистли, царя, который в ту пору был в Коуатличане, и он указал Коуатличан в качестве главного города, каким тот был, и места, где они собирали бы все свои подати, поручив этому царю, чтобы он заботился о наблюдении за этим, удерживая только свое, что составляло из трех частей одну, и чтобы личная служба [servicio personal] была в том же порядке, из трех одна, и слуги отправлялись в Аскапоцалько для отбывания личной службы и для восстановления определенных храмов и дворцов в городе и при дворе. И чтобы из остававшихся пяти частей одну получил Тлакатеоцин, владыка Тлателолько, которому дали в качестве главного города Уэшотлу и подчиненных ей, и Чимальпопоке четвертую из частей и в качестве столицы город Тешкоко, и Тейолькоуацину, владыке Акольмана — третью часть, который, как уже сказано, был в ту пору владыкой Акольмана и царем, внуку тирана, и Кецалькуистли, владыке Отомпана, первую часть.

Выплаты и службы, с которыми должны были являться, были следующие: во-первых, что каждый город должен был давать определенное количество доспехов из дорогих перьев, украшений из золота и самоцветов, и большое число нош плащей и дерева, каждая длиной в десять саженей [brazas], и шириной более чем в полторы сажени, и толщиной в вару[616], и что каждое из этих селений и городов должны были делать посевы маиса и другого зерна, очень большие, соответственно народу, какой в каждом месте имелся бы, и каждую из их недель, которые были по тринадцать дней, должны были идти в указанные столицы и города для исполнения личной службы, и отправлялись разного рода мужчины и даже женщины, чтобы молоть, ткать и для других женских работ, и плотники, каменщики и другие ремесленники на строительство домов и храмов в его царстве. И была эта повинность, наложенная на них Тецоцомоком, так тяжела, что они почитали за лучшее быть служанками-рабынями, если могли ими стать, чем нести столькие и столь большие тяготы; и сравнивают старики это иго и рабство, которое наложил на них Тецоцомок, с тем, какое сегодня они несут на себе, больше которого не может быть во всем мире; и они терпели его семь лет с величайшими трудами, о каких только можно сказать, пока их законный владыка их не освободил, и те им показались семью тысячами лет мучений, ведь со своим имуществом, детьми и женами они подвергались всему

[615] Год 6-Текпатль — февраль 1420 — февраль 1421 гг.
[616] Сажень (braza) — около 1,6 м, вара — ок. 84 см. Размеры «нош» с данью очевидно преувеличены.

упомянутому, когда в селения и города были назначены правители и управляющие, для того, чтобы обеспечивать все упомянутое; и с этим все они отправились в свои земли, очень опечаленные и безутешные от стольких преследований и тягот. В город Тешкоко назначили двух правителей со дня объявления в Куауйаке, что он будет столицей, и что следовало, чтобы они были из двух народов, один по имени Тлоцин [Tlotzin] из тольтеков, и другой, по имени Чикацин [Chicatzin], а по другому имени — Кинацин [Quinatzin], из чичимеков.

В следующем году 8-Тоштли[617], который в соответствии с нашими был 1423, после того, как случились великие события, и в котором Несауалькойоцин был столь преследуем своими неприятелями, и шесть раз доблестно ускользал от них после смерти своего отца, согласно их историям, которые во избежание многословия подробно здесь не излагаются, мешикские владычицы, его тетки, как женщины, согласившись по поводу своего племянника, который, преследуемый, уходил от тирана, решили между собой все вместе идти повидать тирана Тецоцомока, и, подарив ему много украшений и самоцветов, просить его даровать жизнь их племяннику, ведь он, как мы увидели, уже много раз с большой жестокостью приказывал убить Несауалькойотля. Собравшись вместе, они отправились в город Аскапоцалько и, совершив приветствие, какое у них было принято, государю-тирану и, одарив его украшениями, попросили у него оказать им милость, даровав жизнь их племяннику, и тот, хоть и против своей воли, ввиду того, что эти владычицы были очень знатными, и его родственницами, так что ими ни в чем нельзя было пренебрегать, даровал им в качестве милости жизнь их племянника с тем, чтобы он не покидал двух мешикских городов, Тлателолько и Теночтитлана, и если бы нарушил это, был бы наказан смертью, таким образом, что он отвел ему эти два места в качестве тюрьмы.

Владычицы высказали ему благодарность за оказанную им милость и отправились в свои земли, чтобы послать на поиски своего племянника, который всегда имел некоторых благородных, своих служителей, в городе Аскапоцалько, которые служили только для того, чтобы предупреждать его о том, что приказывал и делал тиран; и так они отправили к нему одного верного посланца, давая знать, чтобы он шел к Мешико, потому что его тетки, мешикские владычицы, добились, чтобы тиран даровал ему жизнь. Посланец отправился к Пойаутлану [Poyauhtlan], где он в ту пору находился в неких рощах, развлекаясь с некоторыми благородными, своими наставниками и служителями, которых звали Кецалиштли [Quetzalyxtli], Койауацин [Coyahuatzin], и Сельмиуицин [Zelmihuitzin], и Тоцмольцин [Totzmoltzin], и Костотоломицин [Coztotolomitzin] с другими благородными из этого места. Несауалькойоть, увидев и выслушав посланца, отправился к городам мешиков, и в Кальполальпане [Calpolalpan] встретил посланцев своих теток, мешикских владычиц, отправившихся на его поиски, чтобы

[617] Год 8-Точтли — февраль 1422 — февраль 1423 гг.

отвести его в Мешико, и он сказал им, что так как уже имеет известие о милости, оказанной его теткам, то поэтому идет в Мешико, и так свободно прошел весь путь, безо всякого страха, прямо в Мешико, где его родичи приняли его с большой радостью, и особенно владычицы, его тетки. Там он находился некоторое время, развлекаясь и ни в чем не нарушая того, что предписал тиран, хотя и имел в том малую необходимость, потому что и так все уже обошел, как уже было видно в обобщенном виде. Через два года после этого, когда был уже Десятый Текпатль и по нашему 1424 год[618], в течение которых Несауалькойотль находился в городах мешиков, владычицы, его тетки, видя, что он был там как в заключении, решили вновь идти повидаться с тираном, который уже был несколько умиротворен и не беспокоился по поводу Несауалькойотля, чтобы он оказал им милость в том, чтобы дать тому какую-нибудь местность из принадлежавших его отцу, сады или дворцы, чтобы тот мог время от времени покидать города и идти развлекаться, с чем Тецоцомок согласился, потому что хорошо видел, сколь незначительную заботу доставлял ему Несауалькойотль, и так как не было оснований подозревать того в чем-либо, возвратил ему дома и дворцы его отца и дедов, называемые Силан [Zilan] с кое-какими маловажными местечками в городе, и позволил ходить из Мешико в Тешкоко и возвращаться, но ни в какую другую сторону, установив определенное наказание, чтобы он этого не нарушил. Тецоцомок обманывался, потому что на Несауалькойотля, хоть преследуемого, полагалась вся земля, и его считали тем, кто имел основания, чтобы быть их законным владыкой, особенно те, кто были верными подданными и преданными друзьями.

Повествует царевич дон Алонсо Ашайака[619] в своей истории и другие старинные сочинители, помимо того, что очень подробно изложено в “Подлинной истории”, что почти в последние дни нашего 1426 года, а года местных уроженцев Омоме-Тоштли[620], старый Тецоцомок, государь-тиран этой земли, дважды видел во сне Несауалькойотля, и что в первый раз он приснился ему превратившимся в царского орла, который вонзил огромные когти в его голову, и показалось, что он вырвал у него внутренности и сердце, и сожрал их, а на следующую ночь сделался ягуаром и разорвал на части его ноги, из-за чего он не мог прийти в себя после такого ужасного сна и испытал большое огорчение; и чтобы исправить это, согласно их гаданиям и тому, что объявили об этом их ложные боги, не было другого средства кроме как лишить Несауалькойотля жизни. Он собрал всех своих троих сыновей, Маштлу [Maxtla], Тайау [Tayauh] и Атлатокаикпальцина [Atlatocaycpaltzin], и других своих друзей и родичей, и сказал им, что им хорошо известны его преклонные года, ибо он уже правил царством тепанеков 180 лет[621], и с последней переменой был государем почти девять

[618] Год 10-Текпатль — февраль 1424 — февраль 1425 гг.

[619] Алонсо (Альфонсо) Ицуэстатокацин Ашайака [Alfonso Itzhueztatocatzin Axayaca] — сын ацтекского правителя Куитлауака, двоюродный прадед Фернандо де Альва Иштлильшочитля, правитель Истапалапана, автор не сохранившихся исторических сочинений.

[620] Год 12-Точтли — февраль 1426 — февраль 1427 гг.

[621] Сроки жизни и правления Тесосомока очевидно преувеличены.

лет, не считая времени своего отца Акольуа [Aculhua], что в целом составляло уже почти триста лет, и что поэтому он находится очень близко к смерти, и что для того, чтобы они могли быть владыками всей земли, следует убить Несауалькойотля, царевича-наследника; и что тот должен находиться на его похоронах, которые состоятся очень скоро, ибо он чувствует себя больным, и что тогда, без шума и крика, они могли бы убить того с большой легкостью; ибо если бы они его оставили, он достиг бы того, что стал владыкой всей земли, и должен был бы разрушить их владычество и выпить их кровь; и, поведав им о своем сне и о том, что сказали ему его ложные боги и демоны, сказал им, чтобы они со всем тщанием исполнили это и многие другие вещи, о которых он им сказал, если хотят быть владыками всей земли, как я о том расскажу.

Был тиран Тецоцомок жесточайшим человеком, каковой имелся в этой земле, надменным и любителем войн и власти, и был очень старым в соответствии с мнением их историй, и старые знатные индейцы рассказывали мне о нем, что его носили как новорожденного, помещенным среди нежнейших перьев и мехов, и все время выставляли на солнце, чтобы согреть его, а по ночам он спал между двумя большими горящими жаровнями, и что он никогда не отдалялся от тепла, потому что ему не хватало внутренней теплоты; и он был очень умеренным в еде и питье, и поэтому прожил столько лет, хотя он происходил из рода владык, которые, по мнению их историй, жили одни почти триста лет, как этот, а другие больше чем по триста лет.

Когда этот старец увидел себя так близко от смерти, то приказал позвать всех царей и владык, своих подчиненных и друзей, и своих трех сыновей, и внуков, и всем приказал, чтобы его сын Тайау, хоть и был вторым, |принимая во внимание| его доблесть, и что вся земля его очень любила, был объявлен законным наследником державы и царства тепанеков, и чтобы, когда он умрет и будут совершены его похороны, тому поклялись в качестве такового, и чтобы царевич Маштла, который был старшим, оставался, как он был, владыкой Койоуакана и других мест, а младшему, Тлатокаипальцину [Tlatocaypaltzin] он дал другую область, где он был бы владыкой[622]; и он вновь приказал им, чтобы они убили во время его похорон царевича Несауалькойотля, который находился бы там, если хотят быть владыками всей земли и жить свободно безо всяких разногласий. Они все ответили, что сделают и исполнят все, что он и приказал, а через немногие дни у него усилилась болезнь, которой он страдал, что и стало причиной его смерти. Он особо поручил дела державы и присягу своему сыну Тайау двум мешикским

[622] Согласно данным источников так называемой «ацтекской группы» (Альварадо Тесосомок, Д. Дуран, «Кодекс Рамиреса») нарушение порядка престолонаследия в Аскапоцалько было связано с борьбой, развернувшейся среди тепанекской верхушки в последние годы жизни Тесосомока, в частности, по вопросу об отношении к мешикам, которые стали требовать все большей самостоятельности. Маштла был одним из вождей враждебной мешикам партии, тогда как Тесосомок считал необходимым сохранять союз с Теночтитланом и Тлателолько. «Мексиканский кодекс №23–24» называет сыном Тесосомока, которого тот предназначал в преемники, Кецалайацина [Quetzalayatzin].

царям, Чимальпопоке и Тлакатеоцину как самым главным во всей земле, и чтобы они были двумя другими верховными главами.

Рисунок 99. Тесосомок рассказывает сыновьям о своем сне. «Кодекс Шолотль», стр. 17 (8).

В году 1427, в 20 день нашего месяца марта, а согласно счету местных уроженцев это было в Матлактлиоме-Акатль [matlaqtli omei aqatl], в первый день года и последний их недели, также называемой Матлатлиоме-Акатль, в первый день их первого месяца Тлакашипеуалистли[623], на рассвете, на десятом году понтификата Мартина V, на двадцать седьмом империи Сигизмунда и на двадцатом царствования Хуана II в Испании, умер древний и престарелый царь Тецоцомок, уже совершенно дряхлый, так что немного нужно было ему, чтобы умереть. Находились с ним в момент его смерти оба мешикских царя, и царь Акольмы Тейолькокоуацин, его внук, и он был первым царем, которому в этой земле устроили похороны и погребение согласно обрядам, законам и церемониям тольтеков и мешиков, которые использовали в таких случаях, как я расскажу об этом сейчас. Хочу описать это здесь в соответствии с “Подлинной историей” и сообщениями сочинителей и старых знатных индейцев, которые рассказали мне это, хотя на самом деле ранее, чем этот, великий Иштлильшочитль был |похоронен| в

[623] В «Истории народа чичимеков» Иштлильшочитль указывает, что Тесосомок умер в день 1-Коскакуаутли года 13-Акатль, соответствующий юлианскому 11 марта 1427 г. Таким образом, здесь (как и в некоторых других местах своих сочинений) европейскую дату Иштлильшочитль приводит по григорианскому стилю.

соответствии со следующими обрядами и церемониями, хоть их и не во всем соблюли, поскольку то было при угрожающих обстоятельствах и поспешно.

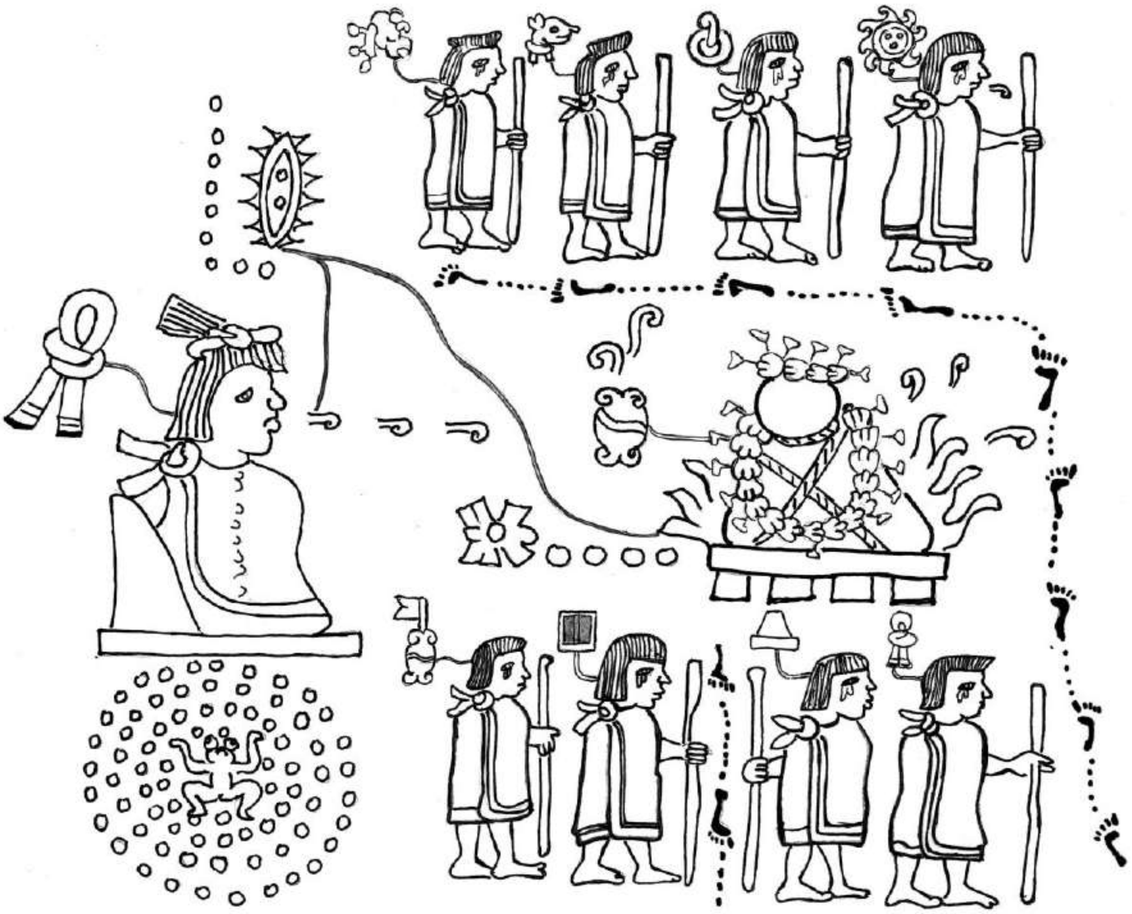


Рисунок 100. Похороны Тесосомока. «Кодекс Шолотль», стр. 17 (8).

После сна, как уже рассказано, из-за того огорчения, какое он вызвал у Тецоцомока, у него |случилась| болезнь, ставшая причиной его смерти, и ему, так как он был таким старым, немного осталось, как уже было видно по долгим годам, которые он прожил; и когда это увидели владыки, его подданные, и жрецы покрыли пеленой Тескатлипоку [Tezcatlipuca], главного идола и владыку всех Молохов этой страны, который был как Юпитер у древних римлян, что было знаком великой скорби. Эта церемония была предписана Топильцином, чтобы, когда заболевал царь, пеленой покрывали, если он был государем, Тескатлипоку, и не убирали бы ее, пока он не умирал или выздоравливал, а если это были иные цари, особенно те, кто были великими владыками, то с Уицилопочтли устраивали это действо, и то же самое делали с другими идолами, особенно с теми, кого эти цари особенно чтили, и это владыки |совершали| с идолами, которых каждый имел своим покровителем.

Тескатлипока пробыл так несколько дней, пока не умер Тецоцомок, и когда он умер, послали его сыновья и родичи, особенно мешикские, Тлакатеоцин и Чимальпопока, не считая тех, кто уже присутствовал, оповестить почти всю землю, его подданных, друзей и родичей, чтобы всякий в своих землях и местностях, городах, областях и селениях, справил

по нему поминки, а те, кто находился поблизости, чтобы присутствовали на них или прислали бы своих послов в течение четырех дней; и так те, кто мог прийти, пришли, а те, кто нет, послали своих послов, чтобы выразить соболезнование его сыновьям и родичам и присутствовать на его похоронах. Одни прибыли на второй день после его смерти, другие на третий, а иные на четвертый, и по всей земле справляли поминки по нему, я говорю о тех, кто был тиранами, как и он, потому что во многих местах вместо поминок по нему были большие празднества.

Перед этим, как только он умер, его тело очень тщательно омыли, а затем ополоснули водой с душистым клевером [trébol] и другими веществами, чтобы этот запах приобрело его тело, а затем на него надели его царские одеяния и украшения из золота и драгоценных камней, как он одевался в дни празднеств и для общественных дел, отрезав ему волосы на макушке, чтобы оставалась память о нем, и вложили ему в рот изумруды, и затем запеленали его, поверх всего этого, в семнадцать царских плащей, тончайших и дорогих, со многими жемчужинами, оставив открытым только лицо, и затем сшили для него другой, очень тонкий, где был помещен идол Тескатлипоки, очень естественно изображенный, и затем поместили тело на циновку сидящим, а лицо — с маской из бирюзы, очень естественной, сделанной в соответствии с его обликом. Это употреблялось только в отношении государей этой земли, на остальных царей надевали золотую маску.

Они совершили некоторые жертвоприношения и действа в течение этих четырех дней, которые было бы долго перечислять, кроме того, что о них известно из некоторых историй испанцев, хотя не все рассказывают так, как оно было, и на пятнадцатый день года, который был Науи-Оллин [Nahui ollin], что является четвертым днем их недели и нашей, в тот же упомянутый выше год, что было 24 марта, и в тот же час, в который он умер, перед рассветом, отдали приказ отнести его в главный храм Тескатлипоки, чтобы похоронить его, потому что исполнились четвертые сутки, в соответствии с законом Топильцина.

Когда это происходило, прибыл и Несауалькойоцин выразить соболезнование по поводу смерти тирана, и он добирался целую ночь по озеру, потому что в ту пору находился в Тешкоко и там узнал о смерти тирана, и было достаточно таких, кто предупредил его, какой приказ тот оставил о том, что сделать с ним; но так как в своих поступках они руководствовались своими звездочетами и предсказателями, дерзнул подвергнуться такой опасности, и многие владыки советовали ему не поступать так. Когда Несауалькойоцин пришел, он поднес сыновьям тирана некоторые уборы и украшения из золота и жемчуга для их усопшего отца, показывая себя очень опечаленным из-за этого, ибо было обычаем и обыкновением владык этой страны всегда приносить с собой дары, в таких

случаях как этот, и во время других посещений; и он привел с собой своего племянника Сонтекошацина [Çontecoxatzin] и некоторых немногочисленных своих наставников и служителей. Маштла, который был старшим, как уже видели, ответил ему за остальных своих братьев, выразив благодарность.

Затем определенные благородные мужи взяли его |Тецоцомока| тело вместе с циновкой и понесли его в главный храм, а по сторонам шли, по правую руку, Маштла, впереди, с жезлом в руке, с распущенными волосами, в одежде и со знаками, которые принято было нести в таких случаях, и таким же образом шли остальные со своими жезлами, и за ним — Мотексома [Moteczuma], первый этого имени[624], а потом третьим следовал Тайау [Tayauh], и последним Тейолькокоуа [Teyolcocohua], царь Акольмана. По левую руку шли четверо других, слева, из которых впереди таким образом шел Тлакатеотль, владыка Тлателолько, и затем следовал Чимальпопока из Теночтитлана, а третьим — Несауалькойоцин, и последним — Сонтекосацин [Zontecozatzin], его племянник, и сзади шел Тлатокаикпальцин [Tlatocaycpaltzin], младший из сыновей покойного, со многими владыками и послами из разных мест, и многими благородными, его подчиненными, которые несли множество знамен, и украшений, и плюмажей, принадлежавших царю, щитов и макан, луков и стрел, дубинок и копий. Все шли с песнопением о его смерти, деяниях и подвигах, и цари, владыки и посланцы со своими жезлами и знаками отличия, как уже было рассказано, шли, оплакивая покойного. Также шли некоторые рабы и служители царя, очень нарядно одетые, чтобы быть принесенными в жертву и умереть со своим владыкой, хотя в то время они не были так многочисленны, как позже.

После того, как они прибыли в храм, из его ворот вышел верховный жрец, называемый сиуакоатль [Zihuacoatl] за свой сан, со всеми жрецами храма и, с пением некоторых песен по этому случаю тотчас там, во дворе храма, поместили тело на большое количество дров из сосны-окоте[625], и копала, и благовоний, и со всеми знаками отличия и украшениями сожгли его, и тут же принесли в жертву рабов, вырывая у них сердца и бросая в огонь, а их тела похоронили в большой могиле, и поместили большое количество плащей, перьев, украшений, золота, маиса и других семян, и множество еды в жертву по их порядку, каждую вещь перед алтарем идола. После того, как обряды закончились, жрецы забрали золото, украшения и плюмажи, и все поместили в святилищах для украшения идолов, а плащи и еду распределили между жрецами.

---

[624] Имеется в виду Мотекусома Ильуикамина. По сведениям «Истории мексиканцев по их рисункам» он был сыном Уицилиуитля от брака с Миаушиуитль [Miauhxihuitl], дочерью правителя Куанауака Ицкоацина (История мексиканцев по их рисункам. — С. 633.), т.е., сводным старшим братом Чимальпопоки и сводным дядей по матери Несауалькойотля. Согласно Чимальпаину годом его рождения был 1397 г. (Chimalpahin Cuauhtlehuanitzin D. F. de San Antón Muñón. Codex Chimalpahin / Edited and translated by Arthur J.O.Anderson and Susan Schroeder. Vol. I. — Norman: 1997. — P.33.).

[625] Окотль, ококуауитль. Им назывались виды из рода Pinus: Pinus ayacahuite K. Ehrenb., P. teocote Schlecht. y Cham., P. montezumae Lambert., P. hartwegii Lindl. (Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X-XI: Познания астеков в медицине и ботанике. С. 58).

Когда это завершилось в то утро во время, когда пришел Несауалькойоцин, ему сделал знак Тлакатеоцин, что его хотят убить, а затем, когда он шел на погребение, его предупредил Мотекусомацин, и тот, помимо того, что уже знал, был очень хорошо предупрежден.

Во время, когда они вернулись во дворец, что было уже почти на восходе солнца, владыки, после того, как чуть закусили, заговорили, как было бы справедливо и уместно поскорее дать знать через послов, которые были там, их владыкам, что Тайау должен стать государем всей страны, и о прочих вещах, приказы о которых оставлены тираном, и чтобы все это исполнили, и чтобы те, кто был там, не уходили, пока не дадут присягу в этом, и все это сказал Тлакатеоцин, как самый главный и старший[626]. Это вызвало великую ярость Маштлы, и он ответил, что, хотя бы его отец и оставил такой приказ, но в соответствии с законами их предков право принадлежит ему, ибо он старший из братьев. Из-за этих и других сказанных слов пришел в смятение весь двор, и во дворце было много больших стычек, так что они не пришли к согласию в том, чтобы убить Несауалькойоцина в соответствии с приказом Тецоцомока.

Когда Несауалькойотль увидел смятение, то попрощался с некоторыми владыками и вернулся в город Тешкоко. Случились великие события и |сложились| многочисленные партии. Одни говорили, что присягу следует принести Маштле, другие — что Тайау; и Маштла говорил, что если ему не поклянутся, он должен будет разорить всю страну с подчиненными, которых имел, и с многочисленными друзьями и доблестными полководцами, бывшими на его стороне. Цари и владыки, видя, что Маштла воинственен, и что на его стороне самые доблестные военачальники, чтобы кое-чего не случилось, и не погибли люди, так как уже были научены такими битвами, сошлись на том, чтобы ему принесли присягу как государю всей страны, а его брату Тайауцину — как владыке Койоуакана и других мест, и так в тот же самый день поклялись в этом согласно обрядам и церемониям мешикских тольтеков [Tultecas Mexicanos], о чем в другом месте мы сделаем сообщение, почти в девять утра, согласно указанной „Подлинной истории“, а старые знатные люди рассказывают это, а вечером все отбыли, каждый в свою землю.

На следующий день, когда огонь уже погас, собрали его пепел и сложили в один ковчег [arco], очень хорошо сделанный и украшенный, и его складывали внутрь жрецы, и также поместили внутрь волосы, которые у него срезали; и изваяние покойного, очень естественное, сделанное со всеми знаками царской власти, с маской из дерева и изумрудов в естественную величину, отделанной и помещенной, поставили на алтарь над ковчегом, сбоку от главного алтаря Тескатлипоки, и после этого еще четыре дня жрецы

[626] В рисуночной части на стр. 31r «Кодекса Теллериано-Ременсис» в сцене захвата Аскапоцалько Маштла и Тлакатеоцин изображены вместе. Э. Киньонес Кебер истолковывает эту сцену как мятеж Маштлы, который в союзе с правителем Тлателолько Тлакатеоцином овладел столицей (Quiñones Keber E. Codex Telleriano-Remensis. — Austin: 1995. — P. 216.); однако, на самом деле из сцены роль Тлакатеоцина — то ли союзника, то ли противника Маштлы — неясна.

совершали поминальные обряды, во время которых сыновья и прочие люди покойного приносили большое количество жертв, помещая их на то место, где он был сожжен, и перед ковчегом и изваянием, и на четвертый день их поминальных обрядов принесли в жертву некоторых рабов, до пяти или шести, хотя позднее было по десять и более; и в последний день этого месяца, когда прошли двадцать дней, вновь совершили поминальные обряды и принесли в жертву еще одного раба, а через восемьдесят дней еще трех рабов, и так же через год.

Таким образом умер и был похоронен тиран Тецоцомок, и |порядок| этих похорон и погребения будет служить для владык, которые умрут в дальнейшем, хотя в том, что касается человеческих жертвоприношений, в дальнейшем они были гораздо обильнее, как далее я поведаю в связи с похоронами Несауалькойотля и Несауальпильцинтли.

ОДИННАДЦАТОЕ СООБЩЕНИЕ

О поступках, совершенных тираном Маштлой, и о том, что произошло с царевичем Несауалькойоцином

В тот же день похорон Тесосомока, раздоров и присяги Маштле, как об этом рассказано, уже на закате солнца, после того, как отбыли почти все владыки, попрощались Чимальпопока, царь Мешико, и Тайау, владыка Койоуакана, которому должны были бы присягнуть |вместо| его брата, и после того, как они попрощались и, так как им было по пути, отправились в Теночтитлан, город Чимальпопоки, и когда прибыли, а было уже очень поздно, поужинали и после ужина среди многих разговоров, которые они вели, Чимальпопока сказал Тайау, что его очень огорчает, что его брат отнял у него державу, ведь кроме того, что его отец оставил его наследником, он был очень ценим, и ему она была более кстати и подобала, а не его брату, и что он мог бы исправить это, не обращая внимания на то, в чем поклялись. Тайау ответил ему, что ему это хорошо известно, но чтобы не ввязываться в войны и раздоры со своим братом, он не хочет это обсуждать и докучать, тем более, что уже не имел способов для исправления. Чимальпопока ему ответил, что легко, если бы захотел, исправил бы. Тайау спросил, как, и Чимальпопока ему сказал, что, когда бы тот лишился жизни, все оказалось бы в его воле, ибо могущество и власть, которые тот имел, были только, пока он был жив, а когда бы он умер, многие владыки порадовались бы этому из-за его великой надменности; и чтобы убить того без большого труда и без какого-либо шума, пусть построил бы кое-какие дома в городе Аскапоцалько, и на новоселье в них пригласил бы царя, своего брата, и гирляндой цветов с некоторой уловкой удушил его, так, что тот и не понял бы, и что он помог бы в этом и дал бы ему своих самых доблестных и умелых военачальников, что показалось Тайау очень хорошим, и он согласился на это.

А по случаю там находился один карлик, который пришел с ними, служитель царя Маштлы, которого звали Тлатольтон [Tlatolton] (а другие его называют Тетон [Teton], в частности, Дон Алонсо Ашайака), прятавшийся в одной комнате так, что никто его не видел, а он слышал весь сговор и беседу Тайау с Чимальпопокой, и так, что никто его не увидел, вышел из дворца и помчался в город Аскапоцалько, куда пришел уже поздно и почти около полуночи, и сказал начальникам охраны, чтобы передали Маштле, если тот был там, что он хочет повидаться с ним по поводу одного важного дела, хотя бы тот и спал. Когда начальники услышали то, что говорил карлик, они отправились доложить Маштле, который еще не лег, так как было обыкновением и обычаем владык этой страны ложиться очень поздно и вставать очень рано, и они всегда спали мало. Тот, услышав это, приказал войти, и карлик, выразив почтение, попросил того, чтобы он оказал ему милость, дав какую-нибудь местность или селение, для того чтобы он и его потомки были бы там владыками, а всех его родственников сделал знатными, так как за известие, которое он принес, было бы мало сделать все это, когда он узнает, насколько оно для него важно. Маштла сказал ему, что он, должно быть, крестьянин, если хочет того, о чем просит, но, что если все окажется так, как он говорит и заверяет, он все это обещает. Карлик все рассказал своему владыке, что через некоторое время должны будут закончить дома, и когда их закончат, он должен быть приглашен и убит, из-за чего Маштла очень обеспокоился и приказал ему, чтобы он под страхом смерти хранил все это в тайне и возвращался в Мешико, чтобы не быть замеченным, и что он исправит это, и по дороге чтобы он позвал одного очень доблестного военачальника, чтобы тот прибыл заняться хлопотами по строительству домов с тем, чтобы в начале пятого месяца Эсалькуалистли [Ezalcualiztli][627] пригласить на новоселье в них, и он убил бы его тем же способом, который посоветовал Чимальпопока своему товарищу.

На следующий день на рассвете Чимальпопока позвал двух знатных мужей из Мешико, одного по имени Ачитометль [Achitometl], а другого — Илатокакочицин [Ilatocacochitzin], и еще из Койоуакана, и оба, Тайау и Чимальпопока, приказали им, чтобы они отбыли в Аскапоцалько с большим числом людей, и в квартале Атемпан [Atempan], возле реки и источника, построили дома и дворцы для Тайау, испросив позволения царя Маштлы, и чтобы за немногие дни закончили их со всей поспешностью. Эти знатные мужи пришли в Аскапоцалько с большим числом койоуаканцев и, перед тем, как делать что-нибудь, явились во дворец испросить позволения со стороны его брата, и тот, увидев это, поверил тому, что рассказал ему карлик Тлатольтон, и дал им позволение строить дома, и большое число людей, ремесленников, и все необходимое для того, чтобы в меньшее время, чем то, в какое приказал Тайау, их закончили, изобразив, что очень доволен этим.

[627] Эцалькуалистли является пятым месяцем, начиная с Тлакашипеуалистли. По календарному стилю Теночтитлана — Тлателолько в 1418 г. он приходился на июнь — июль.

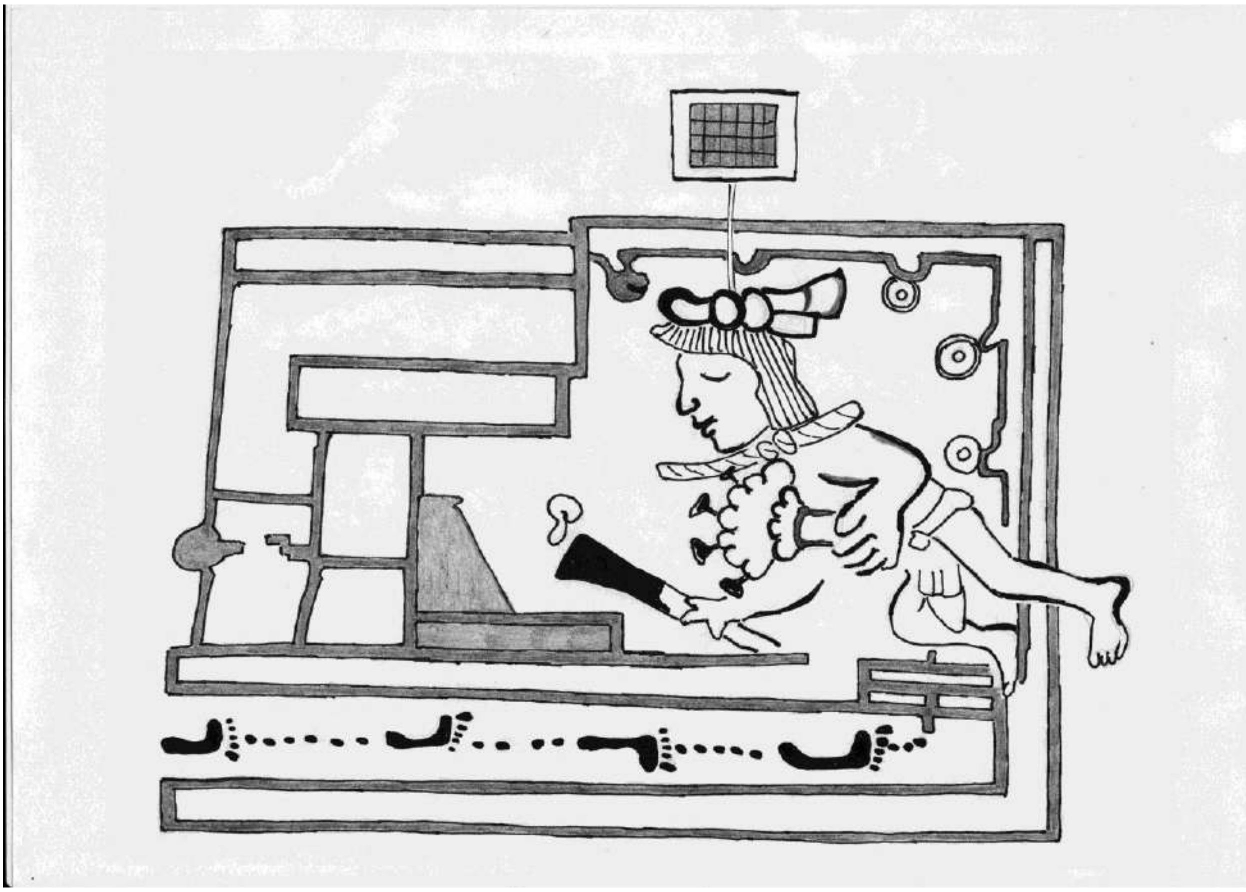


Рисунок 101. Убийство Тайау. «Кодекс Шолотль», стр. 17 (8).

Дома или дворцы были завершены за немногие дни, значительно скорее, чем думал Тайау, и, когда их закончили, он позвал пригласить его, сказав посланцам, чтобы они передали тому, что он хочет устроить праздник в честь его новоселья в этих дворцах, и пригласил Чимальпопоку и других знатных мужей, которые были осведомлены и знали о заговоре, чтобы убить их всех тем самым способом, который они готовили. Тайау, не постигнув того, что должно было случиться, пришел в Аскапоцалько, чтобы принять во владение и справить новоселье в домах, которые его брат помог ему построить, приведя некоторых военачальников и полагая, что они смогут убить его брата согласно сговору. Когда он послал позвать царя Чимальпопоку, своего товарища, тот уже отпустил посланцев царя Маштлы, его брата, отправив к тому сказать, чтобы его простили за то, что он в то время не сможет пойти поцеловать его ноги, так как к нему приглашен некий знатный человек для обсуждения очень важного для них дела, и так он послал сказать, что занят, ибо не знал, могут ли иметь место лучшие оправдания, чем те, какие смог найти. И так, когда Маштла увидел, что его брат там, устроил пир в новых дворцах и в конце лишил его жизни, и тут же послал в Мешико некоторых военачальников, чтобы они схватили Чимальпопоку и посадили его в клетку под большой охраной, и давали ему еду и питье по чуть-чуть, пока он не прикажет иного, так как был поставлен в известность Мотекусомой о том,

что во время празднеств и танцев некто по имени Текутлиуакацин [Tecuhtlihuacatzin] убил знатного мужа по имени Акамапичтли [Acamapichtli], и что они танцевали вдвоем вооруженные над покойником, и время от времени пускали по стреле посреди главного храма Мешико[628], и так военачальники помчались и нашли царя Чимальпопоку и Текутлиуакацина именно такими, как послал сказать Мотекусома. Они схватили Чимальпопоку и отвели его в определенные помещения в том же городе, называвшиеся Куаукалли [Cuaucalli], что было как у нас тюрьма при суде [cárcel de corte], и там поместили его в одну из клеток под сильной стражей из храбрых солдат и военачальников, а Текутлиуакацина тут же убили.

Дон Алонсо Ашайака говорит, что дома, которые построил Maштла, были для него самого, и на новоселье в них он пригласил брата, но в «Подлинной истории» содержится изложенное, хотя и говорится, что после смерти Тайау их забрал себе царь Maштла.

В то время был во дворце один благородный, управитель царя Maштлы, старый человек по имени Чичинкатль, которому тот очень доверял; он позвал его и сказал ему: «Как вам кажется, не было ли весьма хорошим лишить жизни моего брата? Ведь, как вы хорошо знаете, он младше меня, и согласно законам моего прадеда Шолотля и его предков, всегда старший является наследником, как я, и настолько это принадлежит мне по праву; и, кроме того, как можно стерпеть, что у меня на глазах он дерзнул пожелать убить меня по сговору и согласию с Чимальпопокой, царем Кольуакана (который, если бы не соединяющее нас родство, также не был бы самостоятельным владыкой, однако он ни на что не обращает внимания), как вы о том хорошо знаете, хотя люди из города Мешико были подданными моего деда, и мешики всегда платили некоторую подать, и так как мои дяди были тамошними владыками, я избавил их от этой дани; и, таким образом, Чимальпопока — предатель, и подобает, чтобы он умер в клетке, в которую заключен, и чтобы они давали мне дань, как было принято во времена моего деда, и вы соберите всю дань со всей суровостью, и пусть все продадут; а если они не исполнят этого, приказываю вам наказать их по всей строгости, а завтра пойдите в Тешкоко и позовите Несауалькойоцина, в отношении которого я хочу выполнить оставленное мне отцом приказание». Эти и многие другие соображения он высказал этому благородному, который, поскольку был из Тлателолько и владыкой Домов Кальтенко [Casas de Caltenco], отправился в Тлателолько, чтобы на следующий день идти в Тешкоко.

[628] Смысл этого места объясняет параллельный текст Х. де Торкемады: «И он решился, говоря, что если уж ему суждено умереть, он не хотел бы, чтобы эту смерть причинили ему по приказу Маштлы, но чтобы умереть, как умерли некоторые его предки, во время Атлауполько [Atlauhpulco], что означало устроить некий танец, принеся на нём в жертву своему богу Уицилопочтли всех владык, которые его танцевали» (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — P. 174.).

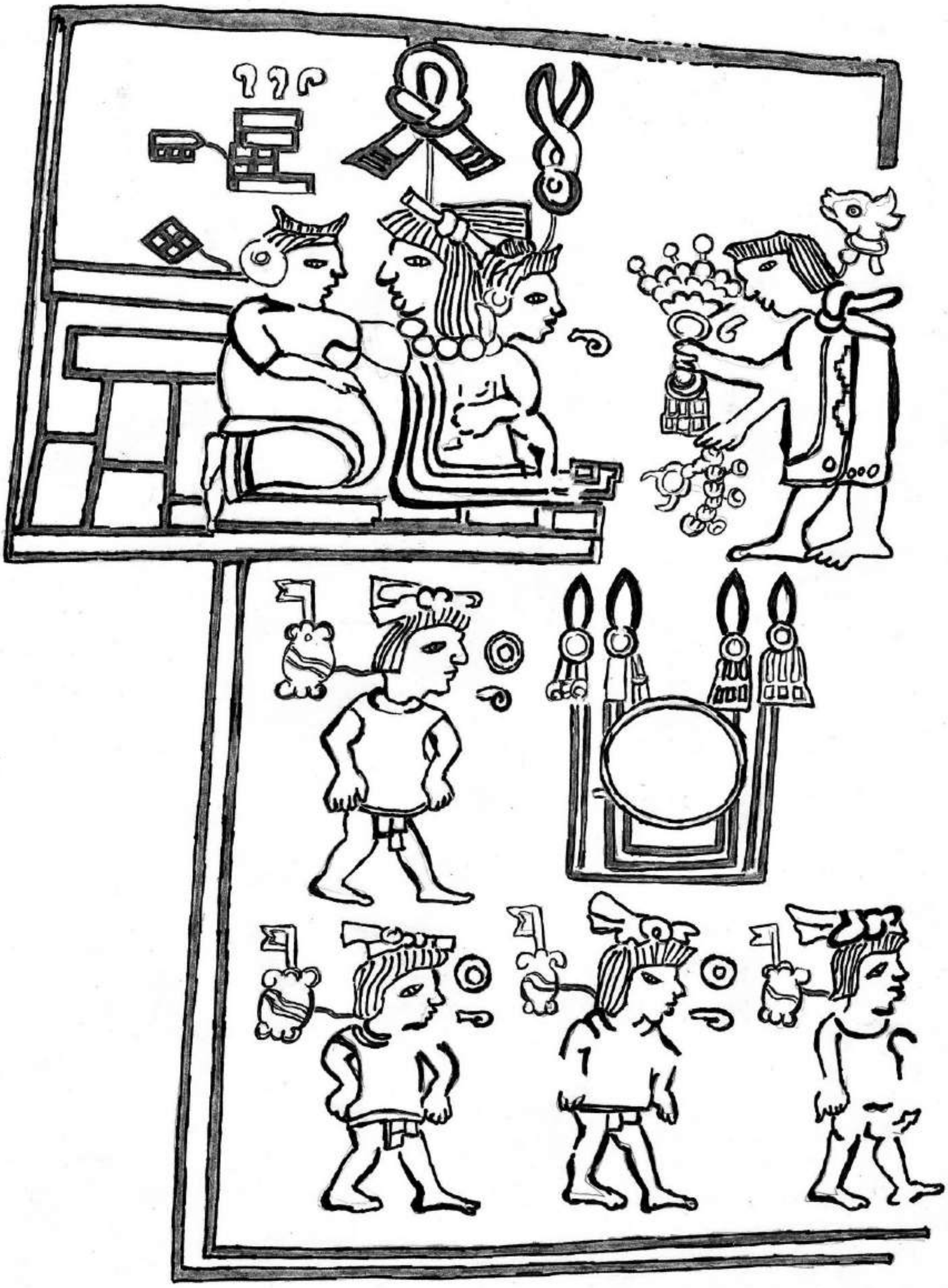


Рисунок 102. Несауалькойотль во дворце Маштлы. «Кодекс Шолотль», стр. 17 (8).

Несауалькойоцин, когда увидел, что его дядя схвачен, и что уже прошло некоторое время после похорон, чтобы втереться в доверие, решил в ту ночь идти в Аскапоцалько и принести тирану некоторые дары, и просить его оказать милость и выпустить его дядю, и увидеть ответ и намерения царя Маштлы, потому что уже близилось время получить назад свое владычество, и так он был всю эту ночь в пути по озеру со своим племянником

Сонтекосацином [Zontecozatzin] и некоторыми своими слугами, и на рассвете был в Тлателолько, и, причаливши, отправился прямиком в дом этого благородного, управителя Маштлы, чтобы узнать у него о том, что происходило, и тот обрадовался, увидев его, и сказал ему, что Маштла, его владыка, как раз отправил позвать его. Несауалькойоцин ответил ему, что так как провел всю эту ночь в пути, то пусть побыл бы там, где они встретились, с тем, чтобы потом отправиться целовать руки великому владыке, и он хотел бы просить того оказать ему милость, даровав жизнь его дяде царю Чимальпопоке; и так они вдвоем отправились в Аскапоцалько, и вошел этот благородный и дал знать царю Маштле, что Несауалькойотль находится там, и что он пришел умолять его оказать милость и даровать жизнь его дяде. Маштла приказал ему войти, и когда Несауалькойоцин вручил Маштле подарок, сказал ему, что он так и сделает, но что тогда это было неуместно, и чтобы он отправился повидаться. Несауалькойоцин поблагодарил его за оказанную ему милость, и так отправился в Мешико, где содержался в заключении его дядя, и Маштла тогда не пожелал убить его, но отдал приказ, чтобы его убили по возвращении, и потому сказал ему до того, как тот отправился, чтобы он не возвращался в Тешкоко, пока сперва не даст знать ему, потому что есть дела, чтобы обговорить с ним.

Несауалькойотль отправился в Теночтитлан повидать своего дядю, которого нашел в тюрьме заключенным в клетку, скорее для смерти, чем для чего-нибудь другого; изможденного, одни кости, и умирающего от голода. Он подарил ему отличительные знаки, которые носили цари, и горько плакал вместе с ним и утешал его. Его дядя попросил его дать ему чего-нибудь поесть, так как он умирал от голода; и Несауалькойотль, видя, что в городе очень следили за тем, что они делали, решил отправиться к Пеньолю [Peñol], в место, где располагались посевы царя Чимальпопоки, которые назывались Тетлепецин, и там он попросил одного благородного дать ему чего-нибудь для царя, его дяди, и там ему дали кое-какие подарки и он вернулся в город, чтобы дать своему дяде, и когда он пришел, тот был уже при смерти, и, кроме того, что от голода, также и от огорчения из-за того, что один внук Маштлы по имени Тильмацин [Tilmatzin], сводный брат Несауалькойотля, пришел повидать его в то время, пока там не было Несауалькойоцина, и сказать все, что приказал тиран Маштла, и об этом Чимальпопока сказал своему племяннику, говоря, чтобы он позаботился о себе, подданных, родичах и друзьях, чтобы они не остались беззащитными, так как тиран приказал лишить жизни его и владыку Тлателолько Тлакатеоцина, чтобы не было царей и владык у народов акольуа и мешиков, но чтобы все должно было быть подчинено владычеству его двора и монархии тепанеков, и потому главнейших из них должны были лишить жизни, и что он, как это хорошо видел, не имеет другого средства, кроме как исполнить все в соответствии с тем, кто кем был, и все, что его отец Иштлильшочитль ему приказал, не оставляя беззащитными своих родичей, владык Мешико, и чтобы он им помогал и способствовал во всем, обсуждая всегда свои дела с

его сыном Мотексомой и с его братом Ицкоуатлем. На все это Несауалькойотль ответил, что так и сделает, и исполнит то, что ему приказал его отец, и просил он, и вскоре тот испустил дух, и Несауалькойоцин с некоторыми знатными людьми и родственниками-мешиками запеленали его и похоронили с большой поспешностью, так как другого не позволяли тепанеки[629].

Это случилось в день десятый Шочитль, который является десятым в их неделе, в восьмой день месяца Уэйтекуильуитль [Hueytecuhylhuitl][630], что в соответствии с нашим счетом было 23 июля года 1427, и Несауалькойотль тотчас отправился в полной тайне в Тешкоко, и в тот же день послал одного благородного из Теночтитлана рассказать Тлакатеоцину, как умер Чимальпопока, и о чем приказал Маштла, отчего Тлакатеоцин пришел в негодование, так как узнал, что в эту ночь и он должен умереть; и потому сказал посланцу, что хотел бы пойти в Тешкоко с Несауалькойотлем, своим племянником. Не было недостатка в тех, кто слышал это, и один из его собственных подчиненных отправился рассказать об этом Маштле.

Тлакатеоцин взял все свои сокровища и на одном большом каноэ со множеством весел отправился в Тешкоко, но отплыл уже поздно, так как тепанеки вышли на многих каноэ, следуя по приказу тирана, чтобы, где бы ни настигли его на озере, убить и утопить в самом глубоком его месте. Таким образом погибли оба мешикских царя, Тлакатеоцин и Чимальпопока, согласно “Подлинной истории”. Дон Альфонсо Ашайяка рассказывает об этом чуть по иному, хотя в целом то же самое[631].

---

[629] Источники содержат разноречивые версии смерти Чимальпопоки. Сведения, близкие изложению Иштлильшочитля, содержатся в «Анналах Куаутитлана», согласно которым посланцы Маштлы затолкали Чимальпопоку в клетку для преступников и, проморив несколько дней голодом, удушили.

Свидетельства «ацтекской группы» (Альварадо Тецоцомок, Д. Дуран, «Кодекс Рамиреса») замалчивают участие Чимальпопоки в заговоре против Маштлы (что, в общем-то, оправдывало его казнь), равно как и его заключение в клетку (унизительное для правителя Теночтитлана), а вместо этого сообщают, что посланные из Аскапоцалько убийцы тайно проникли во дворец Чимальпопоки, умертвили его вместе с сыном Теоктлетеуаком [Teuctletehuac] и незамеченными вернулись восвояси.

«История мексиканцев по их рисункам» сообщает: «В год 105 со дня основания Мешико умер Тецосомок, правитель Эскапоцалько, и поскольку Маштлато(н) был правителем Койоакана при жизни своего отца, а его отец тогда умер, он прибыл властвовать в Эскапоцалько; и он отдал приказ, чтобы началось повсеместное выступление против мешиков, и когда Чимальпопокаци [Chimalpupacatzi] увидел, что в стране бушует мятеж, он убил себя, и мешики избрали правителем одного из его братьев по имени Ицкоаци [Yzcuatzi]» (История мексиканцев по их рисункам. — С.634.).

О самоубийстве Чимальпопоки говорит также Торкемада: «И в этой клетке содержали схваченного и павшего духом Чимальпопоку, давая ему есть по чуть-чуть; и, видя себя в таком положении, и зная, что его должны будут извлечь оттуда, чтобы причинить жестокую и неотвратимую смерть, он решил убить себя; и так повесился в тюрьме, где находился, считая лучшей смертью ту, которую мог причинить себе собственными руками, чем та, какую принял бы от своих врагов» (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — P. 177.).

Наконец, достаточно неожиданную версию приводит Чимальпаин: по его сведениям убийство Чимальпопоки организовал вождь враждебной тепанекам партии Ицкоатль, увидевший, что запуганный тлатоани готов безропотно подчиняться Маштле. Это известие считают достоверным Н. Дейвис и Дж.Раундс (Davies, Nygel. The Aztecs. A History. — London: 1973. — P. 61; Rounds J. The Role of the Tecuhtli in Ancient Aztec Society // Ethnohistory: Vol. 24, No. 4, 1977. — P. 369.).

[630] День 10-Шочитль года 13-Акатль соответствует 1 октября 1527 г., 8 число месяца Уэй-Текуильуитль — 4 августа того же года.

[631] «История мексиканцев по их рисункам» повествует, что «когда Тлакатеольти [Tlacateulti], правитель Тотилолько увидел, какое огромное войско собрано у правителя Аскапоцалько, он бежал от него,

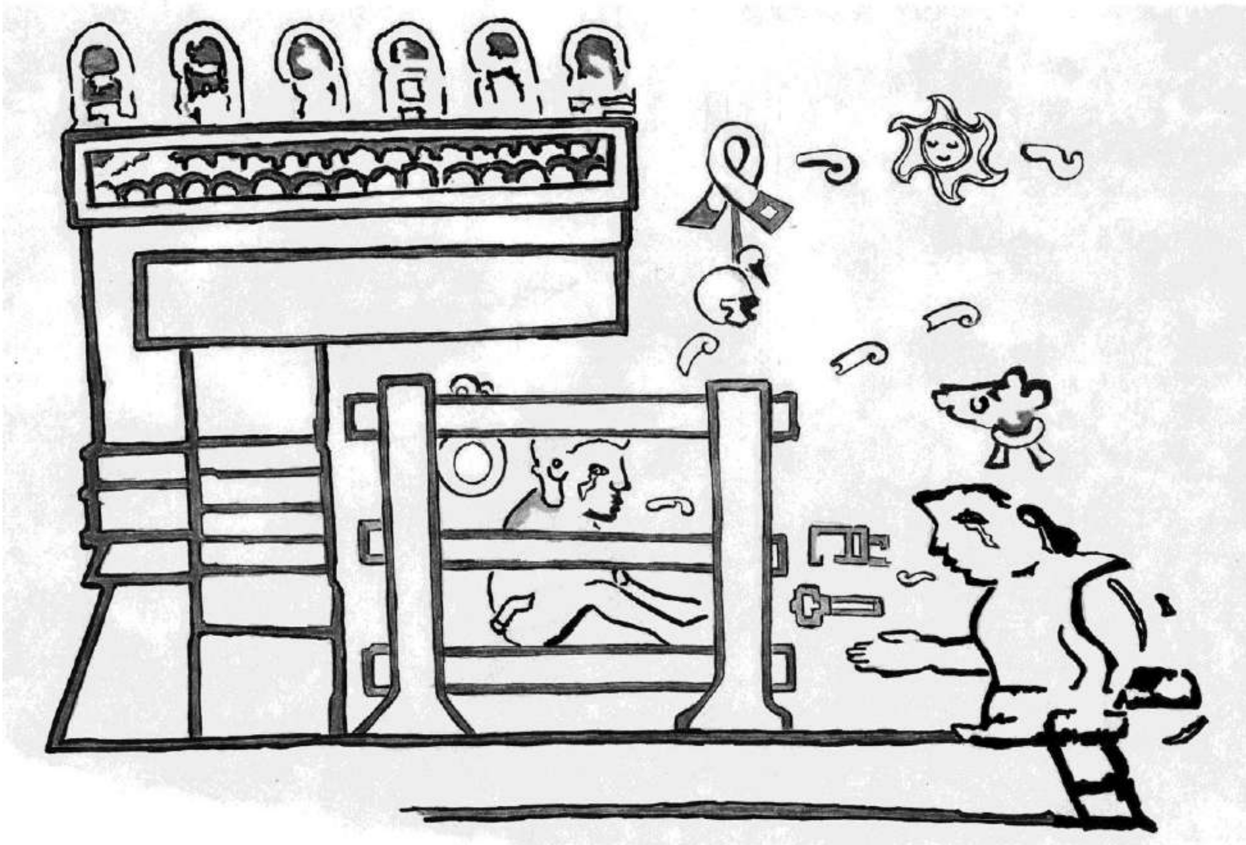


Рисунок 103. Несауалькойотль посещает заключенного Чимальпопоку. «Кодекс Шолотль», стр. 17 (8).

Маштла очень обрадовался всему, и у него уже не оставалось другой заботы, кроме как убить законного наследника, в ожидании чего он находился в Аскапоцалько, так как ранее об этом приказал. Несауалькойотль прибыл в Тешкоко в тот же день, уже поздно вечером, и переговорил со своими предсказателями, спрашивая их мнение, и что ему следует делать, потому что тиран приказал ему вернуться в Аскапоцалько, прежде чем идти в Тешкоко. Его предсказатели ответили, что обнаружили в его знаке, что он трижды, если изловчится, должен будет ускользнуть от своих врагов, а если нет, то должен будет погибнуть[632] в один из трех раз, и что уже настало время, и чтобы он отправлялся и пришел повидать тирана в определенные часы, которые отмечены как благоприятные для него; и так он возвратился на следующий день, который был четвертым в их неделе, называвшийся одиннадцать Сипактли [Zipactli], и уже поздно, и пробыл в пути по озеру всю ночь, и был на рассвете двенадцатого дня, называвшегося Матлактлиомоме Ээкатль [matlactli omome Ehecatl][633], в Аскапоцалько, куда принес некоторые дары для царя Маштлы и царицы, его супруги, которую звали Тласиуатепанцин [Tlazihuatepantzin], и привел вместе с собой кое-каких

но не преуспел в этом, так как был пойман у источника Шальтока(н) [Saltoca], и там они убили его, и это случилось потому, что прежде, когда тот еще (не) был владыкой Аскапоцалько, правитель Тотило(ль)ко совратил его жену, и по этой причине пленника приказали умертвить» (История мексиканцев по их рисункам. — С.634.).

[632] Букв. «уснуть», «dormir»

[633] День 12-Ээкатль года 13-Акатль соответствовал 3 октября 1427 г.

своих служителей и одного из своих братьев, которого звали Ишуэскатокацин [Ixhuezcatocatzin], которых довел до потаенного места в Тлателолько, и там причалил, и оставил там своих гребцов, и отправился с одним своим братом в Аскапоцалько, неся с собой дары, так, чтобы никто не знал, откуда он пришел; и когда прибыл в Аскапоцалько, что произошло ранним утром, сказал людям Маштлы, что он уже там и что желает видеть великого владыку; об этом сообщили тирану, который не пожелал видеть его, и приказал одной своей даме по имени Малинацин [Malinatzin], чтобы она приказала ему расположиться в одном хакале [xacal] в его саду, и приказала военачальникам, чтобы они сторожили его. Дама вышла и, получив подарок, приказала ему расположиться в хакале или строении из соломы, говоря, что великий владыка приказал подождать его и что он уже поднялся. И в ту пору площадь в Аскапоцалько уже была вся усеяна вооруженными людьми, одни — со своими щитами и маканами, а другие — с копьями, а иные со своими луками и стрелами, как если бы Несауалькойоцин попал в лагерь с тьмой тьмущей воинов для большого предприятия. Говорят старые знатные индейцы, что все это приказал сделать Маштла, потому что много раз хотел убить его, и ничего не мог с ним поделать, потому что тот был очень решительным и дерзким, и его считали человеком непобедимым или заколдованным, и потому многие старые местные уроженцы говорили, что Несауалькойотль происходил от главных богов мира, и так его считали бессмертным, и не ошибались в том, что говорили, будто он происходит от их богов, ибо Тескатлипока и Уицилопочтли, являвшиеся главными в этой земле, были его предками, владыками, которых за их подвиги стали почитать такими, как среди языческих римлян, греков и других народов делали то же самое. Несауалькойотль, увидев, что уже нет |других| средств, проломил с одной стороны хакаль, что, так как его стены были из тростника, спасло ему жизнь; и перед тем, как уйти, приказал своему брату, что если будут спрашивать о нем, сказал бы, что он вышел по нужде, и чтобы дожидался его в Тлателолько; и когда он вышел оттуда и вновь оказался там, где находился прежде, отправился в Тлателолько, и еще не совсем вышел |из Аскапоцалько|, когда пришли тепанеки убить его, и так как его не обнаружили, спросили о нем брата, и тот ответил, что он вышел по нужде, и тогда они повелели этому царевичу, чтобы он позвал его, потому что его желает видеть великий владыка, и так как тот не ожидал другого, отправился среди засеянных полей, чтобы нагнать своего брата в том месте, где тот сказал его ждать. В то время за Несауалькойотлем шли некоторые старшие воины, из тех, кто находился на площади, и когда они заметили его, он побежал, и на бегу он время от времени поворачивал к ним лицо, говоря, что должен был бы сжечь их огнем своего оружия или потопить в водах моря их, и тирана, их владыку, а они — вслед за ним, призывавшим напасть на него. Никто не отваживался, а от того, кто попытался напасть на него, он увернулся, пока эти старшие воины, уставшие от преследования, не потеряли его из виду, и когда он уже шел возле Тлателолько, его нагнал его брат и сказал ему о смятении, случившемся в городе Аскапоцалько.

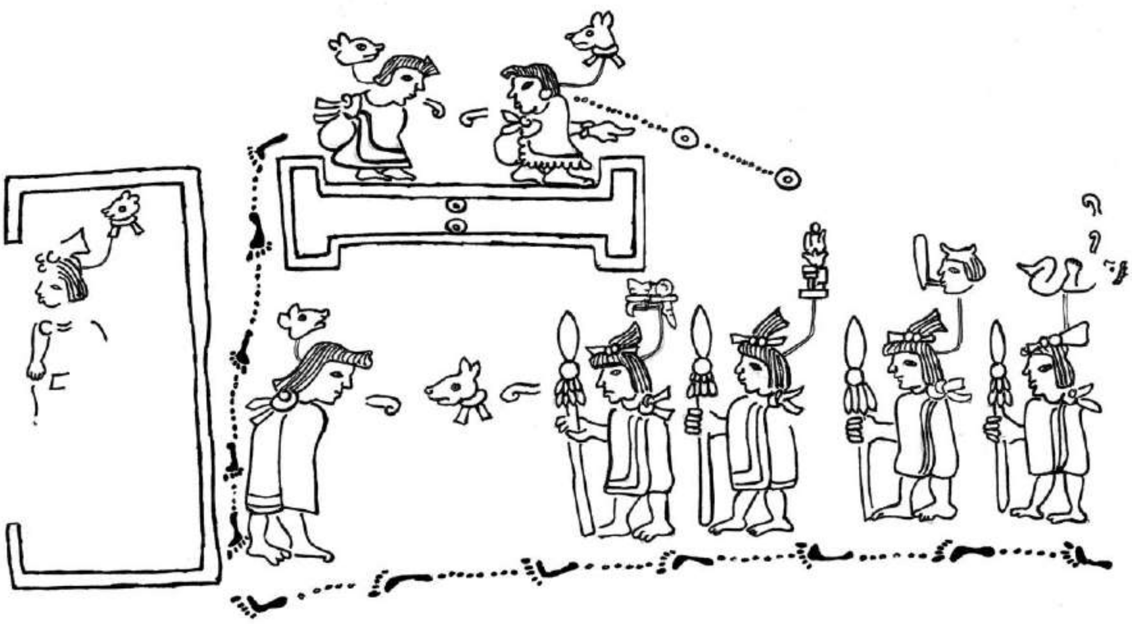


Рисунок 104. Несауалькойотль принимает посланцев Маштлы. «Кодекс Шолотль», стр. 18 (9).

Несауалькойотль сказал своему брату, чтобы тот зашел в дом одного знатного человека, управителя тирана, и попросил чего-нибудь поесть, и чтобы не заговаривал, пока заходил туда, но только после того, как оказался бы в дверях кухни, выходящей на улицу, чтобы его не увидел никто из слуг, так как ему нужно было пройти там, но прежде тот должен был оказаться в дверях. И во время разговора, который завел его брат, выпрашивая еду, Несауалькойотль прошел и направился туда, где находились его гребцы, и тут же его нагнал его брат, и они отплыли и в тот же час направились в Тешкоко. Тепанеки рассыпались повсюду, чтобы схватить его, так как Маштла, их владыка, был очень разгневан оттого, что они не схватили и не убили его; но он не стал требовать от них, чтобы они пошли по озеру, так как, согласно обычаю и обыкновению в этой земле днем нельзя передвигаться по озеру, ибо имеется большая опасность для каноэ из-за налетающих вихрей, и так они не пошли по нему, а Несауалькойотль со всей быстротой прибыл в Тешкоко в тот же самый день. Маштла в Аскапоцалько приказал собрать большое и могущественное войско для Тешкоко, послав четырех очень доблестных военачальников, из которых командующего ими звали Шочикалькатль [Xochicalcatl], а из трех других одного — Уэуэтлильпик [Huehuetlilpic], а другого — Тлатольписак [Tlatolpizac], и еще одного — Иштлауэуэкиштли [Ixtlahuehuequixtli] с приказом, чтобы мертвым или живым они доставили Несауалькойотля, и чтобы по всем путям, дорогам, тропинкам и местностям спряталось бы войско, для того чтобы, если он ускользнет из их рук, спрятавшиеся могли бы его схватить и убить.

Важнейшие сочинители, и, в частности, Дон Алонсо Ашайака, говорят, что в ту пору там присутствовал один человек, уроженец Коуатепека,

который ранее пришел для несения личной службы, и он услышал то, о чем распорядился Маштла, и как он приказал собрать войско, и что оно на другой день отправилось убить Несауалькойотля (о чем он услышал), и он покинул город Аскапоцалько и помчался предупредить владыку своей страны и других благородных, и проявил такую замечательную быстроту, что прибыл спозаранку в Коуатепек и рассказал все дело тамошнему владыке и остальным благородным, а того звали Томиуацин [Tomihuatzin], и когда он услышал это, собрал всех благородных, и значительных людей, и некоторых военачальников, чтобы идти в Тешкоко и предупредить Несауалькойотля, законного наследника всей земли, и также с намерением, если будет возможно, помочь ему оружием и помешать войску, которое Маштла отправил для убийства Несауалькойотля. Итак, Томиуацин вышел со всеми этими людьми в ту ночь, так, что находившиеся в их земле тепанеки не заметили, и отправился к Тешкоко, и по пути прошел через Коуатличан и Уэшотлу, откуда вышли многие другие благородные и владыки, и отправились в Тешкоко с тем же самым намерением, и чтобы посмотреть, что произойдет с их законным владыкой, прикрываясь тем, что идут играть в мяч в Тешкоко; и когда все собрались, почти на рассвете, в городе Тешкоко с другими владыками селений, и горожанами, и жителями соседних с городом Тешкоко селений, они предупредили Несауалькойоцина, ободряя его и высказывая свое мнение о том, что должно делать; и тот сказал всем, что он хотел бы выступить против них, ведь все его подданные, которые остались верными, находились там, готовые к тому, что он пожелал бы приказать, и чтобы (в один желанный миг) сбросить столь тяжкое иго, которое они несли, кроме того, начни он делать это, все его родичи, люди из Тлашкалы и Уэшоцинко, и других мест, прислали бы ему поддержку, и что ведь он уже ускользал столько раз из рук своих врагов, особенно в последний раз с большим везением, и что он надеется на Тлокенауаке [Tloquenahuaque], что выступит с победой. На это поднялся Куаутлеуаницин [Cuauhtlehuanitzin], его брат и великий полководец, и ответил ему, говоря, что это время было неподходяще, потому что было очень велико войско, пришедшее от их неприятелей, и очень хорошо снаряжено, помимо того, что внутри своих собственных домов они имели неприятелей из сторонников тирана, и что лучше было бы исчезнуть и отправиться в Тлашкалу. Несауалькойоцин сказал, что это было бы неподобающим, но что он хотел бы дождаться своих неприятелей и принять их с миром, и так как они уже готовы убить его, он смог бы найти способ ускользнуть, ведь он же сделал это в других случаях. Все вновь принялись просить его, чтобы он ушел из города, раз он не захотел выступить против них, чтобы не случилось с ним противоположное тому, что он задумал, ведь если бы он погиб, не имея законного наследника, на нем закончилась бы держава чичимеков. Несауалькойотль, однако, не захотел сделать так; и нарочно все владыки находились в тот день с ним, играя в мяч на площади перед его дворцами в Силане; и, увидев, что для неприятелей уже настал час, когда они подходили близко, согласно лазутчикам, пришедшим предупредить его, позвал двоих своих служителей, благородных

и очень верных подданных, из которых одного звали Койоуищцин [Coyohuixtzin], а другого Текомитль [Tecomitl]. Койоуацину он сказал, чтобы тот не удалялся от него, но чтобы всегда находился рядом, чтобы помочь в том, что оказалось бы необходимым, а другому, чтобы тот был позади зала, оставаясь незаметным, и проделал отверстие в стене, через которое мог бы пройти человек, в том самом месте, где находились его престол и местонахождение, сделав его таким образом, чтобы оно было не видным и незаметным; и тот благородный сделал так со всей тщательностью, так что никто ничего не заподозрил.

В качестве правителя Тешкоко тираном был сделан Тильмацин, побочный брат Несауалькойотля и его |Маштлы| племянник, который в то утро прибыл в Тешкоко, чтобы тирану было легче сделать свое дело. Все приняли его очень хорошо, и Несауалькойотль притворился, что обрадовался ему, и они в этот день вдвоем сыграли в мяч, и они играли в тот самый миг, когда с шумом ввалилась орава его неприятелей. Несауалькойоцин приказал Койоуацину, своему служителю, вместе с прочими благородными, пойти принять их, а Несауалькойотль вошел внутрь своих дворцов и у двери царского зала поджидал неприятелей, которые, перед тем, как прийти, распределились по всему городу, каждый в той стороне, в которой договорились поджидать Несауалькойотля. Командующий Шочикалькатль вместе с остальными тремя военачальниками и некоторыми самыми доблестными воинами направился во дворец, поблизости от которого навстречу им вышел Койоуацин и сказал им, что просит их добро пожаловать, и чего бы они пожелали. Они ответили, что пришли сыграть с Несауалькойотлем. Койоуацин сказал им, чтобы они входили внутрь, что там находится Несауалькойотль, ожидая их, чтобы они отдохнули, что для всего свое время, и так они вошли во дворец, и к дверям зала встретить их вышел Несауалькойотль, и, поприветствовав их, пригласил разместиться в другом зале, смежном с тем, где находился он. Тильмацин, игравший в то время с Несауалькойотлем, как особа, очень хорошо знавшая, что должно было произойти дальше, ни с кем не попрощавшись, отправился в свои дворцы, находившиеся в одном из кварталов Тешкоко, который назывался Чимальпан, и все владыки соседних городов, и знать, и простолюдины, все находились там с большим вниманием, ожидая конца этого дела, и убьют ли их природного владыку. Ясно из того, что содержится в “Подлинной истории”, и что рассказывают старые знатные индейцы, что если бы Несауалькойотль не спасся бы тем способом, который следует дальше, пришел бы в смятение весь город, и это стоило бы многих жизней с обеих сторон, как верных подданных, так и неприятелей-изменников.

В том же году Тринадцатый Акатль и в нашем 1427, 7 числа месяца июля, в день, который они называют Се-Куэспалин [ce cuezpalin][634],

[634] День 1-Кецпаллин года 13-Акатль — 5 октября 1427 г. Обращает на себя внимание чрезвычайно стремительное развертывание событий (1 октября — похороны Чимальпопоки, 2–3 октября — посещение Аскапоцалько и бегство оттуда, 5 октября — бегство Несауалькойотля из Тескоко); возможно,

являющийся первым в их неделе, на 12-й день их месяца, называемого Уэйтекуильуицинтли [Hueytecuylhuitzintli], что означает месяц праздника древних царей, и благородных, и важных особ (которые, как уже сказано, устраивали развлечения, если таковой наступал), и дабы все произошло для пользы и свободы Несауалькойоцина, и его отчизны, и близких, как прежде сказано, владыки все вместе играли в мяч, что было уместно, ибо это было время, когда царевич обрел бы свободу, и момент, посвященный этой цели; итак, Несауалькойоцин указал командующему и прочим военачальникам, которые пришли убить его, чтобы они разместились в упомянутом выше зале. Он лично вручил им букеты и трубки [poquietes], которые представляют собой тростинки, наполненные горящим ликидамбаром, которые много используют во всякое время владыки этой земли, считая их подарком.

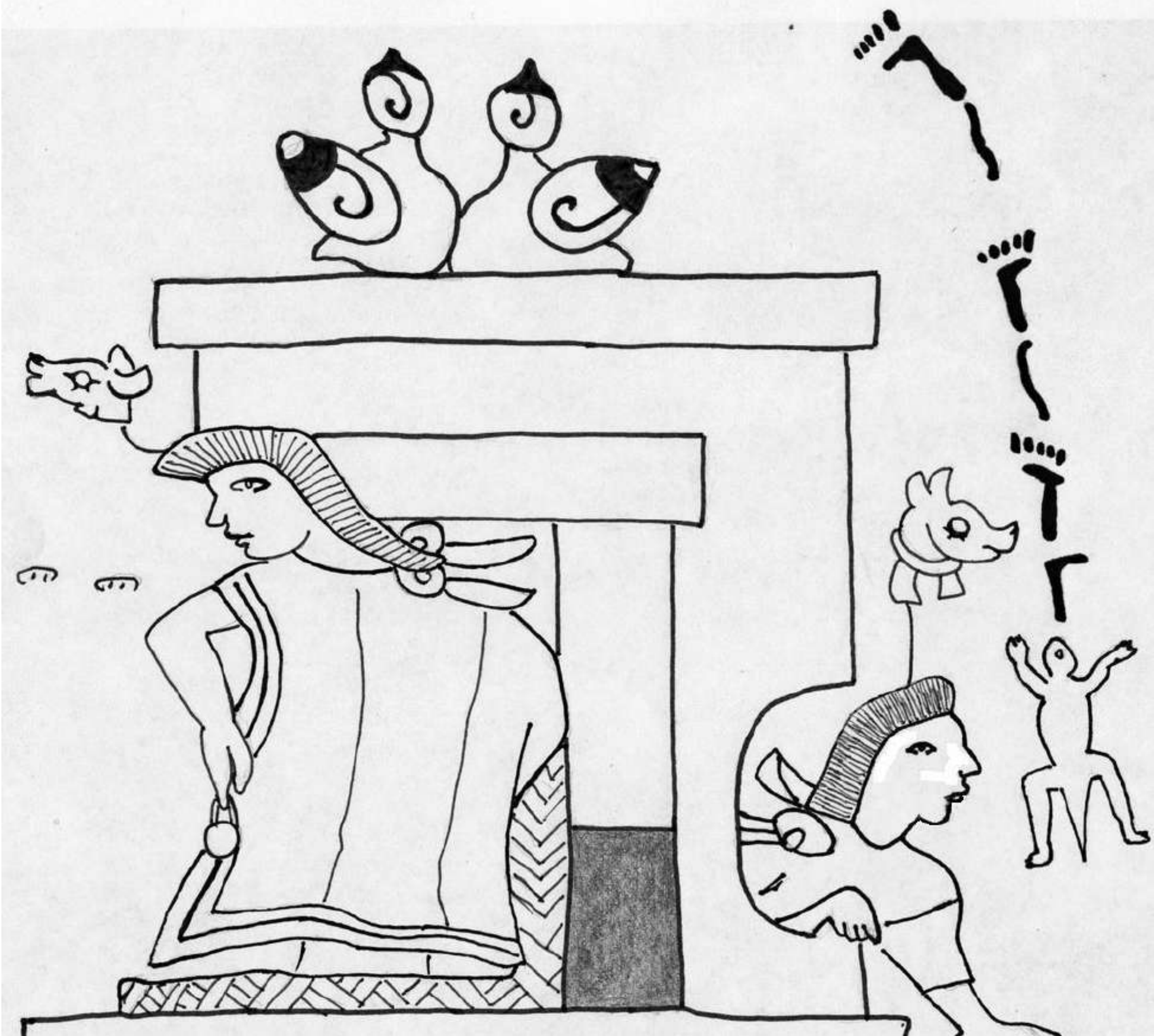


Рисунок 105. Несауалькойотль покидает дворец через пролом в стене. «Кодекс Шолотль», стр. 18 (9).

Иштлильшочитль (или его источник) не вполне правильно интерпретировали даты первичного пиктографического текста.

Пока готовили пищу, и он вместе с другим благородным, своим наставником по имени Семацин [Ze Matzin] вручал им эти подарки, отправился в его зал и, пока им разносили угощения, и они ели, вошел благородный Койоуацин, внимательно следивший, ожидая случая, чтобы исполнить то, что приказал ему его владыка, и когда он вошел, бросил в курильницу воскурения и копал, ибо было обычаем и обыкновением там, где находились цари и владыки, чтобы всякий раз, когда входили их служители, с большим почтением и поклонами, бросали воскурения в курильницу, которых обычно было две в каждом зале, одна по правую руку, а другая по левую от престолов, и так как от этого благовония в зале стало чуть сумеречно, и тут же этот благородный стал в дверях зала и развернул плащ, делая вид, что чистит его или убирает какую-то имевшуюся на нем нитку[635] [cierta ylacia], Несауалькойотль в это время вышел через пролом, который другой благородный, как я уже сообщил, ранее проделал, опять поставив сидение, как оно и стояло. Когда Несауалькойотль вышел из зала, он со всей поспешностью покинул дворцы через потайную дверь, которая была скрыта, и там некоторые служители, ожидавшие его, дали ему как можно быстрее кое-какое защитное вооружение и одежду, отличную от той, какую он носил, и он отправился прямиком в дома одного благородного по имени Тосмацин [Tozmatzin], находившиеся почти у городской стены, не отваживаясь пройти дальше, поскольку распознал своих неприятелей, находившихся неподалеку оттуда.

Благородный, увидев своего владыку, утешил его и не нашел другого средства укрыть его, как поместить его в одном помещении под множеством истля [Iztl], пряжи магея, в котором находилась его жена по имени Матласиуацин [Matlazihuatzin], с другими своими служанками, занимаясь ткачеством множества плащей из хенекена или магея. В то время враги (которых Несауалькойотль оставил пировавшими в своем дворце) уже вошли в его помещение, чтобы убить его, и так как не нашли его, обратились ко всем его людям, чтобы те отправились и где бы его ни увидели, убили его, и мимоходом чуть не убили Койоуацина, которого встретили в зале, и когда спросили его о Несауалькойотле, он ответил им, говоря, что не знает о нем, что он находился напротив них, как они сами очень хорошо видели, и что поэтому незачем спрашивать его о том, и когда они захотели убить его, ответил им снова: «Немного вы выиграете или потеряете, убив меня, и не от этого должно погибнуть владычество и столь древняя держава Тешкоко, и не перестанет продолжаться война; делайте со мной, что хотите». Смелость его была очень велика в таких обстоятельствах, и |смелым был| ответ тиранам на их бесстыдство и непочтительность, но, не придав значения тому, что он им говорил, с большой злобой и заботой о том, чтобы убить Несауалькойотля, они отправились вглубь дворцов с большой поспешностью, и старательно разыскивали того, оставив благородного Куауацина, и он, увидев неприятелей занятыми, ушел и укрыл себя от опасности.

---

[635] Описка переписчика: *ylacia* вместо *ylacha.*

По всему войску пробежал крик, что Несауалькойотль скрылся, и всякий занялся его поисками в разных сторонах, и некоторые военачальники, которые видели его входившим в дом того благородного, вошли туда и стали спрашивать о нем, и все отвечали, что не знают о нем, и, обыскав весь дом, но, не обнаружив его, стали унижать благородного и его жену, оскорбляя их словом и действием, и некоторых ранили, отчего служанки умерли, и когда они избивали некоторых слуг, чтобы те донесли, они оказались настолько преданными, что более служанок желали быть избитыми и умереть, нежели выдать своего природного владыку. С этим враги ушли и отправились в другую сторону на его поиски.

Когда Несауалькойоцин увидел, что больше никто не появляется, ушел из этого дома до того, как случилось бы что-либо еще, и направился к полям Тескоцинко, продвигаясь все время по полям, и он шел по дороге, чтобы встретиться с одним своим слугой, по имени Уицильтецин [Huitziltetzin], которому он приказал отправиться в Остотикпак [Oztoticpac], квартал в городе Тешкоко, и переговорить с одним старым благородным мужем, своим советником, в полной тайне, и сказал тому, что этой ночью он будет ждать в Тескоцинко его и других своих служителей, чтобы обсудить с ними некоторые дела, какие подобает, и получить от них совет.

Рисунок 106. Коскатеоцин прячет Несауалькойотля под пучками шалфея. «Кодекс Шолотль», стр. 18 (9).

Затем он пошел среди посевов и, повернувшись, увидел, что идет большое число его неприятелей, находящихся позади него, хотя они и не видели его из-за густых зарослей маиса. Не имея другого средства, он пошел в одно место неподалеку оттуда, где находился некий человек со своей женой, собиравшие шалфей[636] [chian], которых звали, мужчину —

[636] Чиа белая, или Шалфей испанский (лат. Salvia hispanica) — растение семейства Яснотковые, вид рода Шалфей (Саагун Б. де., Куприенко С. А. Общая история о делах Новой Испании. Книги X-XI:

Чичимольцин [Chichimoltzin], а женщину — Коскатеоцин [Cozcateotzin], и те, увидев своего владыку, который приближался, спасаясь от врагов, тайно, насколько могли, и так, чтобы враги этого не заметили, набросали поверх него много пучков этого злака шалфея, собранного ими, чтобы он был незаметен, и когда пришли враги, сначала спросили о Несауалькойотле женщину, полагая, что, так как она женщина, то, увидев множество людей и оружия, от страха скажет им правду; но та с мужской отвагой, безо всякого волнения сказала им, что они очень хорошо видели, как он пошел по склону вниз, убегая в сторону земель Уэшотлы. Неприятели не стали слушать других соображений, поверив тому, что сказала им женщина, и отправились в ту сторону, которую она и указала, со всей быстротой, надеясь настигнуть Несауалькойотля; а тот, увидев, что неприятели исчезли, отправился к роще Тескоцинко, потому что был уже закат солнца, чтобы ждать там своих служителей и друзей, пообещав этим верным подданным (которые его спрятали), многие милости, если он ускользнет от своих врагов и вернет свои земли и владения.

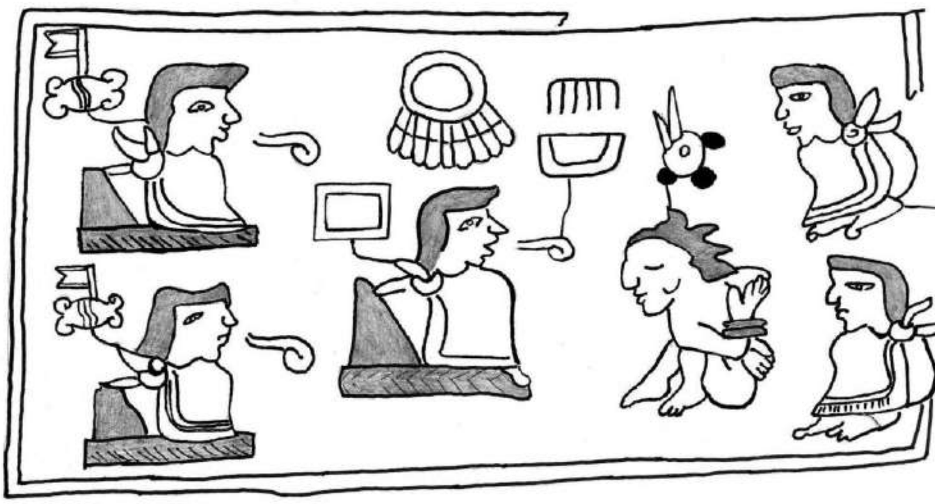


Рисунок 107. Допрос Уицилиуитля тепанеками. «Кодекс Шолотль», стр. 18 (9).

Несауалькойотль находился в самом глухом месте рощи, в которой на днях уже укрывался и был замечен, и даже разъяснял своим верным подданным, что последовало бы, в ожидании своих служителей и друзей, и они пришли уже поздно с добрым стариком, его советником Уицилиуитлем, и пять других благородных, которых звали Шолотль [Xolotl], Митль [Mitl], Уицильтецин [Huitziltezin], это был тот, кто созвал их, Шолотекутли [Xolotecuhtli] и Тлатоль [Tlatol], и после того как они поплакали со своим владыкой, и переговорили, и каждый дал свой совет и высказал мнение, Несауалькойотль приказал, чтобы Уицилиуитль оставался в городе, постоянно давая ему знать через некоторых верных посланцев, о чем

Познания астеков в медицине и ботанике С.151). Шалфей индейцы центральной Мексики использовали в качестве масличного растения и для получения красителя.

распорядился бы тиран и его слуги, предупреждая обо всем; а Шолотекутли чтобы до того, как рассветет, отправился бы в Чалько и переговорил бы с Сиуатеоцином [Zihuateotzin], царем всей той области, который в других случаях уже обещал ему помощь и поддержку, и сообщил бы ему о том, что он сам пошел в Тлашкалу и обо всем с ним случившемся, и к другим владыкам, ему подчиненным, сообщив им обо всем и попросив, чтобы они помогли ему, и чтобы они нагнали его и дали ему отчет обо всем со всей быстротой; а Тлатольцин [Tlatoltzin] чтобы отправился в Уэшотлу и переговорил с Коуатлилацином [Cohuatlitlatzin], тамошним владыкой, для того, чтобы тот подготовился, и чтобы сообщить ему обо всем, что случилось, и чтобы то же самое сделал по отношению к Мотолиниацину [Motoliniatzin], владыке, который был в то время в местности Коуатличан, предупредив и подготовив его к тому же самому, и, сделав ни больше, ни меньше, чтобы со всей поспешностью вернулись дать ему ответ, где они только смогли бы его застать; а Митль чтобы позаботился о том, чтобы постоянно снабжать его пищей по всему пути, и охранять, особенно если в какой-нибудь пустынной стороне ему удастся поспать, или придется прятаться от врагов. А двое других, Шолотекутли [Xolotecuhtli] и Уицисильтецин [Huitziziltetzin] чтобы пошли перед ним, высматривая его врагов и сообщая о местах, где он мог бы переспать или отдохнуть, с тем, чтобы были обеспечены все предосторожности, и если была бы необходимость, спать в определенных пустынных местностях, и чтобы всегда приводили с собой некоторых верных крестьян, чтобы те делали хижины, в которых можно было бы найти пристанище, и чтобы собирали хворост для просушки их одежды, если бы она намокла под дождем, потому что в ту пору сильно лило, и чтобы один из них всегда шел впереди, а другой время от времени оставался бы позади. После этих продуманных распоряжений и решений Несауалькойоцина они немного переспали, потому что была уже почти полночь, и перед рассветом отправились каждый в сторону, указанную им Несауалькойотлем.

Когда уже рассвело, что было в день Оме-Коуатль [ome cohuatl], второй в их неделе, он пошел прямиком в одно место, которое называется Матлаометепек [Matlaometepec], и там находился один благородный по имени Теишпанцин [Teyxpantzin], и когда он увидел своего владыку таким уставшим и умирающим от голода, задержал его на миг, и дал ему всякие лакомства, какие смог, и утешил его, и пообещал вместе со всеми людьми из этой местности помогать ему, когда бы он вернулся и стал возвращать свои царства. Затем он прошел дальше и прошел через Сакашочиллан [Zacaxuchilan], где к нему вышел один тамошний житель по имени Толека [Toleca] с кое-какой легкой закуской и подарками, высказав те же самые любезности. Из Сакашочиллана он пошел в Пинолько [Pinolco], там, где сейчас Куакошо [Quacoxo], чтобы провести ночь в этом месте, где жил один благородный управитель, придерживавшийся стороны его отца, из народа отомитов [Otomite], который, получив известие о том, что Несауалькойотль

идет переспать ночью в его селении, собрал всех знатных и заслуженных людей этого селения и в подходящий момент вышел встретить его, и одарил его, и утешил всем, чем смог.

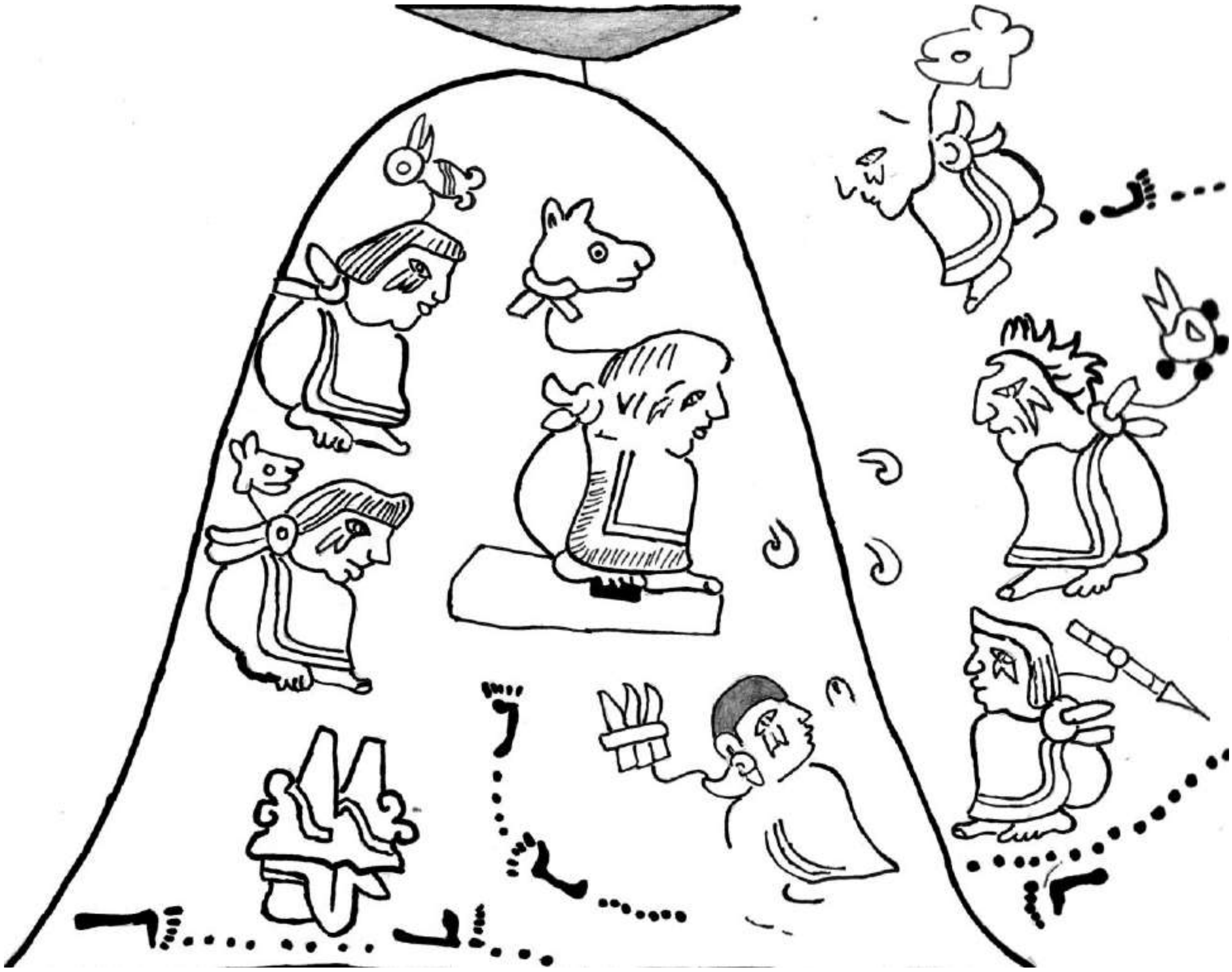


Рисунок 108. Несауалькойотль встречается со сторонниками в роще Тескоцинко. «Кодекс Шолотль», стр. 18 (9).

На этот раз уже и тепанеки получили известие о том, что Несауалькойотль шел в это селение, и потому все, кто смог собраться, пошли туда, чтобы убить или захватить его, а все |тамошние| находились вместе внутри селения, как знать, так и простолюдины, и случилось так, что неприятели окружили его. Они вошли с разных сторон селения, для того, чтобы, если бы Несауалькойотль захотел спрятаться (при помощи одной из своих хитростей), как он обычно это делал, захватили бы его всяким способом; и когда этот благородный увидел, что нет возможности для чего-либо другого, спрятал своего владыку под большим барабаном, или музыкальным инструментом, с которым они пляшут и поют, называемым Уэуэтль [Huehuetl], и приказал всем людям из своего селения, чтобы они все изображали из себя танцующих, и вооружились для того, чтобы, когда враги вошли бы, и он сделал определенный знак, набросились на них, убивая всех, кого смогут; но они не успели как следует подготовиться, когда ворвалась беспорядочная толпа тепанеков, все вооруженные, и когда они спросили этого благородного, как самого главного в селении, бывшего его правителем,

говоря ему, видел ли он перед тем Несауалькойотля, тот ответил, что они должно быть некие грабители и рассказывают какие-то отговорки, ведь так как Несауалькойотль — столь великий владыка, он не должен находиться в таком захолустном месте, но в больших и многолюдных городах. Неприятели принялись возражать, но он не захотел их слушать, но стал звать против них: «Грабители! Грабители!», — и убили стольких, скольких смогли, а тепанеки, которые смогли спастись, обратились в бегство. Столь великой решительностью этот благородный спас Несауалькойотля, и тот оказал ему в дальнейшем многие милости, дав большое число селений ему и его потомкам, не считая многих других преимуществ, и среди всего прочего женил его на одной очень знатной госпоже, происходившей из царского дома Тешкоко; а в ту ночь по общему решению Несуалькойотль спал не внутри селения, но на соседнем холме, в хижине бедного дровосека.

Рисунок 109. Несауалькойотль встречается с полководцем чальков. «Кодекс Шолотль», стр. 18 (9).

На другой день, которым был Йей-Микистли[637], третий день их недели, еще до рассвета он ушел оттуда и отправился по своим делам, пока не пришел в некие горы, где рождался ручеек, в которых встретился с одним благородным по имени Тесаутлапан [Tezauhtlapan], сообщившим ему о том,

[637] День 3-Микиштли года 13-Акатль — 7 октября 1427 г.

что происходило, и что делали тепанеки. Несауалькойотль вел с собой в то время многих знатных людей, сопровождавших его, но они не шли все вместе, а по одному, из страха перед врагами, особенно, что если бы те узнали, что многие из них идут группами, и увидели бы, что их мало, то, если бы смогли схватить их, убили бы, особенно ночью, когда узнали бы, что они вышли; и затем они прошли вперед и прибыли в Тлатлапаналойан [Tlatlapanaloyan], и там некоторые владычицы приняли Несауалькойотля и одарили его. В это время прибыл один благородный по имени Течольцин [Techoltzin], чтобы дать отчет обо всем, что происходило в городе. Оттуда Несауалькойотль отправился к Уилотепеку, и на этой дороге случилось то, о чем говорит Дон Алонсо о тепанеках, которые спрашивали юношу, а он переспал этой ночью на вершине горы Уилотепек [Huilotepec], и увидел в направлении Уэшоцинко тьму, а в направлении Тепеполько [Tepepulco] — постоянный свет. Они шли вместе с Цонтекошальцином [Tzontecoxaltzin] и Окоуацином [Ocohuatzin], и на равнинах внизу он поел, и еду ему принес Митль, и в горах Тепеуа, возле Куаутепека [Cuautepec], он переспал, и там поужинал, и был одарен горцами. На следующий день он прошел в Коатепек [Coatepec], и там в ту же ночь к нему пришли повидаться уэшоцинки от имени их владыки, чтобы предложить ему свою помощь, и устроили для него в эту ночь многие празднества и одарили его. На другой день он прошел к Тлашкалану [Tlaxcalan] и там возле города в местности, называемой Тлальнепанолько [Tlalnepanolco] вышли принять его тлашкальтеки, и один владыка по имени Иштлоцин [Ixtlotzin], великий полководец, пришедший от имени владык Тлашкалана. Он переспал там и получил подарки. Он не вошел в город, так как в поисках его ходило много народа из числа тепанеков. Ему вручили подарки и предложили свою помощь, но сказали, что ему не стоит находиться в городе, и по их распоряжению его отвели в доставляющие наслаждение поля и местности, и там со всей быстротой на утро следующего дня для него соорудили дворцы из хакалей, в которых он пробыл некоторое время. Приходили повидать его многие владыки из Тлашкалы, Уэшоцинко, Шальтокана [Xaltocan], Семпоалана [Zempohualan] и многих других мест. Ночью он отправил Шолотля в Чалько, чтобы он повидался с тамошним владыкой и в конце концов предупредил его, что в день Се-Оллин [ce ollin] должны будут уничтожить всех чальков в Коуатличане, являвшемся одним из двух главных городов и с большим войском; и что первый посланец Шолотекутли [Xolotecuhtli] ранее уже сообщал Несауалькойотлю, как царь Тоситекутли [Tozitecuhtli] дал слово помочь ему, и со всем этим отправил с последним предупреждением Шолотля[638], который сначала должен был узнать мнение старого Тоситекутли [Tozitecuhtli], а тем временем владыка Тепеполько со всей своей областью примкнул к нему со службой поставками продовольствия и всего остального необходимого, его звали Уэуэильпикацин [Huehueilpicatzin]. И когда посланец, пройдя дорогу в Тешкоко, чтобы получить сведения от Уицилиуи, советника Несауалькойотля, и от

[638] В «Истории народа чичимеков» имя этого посланца — Текушолотль.

Куаутлеуаницина [Cuauhtlehuanitzin], его брата, как тот ему приказал, прибыл в Тешкоко, то переговорил сначала с Куаутлеуаницином, и сказал тому, что пойдет в Чалько повидаться с тамошним царем, чтобы предупредить того, и, в конечном счете, это посольство не показалось хорошим Куаутлеуаницину, но, наоборот, он сказал, что никоим образом не подобает повторно идти просить о помощи владыку Чалько из-за некоторых препятствий, которые он находил. Увидев это, посланец пошел к Уицилиуицину, который был очень плох из-за пыток, каким его подвергли, чтобы он выдал своего владыку, и стал спрашивать его совета, нужно ли ему идти в Чалько, куда его послал царевич, его владыка, а тот, прежде чем узнать что-либо еще, попросил его, чтобы он сказал, каким он оставил своего владыку, и чтобы затем он осуществил свое посольство, и он распорядился бы о том, чего следует придерживаться. Он рассказал ему то, что произошло и случилось с его владыкой, и что он в добром здравии, и что его сопровождают многие владыки и полководцы из разных мест, и что у него намерение идти без промедления на тирана и прочих своих врагов, и от всего этого старик очень обрадовался и сказал, чтобы он отправлялся со всей поспешностью, и от его имени переговорил бы с его сестрой, которая была супругой тамошнего царя, чтобы достичь того, о чем царевич, его владыка, его просил, и его зять некогда пообещал. Посланец отправился через горы, чтобы враги его не заметили, и заблудился среди скал, так что в течение некоторого времени не мог найти, где выйти из этой горной теснины, и когда он был там, перед ним появился свирепейший и ужасающий зверь, и сказал ему некие слова, — так что это должен был быть некий демон, а не животное, — что Несауалькойотль подчинит своих неприятелей, хоть и со многими трудами, и тут же другое животное, не такое свирепое как это, дало ему знак следовать за собой, чтобы он шагал там, где оно идет, и так он последовал за ним, и расстался с ним только поблизости от Чалько, где то быстро исчезло в зарослях кустарника, и когда он увидел себя возле города, отправился исполнить свое посольство, и подождал, сможет ли повидать царицу, чтобы сперва переговорить с ней; ее звали[639] Атоскецин [Atozquetzin], и так он отправился в ее сады, где ему сообщили, что она там находится, и там он исполнил все свое посольство и рассказал все, что ее брат послал его сказать; и она со многими слезами, слыша о несчастьях своего брата и царевича, дала ему слово, что сделает так, чтобы царь, ее супруг, исполнил бы свое слово о помощи Несауалькойотлю, и вскоре отправилась сказать ему об этом; и хотя он был другого мнения, приказал собрать на следующий день утром всех своих великих, чтобы выслушать их мнение, хотят ли они помогать Несауалькойотлю или Маштле, и что им больше подходило бы; и для этого приказал, чтобы на площадь, на помост, который он приказал поставить, привели бы посланца, и крепко привязали бы к столбу за руки и за ноги, раздетого, и держали его закрытым занавесью,

[639] Из-за того, что страницы оригинала оказались перепутанными, в копии текст с этого места и до конца 11-го сообщения оказался в начале 10-го сообщения.

и когда они собрались там, приказал глашатаю, чтобы он громким голосом трижды сказал всем владыкам, ему подчиненным, и остальному народу, что, если они хотели бы помочь Несауалькойотлю, то здесь находится его посланец, и если бы они ответили |утвердительно|, он приказывал убрать занавесь, чтобы того все увидели (предупредив их, что если они будут в таком расположении, то будут помогать ему), а если нет, то чтобы посланец был убит после второго объявления. Все громко сказали, что хотят помочь Несауалькойотлю, что это будет правильно и по истинной справедливости, и что они отпустят посланца, и так его отвязали, и вернули ему его одежду, и царь сказал ему, чтобы ко дню 13 Куаутли [13 cuautli] они были у Коаутличана, а на следующий день Се-Оллин[640], напали бы на город и разрушили его. С этим он вернулся в Тешкоко и дал отчет обо всем, что произошло, Уицилиуицину, который ему сказал, что коль он уже сделал большее, пусть сделает и меньшее, что состояло в том, чтобы отправиться в Кальполальпан [Calpulalpan] и дать отчет обо всем своем посольстве царевичу, своему владыке; но тот не захотел, устрашенный несчастьями, которые претерпел, говоря, что достаточно того, что он уже повидал в двух опасных положениях; и что пусть он посылает другого человека, и что он не хотел бы в третий раз оказаться под угрозой; и из-за этого в дальнейшем Несауалькойотль не захотел оказать ему никакой милости, как другим, кто следовал за ним в его скитаниях и трудах.

Когда старик увидел, что не имеет посланца, которого мог бы к нему отправить, то решил сам идти повидаться со своим владыкой, хоть и не имел сил выйти из собственного дома, будучи так изранен пытками предыдущих дней. В то время Несауалькойотль уже покинул Кальполальпан и шел к Тешкоко со многими военачальниками и некоторыми владыками из разных мест, пройдя через Темалакатитлан [Temalacatitlan], Шалькалишисапокан [Xalcalixizapocan] и Ауатепек [Ahuatepec], где его ожидал один из его братьев по имени Тенайокатлоуацин [Tenauyocatlohuatzin] с пропитанием и подарками, что было около полудня, с некоторыми управителями, ожидавшими его там, из разных мест, с тем же самым. Несколькими днями раньше были захвачены двое благородных из тепанеков, выслеживавших Несауалькойоцина, которые пришли с некими людьми, доставившими продовольствие; одного из них звали Ишкуауольцин [Ixcuauholtzin], и его убили, а другого, Течольцина [Techoltzin] привели пленным к акольуа, и в ту же ночь его освободила одна госпожа, выпустив его из тюрьмы; и это стоило той госпоже жизни, потому что она была осуждена на то, чтобы ее проволокли по улицам и разорвали на куски как изменницу, совершившую

[640] В названии дня 13-Куаутли допущена описка: должен быть 13-Коскакуаутли, день, предшествующий 1-Оллин; в году 13-Акатль они приходились соответственно на 17 и 18 октября 1427 г. (юлианские). То, что смерть Тесосомока, гибель Чимальпопоки и бегство Несауалькойотля из Тескоко произошли в один год, подтверждает «История мексиканцев по их рисункам» (История мексиканцев по их рисункам. — С.634.); на бегство Несауалькойотля из Тескоко в год убийства Чимальпопоки указывает также «Кодекс Рамиреса». Однако, кажется маловероятным, чтобы все события от похорон Чимальпопоки до начала войны с тепанеками произошли за 18 дней. Возможно, имеется в виду день 1-Оллин следующего цикла, соответствующий 5 июля 1528 г.

грех государственной измены [crimen legia], хотя бы и по серьезной причине. Тиран Маштла, получив известия обо всех этих событиях от своих соглядатаев, оказал многие милости владыкам и великим Тецкоко, чтобы они не перешли на сторону Несауалькойотля, а многих горожан сделал благородными, и начал готовиться, хоть было уже поздно.

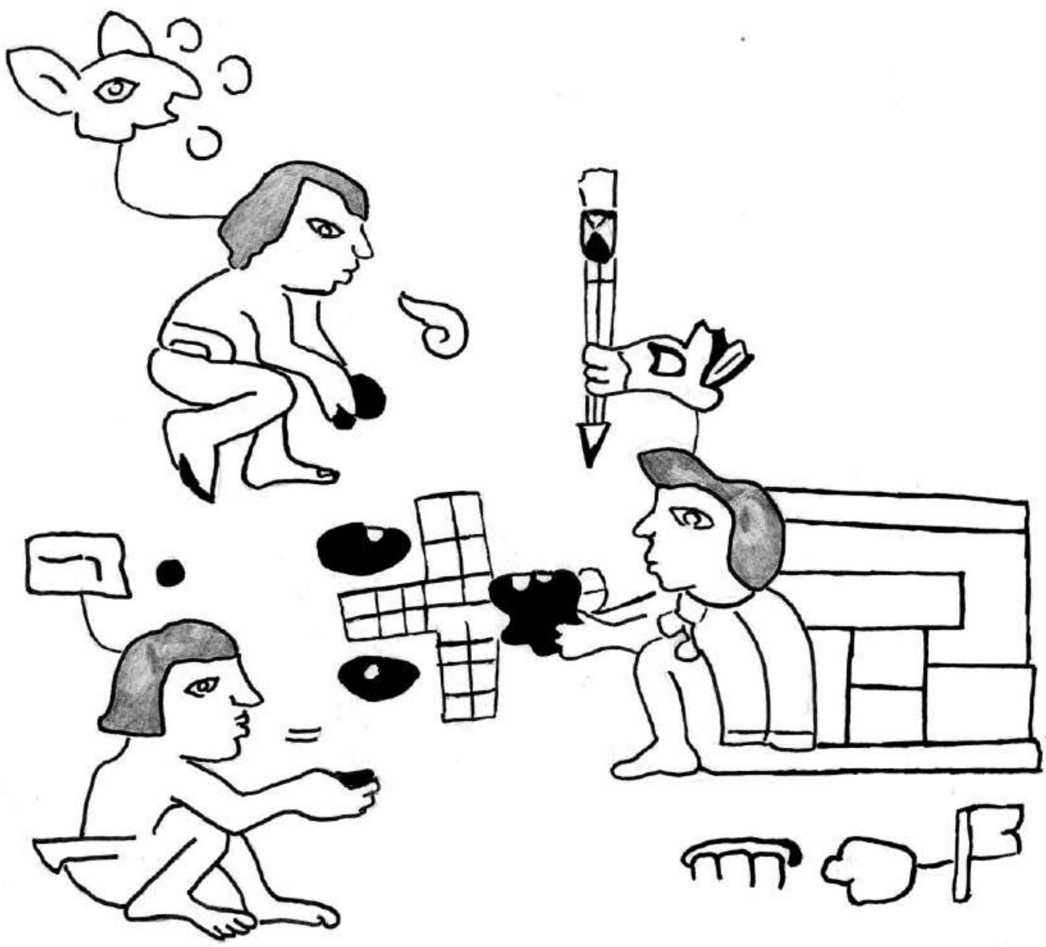


Рисунок 110. Тенкойоцин играет в патолли. «Кодекс Шолотль», стр. 19 (10).

Когда Несауалькойотль вышел из Ауатепека, он прибыл в одно место, называемое Остотликауакайан Нопальтепек [Oztotlicahuacayan Nopaltepec], где находился добрый старик Уицилиуитль, ожидая его, и там он переговорил с ним и высказал ему свое мнение, и со многими другими военачальниками и владыками, о том, что следует делать, хотя уже было договорено, что в день, следующий за Се-Оллин, восточные друзья тлашкальтеки, уэшоцинки и другие народы должны будут явиться со своими войсками в район Акольмана, являвшегося самым сильным укреплением, где было большое число тепанеков, и очень доблестные воины. Во всю эту область и царство должны были идти в качестве полководцев Сенмацин [Cenmatzin] и Тональшочицин [Tonalxochitzin], а чальки со всем своим войском должны были явиться к другому главному городу, Коуатличану, и разорить вместе со всей его областью, и с людьми, которые за ними следовали, взять для себя город Тешкоко. После того как они все это

обсудили, так как уже вечерело, они отправились в Уэшотлу в дом Токацина [Tocatzin], одного очень видного благородного мужа и владыки некоторых селений, и он с еще одним своим братом по имени Куаутлисле [Quauhtlizle] ждали его в своем доме с угощением и подарками, и там они имели определенные помещения, наполненные щитами и маканами, луками и стрелами, и многим другим снаряжением и оружием, которые они там ранее собрали; и потому Несауалькойотль отправился прямо туда, чтобы взять оружие для себя и всех своих людей, и пропитание, достаточное для следующего дня. Он прибыл в дом этих благородных на закате Солнца и был очень хорошо принят и одарен, со многими празднествами и танцами, и вооружился сам, и все его люди, и вскоре они отправились в Остотипак, после того, как потемнело, к самим городским стенам, разместив свое войско возле этого места, и сам он вошел в город вместе с главными людьми, и отправился на ночлег в дом Уицилиуицина [Huitzilihuitzin], который, хоть и был внутри, находился на краю города, как я сказал о том, где он был в Остотипаке; и перед сном он отправил двоих послов, одного по имени Тленамацин [Tlenamatzin], чтобы он отправился выразить благодарность и рассказать о порядке, которого должны были придерживаться чальки, чтобы их войско разместилось возле Коуатличана, а другого, по имени Айапацин [Ayapatzin], чтобы он отправился в Коуатличан и сказал бы правителям, что в ту ночь в полночь начнется битва, и что на рассвете они должны быть уничтожены; и так они отправились и исполнили свои посольства, хотя неприятели некоторым образом уже узнали об этом и стали с большой поспешностью готовиться.

Тиран Маштла двумя или тремя днями ранее получил известия о том, что Несауалькойотль собирал людей из разных мест, и что некоторые знатные люди из Тешкоко, Уэшотлы и Коуатличана тайно помогали ему всем, чем могли, и, в частности, его поставил в известность один благородный по имени Тенкойоцин [Tencoyotzin], которому, когда он играл в игру, называемую патолли [Patolli] с двумя другими благородными в Тланепантле [Tlanepantla], местности, расположенной между Тешкоко и Уэшотлой, а это игра, напоминающая кости, те сказали, хоть и вкратце, что в трех городах, Тешкоко, Уэшотле и Коуатличане есть некоторые благородные, возвратившиеся по домам Несауалькойотля и готовящие все необходимое, чтобы помочь ему. Когда об этом услышал Маштла, то чтобы обезопасить себя от них, он отправил некоторых военачальников из благородных тепанеков в ту сторону, чтобы они управляли и следили за тем, что было бы подходящим для его пользы, и карали всех, кого находили бы виновными, и так они многих покарали смертной казнью, и в ту же ночь в сумерках приказали убить одну госпожу по имени Шиуциуацин [Xiuhtzihuatzin], дочь владыки по имени Тланауакоцин [Tlanahuacatzin], также как и ту из Акольмана[641], потому что, когда она шла вечером в поле

[641] Текст в оригинале испорчен: «mandaron a una Señora llamada Xiuhtzihuatzin hija de un Señor llamado Tlanahuacatzin matar conforme a la de Aculma»

развлекаться вместе с другими женщинами, она увидела войско чальков и не захотела предупредить об этом в городе Коуатличан, но наоборот приказала тем, кто шел с ней, ничего не говорить; но через немногие часы после этого они испытали натиск чальков, и произошла жестокая битва, в которой погибло несчетное количество народа с обеих сторон, и нельзя было определить, за кем успех, пока не настал день, когда царь Кецальмакистли [Quetzalmaquiztli] увидел себя почти разгромленным, и бежал в главный храм, и там несколько часов храбро защищался, пока от одних только брошенных камней и стрел не упал из храма вниз, и с его смертью перестали разрушать город и всю его округу вплоть до окрестностей Уэшотлы, куда Несауалькойотль пришел повидаться с полководцем по имени Науйотль [Nauyotl], который по этому случаю уже разграбил его город Тешкоко и Уэшотлу, так как они не оборонялись с оружием в руках, и там он выразил им благодарность и рассказал о своих тяготах и скитаниях, с немалыми слезами, согласно “Подлинной истории”, и предупредил того, что настанет время, когда они должны будут пойти на тирана Маштлу, и послал много имущества его царю и благодарность за оказанную помощь, и тот пообещал это со стороны своего царя, и отправился в Чалько со своим войском и со всей добычей, захваченной на этой войне. Отсюда Несауалькойотль вернулся к Чиаутле, чтобы повидаться с полководцами из Тлашкалы, Уэшоцинко и других мест, которые тоже разорили уже весь Акольман [Aculma] до Тесотепека, и полководец из Уэшоцинко Сетема [Zetema] убил царя Тейолькокоуацина [Teyolcocohuatzin]. Жестокими были эти войны, в которых погибло бессчетное количество народа, и после того как он пришел в тот вечер в Чиаутлу в дом одного благородного по имени Тетлашинкацин [Tetlaxincatzin], прибыли полководцы и дали ему отчет обо всем, что произошло и чем все завершилось. Он поблагодарил их и пообещал многие милости, и чтобы то же самое они сказали своим владыкам, и с этим они отправились со всей своей добычей и пленными, каких смогли увести.

Были столь многочисленными бесчинства и преступления, совершенные тепанеками в городах, селениях и местностях, подчиненных царству Тешкоко, что было бы слишком долго об этом рассказывать; но достаточно упомянутого. В тот же самый день отправился Несауалькойотль, хотя была уже близка ночь, осмотреть свой город и двор, и на следующий день посетил его, и нашел все разрушенным и разоренным тепанеками, которые жили там, и все свои сокровища, плащи и другие вещи, имевшиеся в его дворцах, сплошь разграбленными. В день Се-Оллин, как я сказал, он вошел со своими людьми, чтобы разорить его. Никто не оборонялся, наоборот, горожане, старики, подростки и дети встретили его, прося пощадить их жизни, а находившиеся там тепанеки и некоторые его родичи, которые желали ему смерти и даже заботились о том, чтобы выдать его Маштле живым или мертвым за определенные доходы и из зависти, как например его зять Ноноуалькатль [Nonohualcatl] или другой благородный, Тошпили [Toxpili], стали было защищаться; но вскоре Несауалькойотль подавил их, убив

тепанеков, попавших ему в руки, а его родичи ускользнули, бежав в леса и горы, где прятались некоторое время.

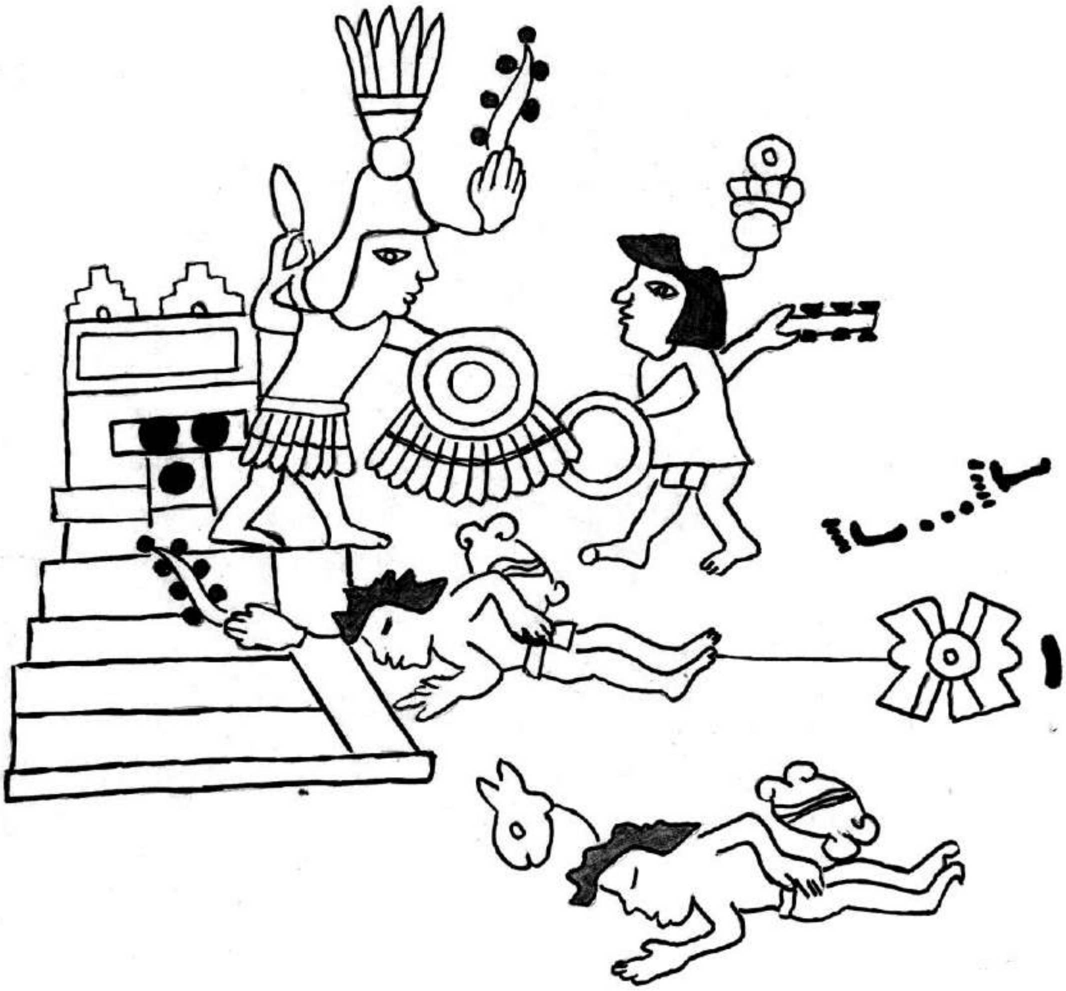


Рисунок 111. Падение Коуатличана и гибель Кецальмакистли.

Было в то время много чудес и знамений, ранее и позже, которые было бы слишком долго перечислять и сообщать обо всем; но приведу здесь некоторые. В небесах были кометы, и затмения Солнца[642] и другие знаки. На земле видели многих чудовищ, как случилось в полях Тешкоко в направлении Чиконаутлы, когда двое благородных, одного из которых звали Тласакуилоцин [Tlazacuilotzin], а другого — Тлакпануэуэцин [Tlacpanhuehuetzin], отправившись на охоту с некоторыми слугами, увидели, что к ним идет чудовище на четвереньках, с одной ногой и двумя руками как у человека, и таким же лицом, очень уродливым, и волосы, покрывавшие его тело, такие толстые и широкие, как большой палец, а тело такое толстое, как две сажени, и когда они увидели это чудовище, очень испугались и принялись кричать, и хотели стрелять, но не могли, а чудовище, прежде чем они захотели бы еще что-то сделать, приблизилось к ним и сказало громким

[642] Солнечные затмения в долине Мехико были 30 октября 1426 г. (макс. фаза — 0.80 в 11:59). Однако наиболее полным было кольцеобразное затмение 5 апреля 1437 года (макс.фаза — 0.94 в 09:36).

голосом: «Смотрите, Тлашкалла [Tlaxcalla], Уэшоцинко, Тола и другие местности идут на вас, тиран Маштла погибнет и вернет |царство| тому, кому оно принадлежит по праву» — и они бежали до самого города, а оно исчезло. Это случилось утром перед разрушением Акольмы, Коуатличана и других мест, а ночью, во время, когда отправились посланцы, один из них, в лагере, где было размещено войско чальков, увидел, как пришел некий военачальник-тепанек, прибежавший перепуганным, который на встрече с ним рассказал, что шел тайком посмотреть на войско чальков, и что в поле встретил бешеного койота с деревянными ногами и другими ужасными признаками, который шел, издавая громкий вой, и казалось, что все горы и долины ему отвечали; и он, увидев это, не смог идти вперед, и как только увидел это, бегом возвратился назад, и с этим они попрощались. Были и многие другие знаки, но достаточно сказанного, что должно было быть, как следует верить, дьявольскими наваждениями.

Рисунок 112. Мотекусома Ильуикамина. Рельеф на каменном ларце из коллекции Hackmack, 1471 г. Гамбург, Музей этнографии.

Завершается “Подлинная история” и содержится в ней, что после того, как произошли все упомянутые дела, прошло одиннадцать лет от смерти царя Иштлильшочитля и его сына великого полководца Сиуакекеноцина, сводного брата Несауалькойотля, оставившего двоих сыновей, из которых старшего звали Акольмистли [Acolmiztli], а младшего Сотекошацин [Zotecoxatzin], и это те, о ком мы упоминали выше, и что также по этому случаю умер

главный жрец, называемый Сиуакоауатль [Zíhuacohuatl] за его достоинство и был избран другой, которого звали Кошкош [Coxcox], член совета царства. Там также жил другой главный жрец, Уицилиуи [Huitzilihui], которого за достоинство его должности называли Тетланенеш [Tetlanenex], член военного совета. И что Несауалькойоцин проживал в своих дворцах, называемых Силлан, где находился, когда отдал приказ идти на тирана, собрав войско, которое уже расположилось на стоянках, и, предупредив своих друзей, и расставив пограничные отряды в Акольуакане и возле Истапалапана и по всему побережью озера со стороны Тешкоко с намерением уничтожить Маштлу, государя-тирана, и прочих: мешикских царей, и других союзников, владыку Тлателолько, <…>[643] в Тлашкале, Текотепеке [Tecontepec], и Исконцина [Izcontzin] из Истапалокана. Когда эти горожане услышали, что владыки отступили в эти земли, он отправился на них, ведя с собой своих племянников, с Текокашцином [Tecocaxtzin] и Акольмистли [Acolmiztli], сыновьями его брата царевича Сиуакекеноцина, который некоторое время ранее погиб, как я уже сообщил, и двоих своих братьев, одного по имени Куаутлеуаницин [Cuauhtlehuanitzin], а другого Ишуэскатокацин [Ixhuezcatocatzin], и доблестных военачальников, приказав сначала этим горожанам, чтобы они тотчас отправлялись в Тешкоко и присматривали за его домами и имуществом, и воздерживались от того, что прикажет тиран.

<…>[644] По этому случаю он отправил к нему своих посланцев с богатыми дарами, поздравив его с блестящими достижениями. И точно также Тильмацин, его брат, владыка, поставленный тираном Маштлой, сделал вид, что изъявил ему покорность вместе с двумя сыновьями от его сестры Тоскенцин, из которых старшего именовали за достоинство его должности Сиуакоуатль, а звали его Чимальпопока [Chimalpopoca], а младшего Истакойотль [Iztacoyotl], имевшего ту же должность в другом подразделении города, которое называли Тлаилотлаке [Tlaylotiaques]. Этих сыновей имели Тоскенцин и Ноноуалькатль, ее муж, и двух других младших, одного из которых звали Акатентеуацин [Acatentehuaizin], а другую, младшую, Тескокасиуацин [Tezcocazihuaizin], и их родители жили в Чимальпане [Chimalpan], так, чтобы Несауалькойотль их не видел, почти скрывшись, но Несауалькойоцин обращал на них очень мало внимания. Брат и двое племянников, которые были за тирана, просили пощадить их жизни через двух благородных, приближенных Несауалькойоцина, которые просили за них, и их звали Семильуицин [Zemilhuitzin] и Тепойанцин [Tepoyantzin], что Несауалькойоцин им пожаловал на условиях некоторого соглашения, которое он с ними заключил.

---

[643] По всей вероятности, лакуна в тексте.

[644] Очевидная лакуна в тексте. Очевидно, речь идет о каком-то правителе, перешедшем на сторону Несауалькойотля.

На этом кончают сочинитель или сочинители, нарисовавшие эту подлинную и старинную историю, так как она дальше не продолжается, и то, что следует, |взято| из других историй и сообщений[645].

ДВЕНАДЦАТОЕ СООБЩЕНИЕ.
О победе и блестящих успехах Несауалькойотля вплоть до восстановления тешкоканского государства и смерти тирана Маштлы

Мешики все это время со смерти Чимальпопоки переносили великие тяготы и преследования от тирана Маштлы, принося ему чрезмерные подати и дани, которые ни их силы, ни их изобретательность не в силах были вынести, и вплоть до того, что доставляли ему по воде сады со всеми видами овощей и цветов, уток и цапель, одних с птенцами, а других с отложенными яйцами, и так же с другими озерными птицами; и помимо всего этого он попытался изнасиловать законную жену Искоуацина [Izcohuatzin][646], и многократно, и все, чтобы, когда дойдет до разрыва, раз и навсегда уничтожить всех мешиков, у которых, видя столь чрезмерные тяготы и оскорбления, собрались на совет все владыки, военачальники и видные люди, и решили заключить союз с Несауалькойоцином, законным наследником, как потому, что он пошел также против них, и они были объявлены изменниками его отцу царю Иштлильшочитлю, так и по многим другим причинам, которые по этому поводу были найдены, и так решили отправить к нему своих послов, и отправили Мотексому [Moteczuma], его двоюродного брата, законного наследника царства Мешико, и двух других благородных, одного по имени Тотопилатль [Totopilatl], а другого — Тельпош [Telpox], посланцев царей Искоуацина [Izcohuatzin] из Теночтитлана и Куаутлатоуицина

[645] Анализ текста Иштлильшочитля, а также сведений, содержащихся в «Свидетельстве правителя и муниципалитета Сан-Сальвадор-Коатласинко» [San Salvador Qoatlacinco], приводят к выводу, что памятник, называемый Иштлильшочитлем «Подлинная история» либо «Общая история державы чичимеков» [Historia general del imperio de los chichimecas], а в «Свидетельстве …» — «Пиктографическая и историческая летопись Тескоко» [Anales jeroglíficos é históricos de Tezcuco], является пиктографической рукописью (или ее протографом), известной в настоящее время как «Кодекс Шолотль» и хранящейся в Парижской Национальной библиотеке Франции (Mex1). В «Истории народа чичимеков» Ф. де Альва Иштлильшочитль сообщает, что ее авторами были Семильуицин [Cemilhuitzin] и Каукечоль [Quauhquéchol].

[646] Искоуатль (Ицкоатль) — правитель Теночтитлана в 1427–1440 гг. По одним сведениям он был сыном Уицилиуитля, старшим братом Чимальпопоки и Мотекусомы Ильуакамины, по другим — сыном Акамапичтли, братом Уицилиуитля; впрочем, все источники согласны, что его мать была наложницей-рабыней. Чимальпаин указывает в качестве года воцарения Ицкоатля 13-Акатль, т.е., 1427/1428; к такой же дате (1427 г.) ведет срок правления Ицкоатля (14 лет), указанный у Саагуна (VIII,1); в «Кодексе Теллериано-Ременсис» (31r) в качестве года воцарения Ицкоатля указан 12-Точтли (1426/1427), что, вероятно, ошибочно, так как в том году еще был жив Тесосомок; согласно «Кодексу Мендоса» (5v), Д. Дурану и Х. де Мендиете Ицкоатль стал правителем Теночтитлана в год 1-Текпатль, т.е., в 1428/1429 г.

Эпизод с похищением Маштлой жены правителя Теночтитлана Х. де Торкемада относит к Чимальпопоке: «Привлеченный слухами о ней, он задумал и приказал некоторым дамам и владычицам своего города, чтобы они обманом привели ее. И когда эти названные владычицы прибыли в тот город [Теночтитлан — В.Т.] и посетили царицу, обязали её идти с ними в Аскапоцалько, и они такой же ложью, какой выманили ее из дому, отдали и вручили её в руки и во власть Маштлы, и так как царица не могла сопротивлться, Маштла воспользовался ею и распрощался» (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — P.173.).

[Quauhtlatohuitzin][647] из Тлателолько, потому что к тому времени случилось что, помимо всего упомянутого, их окружили, чтобы закончить их истребление силой оружия, и мешики доблестно оборонялись[648]. Посланцы отправились в Акольуакан со всей поспешностью, где были схвачены пограничной стражей, и так как они были великими владыками, их не убили, а только отвели к Несауалькойотлю, поскольку они были объявлены его врагами и изменниками Тешкоканскому государству.

Когда Несауалькойотль увидел посланцев, из которых один был его двоюродным братом, а другие его очень близкими родичами, он приказал отпустить их, и оказал многие милости, и приказал им исполнить их посольство. Они сказали то, с чем пришли, и как цари, и владыки, и община мешиков [República Mexicana] |умоляют его| простить их за то, чем они ранее обидели его отцов и родичей, и что это была не их вина, но тепанекских царей-тиранов, принеся многие другие извинения и оправдывая их причины, и что они обращаются к тому, чтобы помогать ему во всем, чем бы он ни занялся и что бы ни приказал, и чтобы он безотлагательно отправился со своим войском им на помощь, потому что они находятся на грани гибели, и что уже настало время выступить против тирана, и хороший случай стать свободными. В конце концов, когда они высказали ему и многие другие доводы, с немалыми слезами, он очень растрогался от этого, и ему причинило боль узнать, что его дяди и родичи испытали столько тягот и гонений, ибо он поверил всему, принимая во внимание значимость их особ, как он сказал им самим, потому что, если бы это были другие, меньшей значимости, он приказал бы лишить их жизни. В то время, когда они

---

[647] Куаутлат был правителем Тлателолько с 1427 г. Согласно Саагуну (VIII, 2) он правил тридцать девять лет, т.е. в 1427–1465 гг. Однако, в «Кодексе Мендоса» (6r) указано, что Куаутлат потерпел поражение от ацтеков и был убит в правление Ицкоатля, т.е. до 1440 г.; впрочем «Кодекс Теллериано-Ременсис» (33v) указывает на участие Куаутлата в военных действиях в году 8-Калли (1461 г.).

[648] Согласно Х. де Торкемаде первым послом к мешиков к Несауалькойотлю был некий Ашайякатль (Ibidem. — P. 189.), только после получения через него благоприятного ответа, в Тескоко отправился Мотекусома. Источники «ацтекской группы» умалчивают об этом посольстве, зато свидетельствуют, что среди самих мешиков не было единства по вопросу об отношении к Маштле: за войну с ним будто бы выступала знать во главе с Ицкоатлем, Тлакаэлелем [Tlacaelel] (племянником или братом Ицкоатля) и Мотексомой, тогда как простолюдины склонялись к миру и подчинению:

«Простолюдины, видя доблесть и силу тепанеков, испугались и посчитали невозможной свою победу, и умоляли царя и остальных владык о мире, выказывая великую трусость и слабость, слезы и страх, что привело царя и владык в немалую растерянность, и когда они их спросили, чего те хотят, они ответили, что новый царь Аскапоцалько человек сердобольный, и им кажется, что если бы они взяли своего бога Уицилопочтли и отправились в Аскапоцалько отдаться всем в руки царя со всей покорностью, чтобы он поступил с ними согласно своей воле, то, может быть, он простил бы их и дал бы в Аскапоцалько место, где они жили бы, и расселил бы их среди горожан, так что они почти превратились бы в рабов аскапоцальков, что не показалось хорошим никому, кто сохранил хоть какое-то присутствие духа. Однако, некоторые из владык сказали, что это неплохой совет, и что мало-помалу, незаметно, они могли бы войти в Аскапоцалько в число друзей и знакомых, и могли бы поместить в городе Аскапоцалько своих богов, и остаться там; и тут же едва не захотели исполнить это, так как позвали хранителей своего бога, и приказали им, чтобы они приготовились нести своего бога на плечах» (Durán D. Historia de las Indias de Nueva España e islas de la Tierra-Firme. Vol. 1. — México:, 1867. — P. 69–70.).

В конце концов, ацтекской знати удалось отговорить соплеменников от такого намерения, и в Аскапоцалько отправилось посольство в главе с Тлакаэлелем. Однако Тлакаэлель, сторонник войны, сделал все возможное, чтобы сорвать переговоры (Ibidem. — P. 71–75.). Правда, и после того, как война с тепанеками была решена, среди теночтитланских низов продолжались волнения, и только обещаниями добычи ацтекской верхушке удалось успокоить горожан.

прибыли, Несауалькойотль был очень занят в поле, где разместилось его войско, отдав ему приказ выступать против тепанеков.

И затем он приказал своему двоюродному брату, и Тельпошу вместе с Куаутлеуаницином [Cuauhtlehuanitzin] отправиться в Чалько и переговорить с Тоситекутли, тамошним владыкой, чтобы он прислал как можно скорее вооруженных людей, как он ранее ему пообещал, потому что уже пришло время, и чтобы они рассказали ему о посольстве, присланном мешиками, оставив Тотопилотля в качестве заложника. Но когда они прибыли в Чалько, тут же были схвачены и посажены в клетки под охраной брата владыки, так как были мешиками и врагами Несауалькойотля, потому что не поверили ничему из сказанного ими. Говорит дон Алонсо Ашайака в своей истории, что Несауалькойотлю дали знать об этом, и он тотчас послал других посланцев, приказав, чтобы их тут же выпустили, и так тот их выпустил, но послал сказать Несауалькойотлю, что не хочет ни в чем ему помогать, так как он заключил мир с мешиками, его заклятыми врагами и изменниками своему отцу. В рисунках и других сообщениях находится и содержится, что владыка Чалько, увидев, что Несауалькойоцин завязал дружбу с мешиками, испытал большое огорчение, и приказал схватить их и бросить в застенок [cobro], поручив охранять одному из своих братьев, и что он сообщил Маштле обо всем случившемся, и как тот приказал бы поступить с ними, и что он уже не будет помогать Несауалькойоцину, но что он скорее будет против него и вернется по этим причинам к тепанекам. Царь Маштла ответил ему с большой надменностью и в оскорбительных выражениях, что он проститутка [que era un tal], и чтобы он не думал, что сможет обмануть его этим, и что он покарает его силой оружия, и чтобы он отпустил пленников. А тех вскоре после этой ночи охранявший их благородный, испытав к ним жалость, выпустил и приказал, чтобы они ушли со всей возможной тайной, чтобы их не увидели[649]. Когда прибыли посланцы, и Тоситекутли выслушал

[649] Аналогичный рассказ приводит Чимальпаин:

«Старший Мотеуксома Ильуикамина, и Теполломицин [Tepollomitzin], и Тельпольцин Чililикатль [Telpoltzin Chililicatl], эти трое были теночками; а четвертый, по имени Топилланцин [Topillantzin], был знатным человеком из Тлателолько. Эти знатные мешики находились в заключении в Чалько, в доме Тотеоситеуктли Текачкаутли [Toteociteuhctli tequachcauhtli], правителя Сиуатеопана Акшотлана [Cihuateopan Acxotlan], ныне называемого Кочтокан [Cochtocan], который в древние времена был частью государства чальков [Chalca altepetl]...

Случилось, что названные четверо знатных мешиков были заключены в тюрьму у Тотеоситеуктли. Первоначально они были схвачены в Тешкоко, они увели их оттуда. А затем, после того, как вышеназванные знатные мешики были помещены в тюрьму в Чалько, а потом в Уэшоцинко, двое названных правителей, Тотеоситеуктли и Уэуэ Аокенцин, поручили правителям уэшоцинков Шайакамачану [Xayacamachan] и Теноселотлю [Tenocelotl] убить их. Но правители уэшоцинков не захотели сделать этого. Они воистину сказали: невозможно, чтобы чальки могли поручить нам убить знатных мешиков. Воистину, мы — мешики, владыка мешиков наш родич, наш родственник. Вернем их. Пусть владыка Чалько решает, что будет делать с ними, и пусть убивает их у себя… И тогда они вернули их назад в Чалько Акшотлан, чтобы поместить вышеупомянутых знатных мешиков в тюрьму у Тотеоситеуктли Текачкаутли.

И тогда правители чальков Тотеоситеуктли Текачкаутли и Уэуэ Аокенцин чичимека теуктли стали звать правителей всех соседних владений, чтобы они посмотрели на них, когда они содержали их в Чалько. Правители Чалько говорили, что эти знатные мешики были лазутчиками и сеятелями раздоров. Поэтому они схватили их, поэтому они заключили их в тюрьму …

И однажды ночью, как раз перед рассветом, пришел некто переговорить с теми, кто охранял тюрьму, первого из них звали Тональуакки [Tonalhuacqui], а второго звали Тецаукакуилли [Tetzauhquacuilli]. Тот, кто

вызывающий ответ, он приказал выпустить пленников и привести их к себе. Брат сказал ему, что они уже бежали, и тот, увидев это, пожалел об этом, и тут же отправил других посланцев к Несауалькойотлю, послав просить того, чтобы он его простил, и что он уже собрал со всей поспешностью своих людей, чтобы помочь ему во всем, что понадобится.

Спасшиеся послы провели в пути всю ту ночь и на рассвете были уже в Тешкоко, и рассказали обо всем, что случилось, из-за чего весьма огорчился Несауалькойоцин. Вскоре после этого, через немногие часы, прибыли посланцы владыки Чалько, и после того, как они высказали свои доводы, Несауалькойотль ответил им очень разгневанно, что не хочет его помощи, но сначала он пошел бы против Чалько и оружием показал бы ему свою доблесть, и пределы, которые подобают ему и всем его поступкам, и этот ответ стал причиной, по которой владыка Чалько объявил себя отныне врагом Несауалькойотля, и разместил свои пограничные отряды в направлении Тешкоко, приказав, чтобы никому из акольуа не позволялось ни входить, ни торговать в его землях под страхом смерти за одно и за другое, что стоило многих жизней, и лучшим из Мешико и из Тешкоко, потому что он был могущественнейшим из имевшихся владык.

Несауалькойоцин ускорил сбор своего войска и прочие дела, необходимые для войны, ибо хоть и имел многих воинов размещенными возле города, их было мало ввиду силы и могущества, какими располагал тиран, и так он стал готовить своих людей. Прибывали многочисленные воины из разных отдаленных народов, и так, когда прибыл его двоюродный брат с посольством, он отправил остальных двух его товарищей в Мешико с итогами их посольства, послав сказать, что через три дня будет в Мешико, а Мотексомацина оставил одного в Тешкоко; и они ответили на его посольство, и мешики от этого очень обрадовались и воодушевились, ибо уже считали себя пропавшими.

По этому случаю тиран, кроме упомянутых притеснений, отправил свое большое войско против Мешико и объявил мешиков своими врагами, поскольку получил сведения о союзе и договоре с Несауалькойоцином, и разместил пограничные отряды, устроив крепкие помещения и валы, для того, чтобы если бы его враги не сумели победить его за день или несколько дней, они укрылись бы в этих местах. Мешики сделали то же самое на входе в свой город, и подготовили своих воинов, и так однажды утром, узнав, что тепанеки, которые там находились, очень беспечны, напали на них, но вскоре те вышли им навстречу, почти возле городских стен, где произошло жестокое сражение, и погибло с обеих сторон много народа, пока ночь их не развела.

позвал их, сказал им: „Я пришел сказать вам, тюремщики, — отпустите знатных мешиков, которых вы держите в заключении, ибо они пришли только, чтобы проявить доблесть. Не позволяйте, чтобы с ними что-то случилось; ибо в некий день владыка мешиков-теночков будет вашей матерью и вашим отцом, где бы он ни проходил“. Тюремщики переговорили и ответили так: „Хорошо. Мы отпустим их, пусть идут“. И тогда и Тональуакки, и Тецаукакуилли сами взялись за это, они сказали себе: „Как бы то ни было, отпустим их, позволим им уйти“« (Chimalpahin Cuauhtlehuanitzin D. F. de San Antón Muñón. Codex Chimalpahin. P. 51–53.).

Рисунок 113. Несауалькойотль из книги Aztecs (ed. Eduardo Matos Moctezuma and Felipe Solis Olguin), p. 45.

Когда это увидели цари Искоуацин и Куаутлатоуацин, они еще раз послали других послов, чтобы сообщить Несауалькойотлю обо всем произошедшем, и чтобы он без промедления выступил, ибо опасались, что погибнут, если он немедленно не поддержит их. Несауалькойотль, в то время, пока происходили эти события, отправил четырех посланцев к владыке Уэшотлы, которому поручил собрать людей изо всех местностей по этой стороне, чтобы привести их, так как он уже был снаряжен и на пути в Мешико. Отправились в качестве посланцев Шиконакацин [Xiconacatzin], брат Несауалькойоцина, и трое других знатных, и когда они прибыли, и их посольство было выслушано владыкой Уэшотлы, в ответ тот приказал разорвать их на части на городской площади после того, как сказал им, что

они не хотят идти против тепанеков, являющихся их друзьями, потому что Несауалькойотль заимел дружбу с мешиками. Такая жестокость и малая осмотрительность этого владыки происходили оттого, что он был очень раздосадован, когда получил известие, что Несауалькойоцин завязал дружбу с мешиками, и он дерзнул на это, потому что имел много людей, подготовленных для себя, а не для своего владыки, чтобы следовать за ним.

Рисунок 114. Мешики покоряют Аскапоцалько. «Камень Монтесумы» («Монолит Санчеса — Нава»), Мехико, Национальный музей антропологии.

В то время, когда тот узнал об этом, как раз прибыли с великой поспешностью послы из Мешико, изложив содержание своего послания, и чтобы он выступал немедленно, а с другой стороны его двоюродный брат сделал то же самое, таким образом, что он очень горевал об этом бесчестье и бесчеловечном деле, но был неподходящий момент, чтобы покарать того, и

он оставил это на более отдаленное будущее; и с этим они отправились со всем войском из более чем четырехсот тысяч человек по озеру на каноэ, а другие по дороге через Истапалапан, таким образом, что утром следующего дня тепанеки увидели тьму тьмущую воинов, прибывающих по воде и по суше, отчего испытали величайшую тревогу и сообщили своему царю, чтобы он поторопился со сбором всех людей, каких можно, и, получив известие об этом, тот отправил предупредить царей и владык, ранее давших слово оказать ему помощь, чтобы они со всей поспешностью прислали ее, преувеличивая нужду, в которой они оказались, и обещая им многие милости; и была земля таковой и настолько пришедшей в смятение, что одни обещали, а другие оказывались глухими, так что было очень мало проку от посылки послов, хотя некоторые ближние цари и владыки со всем усердием прислали ему людей и все необходимое, как владыки из Шочимилько, Тлакопана и других мест.

Несауалькойотль высадился в Тлателолько, куда вышли навстречу его дядя царь Искоуацин и Куаутлатоуацин со всеми знатными людьми из города, и после того как оказали ему многие любезности, его дяди пожелали вести его посреди между собой, но он не захотел, а поставил посередине своего дядю царя, а себя — с правой стороны, а Куаутлатоацина — с левой, и они отправились прямо во дворцы Искоуацина, где их одарили и оказали почести, и в тот же день они отдали распоряжение снарядить и построить войска, разделив их на три части, и мешики дали других сто тысяч воинов и все необходимое. Царевич взял для себя двести тысяч воинов из народа чичимеков и приказал им, чтобы все носили белые и гладкие доспехи без перьев. Другие двести тысяч он дал своему дяде царю Искоуацину, и еще сто с чем-то тысяч — своему двоюродному брату Мотексоме[650], и дал им распоряжения о том, что они должны были делать, потому что на следующий день утром, до рассвета, они должны были выступить против своих неприятелей, и Несауалькойоцин выбрал сторону Теночтитлана, а Искоуацин, его дядя, — границ и укреплений, устроенных тепанеками, а его двоюродный брат Мотексома — Тлакопана, оставив в городе военных и дозоры в сторону Шочимилько, Кольуакана и некоторых других мест, потому что те были друзьями тирана; и так, когда настал день, перед рассветом, Несауалькойотль надел доспехи, которые имели обычай носить его предшественники, чтобы его узнавали его подданные, и то же самое сделали царь Искоуацин и Мотексома, и он попрощался с ними, сказав им, что когда они увидят, что огонь загорелся на горе Куаутепетль [Cuauhtepetl], что возле горы Нуэстра-Сеньора-де-Гуаделупе, чтобы все бросились |в бой| с сильным натиском, и что он со своими людьми сделает то же самое, положив начало сражению; и большая часть его войска тогда уже находилась рядом в поле и на склонах горы, называемой Куаутепетль.

[650] Данные о численности войск восходят, по всей видимости, к фольклорным источникам, и крайне завышены.

Военачальники и владыки судачили о нем, увидев, что владыки Мешико очень пышно нарядили всех владык и полководцев, каких он им дал, а они, являвшиеся доблестнейшими и наилучшими в этой земле — в белых доспехах. Смущенные этим, они говорили это не настолько тайно, чтобы этого не услышал Несауалькойотль, который, увидев это, утешал их, говоря, что они похожи на цветы жасмина в поле и на склонах горы Коуатепетль, о чем, так как имеется песня об этом, не рассказываю больше, и после того, как им объяснили причину, по которой их владыка обходился с ними таким образом, они утешились, и когда был подан знак, набросились на своих неприятелей, и продолжались этот и еще сто четырнадцать дней великие и жестокие сражения, в которых погибло с обеих сторон |бессчетное количество людей| с величайшим ожесточением и другими примечательными вещами, обо всех из которых было бы слишком долго рассказывать в Сообщении. В конце этих дней, после того, как были захвачены пограничные посты и укрепления, и многие другие места, они ворвались в город Аскапоцалько, и первым был Несауалькойотль со своим войском, разоряя дома и разрушая и поджигая храмы, какие встречали перед собой; и когда Несауалькойотль ворвался в город, великие Аскапоцалько, увидев свое поражение, бежали вслед за своим царем, который спрятался в своем темаскале, находившемся в саду, и являвшемся баней; и с большими издевательствами вывели его, почти волоча, к Несауалькойоцину, говоря ему, чтобы он находился там, дабы Его Высочество сделал с ним то, что сочтет полезным для себя; потому что, если бы не он и не его предки, всегдашние друзья тирании, не было бы стольких войн, и смертей, и страданий общин[651]. Эти и многие другие доводы они высказали

[651] Дуран, излагающий официальную мешикскую версию, так описывает победу союзников, позволившую им овладеть Аскапоцалько: «После того, как они прибыли в место, называемое Шоконочнопаллитлан [Xoconochnopallitlan], навстречу им вышли люди из Аскапоцалько, в стройном порядке, украшенные большими богатствами из золота, серебра, самоцветов и перьев, которые в качестве символов и эмблем носили на круглых щитах и на накидках на спине. Мешики, когда увидели их, собрались с духом и силами, а Тлакаэлель, который в качестве полководца этого мешикского народа руководил военными действиями, приказал всем военачальникам, и владыкам, и парням, проявлявшим воинственность, чтобы, расположившись на высотах, после того, как услышат сигнал, они набросились бы на неприятелей, и чтобы остальные, простонародье и малодушные воины, оставались на месте, и чтобы царь держал их наготове до положенного времени, приказав им, что, если враги будут побеждены, чтобы они двинулись, понемногу приближаясь своим строем к городу Аскапоцалько.

После того, как об этом было оповещено войско, и все владыки выстроились в ряд против аскапоцальков со своими щитами и мечами, царь Ицкоатль забил в маленький барабан, который всегда носил на спине, под звук которого все мешики из войска подняли такой крик, и свист, и прочий шум, что вызвали великую боязнь у всех противников, и когда бросились в атаку владыки и все, кто стоял в линии, с непобедимым духом, смешавшись с людьми из Аскапоцалько, то наносили удары справа и слева, без порядка и слаженности, и принялись кричать: «Мешико, Мешико!» — и таким образом смешали их, так что они стали терять строй и обратились в бегство, и пало много народа одинаковой смертью, когда мешики проявили такую стремительность и сноровку в том, чтобы наносить удары, так что аскапоцальки стали отступать в свой город, а мешики овладели полем боя. Некоторые из мешикского войска, которые до тех пор стояли с определенной опаской и боязнью, видя, что свои побеждают, начали выходить, полные воинственного честолюбия, и смешиваться с врагами, так что, один за другим, пополнили понемногу людьми их отряд, так что аскапоцальки не смогли сопротивляться и начали оставлять поле боя и отходить в свой город. Тлакаэлель, полководец этого мешикского войска, принялся кричать: «Победа!» — ворвавшись вслед за ними в город, убивая и раня безо всякого милосердия. Тогда царь приказал всему остальному войску, остававшемуся с ним, чтобы они истребляли людей и поджигали дома, и чтобы не щадили ни старого, ни малого, ни мужчину, ни женщину, и чтобы грабили и разоряли все, что ни попадется, что без

Несауалькойоцину, и тот приказал тут же сделать посреди площади большой эшафот [cadalso], на котором вынес ему приговор и собственноручно убил, вырвав сердце и разбрызгав его кровь на четыре стороны, а над телом приказал совершить погребение со всей торжественностью, как подобает такому владыке. Собрав всех: царей, владык, воинов и простолюдинов в связи с его смертью, Несауалькойотль потребовал у них оправдания по этому поводу, и они обсудили с ним многие вещи, |и что| он сам признал, что заслужил этого по указанным причинам[652].

После того, как было сделано все это, войска принялись разрушать город. Он приказал, чтобы отныне и впредь это было только место, где продавали бы рабов, для его бесчестья, и сразу же после того, как он был разрушен, отправились в Тенайоку [Tenayuca] и Тепаноуайан [Tepanohuayan], и сделали то же самое, и в Тольтитлане [Tultitlan], Каутитлане [Quauhtitlan] и Шальтокане [Xaltocan], и в других областях, селениях и местах, подчиненных этому царству, и распорядились о его границах, чтобы они были установлены с этой стороны, и вернулись в Тамбу [Tamba], и там также было сильнейшее сопротивление, как и в других частях, хотя вскоре она была побеждена, а затем в Койоуакан [Coyohuacan] и Кольуакан[653], откуда не захотели идти

малейшей жалости, скорее с величайшей в мире жестокостью, было сделано и исполнено, и не осталось в нем ни дома, ни мужчины, ни женщины, ни младенца живых, кроме тех, кто, бежав, искал убежища в горах и на перевалах.

Мешики, развивая свою победу, будто гончие псы, полные ярости и злобы, преследовали их, пока не загнали в горы, где аскапоцальки, простершись на земле, сдали оружие, обещая земли, и что будут обрабатывать их, и строить дома, и делать посевы, и быть их вечными данниками, и давать им камень, известь и дерево, и все, что имели бы для пропитания из маиса, фасоли, шалфея и перца, и изо всех съедобных овощей и семян. Тогда, смилостивившись над ними, полководец Тлакаэлель приказал прекратить преследование и собрать своих людей, заставив людей из Аскапоцалько поклясться, что они исполнят то, что обещали, и те таким образом поклялись и пообещали. И оттуда вернулись мешики победоносными и радостными в свой город со многими богатствами и добычей, которую нашли в городе, ибо там находился двор, и там были все богатства народа тепанеков, и, кроме того, они были торговцами и купцами, и людьми богатыми» (Durán D. Op. cit. — P.86.).

Согласно Х. де Торкемаде до конца дня сражение шло с переменным успехом, но к вечеру среди части мешиков (главным образом «плебеев и общинников» по словам историка) распространились пораженческие настроения и они попытались сдаться тепанекам; последние, воспользовавшись этим, стали теснить союзное войско, и только организованная Мотекусомой отчаянная контратака, во время которой был убит возглавлявший тепанекское войско Масатль (Маштла в битве не участвовал), переломила ход сражения и обратила тепанеков в бегство (Torquemada J. de. Monarquia Indiana. Vol. 1. — Pp. 196–197.).

[652] По сведениям «Анналов Куаутитлана» и Д. Дурана Аскапоцалько пал в год 1-Текпатль (февраль 1428 — февраль 1429 гг.). Другие источники называют год 3-Точтли (1430/1431), но это скорее год окончательного разгрома тепанеков.

О судьбе Маштлы большинство источников сообщает сведения, отличающиеся от приведенных у Иштлильшочитля: разбитый правитель тепанеков бежал в Койоуакан, во время взятия которого в 1430/1431г. то ли погиб в единоборстве с Несауалькойотлем, то ли попал в плен и был принесен в жертву последним («Анналы Тлателолько», «Анналы Куаутитлана», «История мексиканцев по их рисункам»), то ли пропал без вести (Мендиета), то ли бежал в Каушималькан [Quauhximalcan], а оттуда в Ташко [Taxco], в современном штате Герреро, где умер в год 4-Акатль (1431/1432 г.) (Чимальпаин).

Согласно Торкемаде, когда Маштла «увидел себя пропавшим, и что уже ничего не стоили власть и важность, но быстрота ног, и пожелал найти спасение в ней, то не смог, так как весь его дворец был окружён, и увидев, что не сможет скрыться, бросился в некие бани, где имел обычай мыться (которые называются темаскаль), но так как многие его искали, то с жаждой найти его бросились за ним в то место, где убили его камнями и палками» (Ibidem. — P.198.).

[653] Согласно изложению Д. Дурана (опирающемуся на фольклорную традицию, а потому изобилующему неправдоподобными деталями и малодостоверному) в связи с возвращением мешиков в Теночтитлан, военные действия после взятия Аскапоцалько на некоторое время приостановились. За время

дальше в том году, вплоть до следующего, и были заняты этими делами несколько месяцев, а остальные приводили в порядок свое войско. Устроили многочисленные и очень торжественные празднества для своих богов и принесли в жертву некоторых важных и отличившихся лиц согласно обрядам и обычаям мешиков и тольтеков. Цари и владыки захотели принести Несауалькойоцину присягу в качестве Чичимекатль Текутли [Chichimecatl Tecuhtli], каковыми были его отец и деды, по праву законного наследования и за доблесть. Он не пожелал, отложив это на два или три года, потому что хотел возвратить все важнейшее в державе.

После того как Несауалькойотль принял решение по поводу Уэшотлы и других дел, он решил идти второй раз на Тешкоко, и вновь подчинить его огнем и кровью, так как был извещен, что его зять Ноноалькатль и другой знатный человек по имени Тошиуи [Toxihui] замыслили против него заговор в пользу тепанеков из Аскапоцалько при сочувствии великих всего царства, особенно из Уэшотлы; и так как Несауалькойоцин по характеру был благородным, хоть и воинственным, он сначала пожелал привлечь их добрыми словами, и когда не получилось этим путем, сделать то, что имел в намерениях; и так он отправил к ним посланцев сообщить о своих успехах и одержанной победе, и что они не оказали ему никакой поддержки, и чтобы они объяснили ему причину этого. Те ответили, что очень скорбят о смерти великого Маштлы и имеют намерение отомстить за нее, ибо тепанеки были

передышки находившийся в Койоакане Маштла попытался найти союзников, для чего стал подстрекать к восстанию против мешиков уцелевших жителей Аскапоцалько, а также отправил посольства в близлежащие чичимекские города Шалатлауко [Xalatlauhco] и Атлаполько [Atlapulco], а также в Шочимилько, Чалько и, что весьма неожиданно, в Тескоко к Несауалькойотлю, который, впрочем, будто бы сказал тепанекским посланцам: «Вы не знаете сейчас, что это бог этих мешиков, которым является Вицилопочтли [Vitzilopochtliy], сражается за них и помогает им, и безумным и безрассудным делом кажется мне желание воевать с богами» (Durán D. Op. cit. — Pp.76–78.). Неясно, является ли этот эпизод чистым плодом ацтекской пропаганды, стремившейся мнимой ссылкой на авторитет Несауалькойотля подкрепить претензии теночков на богоизбранность, или же Маштла действительно пытался расколоть таким образом сложившийся против него союз. В конечном счете, найти союзников тепанекскому правителю не удалось, и в 1430/1431 г. Койоакан был взят мешиками: «Царь Мешико отправился навстречу тепанекам, и они завязали сражение с такой ожесточенностью, причиняя ущерб, насколько могли, и были такие крики с одной стороны и с другой, что их было слышно в воздухе на большом расстоянии. Когда сражение между мешиками и тепанеками было в разгаре, и успех не склонялся ни к тем, ни к другим, подошли люди Тлакаэлеля с одной стороны, так неожиданно и так внезапно, с криками: «Мешико! Мешико! Теночтитлан!» — и, избивая тепанеков так безжалостно и немилосердно, что, увидев их внезапное нападение, те стали покидать поле боя, а он со своими товарищами принялся совершать такие подвиги и геройства, что перед ними не осталось ни одной души, и от них убегали, как от храбрейших львов. Тепанеки стали отступать в свой город с намерением укрепиться в его храме, и так как Тлакаэлель и три его товарища это поняли, они бросились вперед и прошли, насколько смогли, до места расположения храма и, когда они захватили вход в него, он приказал одному из них пойти и поджечь его, и тот, так как они не смогли оборониться, поджег его, захватив всех, кто находился внутри.

Горожане стали убегать и укрываться в горах, а мешики преследовали их, захватывая и убивая всех, кого настигали. Тепанеки поднялись в горы в местности, называемой Ашочико [Axuchico], и оттуда принялись кричать, скрестив руки и прося прекратить избивать их, и пощадить их, и что они складывают оружие и сдаются, как побежденные, и чтобы те отдохнули от своей усталости и трудов, и чтобы передохнули и остановили мщение, которое они от них испытали… Они, сознавая свою вину, принялись просить у них милосердия, обещая служить им лично и имуществом до самой смерти, не только выполняя свою работу, но и с материалами. Мешики опустили оружие и перестали наносить им удары, и приказал убираться мешикский народ, который был так ожесточен против тепанеков, и те бежали и дошли до Околло [Ocullo], и Шалатлауко, и Атлаполько, и те селения были полны беглого люда, который прятался по горам, ущельям и пещерам…» (Ibid. — P. 93–94.).

их друзьями, что же до помощи, то она могла бы быть весьма неподходящей для него, так как они не имели желания ни отправлять, ни отправляться, если бы это только не было против него и изменников мешиков, их врагов, и многие другие дерзкие слова; из-за чего Несауалькойоцин, видя их наглость, собрал своих людей и, установив порядок на границах с враждебными областями и |поставив| в подчиненных городах людей, которые надзирали бы за ними и не позволяли бунтовать, отправился назад в Тешкоко со своим дядей царем Ицкоацином и своим двоюродным братом Мотексомой, и другими знатными людьми и владыками из Мешико и прочих мест; и после того, как они однажды утром подошли к Тешкоко, в тот же день имели очень жестокое и шумное сражение, в котором пало много людей с обеих сторон, и в следующие находились у города, сражаясь за стены (которые были как парапеты), и те мужественно оборонялись от людей Несауалькойоцина, пока в последний |день|, не имея возможности прокормиться, однажды ночью не спаслись бегством в горы Тлалок [Tlaloc] со своими владыками Тлатлакоцином [Tlatlacotzin] из Уэшотлы, Ноноуалькацином и остальными людьми. Люди Несауалькойотля, когда узнали, что они ушли и оставили город, пошли за ними, но не смогли настигнуть, поскольку те тотчас укрылись в непроходимых горах и скалах. Несауалькойотль, услышав об этом, приказал сжечь и снести некоторые храмы в память об этой битве, и, наведя в городе порядок и оставив людей, которые управляли бы им и заботились о нем, они возвратились, пройдя сначала по дороге через Уэшотлу, Коаутличан, Коуатепек и Истапалокан, сделав |там| то же, что и в Тешкоко, и установив границы в направлении Чалько, Куаунауака и Шочимилько, и пришли в Истапалапан, откуда отплыли в Мешико, и после того, как прибыли в Теночтитлан, устроили празднества и отдали распоряжения выступить против Шочимилько, так как уже приближалось время[654]; и не подчинили тогда Акольму, Отомбу и другие области, подчиненные Тешкоко, в связи с тем, что было очень мало времени, отложив это на другой случай.

В следующем, 1429 году, который наступил под знаком Оме-Калли[655], так как уже подготовился Несауалькойоцин со своим войском, после того, как он послал потребовать у владык Шочимилько [Xuchimilco], который был городом весьма укрепленным и окруженным водой и другой защитой, столицей одной области или царства этого народа, из которых (их владык) самого главного или главу звали Йакопанцин [Yacopantzin]; и случилось, как я говорю, что он потребовал, чтобы ему оказали повиновение, и тот и прочие никогда не соглашались на это, но наоборот ответили, что полны решимости защищать свои земли. Увидев это, Несауалькойоцин вышел против них со своим войском из воинов и полководцев, которые его сопровождали, не взяв

[654] Война с Шочимилько, согласно Д. Дурану и А. Эррере произошла из-за того, что шочимильки отказались дать ацтеками дерево и камень для строительства нового храма Уицилопочтли, и из-за ограбления ацтекских купцов. На самом деле Шочимилько оставалось одним из немногих союзников укрывшегося в Койоуакане Маштлы.

[655] Год 2-Калли — февраль 1429–1430 гг.

с собою ни одного мешика, и все в белых и гладких доспехах, как и в других случаях он поступал, и когда завязалось сражение, вел его в этот день и другие, где погибли многие из народа шочимильков, хотя мало из людей Несауалькойоцина, ибо были мужами очень доблестными; и на исходе их, после того, как были одолены войска и укрепления шочимильков, вошли в город и на главную площадь, где также погибло много народа, что послужило причиною того, что владыка и прочие, низшего ранга, увидев свое поражение, попросили пощадить их жизни, что Несауалькойоцин пожаловал им на некоторых условиях; и, установив в городе порядок и сторожевой отряд, вернулся в Мешико, где был хорошо принят, и состоялись большие празднества.

Рисунок 115. Несауалькойотль. "Кодекс Шолотль", стр. 19 (10).

В то же самое время Несауалькойоцин решил закончить с подчинением того, что оставалось в его царстве, ибо дошло уж до того бесстыдство врагов, что в немногих лигах от города они разгуливали, устраивая людные празднества с военными упражнениями; и так он соединил своих людей с некоторыми мешиками, и он лично, и его дядя Искоуацин [Izcohuatzin], и Мотексома, распределив людей каждый в своей части, вышли с целью их преследования, и первым местом, куда они вышли навстречу своим неприятелям, был Коуатличан [Cohuatlichan], в двух лигах от города, где они

встретили некоторое сопротивление, но вскоре одержали победу; а другим — Непоуолько [Nepohuolco] у Акольуакана, где располагалось большое войско прямо на мосту, так что для того, чтобы иметь возможность овладеть им и переправиться на другой берег реки, перенесли немало усилий и смерть некоторых самых отважных воинов и полководцев Несауалькойоцина, сражавшихся в передних рядах, но вскоре, хотя уже вечерело и чуть смеркалось, была побеждена стража и бежала к Чиконаутле, а войско Несауалькойоцина провело эту ночь на берегах реки в наиболее подходящих местах, и в ту ночь отдали приказы о том, что следует делать на следующий день, что и сделали, подчинив Чиконаутлу [Chicuhnautla], Тепечпан [Tepechpa], Акольман [Acolma], Текойокан [Tecoyucan] и другие местности, хотя в Акольмане встретили сильное сопротивление, так как этот город был сильно укреплен полководцами-тепанеками, которые спаслись, и только спустя три дня после того, как подошли из Мешико, он был побежден с большими потерями, когда сожгли храмы и разрушили дома, и после этого был дан приказ перейти в Теотиуакан, в Куаутлацинко [Cuauhtlatzinco], и Ашапочко [Axapuzco], и Отомпан [Otumpan], и другие места, где произошли некоторые стычки и сражения, и повернули к Астакемеке [Aztaquemeca] и Семпоале, которые сдались и подчинились. Жители Тепеполько, Ауатепека и других мест пришли с некоторыми людьми и свежей едой, и они всегда были верны своему законному владыке, и сделали поворот, после того, как привели в порядок все дела, относящиеся к этим событиям, к Тлауэкапану [Tlahuecapan], и, наконец, вышли к Куаутитлану со множеством пленных и добычи изо всех покоренных мест. И после того, как они пришли в Мешико, устроили многочисленные празднества и жертвоприношения богам в память этой победы, принеся в жертву некоторых военачальников и доблестных мужей, хотя немногих в сравнении с тем, что было позже.

И по прошествии нескольких лет было достигнуто согласие между Несауалькойоцином и Искоуацином, чтобы в селении Тлакопан сделали бы владыкой, который был бы вместо Маштлы, владыки, бывшего в Аскапоцалько, и который стал называться владыкой тепанеков, Тотокиуатли [Totoquihuatli], таким образом, чтобы владыка Тешкоко и Мешико были бы равны в своей власти, а владыка Тлакопана не был таким же, как каждый из них[656].

После того как произошло все указанное, некоторые из знатных тескоканцев, и одна сестра Несауалькойоцина, и ее муж Ноноуалькатль, и владыки Уэшотлы, Коуатличана и Коуатепека, являвшиеся теми, кто был против него, опасаясь, чтобы за совершенную ими измену их не наказали, решили уйти и удалиться, что и сделали. Одни отправились в Тлашкалу, а другие в Уэшоцинко, а иные в Чалько, и с ними ушло много народа, и у них до сих пор есть потомки в тех местах; и когда Несауалькойоцин узнал, что некоторые знатные ушли, приказал, чтобы пошли вслед за ними и заставили

---

[656] Согласно Чимальпаину Тотокиуацин после падения Аскапоцалько прибыл в Теночтитлан и заявил о присоединении к союзникам. «История мексиканцев по их рисункам» сообщает, что это произошло на третий год после начала войны, т.е. в 1430 г. (История мексиканцев по их рисункам. — С. 634.).

их вернуться, но те сказали, чтобы он простил их, и что они могут вернуться, поскольку не хотели бы жить в Тешкоко, и так ушли.

Несауалькойоцин приказал некоторым посланцам, чтобы они отправились в Мешико и привели некоторых мастеров [oficiales] во всех ремеслах для Тешкоко, и те, узнав о воле Несауалькойоцина, пришли в большом числе, и им дали земли, чтобы они на них жили, и затем он приказал, чтобы построили большое помещение для их идолов, что вскоре было принято к исполнению, и построили Ку и главное сооружение, и подобных до тех пор никогда не возводили. И он также приказал построить дома для себя, которые возвели большими и лучшими, чем когда-либо делали в этих землях, которые в настоящее время частично сохранились, а о разрушенных напоминают оставшиеся основания, а также очень большую ограду, от которой сегодня осталась некоторая часть, окруженная деревьями и кипарисами, и чтобы построить Ку и дома для дьявола, как и его собственные, прибыло много мешиков, и тепанеков, и они строили их вместе с тешкоканцами, которые называются и всегда назывались акольуаке.

Библиография

1. *Acosta J. R.* Resumen de los informes de las exploraciones arqueológicas en Tula, Hgo., durante las VI, VII Y VIII temporadas. 1946-1950 / Jorge R. Acosta // Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia, correspondientes a 1954. — México, 1956. — Tomo VIII, n. 37 de la colección. — P. 37–115.
2. *Alva Ixtlilxóchitl, Fernando de*. Obras completas / Publicadas y anotadas por Alfredo Chavero. Vol. 1: Relaciones. — México : Oficina tip. de la Secretaria de fomento, 1891.
3. *Antiquities of Mexico*: Comprising fac-similes of Ancient Mexican paintings and hieroglyphics, preserved in the Royal Libraries of Paris, Berlin and Dresden; in the Imperial library of Vienna; in the Vatican library; in the Borgian museum at Rome; in the library of the Institute at Bologna; and in the Bodleian library at Oxford. Together with the Monuments of New Spain, by M. Guillermo Dupaix: with their respective scales of measurement and accompanying descriptions. The whole illustrated by many valuable inedited manuscripts, by Lord Kingsborough: In 9 v. V. IX: The drawings on stone by H. G. Bohn. — London : Robert Havell and Colnaghi, 1848.
4. *Antiquities of Mexico*: Comprising fac-similes of Ancient Mexican paintings and hieroglyphics, preserved in the Royal Libraries of Paris, Berlin and Dresden; in the Imperial library of Vienna; in the Vatican library; in the Borgian museum at Rome; in the library of the Institute at Bologna; and in the Bodleian library at Oxford. Together with the Monuments of New Spain, by M. Guillermo Dupaix: with their respective scales of measurement and accompanying descriptions. The whole illustrated by many valuable inedited manuscripts, by Lord Kingsborough: In 9 vol. Vol. VI. — London : Robert Havell, 1831.
5. *Armillas, Pedro*. Teotihuacán, Tula y los toltecas. Las culturas post-arcaicas y pre-aztecas de centro de México. Excavaciones y estudios, 1922–1950 // Runa III. Buenos Aires : Instituto de Antropología, Universidad de Buenos Aires, 1950. — P. 37–70.
6. *Bernardino de Sahagún*. Historia General de las cosas de Nueva España. Vol. I. — México : Imprenta del Ciudadano Alejandro Valdés, calle de Santo Domingo y esquina de Tacaba, 1829. — 357p.
7. *Bernardino de Sahagún*. Historia General de las cosas de Nueva España. Vol. II. — México : Imprenta del Ciudadano Alejandro Valdés, calle de Santo Domingo y esquina de Tacaba, 1829. — 459p.
8. *Bernardino de Sahagún*. Historia General de las cosas de Nueva España. Vol. III. — México : Imprenta del Ciudadano Alejandro Valdés, calle de Santo Domingo y esquina de Tacaba, 1829. — 358p.
9. *Bernardino de Sahagún*. Historia General de las cosas de Nueva España. Tomo I. // www.artehistoria.jcyl.es/cronocas/autores/contextos/11500.htm.
10. *Bernardino de Sahagún*. Historia General de las cosas de Nueva España. Tomo II. // www.artehistoria.jcyl.es/cronocas/autores/contextos/11501.htm.
11. Bernardino de Sahagún. Historia general de las cosas de Nueva España. Tomo tercero / Bernardino de Sahagún. — México : Imprenta del ciudadano Alejandro Valdés, calle de Santo Domingo y esquina de Tacuba, 1830. — 344 p.
12. *Beyer, Hermann*. Bibliografía: Tribes and Temples // El México antigüo. Vol. 2, No 11–12. — México : 1927. — P. 305–313.
13. *Bierhorst, John* / Trans. and ed. History and Mythology of the Aztecs: The Codex Chimalpopoca. — Tucson: University of Arizona Press, 1992.
14. *Brinton* D. G. Annals of Caqchiquels. The Original text with a Translation, Notes and Introduction by Daniel G. Brinton // Library of Aboriginal American Literature. No. VI. — Philadelphia, 1885.
15. *Brinton, Daniel Garrison*. Were the Toltecs an Historic Nationality? // Proceedings of the American Philosophical Society. — 1887. — № 24 (126). — P. 229–241.

16. *Carrasco, David*. Quetzalcoatl and the Irony of Empire: Myths and Prophecies in the Aztec Tradition. — Chicago : University of Chicago Press, 1982. — 233 p.
17. *Charnay, Desiré*. La Civilisation Toltèque // Révue d'Ethnographie, IV. — Paris, 1885. — P. 281–301.
18. *Chimalpahin Cuauhtlehuanitzin, Domingo Francisco de San Antón Muñón*. Codex Chimalpahin: society and politics in Mexico Tenochtitlan, Tlatelolco, Texcoco, Culhuacan, and other Nahua altepetl in central Mexico: the Nahuatl and Spanish annals and accounts collected and recorded by don Domingo de San Antón Muñón Chimalpahin Quauhtlehuanitzin. The Civilization of the American Indian Series / Edited and translated by Arthur J.O.Anderson and Susan Schroeder. Vol. I. — Norman : University of Oklahoma Press, 1997. — 256 p.
19. *Chimalpahin, Francisco*. Diferentes historias originales de los reynos de Culhuacan Mexico, de otras provincias. — Hamburg : Kommissionsverlag Cram, de Gruyter, 1950. — 47 p.
20. *Codex Borgia*: Eine altmexikanische Bilderschrift der Bibliotek der Congregatio de Propaganda Fe. Herausgegeben auf Kosten Seiner Exellenz des Herzogs von Loubat … Erläutert von Dr. Eduard Seler. — Berlin, 1904. — Bd I. — 390 s. Tafel 1–28; 1906. — Bd II. — 358 s. Tafel 29–76.
21. *Codex Magliabechiano XIII. 3*: Manuscrit méxicain précolombien de la Bibliothèque Nationale de Florence. — Roma : Edición del Duque de Loubat, 1904. — 185 p.
22. *Códice Chimalpopoca*: Anales de Cuauhtitlan y Leyenda de los Soles / Transl. y ed. Primo Feliciano Velázquez. — México : UNAM, Imprenta Universitaria, 1945. — 161 p.
23. *Cowgill, George L*. The Central Mexican Highlands from the Rise of Teotihuacan to the Decline of Tula. / Mesoamerica, part I (Richard E. W. Adams and Murdo J. MacLeod, eds.) // The Cambridge History of the Native Peoples of the Americas, vol. 2. — New York : Cambridge University Press, 2000. — P. 250–317
24. *Davies, Nygel*. The Aztecs. A History. — London : Macmillan, 1973. — 363 p.
25. *Davies, Nygel*. The Toltec Heritage: From the Fall of Tula to the Rise of Tenochtitlan. Civilization of the American Indian series, Vol. 153. — Norman : University of Oklahoma Press, 1980. — 401 p.
26. *Davies, Nygel*. The Toltecs: Until the Fall of Tula. Civilization of the American Indian series. — Norman : University of Oklahoma Press, 1977. — 551 p.
27. *Diehl, Richard A*. Tula: The Toltec Capital of Ancient Mexico. — New York : Thames and Hudson, 1983. — 184 p.
28. *Durán, Diego*. Historia de las Indias de Nueva España e islas de la Tierra-Firme. Vol. 1. — México : Imprenta de J. M. Andrade y F. Escalante, 1867. — 551 p.
29. *Florescano, Enrique*. El mito de Quetzalcóatl. — México : Fondo de Cultura Económica, 1995. — 400 p.
30. *Florescano, Enrique*. Quetzalcóatl y los mitos fundadores de Mesoamérica. — México : Taurus, 2004. — 376 p.
31. *Gaborit M*. Memoria histórica: relato desde las víctimas / Mauricio Gaborit // Pensamiento psicológico. — 2006. — № 6. — P. 7–20. — ISSN 1657-8961.
32. *Gerónimo de Mendieta*. Historia Eclesiástica Indiana / La publica por primera vez Joaquin Garcia Icazbalceta. — México : Antigua Libreria, Portal de Agustinos № 3, 1870. — 790 p.
33. *Gillespie, Susan D*. Toltecs, Tula, and Chichen Itza: The Development of an Archaeological Myth // *Twin Tollans: Chichen Itza, Tula, and the Epiclassic to Early Postclassic Mesoamerican World*, ed. by C. Kristan-Graham and J. K. Kowalski. — Washington, DC : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2007 — P. 84–127.

34. *Gingerich, Willard*. Tlamachilliztlatolçaçanilli. A Performance Translation of the Nahuatl «Wisdom-discourse Fables» from the Manuscript of 1558 // Estudios de Cultura Nahuatl. — 1998. — №28. — P. 159–196.
35. *Gómara, Francisco López de*. Historia de la Conquista de México / Ed. Jorge Gurria Lacroix. — Caracas (Venezuela) : Biblioteca Ayacucho, 1979. — 402 p.
36. *Graña-Behrens, Daniel* and *Christian Prager* and *Elisabeth Wagner*. The Hieroglyphic Inscription of the "High Priest's Grave" at Chichen Itza, Yucatan, Mexico // Mexicon. —1999. — №21 (3). — P. 61–66
37. *Graulich, Michel*. Los reyes de Tollan // Revista Española de Antropología Americana. — 2002. — №32. — P. 87–114.
38. *Hamy, Ernest Théodore*. Codex Telleriano-Remensis: Manuscrit mexicain du cabinet de Ch.-M. Le-Tellier, Archèveque de Reims à la Bibliothèque Nationale (Ms. Mexicain № 385). — Paris : Imp. Burdin, 1899. — 211 p.
39. *History and Mythology of the Aztecs*: The Codex Chimalpopoca / Transl. and ed. by John Bierhorst. — Tucson : University of Arizona Press, 1992. — 238 p.
40. *Humboldt, Alexander von*. Vue de Cordillères et monuments des peuples de l'Amérique. — Paris : Imprimérie de J. H. Stone, 1810. — 439 p.
41. *Il Manoscritto Messicano Vaticano 3738* detto Il Codice Rios / Riprodotto in fotocromografia a spese di sua Eccelenza il Duca di Loubat per cura della Biblioteca Vaticana. — Roma : Stabilimento Danesi, 1900. — XII + 118 p.
42. *Kavanagh W*. Fray Bernardino de Sahagún [Recurso electrónico] : el precursor, tan escasamente conocido, de la Antropología Sociocultural. — Madrid : CEU Ediciones, D.L., 2012.
43. *Landa, Diego de*. Relación de las cosas de Yucatán // Collection de documents dans les langues indeènnes pour servir à l`etude de l`histoire et de la philologie de l`Amérique Ancienne. Volume Troisième. — Paris, 1864. — 346 p.
44. *Lehmann, Walter* / Ed. & trans. Die Geschichte der Kiinigreiche von Colhuacan und Mexico. Quellenwerke zur alten Geschichte Amerikas, vol. l. — Stuttgart und Berlin : Verlag von W. Kohlhammer, 1938. — 391 p.
45. *León-Portilla, Miguel*. Los antiguos mexicanos a través de sus crónicas y cantares. — México : Fondo de Cultura Económica, 1961. — 224 p.
46. *Lévy-Bruhl, Lucien*. La Mentalité primitive. — Paris : Librairie Féliz Alcan, 1922. — 537 p.
47. *Lienzo de Tlaxcala*. Publicado por Alfredo Chavero. — México, 1892.
48. *Lorenzo Franciosini*. Vocabulario italiano e spagnuolo. Parte Prima. — Roma : Stamperia della R. Cam. Apost., 1638. — 691 p.
49. *Marchetti, Magda*. Hacia la edición crítica de la Historia de Sahagún // Cuadernos Hispanoamericanos. — [Madrid], 1983. — №396. — P. 505–540.
50. *Markman, Roberta* and *Peter Markman*. The Flayed God: The Mesoamerican Mythological Tradition. — San Francisco : Harper San Francisco, 1992. — 496 p.
51. *Maudslay* A. P. Biologia Centrali-Americana. Archaeologia. Vol. II. — London : R. H. Porter and Dulau, 1889–1902.
52. *Máynez, Pilar*. Fray Bernardino de Sahagun, Codice Florentino, Historia general de las cosas de la Nueva Espana (Reseña de libro) // Estudios de cultura Nahuatl. — 2003. — № 34. — P. 496–501.
53. *Mendieta, G. de*. Historia Eclesiastica Indiana. — México, 1870.
54. *México* descubre el primer sacrificio de niños en cultura tolteca TULA, México // Reuters. — 17.04.2007. — Режим доступа: http://www.20minutos.es/noticia/223984/0/mexico/arqueologia/ninos. — Название с экрана.

55. *Moreno Jiménez, Wigberto*. Mesoamerica durante la época pre-tolteca // Esplendor del México Antigüo. T. 2. — México : Centro de
, 1959. — P.1019–1108.
56. *Nicholson, Henry B*. Topiltzin Quetzalcoatl: The Once and Future Lord of the Toltecs. —Boulder : University Press of Colorado, 2001. — 360 p.
57. *Paso y Troncoso, Francisco del*. Leyenda de los soles, continuada con otras leyendas y noticias // Biblioteca Náuatl. — [México], 1903. — №5:1. — P. 1–40.
58. *Pérez Serrano J.* Experiencia histórica y construcción social de las memorias: la transición española a la democracia / Julio Pérez Serrano // Pasado y memoria: Revista de historia contemporánea. — 2004. — № 3. — P. 93–124. — ISSN 1579-3311.
59. *Quiñones Keber, Eloise*. Codex Telleriano-Remensis: ritual, divinations and history in a pictorial Aztec manuscript. — Austin : University of Texas Press, 1995. — 384 p.
60. *Relaciones de Yucatán* / Collección de documentos inéditos relativos al descubrimiento, conquista y organizaciónde los antiguos posesiones españolas de Ultramar. Segunda serie. Tomo núm. 11. — Madrid : Sucesores de Rivadeneira, 1898. — 438 p.
61. *Rounds, John*. The Role of the Tecuhtli in Ancient Aztec Society // Ethnohistory. — 1977. — Vol. 24, No. 4, Autumn. — P. 343–361.
62. *Schele, Linda* and *Peter Mathews*. The Code of Kings: the Language of Seven Sacred Maya Temples and Tombs. — New York : Scribner, 1998. — 432 p.
63. *Séjournée, Laurette*. Teotihuacan, capital de los Toltecas. — México : Siglo Veintiuno Editores, 1994. — 292 p.
64. *Smith, Michael E*. Tula and Chichen Itza: Are We Asking the Right Questions? // Twin Tollans: Chichen Itza, Tula, and the Epiclassic to Early Postclassic Mesoamerican World, ed. by C. Kristan-Graham and J. K. Kowalski. — Washington, DC : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 2007. — P. 577–617.
65. *Soustelle, Jacques*. Les Olmèques. La plus ancienne civilization du Méxique. — Paris : Arthaud, 1979. — 221 p.
66. *Sterpone, Osvaldo J*. La quimera de Tula // Boletín de Antropología Americana. — 2000–2001. — №37. — P. 141–204.
67. *Stuart, David* . "The Arrival of Strangers": Teotihuacan and Tollan // Mesoamerica's Classic Heritage. Eds. David Carrasco, Lindsay Jones and Scott Sessions. — Boulder : University Press of Colorado, 2000. — P. 465–513.
68. *The Maya Chronicles* / Edited by Daniel G. Brinton. — New York : AMS Press, 1969. — 97 p.
69. *Torquemada, Juan de*. Monarquía Indiana. De los veinte y un libros rituales y monarquía indiana, con el origen y guerras de los indios occidentales, de sus poblazones, descubrimiento, conquista, conversión y otras cosas maravillosas de la mesma tierra. Vol. 1. — México : UNAM, 1975. — 462 p.
70. *Torquemada, Juan de*. Monarquía Indiana. De los veinte y un libros rituales y monarquía indiana, con el origen y guerras de los indios occidentales, de sus poblazones, descubrimiento, conquista, conversión y otras cosas maravillosas de la mesma tierra. Vol. 3. — México : UNAM, 1977. — 437 p.
71. *Vaillant, George Clapp*. A Correlation of archaeological and historical sequences in the Valley of Mexico // American Anthropologist. Menasha. — 1938. — Vol. 40, No 4, pt.1. — P. 539–544.
72. *Vaillant, George Clapp*. Aztecs of Mexico: Origin, Rise and Fall of the Aztec Nation. — Garden City, N.Y. : Doubleday & Doran, 1941. — 340 p.
73. *Аверинцев С. С.* Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. — 1970. — № 3. — С. 113–143.
74. *Андрущенко В.* Організоване суспільство. Проблема організації та суспільної самоорганізації в період радикальних трансформацій в Україні на рубежі століть.

Досвід соціально-філософського аналізу. — К. : ТОВ «Атлант ЮемСі», 2005 — 498 с.
75. *Ассман А., Ассман Я.* День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная память / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Bonn : Westdeutsche Verlag, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/memory/research/51658. — Название с экрана.
76. *Ассман А., Ассман Я.* День вчерашний в дне сегодняшнем. Средства массовой информации и социальная пам'ять. 2. Формации социальной памяти / Алейда Ассман, Ян Ассман // Реальность медиа. Введение в науку о коммуникации. — Bonn : Westdeutsche Verlag, 1994. — Режим доступа: http://www.urokiistorii.ru/51659. — Название с экрана.
77. *Ассман Я.* Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — (Studia historica). — ISBN 978-5-94457-176-4.
78. *Барт Р.* Миф сегодня / Р. Барт // Семиотика. Поэтика: избр. раб. − М. : «Прогресс»; «Универс», 1994. − С. 72–130.
79. *Березкин Ю. Б.* Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. — Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/. — Название с экрана.
80. *Березкин Ю. Е.* Мифология аборигенов Америки: Результаты статистической обработки ареального распределения мотивов // История и семиотика индейских культур Америки. — М. — 2002. — С. 259–346.
81. *Бернардино де Саагун*. Обычаи и верования / Бернардино де Саагун, пер. с исп. С. А. Куприенко // Kuprienko — научное издательство: книги, статьи, публикации. — Киев, 2006. — Режим доступа: http://kuprienko.info/fray-bernardino-de-sahagun-creencias-y-costumbres/.
82. *Бойко О.* Феномен соціальної пам’яті: основні концептуальні підходи до аналізу та інтерпретації / Олександр Бойко // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ : ІПІЕНД, 2013. — С. 35–78. — ISBN 978-966-02-6839-5.
83. *Вайян Дж.* История ацтеков / Пер. с англ. М. И. Баранович; под ред. и с предисл. В. В. Струве. — М., 1949.
84. *Всеобщая история вещей Новой Испании*, написанная братом Бернардино де Саагуном: Флорентийский кодекс. Книга III: Происхождение богов / Бернардино де Саагун. — Режим доступа: http://www.wdl.org/ru/item/10614/. — Название с экрана.
85. *Всеобщая история вещей Новой Испании*, написанная братом Бернардино де Саагуном: Флорентийский кодекс. Книга VII: солнце, луна, звезды и связь лет / Бернардино де Саагун. — Режим доступа: http://www.wdl.org/ru/item/10618/. — Название с экрана.
86. *Долгих О. Б., Померанцева Э. В.* Мифологические сказки и исторические предания нганасан. — М. : Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1976.
87. *Историки Доколумбовой Америки и Конкисты*. Книга первая. Фернандо де Альва Иштлильшочитль. Хуан Баутиста Помар. — К. : Либідь, 2013. — 504 с.
88. *История мексиканцев по их рисункам* / Перевод на англ. яз. и редакция Генри Филлипс Мл. Зачитано перед Американским Философским Обществом, 19 октября 1883 г. Записки Американского Философского Общества XXI: 616–651, 1883. Редакция Александр Ф. Кристенсен Английская версия — FAMSI. Перевод

с англ.яз. на русс.яз. / Sam. — 2007. — Режим доступа: http://indiansworld.org. — Название с экрана.
89. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. — 1990. — №2. — С. 58–69.
90. *Кассирер Э.* Философия символических форм: В 3 тт. Том 2. Мифологическое мышление / Пер. с нем. С. А. Ромашко. — М.-СПб. : Университетская книга, 2002. — 280 с. — (Книга света). — ISBN 5-94483-003-4.
91. *Кинжалов* Р. В. Культура древних майя. — Л. : Наука, Ленингр. Отделение, 1971.
92. *Киридон А.* Темпоральні сценарії репрезентації колективної пам'яті / Алла Киридон // Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ: ІПІЕНД, 2013. — С. 79–92. — ISBN 978-966-02-6839-5.
93. *Кнорозов Ю. В.* Заметки о календаре майя: монумент Е в Трес-Сапотес // Латинская Америка. — 1973. — № 6. — С. 81–90.
94. *Кнорозов Ю. В.* Иероглифические рукописи майя. — Л. : Наука, 1975. — 272 с.
95. *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. — М.-Л. : Изд-во АН СССР, 1963. — 663 с.
96. *Кнорозов Ю. В.* Этногенетические процессы в древней Америке // Проблемы истории и этнографии Америки. — М.: 1979. — С. 133–141.
97. *Кнорозов Ю. В., Ершова Г. Г.* Легенды о происхождении майя (миф и природная среда) // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики. — М. : Наука, 1988. — С. 247–256.
98. *Козеллек Р.* Минуле майбутнє. Про семантику історичного часу : пер. з нім. / Райнгарт Козеллек. — К. : Дух і літера, 2005. — 380 с. — ISBN 966-7888-94-0.
99. *Козолупенко Д. П.* Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры). Научное издание [Текст]: монография / Д. П. Козолупенко. — М.: Канон+, 2005. — 212 с. — ISBN 5-88373-184-8.
100. *Кольев А.* Политическая мифология: реализация социального опыта. — М. : Логос, 2003. — 384 с.
101. *Космина В. Г.* Проблеми методології цивілізаційного аналізу історичного процесу [монографія] / В.Г. Космина. — Запоріжжя : Запорізький національний університет, 2011. — 310 с. — ISBN 978-966-599-332-2.
102. *Культурология*. Энциклопедия в 2х томах / глав. ред. С.Я. Левит. — Т. 2. — М. : РОССПЭН, 2007. — 1392 с.
103. *Куприенко С. А.* Источники XVI–XVII веков по истории инков: хроники, документы, письма / ред. и пер. Сергей Анатольевич Куприенко. — К.: Видавець Купрієнко С.А., 2013. — 418 с. — ISBN 978-617-7085-03-3.
104. *Куприенко С. А.* От редактора // Исторические аспекты современных проблем правоведения: сборник научных статей / Е. Л. Венгеровский [и др.]; отв. ред. С. А. Куприенко, ред. А. В. Коваль. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 121 с. — (Право. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-10-1.
105. *Куприенко С. А.* Перуанская книга особой важности / Сергей Анатольевич Куприенко // Пачакути Йамки Салькамайва Х. де С. К., Куприенко С. А. Доклад о древностях этого королевства Перу / Хуан де Санта Крус Пачакути Йамки Салькамайва; Сергей Анатольевич Куприенко; Кристобаль де Альборнос. — Киев: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — С. 6–16. — (Южная Америка. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-09-5.
106. *Куприенко С. А., Талах В. Н.* Кодекс Мендоса / Ред. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. — К.: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 308 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-05-7.

107. *Куприенко С. А., Талах В. Н.* Мексиканская рукопись 385 «Кодекс Теллериано-Ременсис» (с дополнениями из Кодекса Риос) / Ред. С. А. Куприенко, В. Н. Талах. — К. : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 317 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-06-4.
108. *Лебон Г.* Психология толпы. — М., 1988. — 412 с.
109. *Леви-Брюль Л*. Первобытное мышление. — Л. : Атеист, 1930. — 337 с.
110. *Леви-Брюль Л*. Первобытное мышление. — М. : Красанд, 2012. — 338 с.
111. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. Сверхъестественное в первобытном мышлении — М. : Педагогика-Пресс, 1994.
112. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс; [пер с фр.]. — М. : Наука, 1985. — 536 с.
113. *Леон-Портилья М*. Философия нагуа : Исслед. источников / Пер. с исп. — Москва : Изд-во иностр. лит., 1961. — 384 с.
114. *Лобок А.* Антропология мифа. — Екатеринбург, 1997.
115. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. — М. : Академический проспект, 1994. — 303 с.
116. *Лосев А. Ф.* Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. — М. : Политиздат, 1991. — 524 с.
117. *Луман Н.* Введение в системную теорию (под редакцией Дирка Веккера). / [Никлас Луман]; пер. с нем. К. Тимофеева. — М. : Издательство «Логос», 2007. — 360 с. — ISBN 978-5-8163-0076-6.
118. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. — М. : Восточная литература, 2006. — 406 с.
119. *Мифологический словарь*. — М. : Советская энциклопедия, 1991. — 736 с.
120. *Міфологізація свідомості* в сучасному суспільстві. Автореф. дис. канд. філос. наук: 09.00.03 / Д.В. Усов; НАН України. Ін-т філос. ім. Г.С. Сковороди. − К., 2002. − 19 с. − укр. — Режим доступу: http://www.lib.ua-ru.net/inode/7550.html − Заголовок за екрану.
121. *Московичи С.* Век толп. — М., 1998. — 477 с.
122. *Нагорна Л.* Культура історичної пам’яті / Лариса Нагорна / Юрий Шаповал // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ : ІПІЕНД, 2013. — С. 9–34. — ISBN 978-966-02-6839-5.
123. *Пачакути Йамки Салькамайва Х. де С. К., Куприенко С. А.* Доклад о древностях этого королевства Перу / Хуан де Санта Крус Пачакути Йамки Салькамайва; Сергей Анатольевич Куприенко; Кристобаль де Альборнос. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 151 с. : ил. — (Южная Америка. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-09-5.
124. *Полосин В. С.* Миф. Религия. Государство. — М. : Ладомир, 1999. — 440 с.
125. *Пропп В. Я*. Морфология сказки. — М. : Лабиринт, 2003. — 168 с.
126. *Раллев А. Б.* История архитектуры развивающихся стран. — К. : Вища школа, 1986.
127. *Саагун Б. де., Куприенко С. А.* Общая история о делах Новой Испании. Книги X–XI: Познания астеков в медицине и ботанике / Бернардино де Саагун, С. А. Куприенко. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 218 с. : ил. — (Месоамерика. Источники. История. Человек). — ISBN 978-617-7085-07-1.
128. *Сегела Ж.* Национальные особенности охоты за голосами. — М., 1999.
129. *Стеблин-Каменский М.И.* Миф / М.И. Стеблин-Каменский — Л. : Наука, 1976. — 104 с.
130. *Стингл* М. Индейцы без томагавков / Сокр. пер. с чешского В.А. Каменской и О.М. Малевича под ред. Р.В. Кинжалова. — М : Прогресс, 1971.
131. *Стингл* М. Тайны индейских пирамид / Пер. с чешского О.М. Малевича. Под ред. и с послесл. Р.В. Кинжалова. — М. : Прогресс, 1982.

132. *Талах В. Н., Куприенко С. А.* Америка первоначальная. Источники по истории майя, науа (астеков) и инков / Ред. и пер. В. Н. Талах, С. А. Куприенко. — Киев : Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 370 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-00-2.
133. *Талах В. Н., Куприенко С. А.* Кодекс Мальябекки / Ред. и пер. В. Н. Талах, С. А. Куприенко. — К.: Видавець Купрієнко С. А., 2013. — 202 с. : ил. — ISBN 978-617-7085-04-0.
134. *Топоров В. Н.* История и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.1. А-К. — М.: Советская энциклопедия, 1991. — С. 572–573.
135. *Топоров В. Н.* Космогонические мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т.2. К-Я. — М. : Советская энциклопедия, 1992. — С. 6–9.
136. *Флад К.* Политический миф. Теоретическое исследование. — М. : Прогресс-Традиция, 2004. — 264 с.
137. *Фрейденберг О.* Миф и литература древности. — М., 1978.
138. *Фрэзер Дж. Дж.* Симпатическая магия // Золотая ветвь: исследование магии и религии / пер. с англ. М. К. Рыклина. — М. : Политиздат, 1980.
139. *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. — М. : Новое издательство, 2007. — 348 с. — ISBN 978-5-98379-088-9.
140. *Хюбнер К.* Истина мифа. — М. : Республика, 1996. — 448 с.
141. *Шаповал Ю*. Вступ / Юрий Шаповал // Культура історичної пам’яті: європейський та український досвід / [Ю. Шаповал, Л.Нагорна, О.Бойко та ін.]; за загальною редакцією Ю. Шаповала. — Київ : ІПІЕНД, 2013. — С. 5–8. — ISBN 978-966-02-6839-5.
142. *Элиаде М.* Мифы, сновидения, мистерии. — М., 1983.
143. *Юнг К. Г.* Архаичный человек // Проблемы души нашего времени: сб.ст. — М. : Флинта, 2006.
144. *Юнг К. Г.* О психологии бессознательного // Юнг К.Г. Собр. соч. Психология бессознательного. — М., 1997. — С. 103–229.

Приложение 1

Сведения по генеалогии Фернандо де Альва Иштлильшочитля

(Рукопись №243 из Парижской Национальной библиотеки, fol. 16r–16v)

Первыми владыками Теотиуакана и его окрестностей были следующие: Шолоцин [Xolotzin], царь чичимеков был первым, кто овладел этими землями Теотиуакана и его окрестностей после тольуа [tolhuas], и он даровал все это своей сестре [Томейауцин] и женил ее на Точинтеутли [Tochinteuhtli].

Томейауцин имела двоих сыновей: Уэцина [Hetzin] и Кецальмамаликцина [Quetzatlmamalictzin]. Кецальмамаликцин был разгромлен и лишен своего царства Несауалькойотлем, и после того, как Несауалькойотль восстановил его на его владении, и женил на своей дочери Цинкецальпостекцин [Tzinquetzalpoztectzin], и они имели двоих сыновей, унаследовал владение старший, которым был Коцацицин [Cotzatzitzin], женатый на Кауиуицин [Quauhyhuitzin], дочери Несауальпильцинтли, и они имели только двух дочерей, которыми были Амашолоцин [Amaxolotzin] и Теусиуацин [Teuhcihuatzin], и унаследовала владение Амашолоцин.

Амашолоцин вышла замуж за Шиутотоцина [Xiuhtototzin], и они имели одного сына, которого звали Манауацин [Manahuatzin]; и вскоре умерла Амашолоцин, и Шиутотоцин еще раз женился на своей свояченице Теусиуацин (и в связи с тем, что пришли испанцы и принесли христианство, и крестилась Теусиуацин, ей дали имя донья Магдалена), и от нее Шиутотоцин имел сына, которого назвали дон Франсиско Вердуго Кецальмамаликцин Уэцин [Fran[cis]co Verdugo Quetzalmamalictzin Huetzin], унаследовал владение Манауацин. Манауацин умер без наследника, ему унаследовал дон Франсиско Вердуго.

Дон Франсиско Вердуго Кецальмамаликцин Уэцин женился на Ане Кортес Истлишочиль [Ana Cortes Yztlixuchil] из потомков Несауалькойотля[657], и они имели одну дочь, которую звали донья Кристина Франсиска Вердуго Кецальмамаликцин Уэцин Истлильшочиль [Christina Francisca Verdugo Quetzalmamalictzin Huetzin Yztlixuchil].

Донья Кристина Франсиска Вердуго вышла замуж за Хуана Гранде, и они имели троих детей, которыми были донья Ана Кортес Истлишочиль [Ana Cortes Yztlixuchil], донья Хуана Кортес [Juana Cortes] и дон Луис, умерший ребенком; владение унаследовала донья Ана.

[657] Дочь Иштлильшочитля II, внука Несауалькойотля, и Беатрис Папанцин, дочери правителя ацтеков Куитлауака.

Донья Ана Кортес Истлишочиль вышла замуж за Хуана де Навас Переса де Пераледа [Ju[an] de Navas Peres de Peraleda], и они имели одиннадцать детей, которыми были: дон Франсиско, дон Фернандо[658], донья Анна, дон Херонимо, донья Хуана, дон Матео, дон Луис, дон Кристобаль, донья Магдалена, дон Бартоломе и дон Лукас. Унаследовал владение дон Франсиско де Навас Перес де Пераледа [Fran[cis]co de Navaz Peres de Peraleda].

Дон Франсиско де Навас Перес де Пераледа женился на донье Марии Кавальеро, испанке [Maria Cavallero cachupina], и они умерли без наследников. Унаследовал владение дон Фернандо Перес де Пераледа [Fernando Peres de Peraleda].

[658] Фернандо де Альва Иштлильшочитль.

Ключевые слова: XV век, XVI век, XVII век, акольуа, архаичное сознание, архетип, Бернардино де Саагун, боги, В. Г. Космина, время, Всеобщая история о делах в Новой Испании, Доколумбова Америка, доколумбовы цивилизации Центральной Мексики, жречество, идолы, индейская лексика, Индейская монархия, индейцы, история, история ацтеков, история доколумбовых цивилизаций Америки, история Латинской Америки, история Мексики, история религии, источники, католицизм, Кецалькоатль, Кодекс Борджиа, Кодекс Риос, Кодекс Теллериано-Ременсис, Кодекс Чимальпопоки, Кодекс Шолотль, колонии Испанской империи, космология, Латинская Америка, легенды, Легенды о Солнцах, Летописи Куаутитлана, лингвистика, Мексика, мексиканцы, Месоамерика, методология истории, мешики, мировые эпохи, миф, мифологическое сознание, мифология, науа, науатль, Несауалькойотль, Никлас Луман, опыт, память, пантеон, перевод, происхождение ацтеков, пространство, религия, рукопись, святилище, синтез культур, системно-коммуникативная теория, сотворение мира, Тола, Толлан, тольтеки, Тула, Фернандо де Альва Иштлильшочитль, филология, философия, Флорентийский кодекс, христианизация, Хуан де Торкемада, Центральная Америка, цивилизационный анализ исторического процесса, этнография

Keywords: XV century, XVI century, XVII century, acolhua, archaic consciousness, archetype, Bernardino de Saagun, gods, V. G. Kosmina, time, General history about affairs of New Spain, pre-Columbian America, pre-Columbian civilisations of the Central Mexico, priesthood, idols, American Indian lexicon, American Indian monarchy, Indians, history, history of Aztecs, history of pre-Colombian civilisations of America, history of Latin America, history of Mexico, religion history, sources, Catholicism, Quetzalcoatl, Codex Borgia, Codex Rios, Codex Telleriano-Remensis, Codex Chimalpopoca, Codex Sholotl, colonies of the Spanish empire, cosmology, Latin America, legends, Legends about the Sun, Quautitlan's chronicles, linguistics, Mexico, Mexicans, Mezoamerica, history methodology, mexicas, world eras, myth, mythological consciousness, mythology, nahua, nahuatl, Nezahualcoyotl, Niklas Luhmann, experience, memory, pantheon, translation, the origin of Aztecs, space, religion, manuscript, sanctuary, synthesis of cultures, system and communicative theory, world creation, Tola, Tollan, Toltecs, Tula, Fernando de Alva Ixtlilxochitl, philology, philosophy, Florentine Codex, Juan de Torquemada, Central America, civilizational analysis of historical process, ethnography

Самостійне детерміноване мережне електронне
Наукове видання

СКАЗАННЯ ПРО СОНЦЯ
Міфи та історичні легенди науа
(російською мовою)
За редакцією і в перекладі С. А. Купрієнка та В. М. Талаха

СКАЗАНИЯ О СОЛНЦАХ
Мифы и исторические легенды науа
Под редакцией и в переводе С. А. Куприенко и В. Н. Талаха

Коректори
С. А. Купрієнко
В. М. Талах

Формат А4.
Гарнітура Times New Roman, Book Antiqua.

Видавець Купрієнко Сергій Анатолійович.
Україна, м. Київ, вул. Бережанська, 20-56
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи серія ДК №4482 від 12.02.2013 р.

месоамерика

источники

история

человек

СКАЗАНИЯ
О
СОЛНЦАХ

Мифы и исторические
легенды науа

ISBN 978-617-7085-11-8